80 коп.

Индекс 70544

Арка в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне в г. Кишиневе и памятник медикам-героям в Москве.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 5 · 1989

ISSN 0131—2251

Леонид Максимович ЛЕОНОВ

К 90-летию со дня рождения

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: рис. Г. Комарова.
Вторая страница обложки журнала: фото Н. Кочнева.
Четвертая страница обложки журнала: фото К. Кириллова.

«Молодая гвардия». 1989. № 5. 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

Иван СТАДНЮК

МОСКВА, 41-й

РОМАН

МЕЧ НАД МОСКВОЙ

КНИГА ВТОРАЯ

Рис. В. Кухарука

1

9 сентября 1941 года, после разгрома ельнинской группировки немцев, Жукова вызвали с фронта в Москву...

Был десятый час вечера. В освещенной электрическим светом кремлевской квартире Сталина, при плотно зашторенных окнах, собрались члены Политбюро. На скатерти стола, вокруг которого сидели Молотов, Микоян, Маленков, Каганович, Берия, а также Жуков и Мехлис, высилась тонконогая хрустальная ваза, наполненная кистями бурого крупного винограда, в плоских вазах лежали груши дюшес и бархатистые красно-желтые персики; на овальных фарфоровых тарелках — нарезанные брынза, ветчина и колбаса. На краю стола — бутылки со светлым и красным вином. На них были наклеены полоски белой бумаги с машинописными (заглавными буквами) надписями: «Цинандали», «Хванчкара», «Твиши».

Все внимательно вслушивались в разговор Сталина и генерала армии Жукова, которому уже было предложено вступить в командование Ленинградским фронтом и Балтийским флотом. Жуков изъявил готовность немедленно приступить к выполнению задания, что говорило о нетерпеливом желании сейчас же ехать в Генеральный штаб и засесть там за уточнение оперативной обстановки вокруг окончательно блокированного вчера немецко-фашистскими войсками Ленинграда. Но Сталин, прохаживаясь с дымящей трубкой во рту по столовой, не торопился его отпускать, будто еще в чем-то сомневался.

— Присядьте все-таки к столу, угоститесь чем-нибудь, — вновь предложил он Жукову.

Жуков молча отодвинул от торца стола полумягкий стул, сел и положил на тарелочку грушу. Взяв нож, разрезал ее пополам.

— Вот примерно так, товарищ Жуков, вы должны рассечь блокадное кольцо немцев на сухопутье да еще при помощи Балтфлота и двух военных флотилий заломить им за спину руки, — с чуть заметной улыбкой сказал Сталин, наблюдая, как Жуков наколол на вилку кусочек груши. — В тяжком положении оказался Ленинград... Противник захватил Шлиссельбург, а вчера разбомбил Бадаевские продовольственные склады... По Карельскому перешейку наступают на город финские войска, а группа

Первая книга опубликована в № 5, 6, 7 «Молодой гвардии» за 1985 г.

немецких армий «Север», усиленная четвертой танковой группой, таранит город с юга... С Ленинградом по сухопутью у нас теперь связи нет. Так что имейте в виду: вам придется лететь через линию фронта или над Ладожским озером, которое тоже контролируется немецкой авиацией.

В голосе Сталина явственно прозвучала тревога за безопасность перелета Жукова в Ленинград. Георгий Константинович молча ел грушу и сумрачно глядел в тарелку.

Сталин, будто для того, чтоб развеять его тревожную догадку, продолжил разговор о Ленинграде:

— Вы, товарищ Жуков, извините, что воспроизводим обстановку вокруг Питера, которая вам, как члену Ставки, известна по каждодневным сводкам Генштаба. Но я по себе знаю: когда лишний раз проникнешь мыслью в проблему, обязательно увидишь эту проблему чуть объемнее, а то и найдешь новые подходы для ее решения. Это, по Ленину, и есть диалектика мышления, которую он понимал как теорию познания.

— Могу сказать, — поддержал Сталина Молотов, — что эта формула зафиксирована Владимиром Ильичем в его фрагменте, именуемом «К вопросу о диалектике».

Сталин кивнул в знак согласия и вновь обратился к Жукову:

— Так вот... Вчера немцы начали новое наступление на Ленинград. Главный удар восемью дивизиями они наносят из района западнее Красногвардейска, а вспомогательный — из района южнее Колпино... Надо ломать голову над тем, как перегруппировать наши силы и где наскрести резервы...

Подойдя к столику с телефонами, Сталин положил в пепельницу потухшую трубку, а с книжной полки взял вторую трубку — с коротким гнутым чубуком. Понянчил ее на ладони, будто взвешивая, всмотрелся в тисненые надписи на коричневом корпусе-чашечке из верескового корня и тихо произнес:

— «Риал-Бриар»... «Фламинго»... Знаменитая фирма... Прежде чем продавать свои трубки, их долго обкуривают в море... — Потом вновь устремил грустный взгляд в сторону обеденного стола и вернулся к своим прежним мыслям: — Ставка поручила товарищу Ворошилову решать архисложную задачу, назначив его главнокомандующим войсками Северо-Западного направления. Это — два

фронта и Балтфлот. На труднейшей местности... Правильно решил ГКО, что в новых условиях расформировал Главное командование, подчинив фронты Ставке.

— Но, может, сейчас, когда Северный фронт разделен на два — Карельский и Ленинградский — Клименту Ефремовичу Ворошилову не стоит покидать Ленинград? — спросил Жуков, подняв взгляд на Сталина.

— Вы что, обсуждаете решение Ставки о вашем назначении?..

— Никак нет, товарищ Сталин! Я посчитаю за честь быть заместителем у маршала Ворошилова!.. Не зря о нем песни в народе поют!

Сталин не отрывал глаз от лица Жукова, будто удостоверяясь в искренности его слов, а потом вдруг, посветлев лицом, тихо засмеялся и сказал:

— Песня песне рознь. Когда мы начали насыщать армию моторами и сокращать кавалерию, появилась и такая песенка. Мне дочь принесла ее из школы, — и Сталин, прокашлявшись и взглянув на Берию, тихо запел:

Товарищ Ворошилов,
война уж на носу,
а конница Буденного
пошла на колбасу...

Все за столом рассмеялись, кроме Берии, а Сталин, будто не слыша смеха, строго сказал Жукову:

— Ворошилову найдется другое дело, возможно, не менее ответственное. Война ведь со всех сторон грозит нам бедами... А как вы, товарищ Жуков, оцениваете обстановку на Московском направлении?

Жуков промокнул салфеткой влажные губы и неторопливо, но жестко и уверенно стал излагать мысль о том, что группа немецких армий «Центр» понесла в летних боях тяжелые потери и должна сейчас пополняться. И кроме того, немцы, не завершив операцию под Ленинградом и не соединившись с финскими войсками, едва ли начнут наступление на Москву.

В столовой воцарилась тишина. Все будто всматривались в стратегическую ситуацию, изображенную Жуковым. Сталин прохаживался по ковру и глядел себе под ноги. Он, видимо, тоже мысленно примерял свои соображения к услышанному от Жукова.

Потом разговор перекинулся к тяжелейшей обстановке на Юго-Западном направлении и о необходимости смены там командования. Жуков, предполагая, что вызовет гневный протест Сталина, с жестким упрямством вновь высказался за то, что надо немедленно оставить Киев, отвести всю киевскую группу наших войск на восточный берег Днепра и за ее счет создать где-то в районе Конотопа резервный кулак... На этот раз Сталин не возражал Жукову. При всеобщем напряженном молчании он позвонил маршалу Шапошникову и приказал ему переговорить по этому поводу с военным советом Юго-Западного фронта и готовить директиву Ставки.

— Что вас еще впечатлило в Ельнинской операции? — Сталин перевел разговор на другое. Он присел рядом с Жуковым к столу, налил себе в бокал красного вина и разбавил его водой из графина.

— Умение немцев воевать... — вздохнув с облегчением, стал отвечать Жуков. — Оборону, как я уже говорил, строят они железную. Контратакуют нисколько не хуже нас. Пока весьма крепок у них и моральный дух — войска вышколены.

— О какой морали фашистов может идти речь? — заметил Молотов.

— Я имею в виду чисто воинский, солдатский дух, — с нажимом на последние слова уточнил Жуков. — Допрашивал я одного их танкиста под Ельней... Этакий нибелунг, каких мы видели в старом кинофильме: высокий, белокурый — красивый мерзавец. Словом, чистокровный ариец. Задаю ему через переводчика вопросы. Отвечает четко и бесстрашно: он — механик-водитель второй роты, второго батальона десятой танковой дивизии... Эту дивизию, как и несколько других, мы расколошматили в клочья. Потом немцы увели их из ельнинского выступа и заменили свежими... Так вот... Задаю пленному новые вопросы. Перестал отвечать... «Почему не отвечаете?»... Молчит. Потом заявляет: «Вы военный человек и должны понимать, что я как военный человек уже сказал все то, что мог сказать — кто я и к какой части принадлежу. Ни на какие другие вопросы отвечать не могу. Потому что дал присягу. И вы не должны меня спрашивать, зная, что я военный человек, и не вправе от меня требовать, чтобы я нарушил свой долг и лишился чести». — Жуков умолк, обвел хмурым взглядом сосредоточенные лица членов Политбюро.

— Очень эффектно! — с ухмылкой откликнулся Моло-

тов. — А вспоминают они о своей чести, когда убивают и грабят мирных советских людей?..

— И когда наших пленных расстреливают! — запальчиво поддержал Молотова Мехлис. — Добивают раненых, бросают в огонь детей?!

— Этот танкист знал, кто его допрашивает? — поинтересовался Сталин, вставая из-за стола.

— И об этом я спросил у него, — Жуков продолжил рассказ. — «Нет, — говорит, — не знаю». Тогда я велел переводчику объяснить пленному, кто я такой. Никакой реакции... Выслушал, нагловато посмотрел на меня и отвечает: «Я вас не знаю. Я знаю своих генералов. А ваших генералов не знаю».

После короткой паузы Жуков вновь продолжил:

— Тогда я беру его на испуг: «Если не будете отвечать — придется вас расстрелять». Побледнел, но не сдался. Говорит: «Ну что ж, расстреливайте, если вы хотите совершить бесчестный поступок по отношению к беззащитному пленному. Расстреливайте. Я надеюсь, что вы этого не сделаете. Но все равно, я отвечать ничего сверх того, что уже сказал, не буду».

— Ну, что ж, — задумчиво сказал Сталин. — Такое поведение врага в плену заслуживает уважения.

— Но если б эти враги обращались и с нашими пленными так же, как мы с ихними! — продолжал негодовать Мехлис. — А что они с партизанами делают!.. Это считается у фашистов нормой, хотя знают, что мы их пленных не расстреливаем...

— Не надо говорить, товарищ Мехлис, о том, что известно нам и без слов, — спокойно прервал его Сталин.— Товарищу Жукову завтра лететь в Ленинград — лучше будем его напутствовать. Он, разумеется, и сам понимает, что при оценке противника нельзя сбрасывать со счетов и его морального состояния, учитывая, что пока он теснит нас... Я хочу напомнить, что сейчас в действующие части, защищающие Ленинград, влились тысячи добровольцев-питерцев. А на духовную закалку нашего рабочего класса тоже можно положиться...

— Да, товарищ Сталин, люди с рабочей закваской особенно тверды в бою, — согласился Жуков, отодвинув от себя тарелку с половиной груши.

— На всякий случай вы должны знать, — Сталин подошел к Жукову и притронулся трубкой к его плечу, — что Ворошилов и Жданов, формируя рабочие батальоны,

наделали ошибок. Небось до сих пор обижаются за то, что в конце июля товарищ Сталин строго отчитал их. Может, даже подумают, что именно из-за этого Ставка посылает в Ленинград Жукова, чтоб заменил Ворошилова.

— Не должны так подумать, — успокоительно сказал Молотов. — Дело ведь прошлое и вовремя ими исправленное.

— Товарищ Сталин, в чем же они там провинились? — спросил Жуков, с недоумением посмотрев на членов Политбюро, которые, по всей видимости, знали, о чем идет речь.

— Без нашего ведома Ворошилов и Жданов создали военный совет обороны Ленинграда, — жестковато пояснил Сталин. — А ведь такие мероприятия — в прерогативах правительства или, по его поручению, Ставки. Ну, ладно, самовольство — еще полбеды. Не подумали как следует... Но почему в военный совет обороны не вошли сами Ворошилов и Жданов? Как это можно было объяснить рабочему классу Ленинграда? Совсем не логично и не политично. А еще бóльшая их ошибка состояла в том, что приказали установить выборность командиров рабочих батальонов. Выборность!.. Понимаете?!

— Выборность командиров? — Жуков так удивился, что непроизвольно встал из-за стола и потянулся рукой в карман за пачкой с папиросами, но, вспомнив, что Сталин разрешает курить в своем присутствии одному лишь маршалу Шапошникову, не вынул папирос.

— Вот именно, выборность! — с ударением на последнем слове повторил Сталин. — А ведь выборное начало в батальонах может погубить армию. Выборный командир, по существу, безвластен, ибо в случае нажима на избирателей его мигом переизберут. А нам нужны, как известно, полновластные командиры. Стоит же ввести выборное начало в рабочих батальонах, оно сразу же, как зараза, распространится на армию, перекинется в партизанские отряды!.. Пришлось строго указать товарищам Ворошилову и Жданову и напомнить, что Ленинград — это вторая столица нашей страны. Военный же совет его обороны — не вспомогательный, а руководящий орган, и возглавлять его должны они сами, как представители Центрального Комитета!

— Что верно — то верно, — после паузы проговорил Молотов. Вячеслава Михайловича ждали неотложные де-

ла в его наркомовском кабинете, и он хотел побыстрее закруглить разговор. Но не удержался от своей привычки чем-либо озадачить Сталина. И, как бы между прочим, с легкой иронией спросил: — Но не слишком ли ты резок был в разговоре по прямому проводу со столь заслуженными людьми, как Ворошилов и Жданов? Немцы ведь могли подслушать. — Молотов знал: Сталин всегда беспокоился о том, чтоб враг во время переговоров со штабами фронтов не включился в телефонную линию.

— Не резок! — коротко и строго ответил Сталин. — Жданов перед войной в наших дискуссиях на Политбюро тоже не миндальничал, когда убеждал нас ни на грап не верить мирным по отношению к СССР заверениям Гитлера! Мы сомневались, колебались... Очень уж хотелось, надо было, на год-два избежать войны... Жданов оказался прав, а мы в своей нерешительности были не правы. Но это не значит, что сейчас товарищ Жданов имеет индульгенцию на самовольство и отсебятину.

В углу на столике, соседствовавшем с книжным шкафом, тихо зазвонил один из телефонных аппаратов. Сталин подошел к столику и безошибочно взял нужную трубку. Докладывал его помощник Поскребышев о том, что по прогнозам синоптиков утром на трассе Москва — Ленинград будет туман. Положив трубку, Сталин подошел к Жукову и, присаживаясь рядом с ним, сказал:

— Дали плохую погоду. Для вас — в самый раз. — И тут же на большом блокнотном листе написал:

«Ворошилову. ГКО назначает командующим Ленинградским фронтом генерала армии Жукова. Сдайте ему фронт и возвращайтесь тем же самолетом. Сталин».

Передавая записку Жукову, Сталин сказал:

— Приказ Ставки о вашем назначении будет отдан, когда прибудете в Ленинград...

— Ясно, товарищ Сталин... Разрешите мне взять с собой двух-трех генералов, которые могут быть там полезными мне.

— Берите кого хотите...

Вскоре генерал армии Жуков вошел в кабинет начальника Генерального штаба маршала Шапошникова. Все здесь было знакомо и так дорого Георгию Константиновичу, что у него заныло сердце. Огромный стол, за которым он провел семь тяжких месяцев — в раздумьях, поисках решений, изучениях карт, донесений, сводок, самых различных других документов, вначале кричавших о зреющей войне, а потом будто пропитавшихся кровью сражений, которые развернулись с севера до юга западных районов страны... Тот же мелодичный звон часов в резном футляре, возвышавшемся в дальнем углу, знакомая, на бронзовой стойке, настольная лампа с зеленым абажуром в бронзовой оправе, подставки для карт...

Борис Михайлович Шапошников выглядел очень усталым. Лицо темное с проступавшей болезненной серостью; ввалившиеся глаза будто просили пощады.

— Трудно, Борис Михайлович? — дрогнувшим голосом спросил Жуков, пожимая руку маршалу, поднявшемуся ему навстречу из-за стола.

— Каторга, батенька мой, — тихим голосом ответил Шапошников. — Война для штабистов — немилосердный и абсолютно бескомпромиссный экзамен. Невыносимо не только умственно, психически, но и физически.— И тут же неожиданно сказал, может, самое главное сейчас для Жукова: — Мы с Верховным размышляли, как может сложиться судьба войск Ленинградского фронта, если немцам все-таки удастся взять город...

— Вопрос так передо мной пока не ставился, — голос Жукова сделался гуще, в нем чувствовалась решительность. — Мне даны полномочия сделать все, чтоб спасти Ленинград.

— Я тоже очень надеюсь на вас, батенька мой. Но вам придется в своих решениях столкнуться, пожалуй, с самым умным и хитрым полководцем Германии. Генерал-фельдмаршал фон Лееб весьма образован, опытен и жесток... Армиями управляет искусно. Так что больше вдумывайтесь в то, что́ Лееб будет считать невозможным и немыслимым для сил вашего фронта, и старайтесь делать именно это — наперекор его предвидениям. И не спешите с решительными шагами, пока не создадите явного преимущества в силах хотя бы на одном-двух направлениях... И все-таки, — голос маршала стал еще глуше и болезненнее, — мы должны держать в уме, как спасти армию, если обстановка станет для нас неуправляемой...

Слова начальника Генерального штаба отдавались в сердце Жукова холодной тревогой, хотя в них содержались известные ему истины. Применительно к сегодняшнему Ленинграду эти истины приобретали устрашающую значимость, заставляли думать о непредвиденных необ-

ходимостях, с которыми придется там столкнуться, и властно звали навстречу смертельным опасностям. В этом — был Жуков...

Время торопило, и он сказал:

— Борис Михайлович, улетаю я завтра утром, и хотелось бы посидеть ночь над картами и самой важной документацией. Надо взвесить наши возможности, уяснить степень обеспеченности фронта хотя бы самым необходимым.

— Генерал-лейтенант Хозин все для вас приготовил, батенька мой, — успокоительно сказал Шапошников. — Он у нас в Генштабе возглавляет Ленинградское направление. И впредь будет нашим с вами постоянным связующим звеном.

Последняя фраза маршала несколько смутила Георгия Константиновича, ибо он намерился взять с собой в Ленинград именно генерала Хозина, с которым хорошо был знаком еще со времен гражданской войны; а главное — Михаил Семенович Хозин в 1938 году командовал Ленинградским военным округом и хорошо знает тамошний театр военных действий.

— Борис Михайлович, вы не будете возражать, если Хозин улетит со мной? — с чувством виноватости спросил Жуков. — Мне товарищ Сталин разрешил взять нескольких генералов — кто мне нужен. Хотя бы трех человек.

— Понимаю,— после короткого раздумья Шапошников горестно вздохнул. — Хозин действительно может оказаться для вас достойной опорой... Надо думать, кем заменить его здесь... Кого же еще возьмете с собой?

— Где сейчас генерал Чумаков?

— Федор Ксенофонтович Чумаков? — с приязненностью в голосе спросил Шапошников.

— Да, генерал танковых войск.

— Чумаков выполняет на Западном фронте важное задание Государственного комитета обороны!

— Если не секрет — какое?

— Надо уточнять некоторые пункты наших уставов — Боевого и Полевого. Это особенно касается построения боевых порядков во время наступления, обеспечения подразделений и частей огневыми средствами, организации огня... Война заставляет нас многое пересмотреть и переосмыслить в ведении боевых действий.

— Борис Михайлович, я прошу извинить меня, — Жукова мучило чувство неловкости, но он не мог не сказать о том, что ему подумалось. — Когда решается вопрос — кто кого, не время заниматься уставами. Внесите в них поправки директивными указаниями... Так будет проще и быстрее. А уставы ведь подлежат анализу и обсуждениям.

— Позвольте мне с вами не согласиться, дорогой Георгий Константинович, хотя вы правы насчет необходимости директив. — Маршал грустно посмотрел на Жукова из-за своего массивного стола и продолжил: — Боевой устав, например, должен быть при каждом командире подразделения постоянно — как его совесть... Впрочем, мы отвлеклись, но вы навели меня на мысль — отозвать генерала Чумакова с фронта, если только это удастся, и назначить его в Генштаб вместо Хозина... А кого еще возьмете с собой в Ленинград?

— Генерал-майора Федюнинского... Иван Иванович на Халхин-Голе командовал у меня мотострелковым полком. Надежный, хорошо, оперативно мыслящий мужик.

— Быть по-вашему, батенька мой. Но никого больше не дам. Нельзя совсем ослаблять Генеральный штаб.

2

На второй день утром, это было 10 сентября, самолет Ли-2 поднялся с Центрального аэродрома в небо, покрытое низкой, густой облачностью. В салоне в креслах сидели генерал армии Жуков, его одногодок сорокапятилетний генерал-лейтенант Хозин и генерал-майор Федюнинский, которому два месяца назад исполнился сорок один год. Казалось, возраст у всех троих не столь уж большой, но у каждого за спиной много трудных дорог, связанных с первой мировой и гражданской войнами, а у Жукова и Федюнинского — еще и бои с японцами на Халхин-Голе... И все становление Красной Армии на их плечах.

Посредине салона возвышалась привинченная к полу трехступенчатая стремянка с легким вращающимся одноногим стульчиком, на котором умостился воздушный стрелок, нырнув по грудь в прозрачный, врезанный в потолок явно не в заводских условиях, колпак, тоже вращающийся, с вмонтированным в него пулеметом на турели — для кругового обстрела. Заметив, что у стрелка кирзовые сапоги начищены до хромового блеска, Жуков

улыбнулся, представив себе, сколько времени потратил на это их обладатель. И подумал о том, что погода пока благоприятствует полету. Затем переметнулся мыслью в Ленинград, стараясь предугадать, как все там сложится. Подумал о том, как он, Жуков, начнет решать поставленную перед ним немыслимо тяжкую задачу, и с некоторой долей иронии вспомнил читанное в трудах военных классиков, кажется у фон Шлиффена, о том, что не македонская фаланга, а фаланга Александра Македонского разбивает персов на Гранике; не римские легионы, а легионы Цезаря переходят через Рубикон; драгуны Оливера Кромвеля побеждают при Нейзби... Верно, Шлиффен об этом писал, имея в виду огромное значение личности полководца, который возглавляет войско. И спросил сам у себя: а чего же достигнешь ты, товарищ Жуков, как личность, возглавив Ленинградский фронт? Хватит ли у тебя ума, решительности, энергии и еще чего-то необъяснимого, чтоб организовать и наэлектризовать все имеющиеся там силы для перелома хода борьбы? Сумеешь ли соединить в себе смелость с осторожностью? Удастся ли тебе навязать немцам оборонительно-наступательное сражение, которое способно принести успех?.. Много вставало вопросов, тонувших в полумраке неизвестности.

Опять вернулся мыслью к графу Альфреду фон Шлиффену, генерал-фельдмаршалу, известному идеологу германского империализма, перед которым преклоняются нынешние гитлеровские генералы и офицеры. У умного, пусть и враждебного нам по идеологии и оперативно-стратегическим концепциям противника тоже ведь надо учиться.

Мысленно связал последующие суждения Шлиффена с тем непростым положением, в котором оказался Сталин, как Верховный Главнокомандующий Советских Вооруженных Сил.

Шлиффен далее утверждал, что полководцу одновременно надлежит быть и выдающимся государственным человеком и дипломатом. Кроме того, он должен иметь в своем распоряжении несметно огромные суммы, которые поглощает война.

«Удовлетворить всем этим требованиям, — писал Шлиффен, явно преувеличивая роль полководца в войне, — может только монарх, который располагает совокупностью всех средств государства». Следовательно,

полководец должен быть монархом. Среди великих полководцев немецкий генерал-фельдмаршал выделял имена Александра Македонского, Карла Великого, Густава Адольфа, Карла XII, Фридриха Великого — все они родились монархами. Кромвель и Наполеон, доказав свои полководческие способности, произвели себя в монархи. Цезарь и Валленштейн поступили бы так же, если бы судьба не обошлась с ними столь трагически. Когда Рим оказывался в опасности, сенат назначал диктатора на правах монарха и тем самым давал ему возможность стать полководцем и разбить врага. Ганнибал не был и не стал монархом. Этот минус и привел к гибели полководца карфагенской республики.

Жукову подумалось о том, что в перечислениях монархов-полководцев фон Шлиффен позабыл о русских — Иване Грозном и Петре Великом...

Конечно же, если покопаться в закромах истории, то можно привести много примеров, которые опровергнут эти мудрствования бывшего начальника германского генерального штаба. Вспомнить хотя бы Суворова, Кутузова, Румянцева... Ведь, например, до нападения на СССР немецко-фашистских войск не Сталин, а Ворошилов, пусть со своими устаревшими взглядами на войну, был председателем Комитета обороны при Совете Народных Комиссаров. Да и положение Сталина в партии и государстве ничего общего не имеет с понятием монаршества... И вдруг подумал:

«Интересно было б спросить у Иосифа Виссарионовича, читал ли он фон Шлиффена?.. Если читал, то с чем не согласен, а с чем, может, и согласен, хоть малость. Во всяком случае, Сталин, принимая на себя тяжкую роль Верховного, несомненно, исходил, в ряду многих соображений, и из того, что он действительно является тем главным человеком в государстве, который, опираясь на ЦК партии, может контролировать расходование тех огромных сумм, которые поглощает война. И надеялся, что народ единодушно поддержит его».

В этом не могло быть никакого сомнения. Сущность духовной и созидательной силы народа каждодневно чувствуется в Москве по трагически-тревожному и предельно напряженному дыханию всего государства, по упруго пульсирующей силе глубинных родников, обретших вещественность в тяжком труде всех советских людей в ты-

лу, и осмысленно-фанатичной самоотверженности многомиллионного красного войска на фронтах... Он же, Георгий Жуков, как бы являясь порождением главной народной мысли и народных чувств, взращенных на полях кровавых битв, обязан был, да и имел на это право хотя бы для собственного понимания оценивать натуру Сталина и природу его деятельности со всеми их слагаемыми в настоящем и прошлом... Тут есть и еще на многие времена будет над чем размышлять до исступления, в чем-то утверждаясь и в чем-то, может, сомневаясь под изменчивыми ветрами времени и их политическим дыханием. Да и в его самого, Жукова, судьбу, в его деяния пытливая, жаждущая только правды человеческая совесть будет пристально и строго всматриваться сквозь чуткие увеличительные стекла мышления, пусть и наверняка найдутся алчные пожинатели выгодного урожая — будут корысти и самоутверждения ради складывать в один сноп правду и вымысел, связывать их сиюминутными веяниями.

Не просто замыкать мысль на этих вопросах. Ведь и он сам, Жуков, со смущенным недоумением задает себе сейчас жесткий вопрос: почему именно ему в наиболее критических ситуациях войны поручаются высшей властью задачи, решение которых граничит почти с невозможностью? И он устремляется им навстречу со сложным, обожженным холодом сомнения и пламенем веры, чувством. Высшая власть в государстве с непреклонной строгостью дает понять ему, что если не он, то, может, никто другой не осилит порученного. Так уж сложилось в Ставке и в Генеральном штабе. И это рождало у Жукова ясное понимание, что изменить он ничего не может, да и не хочет, и выбирать ему не из чего. Либо он превозможет очередную, вставшую перед ним неразрешимость, либо в ходе противоборства, в пылающем военном пожаре оборвется его жизнь. Хотя в глубине чувств не верил в это. В нем властно существовала какая-то непостижимая тайна человеческого состояния, суть которого — в истинном полководческом величии высокого дерзновенного накала и в то же время в естественной человеческой приземленности, когда не забываешь, что ты обыкновенный смертный, но только наделенный на каком-то отрезке жизни, в условиях войны, почти неограниченной властью над другими людьми, духовные возможности которых (пусть и немногих), может, нисколько не ниже

твоих собственных, если они даже не умножены на твой военный талант.

Да, Георгий Жуков испытывал то обременяющее, сплавленное с мыслью чувство, когда уже нельзя оглянуться назад и сделать иной выбор. Выбора не было, хотя и не мог пока ответить себе на вопрос, каким образом добьется перелома событий в данном случае на Ленинградском фронте. И добьется ли? Знал главное: израсходует всего самого себя, чтоб достичь перелома, или убедится, что это сделать невозможно. Было что-то унижающее, когда мелькала мысль о собственном «я», но и возвеличивающее, когда переступал через «я», забывал о нем и старался предугадать, как он все-таки выполнит то главное, что было намечено там, в Кремле и в Генеральном штабе, вознесут ли его крылья доблести к победе?..

Да, чтобы быть полководцем, умело выбирать из множества утвердившихся в истории и теории войн правил наиболее важные и не являющиеся заблуждениями, многие из которых таковы и есть, — надо обладать не только гибким умом, но и какими-то необъяснимыми чувствами, дьявольским наитием. Мало — не делать ошибок; нельзя допускать полурешений. Надо без всяких сомнений полагаться на себя. Может, именно такие качества делают Сталина непостижимо грозным, невозмутимо уверенным в своей власти, силе, воле? Само имя его внушает всем послушание и веру... Вон немцы как высмеяли его полководческие дарования в листовках, которыми засыпали наши оборонявшиеся под Смоленском войска! Нет, никто, читая эти листовки, не смеялся. С испугом отбрасывали. Мехлис, получив такую листовку вместе с политдонесением начальника политуправления Западного фронта, побоялся показывать ее Сталину. Пришел за советом в Генштаб — к нему, Жукову, у которого в кабинете в это время находился маршал Шапошников. Борис Михайлович и подсказал решение: Сталин должен прочитать листовку, но вместе с ней на его стол надо положить проект документа, гласящего, что с сего числа (то есть 8 августа 1941 года) он именуется не просто Главнокомандующим, а Верховным Главнокомандующим.

«Меня это не интересует», — бесстрастно сказал тогда Сталин, окинув хмурым взглядом членов Политбюро и военных, собравшихся на совещание. В этой фразе, в

прозвучавшем голосе, как бы высветлилась мысль, что выше имени «Сталин» ничего быть не может.

Потом он бегло прочитал немецкую листовку, отложил ее в сторону и, ни на кого не глядя, стал раскуривать трубку. После паузы сказал:

«Когда враги ругают — это хорошо... А вы пытаетесь подсластить мне пилюлю... Не нуждаюсь...»

Неловкое молчание нарушил маршал Шапошников:

«Иосиф Виссарионович, душевно прошу понять меня. Товарищ Ленин говорил, что война есть не только продолжение политики, она есть суммирование политики... А «верховность» власти предполагает руководство суммированной политикой плюс экономикой. Это азы современной военно-исторической науки. Войной действительно руководит верховная власть государства. И понятие войны замыкается не только в вооруженной борьбе на фронтах, а включает в себя и борьбу политическую, дипломатическую, экономическую».

Маршала поддержал Молотов:

«Коба, тут не подходит украинская поговорка: «Называй меня хоть горшком, только в печь не суй». Мне в отношениях с теми же англичанами очень важно опираться на самые высокие регалии советского руководства».

«Ладно, решайте, как хотите», — смягчившись, ответил Сталин.

Воспоминания Жукова прервал вышедший из пилотской кабины командир воздушного корабля — русоголовый, с удлиненным светлым лицом старший лейтенант. Дверь за ним осталась открытой, и шум двух самолетных моторов стал громче, будто приблизился.

Подойдя к Жукову, летчик наклонился над его креслом:

— Товарищ генерал армии, разрешите доложить!

— Докладывайте, — Георгий Константинович вблизи посмотрел в серые, чуть косящие глаза старшего лейтенанта, уловив в них тревогу.

— Разведка погоды доносит, что по нашему маршруту над Ладожским озером небо без облаков! Обойти нельзя!

— Ваше решение? — спокойно спросил Жуков.

— Решение приняли без меня! — ответил старший лейтенант. — Над Ладогой нас будет прикрывать звено истребителей!

— Добро, — Жуков утвердительно кивнул головой.

Затем старший лейтенант повернулся к воздушному

стрелку, восседавшему над стремянкой, и ладонью хлопнул его по сапогу. Из-под колпака, вобрав шею в плечи, выглянул юноша, совсем еще мальчик. Жуков только сейчас разглядел, что на нем кожаная тужурка. Командир корабля сказал стрелку, видимо, о погоде, о наших истребителях и опасности быть атакованными «мессершмиттами», вернулся в кабину, приглушив хлопком двери шум моторов, а Георгий Константинович, сбившись с прежнего течения мыслей, почему-то устремил их в далекое прошлое.

Такова уж натура человека: живет он будто сегодняшним днем и в то же время подсознательно ощущает в себе прожитые годы, берущие начало от далеких, размытых и туманных берегов детства, когда мысль и память сливаются воедино.

Георгий Константинович, задумываясь над своей непростой судьбой, возведшей его в ранг высокого военачальника, изумлялся тем шагам, поступкам и событиям поры своей молодости, тем стечениям обстоятельств, которые, вместе взятые, предопределяли его жизненный путь. Почему-то вспомнились два прапорщика из родной Стрелковки. Он, девятнадцатилетний, приехал тогда из Москвы в деревню повидаться с родными и земляками перед уходом на войну. Прапорщики разгуливали по улице вдоль пруда чуть хмельные, важные от воображаемого своего величия и в то же время в чем-то такие жалкие, нескладные, вызывавшие чувство неловкости и даже стыда за честолюбивую мелкость человеческой натуры. Конечно, командовавшие в армии взводами, начальствующие над двумя-тремя десятками бывалых солдат, они в собственном представлении видели себя незаурядными личностями.

А ведь ему, Гоше Жукову, тоже предстояло попасть в школу прапорщиков, ибо за плечами у него была трехклассная церковноприходская школа...

Нет, не хотел он стать похожим на прапорщиков-стрелковцев с их убогим миропониманием, и, когда его призвали на царскую службу, он не написал в казенной бумаге, какое имеет образование. И судьба Георгия начала слагаться, как и у многих других: прослужив рядовым, окончил потом «учебную команду» унтер-офицерской школы в городе Изюме Харьковской губернии. Там строевая муштра, наука окопной войны, штыковых и конных атак были поставлены основательно... После фев-

ральской революции его избрали председателем эскадронного солдатского комитета, затем членом полкового...

Не праздные это мысли, а холодившие запоздалой тревогой сердце. Стань он прапорщиком, последовали б очередные офицерские звания за необузданную храбрость и отличия в боях. Не будучи политически зрелым и по молодости ослепленный своими двумя Георгиевскими крестами, офицерскими погонами и офицерской властью, вдруг не сумел бы разобраться, с кем ему идти: с большевиками, меньшевиками, эсерами?.. Были ведь и такие, как он, из народа, которые пошли по чужой дороге, не сумев разглядеть в Октябрьской революции свою истинную судьбу. А если бы и его постигла такая тяжкая беда? Могло ведь случиться и такое из-за зеленого ума. И была б искалечена жизнь, может, доживал бы свой век испоганенно — в эмиграции, или постигла б участь, подобная тем, кого в свое время нарекали врагами народа только за одно то, что принадлежали когда-то к белым офицерам.

Нет! Уже и тогда ощущение правды жило в нем властно и призывно! Нутром чувствовал, куда и с кем идти. Двадцать пять лет просидел на коне, прокладывая свой путь. Унтер-офицерил, потом командовал в Красной Армии взводом, эскадроном, полком, дивизией, корпусом и куда выше!.. И постоянная учеба. Однако странно, что память изредка возвращала его к годам унтер-офицерской службы в царской армии. Еще тогда стало проявляться в нем военное призвание, еще там понял, в чем главная суть обучения и повседневного воспитания солдат, а также командования ими в бою. И стало властно пробуждаться в нем чувство стража родной земли... Среди начальствовавших над ним офицеров тоже было немало цельных натур, настоящих трудяг, умелых и разумных, не жалевших ни сил, ни сердца на подготовку армии. Но все-таки самое нелегкое свалилось на унтер-офицеров не только в обучении солдат, но и во время боевых действий. Может, впервые глубоко задумался над этим, когда в двадцать первом сам чуть не погиб от руки унтер-офицера из антоновской банды.

Это были жестокие схватки с армией в пятьдесят тысяч штыков и сабель. Бригада, в которой служил Жуков, оказалась крайне измотанной и обескровленной антоновцами. Однажды от окончательного разгрома спасли ее полсотни пулеметов, имевшихся на вооружении эскадронов. Тогда под Жуковым был особенно лихой конь: его прежнего хозяина Георгий застрелил в рукопашной схватке. И вот сложилась ситуация, когда отступавшие антоновцы вдруг развернулись для контратаки. Жуков не сдержал своего коня, и он вынес его шагов на сто вперед эскадрона. Но сзади уже послышались команды «шашки к бою», и он дал коню волю... Началась взаимная рубка, обагрившая кровью первый снег, покрывавший белой пеленой широкое поле, луг и опушивший кроны деревьев недалекого леса. Антоновцы вновь обратились в бегство. Жуков заметил, что один из них, по всей видимости командир, устремил своего коня по снежной тропке к опушке леса и кинулся с обнаженной шашкой в погоню. Видел, как удиравший суматошно нахлестывал плеткой лошадь то по правому, то по левому боку. Жуков настиг антоновца, замахнулся для рубки, но тот, бросив плетку налево, единым движением выхватил из ножен клинок и мгновенно, казалось, без размаха, рубанул своего преследователя поперек груди... Жуков не успел даже закрыться и выпал из седла, чувствуя, что на нем рассечены не только ремни от ножен шашки, кобуры пистолета и от бинокля, но и сукно на крытом полушубке...

Не подоспей тогда на выручку комиссар эскадрона, погибель была бы неминуемой. После боя посмотрели документы зарубленного антоновца и узнали, что он, как и Жуков, унтер-офицер, драгун; да еще изумились его громадному росту... У Жукова потом еще полмесяца болела грудь от сабельного удара.

Монотонное гудение самолетных моторов убаюкивало. Позади была напряженная ночь без сна. Георгий Константинович задремал, хотя мозг его не мог избавиться от мыслей о прошлом. Увидел себя во сне в лихой конной атаке, и вдруг воскрес в нем давно умерший страх, испытанный когда-то в схватке с другим антоновским офицером. Они стремительно летели друг на друга. Офицер на скаку выстрелил из обреза в Жукова, но попал в голову его коня. Падая, конь придавил своего седока... Жуков увидел над собой занесенный клинок. Однако удара не последовало — его упредил взмах сабли в руке подскакавшего взводного Ночевки... Но во сне привиделся ему не Ночевка, а Федя Чумаков — на лошади, почему-то в генеральской форме, с окровавленной саблей в руке... Вслед за Чумаковым подскакал... Кто же это? Ба-а!.. Федюнинский!.. Звезда Героя Советского Союза на

гимнастерке, и тоже генеральские звезды в петлицах!.. Мысли во сне ворочались вязко, были похожи на полубред, от которого невозможно избавиться... Федюнинский, восседая на гарцующем скакуне, держал под мышкой правой руки легкий, дпковинного образца, пулемет и палил из него в небо...

Жуков проснулся от всамделишных пулеметных очередей. Это бил длинными очередями по какой-то цели воздушный стрелок. Увидел, что к иллюминаторам прильнули встревоженными лицами Хозин и Федюнинский. Сам взглянул в округлое окошко и увидел, что их самолет несется над белыми барашками волн.

«Где же наши истребители?» — мелькнула у Жукова тревожная и сердитая мысль; ему нетрудно было догадаться, что молодой пулеметчик отражает нападение немецких истребителей. Взглянул на генералов Хозина и Федюнинского — спокойно-напряженные лица, хмурые, неподвижные глаза. Понял, что они испытывают то же, что и он: глубочайшую досаду от своей беспомощности.

«Где же наши истребители?» — вновь со свирепостью в сердце задал вопрос Жуков, не адресуя его ни к кому. Надеялся, что сейчас выйдет из пилотской кабины командир корабля и что-либо объяснит. И в то же время понимал: в такие минуты командиру надо быть начеку...

В боевых ситуациях нет ничего хуже, чем оказаться слабо прикрытой мишенью для врага. Но делать было нечего, и Жуков, тяжко вздохнув, прикрыл глаза, надеясь, что вот-вот в промежутках между надсадной пальбой воздушного стрелка услышит пулеметные очереди наших истребителей... Не услышал. Только из-под колпака с турелью медным градом падали на пол самолета дымящиеся стреляные гильзы...

За округлым окошком салона зеленой полосой потянулись верхушки деревьев — под самолетом был лес... А вскоре была посадка.

Молча поднимались по центральной лестнице Смольного на второй этаж. Жуков гасил в себе ярость, родившуюся над Ладогой, когда их самолет по непонятным причинам не был прикрыт нашими истребителями. А тут еще пришлось минут пятнадцать ожидать при въезде в Смольный, пока начальник караула, не придав значения документам Жукова, бегал за пропуском к коменданту штаба.

Чуть впереди Жукова шагал по ступенькам порученец маршала Ворошилова. Он был подтянут, в тщательно наутюженном обмундировании и хорошо начищенных сапогах, но не мог скрыть своей чрезмерной утомленности — выдавали сутулость плеч и вялая, почти стариковская походка. Сзади шли, неся пухлые черные портфели с оперативными документами и картами, генералы Федюнинский и Хозин.

— Давно идет военный совет? — спросил у порученца Жуков, хотя это не могло иметь для него особого значения.

— Заседают непрерывно, — устало ответил порученец. — Одни уходят, другие приходят... Буфетчицы не успевают чай кипятить.

— Кто там, кроме маршала Ворошилова и Жданова?

— Многие... Адмиралы Трибуц и Исаков, некоторые командармы, начальники родов войск, директора крупных объектов...

Вошли в просторный кабинет, где за длинным столом, покрытым красным сукном, сидели военные и невоенные люди. Охватить всех их взглядом Жуков не успел, увидев, что из кресел в дальнем конце стола поднялись ему навстречу маршал Ворошилов и член военного совета Жданов.

У Жукова тоскливо сжалось сердце, когда он всмотрелся в изморенное, с ввалившимися глазами лицо Ворошилова; Жданов тоже выглядел усталым, будто не спавшим несколько ночей кряду. Молча пожали друг другу руки, обменялись печально-болезненными взглядами.

— Разрешите присутствовать? — спросил Георгий Константинович у Ворошилова, стараясь разрушить гнетущую и чем-то ошеломляющую тишину, наступившую в кабинете, и пока не решаясь вручить маршалу записку Сталина. Будто чувствовал себя в чем-то виноватым перед Ворошиловым, которого всегда высоко почитал, хотя и понимал, что на современную войну он смотрит, будто с кавалерийского седла.

— Садись, пожалуйста, — Ворошилов нервно пригладил ладонью седой ежик волос на голове. — И вы присаживайтесь, товарищи генералы, — указал на противоположный край стола Федюнинскому и Хозину. Затем, возвращаясь на свое место, взглянул на Жукова пронзительным, прояснившимся взглядом: — Я вижу, ты пожа-

ловал с целой свитой? Это хорошо... Люди нужны... Задыхаемся...

Жукову показалось, что маршал Ворошилов начал догадываться о цели его появления в Ленинграде. Почувствовав это, внутренне напрягся еще больше и, испытывая мучительную неловкость, присел на свободный стул между адмиралами Трибуцем — командующим Балтийским флотом, и Исаковым, который координировал боевые действия Балтийского флота, Ладожской и Чудской флотилий с сухопутными войсками, защищавшими Ленинград. Жуков был давно знаком с адмиралами и в знак приветствия незаметно толкнул их под бока локтями. Этим будто несколько снял с себя напряжение и уже спокойно обвел взглядом находившихся в зале. Обратил внимание, что его появление на заседании военного совета воспринято присутствующими по-разному. Одни, видимо, полагали, что он, как член Ставки, прибыл в Ленинград с новыми решениями Верховного Главнокомандования, и с нетерпением ждали его слова. Иные военные посматривали на него с тревогой или озадаченностью, другие — с любопытством, доброжелательством; а в глазах одного командарма уловил откровенный испуг. И с горькой иронией подумал о том, сколь непросты иногда бывают отношения между людьми — «должностными величинами». Вспомнил, с какой поспешностью после назначения его начальником Генерального штаба засвидетельствовали ему свои симпатии и добрые пожелания некоторые бывшие его командиры, будто извиняясь за былую власть над ним со всеми ее строгостями. Иные даже оправдывались, не подозревая, что этим глубоко ранили душу Жукова, унижали в его глазах самих себя. Ведь именно за строгую требовательность почитал он своих прежних командиров и начальников! Каждый из них что-то вложил в копилку его военных знаний, и не ценить этого мог только неблагодарный и неумный человек.

Когда Георгий Константинович ушел из Генштаба командовать Резервным фронтом, то уже не ощутил, что кто-либо изменил к нему отношение. И тем не менее все чаще стал размышлять о натуре современного полководца вообще, утверждаясь в том, что истинных военачальников всегда озаряет чувство долга и непреклонность в суждениях о качествах людей, какие бы должности они ни занимали...

А между тем маршал Ворошилов о чем-то тихо переговаривался со Ждановым и неспокойной рукой искал среди лежавших перед ним на столе бумаг какой-то документ. Наконец документ был найден, Ворошилов положил его перед Ждановым, и тот, даже не взглянув в него, устремил взгляд на Жукова, спокойно, с нескрываемой горечью сказал:

— Георгий Константинович, вы, надеюсь, хорошо осведомлены, что Ленинград находится сейчас в самом трагическом состоянии...

Жуков ничего не ответил, напряженно вглядываясь в лицо Жданова, на котором проступила нездоровая синева, будто легкие его задыхались от недостатка кислорода.

— В этот критический момент нам очень важно, — продолжал Жданов, — услышать ваше слово как представителя Ставки, которая в Москве видит положение нашего фронта в совокупности с оперативными ситуациями, сложившимися не только вокруг Ленинграда, но и на смежных фронтах.

— Для начала я должен знать, к какому решению приходит военный совет Ленинградского фронта, — жестко, несколько отчужденным голосом сказал Жуков, переводя взгляд со Жданова на Ворошилова, который смотрел на него, казалось, остекленевшими от отчаяния глазами.

Жукову ответил не Ворошилов, а Жданов:

— Мы как раз обсуждаем меры, которые надлежит предпринять в случае невозможности удержать город.

— Это, к сожалению, не исключено, — хрипло поддержал Жданова Ворошилов. — Немцы превосходят нас в силах. Встает вопрос: вступать в уличные бои и терять армию или...

Жуков не дал Ворошилову закончить фразу и на удивление самому себе спокойно сказал:

— Город надо удержать...

В кабинете наступила жесткая тишина. Жуков понимал, что самая пора достать из нагрудного кармана адресованную Ворошилову записку Сталина, но медлил, испытывая все ту же неловкость: Ворошилов ведь прошел через всю его военную жизнь. И сейчас какое-то сложное чувство томило сердце Георгия Константиновича, даже не позволяя взять разбег мысли, выраженной здесь своей первой и столь категоричной фразой.

Почувствовав на себе вопрошающий, с укоряющим прищуром взгляд командующего Балтийским флотом адмирала Трибуца, сидевшего рядом, повернулся к нему и

заметил на его широком лбу взбугрившиеся капли пота.
— Вы тоже за сдачу города, Владимир Филиппович? — требовательно спросил у адмирала Жуков.
— На всякий случай советуемся, в каком порядке взрывать суда, чтоб они не достались немцам.
— Взрывать суда?! — Жуков поднялся со стула и негодующе обвел взглядом всех присутствующих. Затем, будто не отдавая себе отчета, достал из кармана записку Сталина и вместо того, чтобы передать Ворошилову, прихлопнул ее ладонью на красном сукне стола перед адмиралом Трибуцем. — Вот мой мандат!
Когда Трибуц прочитал записку, Жуков, извинительно взглянув на Ворошилова, передал ему послание Сталина и продолжил:
— Как командующий фронтом запрещаю взрывать корабли!.. Более того, приказываю немедленно разминировать их, чтобы они сами не взорвались! А во-вторых, срочно подведите корабли ближе к городу, чтоб они могли стрелять по врагу всей своей артиллерией! Ведь на каждом — по сорок боекомплектов!.. Шестнадцатидюймовые орудия! Как вообще можно минировать такую силищу?!. Да, предположим, что они погибнут!.. Если так, то должны погибнуть только в бою, стреляя! — Георгий Константинович говорил жестким приглушенным голосом, почти не жестикулируя. Состояние генерала армии больше угадывалось по голосу, выражению его лица и глаз. Если же временами взмахивал он рукой, то взмах этот как бы объединялся со словом, с фразой, усиливая их накал и значимость. Казалось, само сердце ударяло в такие мгновенья в его сжатый кулак...
— Прошу прощения, Георгий Константинович, — это воспользовался паузой Жданов. Голос его прозвучал строго и отрешенно. — Но ведь мы поступили согласно приказу...
— Кто приказал? Нарком Военно-Морского Флота Кузнецов? — к удивлению всех, Жуков задал вопрос без раздражения.
— Телеграмму подписали товарищ Сталин, Шапошников и Кузнецов, — со скрытым вызовом ответил Жданов.
Жуков нахмурился и будто потемнел лицом. В это время где-то недалеко от Смольного зататакала автоматическая зенитная пушка малого калибра. Но ее, кажется, никто не слышал; все напряженно смотрели на молчавшего Жукова. Адмирал Трибуц осекшимся голосом нарушил молчание:

— Согласно решению Ставки мы создали в штабе флота группу операторов... Они разработали директиву командирам соединений о закладке в погреба и помещения кораблей бомб и мин... Об этом знает личный состав флота...
— Еще бы! — Жуков горько усмехнулся. — Не сами же адмиралы готовили корабли к уничтожению... — Чуть поразмыслив, он продолжил: — Прошу выполнить мой приказ! Ответственность беру на себя.
Маршал Ворошилов слушал Жукова, будто окаменев, держа перед собой записку Сталина и вчитываясь в каждое ее слово. Затем он встал и растерянным взглядом заставил Жукова умолкнуть и насторожиться.
— Георгий Константинович, ты извини меня, старика,— маршал заговорил тихо, но твердо. — На основании этой записки я не имею права передать тебе командование фронтом, хотя и вижу почерк товарища Сталина. Я ведь назначен сюда не запиской, а приказом Ставки Верховного Главнокомандования...
— Вы абсолютно правы, товарищ Маршал Советского Союза, — с уважительностью в голосе ответил Жуков.— Приказ Ставки о моем назначении поступит после вашей телеграммы Сталину о том, что я прилетел в Ленинград... А мог и не долететь, — Жуков ищущим взглядом обвел всех сидящих за столом, надеясь увидеть кого-либо из авиационных начальников. — Но коль долетел, предлагаю, как представитель Ставки, принимать сейчас совместные решения...*

3

На войне судьба полководца слагается в обстоятельствах необыкновенно сложных, чрезвычайных, а иногда и непредсказуемых. Предоставленная ему власть над войсками и штабами не часто полнит душу радостью, ибо все его естество тяжко придавлено и угнетено огромной ответственностью, а мозг непрерывно ведет мучительный поиск, главная суть которого — мысленное противоборство с полководцами неприятеля, чьи войска надо укрощать силой своих войск... Нет, нельзя, конечно, утвер-

* Командующим Ленинградским фронтом Г. К. Жуков был назначен приказом Ставки от 13 сентября 1941 г. (Прим. авт.).

ждать, что право повелевать, принимать решения и требовать исполнения своей воли не льстит в той или иной мере самолюбию полководца, не рождает в нем гордости за оказанное ему доверие высшей властью, не заставляет задумываться над своим исключительным положением на фронте. Но эти чувства похожи чаще всего на вспышки, которые мгновенно гаснут под свирепым ветром забот и тревог, связанных в триединый узел нелегких вопросов: что делает и замышляет противник, какие боевые возможности у подвластных полководцу войск, так ли они расположены им на местности и в какой мере способны к взаимодействию; как оценивают решения полководца вышестоящий штаб, Ставка, Верховное Главнокомандование.

Генерал-лейтенант Конев Иван Степанович 12 сентября 1941 года был назначен командующим войсками Западного фронта, сменив на этом посту маршала Тимошенко. Но принять командование войсками непосредственно от прославленного маршала Коневу не удалось, ибо, когда он приехал в Касню, где размещался штаб фронта, Тимошенко уже отбыл в район Киева в качестве главнокомандующего Юго-Западного направления.

Второй день немцы вели себя на переднем крае обороны и в воздухе спокойно, их авиация не появлялась и близ Касни, находящейся в двадцати пяти километрах севернее Вязьмы. Поэтому все руководство штаба собралось для знакомства с новым командующим в огромной зале, где обычно заседал военный совет.

Зала — главная часть дома в бывшем поместье князей Волконских — потеряла свою былую парадность: частые бомбежки покрыли ее стены трещинами, смахнули с них и с потолков лепные украшения, местами обвалили штукатурку; в окнах не осталось ни одного стекла, и ветер свободно шастал по просторному помещению, шелестя развешанными на стенах и подставках картами, схемами, вороша боевые документы на огромном обеденном столе с массивными гнутыми ножками, за которым сидели генерал Конев и члены военного совета Булганин и Лестев — усталые и озабоченные. Чуть в стороне от стола умостился в мягком потертом кресле, держа на коленях развернутую топографическую карту, генерал-лейтенант Чумаков. Недавно прибыв на Западный фронт по поручению Ставки, Федор Ксенофонтович имел весьма ограниченные полномочия: он собирал в войсках, накапливал и обсуждал с большими и малыми военачальниками материал для внесения предложений об изменениях и дополнениях в Полевом и Боевом уставах Красной Армии.

Чумаков сам был одним из инициаторов грядущих реформ в способах ведения оборонительных и наступательных боев нашими сухопутными войсками, но тяготился своим нынешним положением, в котором оказался — малоактивным, безвластным, почти одиноким... Не имел даже машины, чтобы ездить по войскам... К тому же он на собственном горьком опыте постиг в первые недели войны несовершенства некоторых важных правил нынешней военной тактики частей Красной Армии и уже мог бы уехать в Москву и засесть за составление документов, опираясь на свои окончательно созревшие выводы. Но чувствовал, что на Западном фронте вот-вот разразятся грозные события, и не считал возможным отбывать в такое время в тыл, пусть даже его присутствие здесь никому не принесет пользы. Да и надо было б с глазу на глаз обменяться с генералом Коневым своими тревогами и догадками о том, что немцы, накопив силы, вот-вот нанесут по войскам Западного фронта удары с далеко идущими стратегическими целями. Ведь наступила осень, и немецкое военное руководство вряд ли соберется в бездействии дожидаться зимы, находясь в такой близости от Москвы.

Генерал Чумаков вопросительно, с тяжким сердцем всматривался в усталое, суховатое лицо Конева. Оно выражало хмурую сосредоточенность, а серые, проницательные глаза нового командующего свидетельствовали о строгости и решительности его характера.

Чумаков по себе знал: Конев уже испытал в Смоленском сражении все самое страшное, что может испытать военачальник, когда противник берет верх над его войсками численным превосходством. И сейчас, видимо, Иван Степанович размышлял над тем, что ему уготовлены еще более тяжкие муки, ибо Западный фронт, который он возглавил, сдав свою 19-ю армию генералу Лукину, представлял собой наиболее опасное для Москвы направление.

Нетрудно было предположить, какие именно чувства томили душу этого внешне спокойного человека, которому доверен столь высокий и невероятно ответственный пост. Ведь ему всего лишь сорок четыре года — возраст,

правда, такой, когда каждая новая служебная ступень вверх все-таки радует, а предстоящие сложности побуждают к еще более энергичным действиям. Да и его прошлое связано с непрестанными трудностями становления, формирования в себе тех качеств, которые строго требуют быть в полном ответе за все происходящее в сфере жизни и боевых действий подчиненных ему войск.

Нет, Ивану Степановичу нельзя было жаловаться на судьбу. Он, как говорят, родился в рубашке, соткав в жизненных борениях свой железный характер. Постигнув начальные азы бытия среди крестьянского люда в деревне Лодейно Вятской губернии, деревенский парень зашагал потом в неведомое твердо и уверенно, начав с учебной команды унтер-офицеров артиллерийского дивизиона в первую мировую войну. После победы Октября побывал в жесткой шкуре уездного военкома, а во время гражданской войны комиссарил на самых разных должностях. Затем остался в Красной Армии на полюбившейся политической работе — был военным комиссаром стрелкового корпуса, стрелковой дивизии... После окончания курсов усовершенствования начальствующего состава перешел на строевую работу — командовал полком, стрелковой дивизией; когда же позади осталась учеба в военной академии имени Фрунзе — возглавлял стрелковый корпус, потом 2-ю Отдельную Краснознаменную Дальневосточную армию. Перед самой войной успел покомандовать войсками Забайкальского, а затем Северо-Кавказского военных округов.

Так что генерал Конев уже успел освоиться с положением военачальника высокого ранга, познать силу и ответственность высокой власти, углубиться в сложности управления крупными войсковыми объединениями. Однако в душе, в сердцевине своей натуры и сейчас будто оставался комиссаром, ощущая напряженное биение пульса всей страны, изнемогавшей в тяжелейшей борьбе с агрессором. Общаясь с подчиненными ему людьми, он всегда старался разглядеть истинность их духовных начал, способность к делу, понять их мироощущение в условиях бескомпромиссного кровавого единоборства; свои же решения и поступки старался согласовывать с теми писаными и неписаными законами, по которым жили не только воинские штабы, войсковые части, а и армейские

политорганы, как воспаленная совесть всего сущего на войне.

Но даже при своей многоопытности и прозорливости не мог предположить Иван Степанович, что совсем скоро ему придется испытать ни с чем не соизмеримые потрясения, когда будет уже и не до личной судьбы, пусть и приблизится она к самой опасной, почти смертной, черте. Однако это — впереди...

Оперативную обстановку докладывал начальник штаба генерал-лейтенант Соколовский Василий Данилович — статный, углубленный в мысленное видение всего того, что происходит на фронтах, в армиях, в штабах, службах обеспечения. В тщательно отутюженном обмундировании со сверкающими позолотой пуговицами на гимнастерке и генеральскими шевронами на ее рукавах, гладко выбритый, он будто излучал всем внешним видом какую-то особую уверенность в своем деле, своих суждениях. Холеное, утонченно-интеллигентное лицо Соколовского было сероватым от усталости, а чуть притушенные глаза с красными прожилками на желтоватых белках свидетельствовали о постоянном недосыпании. Да, Соколовский, как и генерал Конев, был истинно военным человеком со всей своей внутренней сущностью и доскональным знанием порученного ему дела.

Стоя у висящей на стене топографической карты, на которой было нанесено расположение противоборствующих сил на фронтах, генерал Соколовский четко и с суровой конкретностью объяснял соотношение этих сил и их действия.

Доклады оперативной обстановки на военном совете не всегда выстраиваются в одинаковой последовательности, особенно если обозреваются события, назревшие сиюминутно и требующие немедленных решений. Сегодня же Соколовский докладывал строго по-уставному, начав со сведений о противнике. Почерпнутые из ориентировок Генштаба, донесений войсковой и агентурной разведок, эти сведения были кричаще-тревожными. Вслушиваясь в неторопливый голос начальника штаба, генерал-лейтенант Конев будто воочию видел, как немецко-фашистское командование торопливо готовит в полосе Западного фронта новое наступление на Московском стратегическом направлении. И это рождало не только чувство опасности, но и понукало мысли к поискам эффективных оборонительных мер, заставляло сравнивать противоборствующие

силы особенно на стыках армий, намечать направления для маневра своими войсками, в том числе и скудными резервами... Главное — надо во что бы то ни стало лишить неприятеля возможностей ударить внезапно и вбить клинья в наши оборонительные линии, а тем более охватить Западный фронт с флангов.

Войск же у неприятеля было немало. Немецко-фашистская группа «Центр», сосредоточившись восточнее Смоленска, уже имела в своем составе 3-ю и 4-ю танковые группы, изготовившиеся к наступлению из районов Духовщины и Рославля, 4-ю и 9-ю полевые армии, угрожавшие нашим обороняющимся дивизиям в направлениях Ельни, Ярцева, Белого, Андреаполя. А как сложится соотношение сил, когда гитлеровское командование окончательно завершит перегруппировку своих армий?

Штаб Западного фронта пока не ведал, что перед его войсками в решительный момент появятся еще одна полевая армия немцев — 2-я, и еще одна танковая группа — тоже 2-я, а их 2-й воздушный флот увеличится до 1390 самолетов. И еще кое-что весьма важное не было известно советскому командованию о подготовке боевых действий врага на Московском направлении, хотя партизанская разведка тоже сделала все возможное, чтобы предупредить штаб Западного фронта и о непредвиденной грозящей опасности.

Почему-то не дошли до разведуправления фронта сведения из 19-й армии, собранные разведгруппой добровольцев-разведчиков, созданной Ярцевским горкомом партии; в нее входили комсомольцы В. Мокуров, А. Платонов, Ф. Платонов, Н. Кузнецов, Н. Прыгушин, П. Лиходед, несколько девушек, имена которых тогда были неизвестны. Группой руководил капитан Генералов из разведотдела 19-й армии. Эта группа обнаружила, что немцы близ райцентра Батурино, на сухом месте у непроходимых топей, так называемых Свитских мхов, готовили большое количество бревенчатых настилов — гатей. Нетрудно было догадаться, что гати будут уложены на болотистые участки для переправы по ним танков, что потом и произошло...

А пока генерал-лейтенант Соколовский продолжал доклад, перейдя к боевым характеристикам армий, входящих в состав Западного фронта — 16, 19, 20, 22, 29, 30-й. Они держали оборону на рубеже озеро Пено — Андреаполь — Ломоносово — Ярцево — Новые Яковлевичи.

Главное, Московское направление прикрывали 16, 19, 20 и 30-я армии. Группировка войск Западного фронта имела в первой линии обороны 23 дивизии, в том числе 2 кавалерийские. Во фронтовом и армейских резервах находились всего лишь 8 стрелковых, 1 кавалерийская и 2 танковые дивизии (около 190 танков старого образца), 5 танковых бригад, в которых насчитывалось 260 танков — тоже преимущественно старых конструкций. Справа от Западного фронта, севернее Осташкова, вели оборонительные бои войска 27-й армии Северо-Западного фронта. Слева, на рубеже верхнего течения Десны, от Ельни до железной дороги Рославль — Киров, занимали оборону войска 24-й и 43-й армий Резервного фронта. Еще четыре армии этого фронта, составляя резерв Верховного Главнокомандования на Западном направлении, располагались в глубине за Западным фронтом по линии Осташков — Оленино — Ельня.

Генерал Соколовский подумал о том, что у командующего Резервным фронтом маршала Буденного, наверное, есть свои планы действий на случай прорыва противника к рубежам обороны его армий; эти планы следовало бы слить в единый оперативно-стратегический замысел с предполагаемыми действиями армий Западного фронта. Но Генеральный штаб и Ставка никаких указаний не давали, и Соколовский промолчал о тревоживших его мыслях, скользнув взглядом па левый край карты, где были обозначены Брянский и Юго-Западный фронты. Конев уловил этот его взгляд и спросил:

— У левых соседей улучшений нет?

Соколовский выдержал паузу, размышляя над тем, что ему было известно из сводок Генерального штаба, потом сказал:

— Наступательная операция Брянского фронта на Рославльском и Новозыбковском направлениях, имевшая целью ликвидировать разрыв между тринадцатой и двадцать первой армиями, к сожалению, оказалась безуспешной.

— Не угрыз Еременко Гудериана, — с иронической горечью заметил Конев, имея в виду недавнее обещание генерала Еременко, данное Сталину, обязательно разгромить «подлеца Гудериана».

— Да, не угрыз, — согласился Соколовский и со вздохом продолжил: — А обстановка на Юго-Западном фронте — хуже некуда... Сегодня тридцать восьмая армия на-

чала отход на восток. Прорыв немцев на Ромны, Лохвицу, Веселый Подол, Хорол прикрыть нечем. Двадцать первая и пятая армии тоже пятятся... Мешок для главных сил фронта неизбежен... Киев обречен...

4

Для генерала Конева начались фронтовые будни, заполненные работой, которая не поддается ни учету, ни измерениям. Два дня не покидал он Касни, изучая силы армий, их оснащенность боевой техникой и обеспеченность всем необходимым для боевых действий фронта — по документам и докладам начальников служб и родов войск. Пытался разгадывать замыслы противника, исходя из расположения его группировок, послал в Генеральный штаб донесение о том, что фронт испытывает недостаток в живой силе, танках, самолетах, артиллерии, автоматическом оружии. Уже собрался было начать объезд войск для ознакомления с обстановкой на местах, как вдруг последовало по телефону распоряжение срочно явиться в Ставку к Верховному Главнокомандующему.

Ехал в Москву с тревогой и надеждой. Пытался предугадать, какие вопросы поставит перед ним Сталин и как отнесется Генеральный штаб к его вчерашнему донесению о нуждах фронта. Томила тяжесть возложенной на него ответственности, охватывал разумом всю войну и свое нынешнее место, свою роль в ней. Знал, что в войсках и штабах о нем идет молва как о бесстрашном, одаренном полководце с очень крутым нравом, жестким, бескомпромиссным характером. В быстро мчавшейся по шоссе машине ему думалось свободно, мысли то вспыхивали в нем пучками лучей, высвечивающих трудные неразрешимости и накопившееся в душе, еще не осознанное, то своевольно разбредались по закоулкам усталого мозга, вызывая дремотное состояние.

Когда Конев вошел в кремлевский кабинет Сталина, он увидел сидевших за столом для заседаний Молотова, Калинина, Микояна, Шапошникова, Хрулева. Сталин, поздоровавшись с Коневым за руку, пригласил его присесть, сказав при этом:

— Сейчас закончим разговор и будем слушать вас, товарищ Конев.

Маршал Шапошников неторопливо складывал развернутую на зеленом сукне стола карту, был хмур и сосредоточен, как, впрочем, и все остальные, находившиеся в кабинете, и генералу Коневу нетрудно было догадаться, что перед его появлением здесь обсуждали трагические события на Юго-Западном фронте.

— Так что вы еще предлагаете? — спросил Сталин у генерала Хрулева — начальника Главного управления тыла Красной Армии (он же был и заместителем наркома обороны СССР).

— Мы еще вносим на ваше рассмотрение предложение об организации ста гужевых транспортных батальонов — по двести пятьдесят пароконных повозок в каждом, — сказал Хрулев, открыв перед собой папку с документами.

— Чудеса, да и только! — Сталин невесело засмеялся. — Мы каждый день принимаем меры об ускорении производства новых танков, самолетов, орудий, тягачей, а вы хлопочете о повозках.

— И о санях, товарищ Сталин, — без тени смущения добавил Хрулев.

Сталин пристально взглянул на него, опять глухо засмеялся и после паузы спросил:

— А что говорят по этому поводу в Главном управлении формирования и укомплектования войск?

— Неодобрительно говорят! — с сердитостью в голосе ответил Хрулев. — Начальник управления товарищ Щаденко иронизирует и злостно критикует нас! Не понимает, что в распутицу и особенно зимой транспортные батальоны будут незаменимой подмогой войскам! Этому учит опыт первой мировой, гражданской, да и финской войн!

Сталин пытливым взглядом пробежался по лицам присутствовавших в кабинете. Первым откликнулся Калинин:

— По-моему — разумное предложение!.. Впрочем, — продолжил Михаил Иванович, — от товарища Хрулева легковесных предложений можно и не ожидать. Знаю его со времен Октябрьской революции, когда я работал комиссаром городского хозяйства Петрограда, а он был комендантом революционной охраны Порховского района... Потом не раз встречались в Первой Конной армии...

— Не будем предаваться воспоминаниям, — резковато прервал Калинина Сталин. — Какие будут суждения по существу вопроса?

— Я поддерживаю предложение товарища Хрулева, —

спокойно произнес Микоян. — К производству повозок и саней предлагаю подключить Наркомат лесной промышленности, промкооперацию и местную промышленность. Беру это на себя...

Затем по предложению Сталина было принято еще одно решение — об учреждении орденов Суворова и Кутузова для награждения командиров частей, соединений, командующих армий, фронтов, начальников штабов и других командиров, отличившихся в ведении боевых действий. Хрулеву было поручено разработать статус этих полководческих наград.

Наступил черед докладывать генерал-лейтенанту Коневу — о положении на Западном фронте. Иван Степанович всей силой воли подавлял в себе волнение: ведь впервые в качестве командующего таким количеством армий излагал он Ставке свое понимание общей оперативной ситуации на главном, угрожающем Москве, стратегическом направлении, давал свои оценки сил противоборствующих сторон, высказывал предположения о замыслах немецко-фашистского командования и о наших возможностях и невозможностях парирования несомненно грядущих ударов неприятельских войск. Почти не глядя на распластанную па столе топографическую карту, исчерченную красными и синими карандашами, не отрывал глаз от лица Сталина, прохаживавшегося рядом по ковру, Конев доказательно обосновывал необходимость без промедления усиливать его фронт войсками и техникой.

Заканчивая доклад, Иван Степанович ощутил по спокойствию Сталина и грустной задумчивости маршала Шапошникова, что, видимо, не произвел на них должного впечатления своим докладом. Обсуждения задач фронта и усиления его боевых возможностей не получилось. Никто ничего не сказал, не встревожился и по поводу того, что фашистские войска вот-вот могут перейти в наступление.

Когда Конев умолк, Сталин остановился перед ним и, глядя ему в глаза, наставительно изрек:

— Еще Флавий Вегеций, римский военный историк и теоретик, утверждал, что, кто желает получить в войне благоприятный результат, пусть ведет ее, опираясь на искусство и знание, а не на случай... Генштаб занимается Западным фронтом. Но мы очень надеемся и на вас,

товарищ Конев, на ваши военные знания, ваш опыт, твердость и решительность вашего характера. Желаем вам успехов...

В штаб фронта генерал-лейтенант Конев возвращался со смешанным чувством неудовлетворения и приподнятости. Последнее брало верх: все-таки верят в него как полководца. И даже то обстоятельство, что на заседании Ставки Верховного Главнокомандования, непонятно почему, не обсуждались конкретные задачи Западного фронта, постепенно приобретало в сознании Ивана Степановича особый смысл: Москва надеется, что он, Конев, эти задачи хорошо понимает сам и сумеет вместе со своим штабом принять необходимые меры в предвидении близившихся грозных событий.

Вернувшись в Касню, он вызвал к себе генерала Соколовского и отдал распоряжение готовить проект директивы об укреплении оборонительных рубежей. Надо было сориентировать всех командующих армиями на то, что агентурой и авиационной разведкой установлен подход к фронту новых войск противника. В большей части они развертываются в районе Духовщины против стыка 19-й и 16-й армий, а также в районе Задня — Кардымово и на левом фланге 20-й армии. Обстановка требует немедленно активизировать в полосе фронта боевую работу всех видов разведки, главным образом ночью, чтобы держать противника в постоянном напряжении, уточнять сведения о расположении вражеских войск, резервов и штабов. На своем переднем крае повсеместно перейти к траншейной обороне с ходами сообщений, создать устойчивую систему артиллерийско-минометного и ружейно-пулеметного огня, укрепить противотанковые районы и вывести часть войск в резерв, чтобы была возможность маневрировать ими.

19 сентября директива была отправлена во все армии фронта, а генерал Конев поехал в войска, чтобы на местах ознакомиться с дивизиями, особенно теми, которые частыми ударами по противнику пытались потеснить его и занять более выгодные рубежи для последующих оборонительных действий.

Из утренней оперативной сводки генерал Конев узнал, что ни позавчера, ни вчера не сумела выполнить боевую задачу дивизия полковника Гулыги, усилившая прикрытие левого фланга войск бывшей его, Конева, 19-й армии.

Ивану Степановичу вспомнился день, когда полковник Гулыга докладывал на командном пункте 44-го стрелкового корпуса комдива Юшкевича Василия Александровича о том, как ему удалось с остатками дивизии пробиться из вражеского окружения к Радчинской переправе через Днепр. Доклад слушал тогдашний командующий фронтом маршал Тимошенко, собрав на КП Юшкевича командармов — Лукина и его, Конева, тоже прорвавшихся из-за Днепра со своими поредевшими штабами. Присутствовал при докладе и командующий войсковой оперативной группой генерал Рокоссовский.

Доклад был тяжким в своих главных подробностях и в изложении обстоятельств. Слушая Гулыгу, Конев будто самого себя увидел в той кровавой боевой сумятице на высотах вокруг Смоленска и, кажется, впервые столь потрясенно осмысливал подвиг дивизий, входивших в состав 19-й, 16-й и 20-й армий. Размышлял над тем, какой дорогой ценой удалось им обескровить и остановить врага, перекрыв ему пути на Москву.

И сейчас Конев ехал в дивизию полковника Гулыги, штаб которой затаился в лесистых оврагах близ деревни Старые Рядыни. На свой передовой командный пункт у станции Вадино заезжать не стал — что-то подстегивало его скорее оказаться там, на левом фланге бывшей своей 19-й армии. А главное, не хотелось прерывать важного разговора в машине с генералом Чумаковым. Федор Ксенофонтович, когда узнал, что Конев собирается побывать сегодня в дивизии полковника Гулыги, ранее входившей в его, Чумакова, оперативную войсковую группу, напросился поехать вместе с ним.

Тяжелый длинный ЗИС-110, в зелено-пятнистой окраске, следовал в направлении Ярцева. Впереди них ехал броневик охраны. Конев и Чумаков сидели на заднем сиденье, отгородившись от водителя и адъютанта командующего толстым стеклом. Иван Степанович слушал рассуждения Чумакова с интересом и скрытым раздражением, ибо то, о чем говорил Федор Ксенофонтович, пусть было и разумным, но всецело зависящим от решений Ставки и Генерального штаба.

Федор Ксенофонтович горячо и убежденно доказывал, что расположение армий Резервного фронта в тылу армий Западного фронта лишает его, Конева, возможностей принимать необходимые меры для укрепления глубины обороны своих войск и будет затруднять управление Западным фронтом в ходе несомненно грядущего оборонительного сражения.

— Ведь подумай, Иван Степанович: две армии Резервного фронта — 24-я и 43-я — прикрывают левый фланг твоих войск и смыкаются с правофланговой армией Брянского фронта. Можешь ты быть уверенным за свой левый фланг, если занимающие там оборону армии не подчинены тебе?

— Да, тут есть над чем размышлять, — согласился Конев.

— А ведь Буденный, командуя Резервным фронтом, три остальные армии которого стоят тебе в затылок, да еще растянутые в одну линию на большом расстоянии, будет надеяться на стойкость твоего фронта. А твои армии, не имея своей необходимой глубины обороны, будут, в случае прорыва противника, полагаться на Резервный фронт. Таким образом, из боевых порядков двух фронтов может получиться слоеный пирог, если даже не каша... Ведь у вас с Буденным никакой свободы маневра и никакого взаимодействия. Может образоваться свалка...

— Что же ты предлагаешь? — недовольно спросил Конев, хотя и понимал разумность соображений Чумакова.

— Надо немедленно убрать из твоего тыла армии Резервного фронта и дать им самостоятельную полосу на переднем крае обороны — между Брянским и Западным фронтами. Таким образом, боевые порядки Западного и Резервного фронтов уплотнятся, а значит, усилятся по фронту и обязательно, что очень важно, в глубину. Это же элементарно! Иначе как ты будешь перестраиваться, маневрировать, когда определятся направления главных ударов немцев?.. А если еще, не дай бог, придется отступать?

— Полагаю, что до этого не допустим, — хмуро заметил Конев.

— На войне ко всему надо быть готовым, — Федор Ксенофонтович, заметив, что Конев все больше мрачнел, умолк и отвернулся к окошку, за которым на взгорке проплывала мимо сожженная бомбежкой деревня.

5

Слева от кресла на телефонном столике слабо зашелестел звонок «кремлевки», и на белой полоске аппарата часто замигал крохотный огонек лампочки. Молотов не-

торопливо поднял трубку и услышал глуховатый голос Сталина:

— Вече, могу тебя обрадовать. — «Вече» значило — Вячеслав. Так Молотова называла его жена, Полина Семеновна Жемчужина, и Сталин позволял себе копировать ее, когда был иронично настроен.

— Слушаю тебя, Коба. Тем более, что давно ничему не радовался, — на губах Молотова скользнула скупая, будто луч солнца сквозь плотную тучу, улыбка.

— Вчера миссия взяла курс на Скапа-Флоу через Северный Ледовитый океан на Архангельск, — продолжал Сталин. — Так что собирайся встречать.

— Мне Майский уже телеграфировал, — спокойно ответил Молотов. — Зря только упомянул в шифровке крейсер «Лондон». Немецкие дешифровщики работают сейчас со зверской силой.

— Да, неосмотрительно со стороны Майского.... Впрочем, сегодня берлинское радио протрубило, что британская и американская делегации уже прилетели из Лондона в Москву. Знают даже, что на двух бомбардировщиках Б-24 и что с ними — наш посол в США Уманский.

— Это хорошо. Значит, клюнули на английскую уловку.

— Что, так было задумано в Лондоне? — удивился Сталин.

— Да. Уманский сообщил мне об этом: они умышленно отвлекали внимание немцев от путешествия Гарримана и Бивербрука по морю.

— Но зачем американцы привезли еще и своего журналиста? Не помню, как там его...

— Квентин Райнольдс, — сказал Молотов, взглянув в лежавший на краю стола список американской делегации. — Представитель «Дейли экспресс».

— Наши переговоры для журналистов должны быть абсолютно закрытыми, — в голосе Сталина прозвучало раздражение.

— Уманский пояснил, — успокаивающе сказал Молотов, — что у Райнольдса какие-то поручения к американским корреспондентам в Москве. А утечки информации о переговорах действительно надо остерегаться со всей тщательностью. Это понимают и главы делегаций Гарриман и Бивербрук. Уманский узнал от них, что, возможно, даже их послы в Москве не будут приглашены на наши встречи.

— Намерение вполне разумное! — Голос Сталина в телефонной трубке чуть возвысился. — Я давно не верю в добрые чувства к нам, особенно американского посла Штейнгардта, как и большинства дипломатов его посольства.

— Ты, Коба, полагаешь, что решением не звать на переговоры своих послов они хотят угодить нам?

— Нет, догадываюсь, что Гарриман и Бивербрук желают откровенного разговора с нами без свидетелей. И, наверное, наша сдержанность здесь к послам США и Англии им известна и дает повод для размышлений.

— В Вашингтоне к нашему Уманскому тоже не очень приветливы, хотя дипломат он превосходный.

— Мне это известно... Его тоже не надо звать на переговоры. И, видно, придется заменить Уманского в США Литвиновым.

— Да, есть над чем хрустеть мыслями, — согласился Молотов, понимая, что услышанное от Сталина — это уже есть его решение. Но не стал его обсуждать, а заговорил о другом: — Главное, как постигнуть совокупность интересов США и Англии, учитывая, что Америка еще не воюющая сторона и формально пока не является нашим союзником?

— Ищешь ответы на эти вопросы? — Сталин будто не спрашивал, а утверждал. — Внимательно всмотрись и в разработки соответствующих отделов нашего ЦК.

— Голова кругом идет, — Молотов вздохнул, окинув взглядом стол, на котором аккуратно были разложены папки с документами. — Будто бегу со спутанными ногами.

— А ты особенно не беги. В межгосударственные загадки надо вторгаться спокойно и последовательно, памятуя, что узлы внешней политики вяжутся не столько искусством дипломатии, сколько экономической, военной и политической силой, на которую опирается дипломатия.

— Вот именно, силой! — Молотов скупо улыбнулся и горестно покачал головой. — Но ведь нас-то немцы пока что колотят на всех фронтах! Силища у них несметная! И перед ней трепещет не только Англия!..

— Это тоже важный аргумент в переговорах с посланцами Черчилля и Рузвельта, — голос Сталина вновь посуровел и будто сделался глуше. — Не надо забывать, что они очень страшатся победы Гитлера над нами и в

то же время никак не жаждут нашей победы над немцами.

— Именно в последнем — главный корень проблем, — согласился Молотов. — Но надо ли их убеждать, что мы все-таки разгромим Германию даже при столь катастрофическом для нас положении на фронтах? Ты же уверен в этом?..

— Главное, народ наш уверен... Ладно, работай, Вече... Мы еще продолжим сегодня разговор, — и Сталин положил трубку.

Как скульптор ударами молотка по резцу откалывает от мрамора ненужные осколки, медленно и упоенно освобождая из-под них свое творение, так сквозь нагромождения военно-политических событий, дипломатических обстоятельств и таинственностей вновь и вновь пробивался к истине народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов. Истина межгосударственных отношений сегодняшнего дня пока виделась ему издалека — еще не просветленная, во многом загадочная, в предположениях и умозаключениях, под которыми не ощущалось прочного фундамента. Он напрягал ищущую мысль, опираясь не только на лежавшие перед ним документы, но и на интуицию, опыт, на знания и даже на неведения; трудностей и необъяснимостей — бескрайнее море...

Всматриваясь в устрашающе изменчивую многоликость происходящего, можно было только в общих чертах рождать в себе ощущения, догадки и заряжаться мыслительной энергией для новых поисков и выводов. Этот мучительный процесс познания, особенно когда казалось, что ты уже близок к какому-то открытию, даже увлекал Молотова, будто своего рода творчество. И тогда еще напряженнее перекидывало мостки логических суждений между многими событиями, личностями, политическими партиями буржуазных государств, воссоздавая в воображении широкопанорамную картину закулисных интриг и тайных упований сил, ведших политическую битву, полыхавшую на всех континентах, словно лесной пожар при свирепом, часто меняющем направление ветре.

Поднимали головы ярые враги Советского Союза в США и в Великобритании, явно и тайно возлагая свои надежды на фашистскую Германию и ее сателлитов. Это

мешало объединению военных и экономических усилий трех самых могущественных в мире государств в борьбе с нацистскими претендентами на мировое господство. А объединение надо было осуществить во что бы то ни стало, и советское руководство делало для этого все возможное. Кое-чего уже удалось достигнуть. Реализована договоренность Советского Союза и Англии о временном вводе войск в Иран, где готовился при участии немецких агентов фашистский переворот. Право на такую военную акцию давал Советскому Союзу договор с Ираном, заключенный еще в 1921 году и предусматривавший подобную ситуацию. Сейчас в Иране, после ввода на его территорию советских и английских войск, сформировано новое правительство во главе с премьер-министром Фаруги вместо подавшего в отставку кабинета Али Мансура. Иранский меджлис одобрил закрытие в Тегеране германской, итальянской, венгерской и румынской миссий и передачу в руки правительств СССР и Великобритании многочисленных германских резидентов, за исключением лиц, пользовавшихся дипломатической неприкосновенностью. В итоге всего этого союзники еще и приобрели дополнительные коммуникации для снабжения СССР — сквозной путь от Персидского залива до Каспийского моря — и, что немаловажно, осуществленная акция отрезвляюще повлияла на правительства тех невоюющих стран, которые враждебно относились к Советскому Союзу.

Но в последнее время Молотов чаще всего обращался пытливой мыслью к декларации * Черчилля и Рузвельта, подписанной ими 14 августа на борту военного корабля в Атлантическом океане близ Ньюфаундленда. Он воспринимал ее как результат посещения Москвы Гарри Гопкинсом — личным представителем президента Рузвельта. Видимо, не зря Сталин и он, Молотов, уделили беседам с Гопкинсом столько внимания и времени, со всей искренностью и всесторонне объяснив ему опасную и сложную остроту военно-экономического положения, в котором оказался Советский Союз в связи с навязанной ему Германией войной. Недавно послы США Штейнгардт и Великобритании Криппс вручили Сталину послание от руководителей своих стран, в котором они обещают максимальное экономическое содействие Советскому Союзу в борьбе против гитлеровского нашествия, а также предла-

* Позднее она получит наименование «Атлантическая хартия» (Прим. авт.).

гают созвать в Москве совещание трех великих держав для выработки программы наиболее целесообразного использования всех имеющихся у них ресурсов для борьбы с Германией, невероятно окрепшей за счет ограбления Европы.

Декларация излагала также общие задачи демократического характера в войне против фашистских государств, но, затрагивая проблемы послевоенного устройства мира, не принимала в расчет интересы Советского Союза. Да и не являлась декларация официальным договором, ибо Рузвельт не представил ее для ратификации своему сенату. Что же она сулит на самом деле? Ведь пресса США и Англии так и не перестает вопить о том, что СССР на грани гибели. Черчилль неизменно отклоняет предложения Сталина об открытии второго фронта, не уставая при этом восхищаться «великолепным сопротивлением русских армий в защите родной земли»... Конечно же, в Лондоне и Вашингтоне рассматривают войну между Германией и СССР как передышку для себя, и это было очевидным, хотя можно предполагать и худшее: в Великобритании, как и в США, немало сторонников точки зрения американского сенатора Гарри Трумэна, который на второй же день после вторжения германских войск в пределы Советского Союза печатно заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше». А «газетный король» Уильям Херст открыто заявил, что он приветствует нападение Германии на Советский Союз, и выразил уверенность, что вся Европа объединится против коммунизма. Сенаторы-изоляционисты Джон Уиллер и Геральд Най размахнулись в своей ненависти к СССР еще шире, опубликовав заявление с призывом заключить соглашение с Германией. К ним присоединились видные американские дельцы от политики Чарлз Линдберг и Роберт Вуд... Тревожило также то, что многие, подобные им, держали в своих руках рычаги управления не только политикой, но и экономикой. Как все это отразится па результатах предстоящих переговоров?

Нарком раскрыл папку с телеграммами советского полпреда в Англии и скользнул взглядом по строчкам машинописного текста на желтоватом бланке. Они со всей категоричностью подтверждали его тревоги. В телеграмме

от 6 сентября приводилась выдержка из выступления на конгрессе тред-юнионов министра авиационной промышленности Англии Джона Мур-Брабазона. Вот его слова:

«Пусть Германия и СССР истощат друг друга. В конце войны Англия станет хозяином положения в Европе...»

Как на такое заявление отреагировал Черчилль? Как отнесся к нему? Можно ли надеяться, что министр с таким умонастроением будет способствовать поставкам боевых самолетов в СССР из Англии, как было обусловлено в июльском соглашении и о чем более конкретно должен вестись разговор на предстоящем совещании?

Вся противоречиво-неустойчивая атмосфера в Англии и США, конечно же, беспокоила советских руководителей, мешала обнажить истинные позиции и чаяния правительств этих могущественных государств, определить степень их готовности оказывать помощь Советскому Союзу в его невиданном кровавом единоборстве с фашистской Германией, учитывая, что высшее военное командование обеих западных держав, как и реакционная пресса, с постоянной убежденностью внушает своим парламентам мысль о скором, неизбежном и полном поражении Красной Армии.

На недавнем заседании Политбюро Сталин сказал по этому поводу:

«Ненависть к нам буржуазных фанатиков, открытых врагов и дураков делает нам честь. На переговорах противопоставим их пророчествам тяжкую для нас правду, пусть и подольем этим масла в огонь. Не будем ничего опровергать, не станем особенно убеждать наших союзников, что мы и без них выстоим, пусть нам обойдется победа дороже. Но они без нас не выстоят против Германии — Черчилль и Рузвельт хорошо это понимают. И в переписке с Черчиллем я откровенен до предела!»

Молотов взял папку с посланиями Сталина английскому премьеру и, открывая ее, вспомнил суждения Бонапарта: «Возвышение или унижение государств зависит от смелости ума их правителей... Слабый правитель есть бедствие для своего народа». Затем стал перечитывать письмо Сталина от 3 сентября, адресованное Черчиллю:

«...Относительная стабилизация па фронте, которой удалось добиться недели три назад, в последние недели потерпела крушение вследствие переброски на Восточный фронт свежих 30—34 немецких пехотных дивизий и громадного количества танков и самолетов, а также

вследствие большой активизации 20 финских дивизий и 26 румынских дивизий. Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают оттуда все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет... Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан.

В итоге мы потеряли больше половины Украины, и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда.

Эти обстоятельства привели к тому, что мы потеряли Криворожский железорудный бассейн и ряд металлургических заводов на Украине, эвакуировали один алюминиевый завод на Днепре и другой алюминиевый завод в Тихвине, один моторный и два самолетных завода в Ленинграде, причем эти заводы могут быть приведены в действие на новых местах не ранее как через семь-восемь месяцев.

Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой».

Далее Сталин писал, что он видит выход из такого положения в немедленном создании второго фронта на Западе, а также в поставках Советскому Союзу алюминия, самолетов и танков.

Советский посол в Лондоне Иван Майский, получив из Москвы это очередное послание Сталина Черчиллю, позвонил министру иностранных дел Великобритании Антони Идену, и они тут же поехали в резиденцию премьера. Вручая Черчиллю документ особой важности, советский посол с присущим ему красноречием обрисовал в полуторачасовой беседе степень опасности, нависшей над Советским Союзом.

Черчилль с сочувствием слушал Майского. Когда же посол риторично поставил перед Черчиллем вопрос: «Если Советская Россия будет побеждена, каким образом вы сможете выиграть войну против немцев?» — тот, ощутив всю глубину смысла, содержавшегося в словах Майского, вдруг вспылил и, как сообщалось Майским в шифрограмме из Лондона, раздраженно сказал: «Вспомните, что еще четыре месяца назад мы, на нашем острове, не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным...» А затем стал излагать военные соображения, по которым Англия

не может немедленно высадить свои войска на побережье Франции или Нидерландов.

6 сентября Молотов пришел в кабинет Сталина с шифрограммой Майского и адресованным Сталину ответным посланием Черчилля, в котором английский премьер в обтекаемых формулировках высказывал предположение, что британские армии будут, возможно, готовы вторгнуться на Европейский континент в 1942 году, однако все будет зависеть от событий, которые трудно предвидеть.

Сталин тогда неторопливо и внимательно вчитывался в письмо премьер-министра Великобритании, затем придвинул к себе бланк с шифрограммой Майского, прочитал ее с неменьшим интересом и поднял грустный и будто укоряющий взгляд на Молотова:

«Мы должны быть готовы к тому, что они и впредь будут расставлять нам подобные дипломатические ловушки».

«Несомненно, — согласился Молотов. — Мы в наркомате копим убедительные контраргументы».

«Не надо только мудрствовать и растекаться мыслью по древу. — В словах Сталина прозвучала строгость и сосредоточенность. — Кошка всегда знает, чье сало съела. Надо при каждом случае напоминать им об участии Англии в мюнхенском сговоре, о том, как правительства Чемберлена и Даладье предали Чехословакию и Польшу, да и нас предали, сорвав московские переговоры в тридцать девятом».

«Они все сейчас ставят с ног на голову, — уточнил Молотов. — Доказывают, что не Англия и Франция сорвали переговоры, а мы, подписав с Германией пакт о ненападении, хотя, как ты знаешь, мы решились на это после того, как убедились в бесплодности заседаний с их миссиями».

«Они могли заключить с нами договор о взаимопомощи и после отъезда Риббентропа из Москвы, ибо мы подписали с Германией не договор о союзе, а пакт о ненападении. Ан нет! Надеялись уладить свои отношения с Германией, надеялись на всеобщий «крестовый поход» против нас».

Молотов понимал, что, переписываясь с Черчиллем, Сталин нисколько не заблуждался в истинных чувствах лидера английских консерваторов, как и главенствующей верхушки монополистов США. Заправил Англии и Америки, разумеется, очень обеспокоили алчные планы Гит-

лера, в которые входило завоевание мирового господства. Они жаждали руками Советского Союза, кровью его Красной Армии ослабить фашистскую Германию, разгромить ее вооруженные силы, вынудить германское правительство к послушанию им — Англии и США. Более того, советская разведка доносила о сохранившихся глубоко законспирированных связях американских и немецких промышленников. Это особенно проявлялось в сотрудничестве американской корпорации «Стандарт-Ойл» и германского синдиката «И. Г. Фарбениндустри». При помощи аргентинских фирм они тайно продолжали деловые контакты.

Все это наводило советских руководителей на мысль о том, что Черчилль и Рузвельт тоже занимают сейчас выжидательную позицию. Если увидят, что Советский Союз вот-вот рухнет, то не исключено, что они поспешат открыть второй фронт, атаковать военные силы вермахта, где только возможно, и вынудить Гитлера пойти с ними на переговоры. Тогда Советский Союз явится разменной монетой на этих переговорах. А если Красная Армия выстоит?.. Тогда союзникам ничего другого не останется, как начать организацию военной помощи Советскому Союзу, иначе народы Англии и Америки не поймут позиций своих правительств, а демократические, прогрессивные силы всех континентов воочию увидят неискренность политики Черчилля и Рузвельта.

Сталин не раз задавал себе, Молотову, Шапошникову вопрос: «А как бы повели себя Америка и Англия, если б соединениям Красной Армии удалось не допустить вторжения немецко-фашистских войск на советскую территорию?.. Более того: если б Красная Армия, отбив нападение врага, сама перешла в контрнаступление?..» Это вопрос вопросов... Конечно же, толстосумам мира империализма страшнее коммунизм, чем взращенный ими же фашизм, на время вышедший из повиновения у своих родителей...

Итак, теперь надо быть готовым к совещанию в Москве по экономическим вопросам. 18 сентября он, Молотов Вячеслав Михайлович, решением Политбюро ЦК назначен главой советской стороны па этом совещании.

Делегации США и Англии тоже назначены. Первую из них возглавляет Аверелл Гарриман, специальный представитель Рузвельта, занимавшийся американскими поставками по ленд-лизу Великобритании, вторую — лорд

Уильям Бивербрук, один из руководящих деятелей английской консервативной партии и министр снабжения британского правительства. Несколько дней назад британская и американская делегации, как сообщало из Лондона советское посольство, были приглашены в Букингемский дворец, где король Георг VI и королева Елизавета оказали им сердечный прием и дали добрые напутствия.

Главы делегаций вначале колебались, лететь ли им в Москву самолетами или отплыть в Архангельск на борту крейсера. Оба варианта были небезопасными. Сегодня стало известно, что Гарриман и Бивербрук сели на крейсер; следовательно, Молотову придется лететь в Архангельск встречать их, а это значит, что еще до начала официальных переговоров ему придется принять на себя шквал вопросов Гарримана и Бивербрука и будто подержать в ладонях кипящий людскими страстями и дымящийся от военных столкновений народов земной шар, опираясь в оценках и выводах на те шаги правительств США и Англии, которые наиболее точно определяют их политику нынешнего дня и подсказывают, по каким направлениям она может развиваться.

Стояла третья декада сентября сорок первого. Погода былв прохладной, пасмурной. Сегодня утром из окна своего кабинета Молотов видел на крышах кремлевских зданий белесый налет заморозков. А как в Архангельске? Впрочем, это не имеет значения.

Над Москвой опускалась ночь. Скоро вокруг города может начаться пальба зенитных орудий. Тогда в небе оживет сверкающая взрывами огненная завеса против немецких бомбардировщиков, ударят по прорвавшимся сквозь завесу самолетам зенитки и счетверенные пулеметы с огневых позиций на скверах, площадях, на крышах высоких зданий. Все это стало уже привычным, почти не отвлекавшим от текущих дел.

Молотов окинул невидящим взглядом свой кабинет с потушенной люстрой и плотно зашторенными окнами. Горела только настольная лампа с зеленым абажуром, освещая зеленое сукно стола и разложенные на нем бумаги и папки. Снял пенсне и, достав из бокового ящика стола квадратик замшевой кожи, тщательно протер им стекла. Затем вновь окунулся в чтение бумаг, стремясь замкнуть главное в логический круг понимания и угадать в нем истинную подспудную сущность происходящего.

6

В кабинете Молотова появился Сталин, держа в руке зеленую папку. Вячеслав Михайлович не слышал, как открылась дверь, и увидел его уже приблизившимся к столу. Понял, что Верховный пришел с какой-то важной новостью или томившей его душевной болью. Обычно Сталин редко покидал свой рабочий кабинет — только когда становилось ему там невмоготу от тяжких забот, раздражения и дурных вестей. Попыхивая трубкой и не поднимая глаз, он вернулся к дверям и щелкнул электрическим выключателем. Зажглась под высоким потолком люстра. Сталин неторопливо и неслышно стал прохаживаться по ковру, зажав зеленую папку под мышкой.

Молотов ни о чем не спрашивал, напряженно всматриваясь в кряжистую фигуру Сталина, в его темное и словно окаменевшее лицо. Молчание становилось нестерпимым, и казалось, что нараставшая в Молотове тревога сейчас невольно поднимет его из кресла. Но не встал, а тихо произнес:

— Догадываюсь, Коба, — еще какая-то беда свалилась на нас...

— Кругом терпим поражения, — на удивление спокойно ответил Сталин. — Пятьдесят четвертая армия маршала Кулика так и не может деблокировать с востока Ленинград... Придется командующего смещать, а армию вливать в состав Ленинградского фронта.

— Может, пусть Жуков сам решает о Кулике? — В голосе Молотова сквозило сомнение.

— Жуков и выразил эту мысль, — глухо ответил Сталин. — Он сейчас там смещает всех нерешительных и неспособных. Держит Ленинградский фронт изо всех сил, наращивая эти силы за счет рабочего класса и Балтийского флота... Эх, нам бы, кроме войсковых резервов, еще хотя бы трех-четырех таких Жуковых... Может, избежали б зреющей катастрофы на Украине.

Вновь наступило тягостное молчание. Сталин, расхаживая по ковру, о чем-то напряженно думал или что-то вспоминал...

— Жуков, конечно же, был прав в своем июльском прогнозировании событий на Юго-Западном... Следовало б... — Молотов осекся под хмурым, коротко-острым взглядом Сталина.

— Прогнозировать легче! А где брать свежие дивизии?! — Досада и гнев явственно заклокотали в груди Сталина. — Жуков предлагал на время ослабить Московское направление! А сейчас разведка доносит, что после оставления нами Киева на Москву вновь повернуты танковые группы Гудериана — с Украины, а Гота — из-под Ленинграда. Гитлер полагает, что с Ленинградом уже покончено и к зиме ему удастся сломить Москву.

Гнетущая тишина, наступившая в кабинете, казалось, изолировала их друг от друга, хотя оба они томились в одних и тех же тревогах. Каждый испытывал душевную боль в одиночестве и по-своему. Молотов тоскливо вдумывался в то, как объединить решения военно-стратегических ситуаций с внешнеполитическими, а Сталин гневно размышлял над тем, что сделал он не так, как надо было сделать, искал оправдания допущенным просчетам и ошибкам, мысленно высматривал их причины, негодовал на военачальников, не оправдавших его надежд, выискивал в памяти людей, на которых можно будет положиться в грядущих и, видимо, неисчислимых трудностях.

Молотов знал, что внутреннее состояние Сталина всегда слагается из взвешиваний вариантов, сомнений, размышлений над главным... Все это предшествует принятию каких-то важных решений, вселяющих надежды. Но сейчас что-то было непонятным в нем...

— Коба, у тебя в папке новости? — спросил Молотов.

— Не знаю — новости или новая провокация немцев. Наша разведка перехватила их радиопередачу на Северную и Южную Америку. Послание Рузвельта «дорогому другу» Сталину, — в голосе Сталина прозвучала недобрая ирония.

— Дорогому другу?! — с притушенной веселостью изумился Молотов.

— Именно «дорогому»... И даже с выражением искренней дружбы! — Сталин прихлопнул зеленой папкой по столу, придвинул ее к Молотову.

Вячеслав Михайлович открыл папку, увидел в ней страничку убористого машинописного текста на бланке разведывательного управления Генерального штаба. Начал читать:

«Мой дорогой друг Сталин!

Это письмо будет вручено Вам моим другом Авереллом Гарриманом, которого я просил быть главой нашей делегации, посылаемой в Москву.

Г-ну Гарриману хорошо известно стратегическое значение Вашего фронта, и он сделает, я уверен, все, что сможет, для успешного завершения переговоров в Москве.

Гарри Гопкинс сообщил мне подробно о своих обнадеживающих и удовлетворительных встречах с Вами. Я не могу передать Вам, насколько все мы восхищены доблестной оборонительной борьбой советских армий.

Я уверен, что будут найдены пути для того, чтобы выделить материалы и снабжение, необходимые для борьбы с Гитлером на всех фронтах, включая Ваш собственный.

Я хочу воспользоваться этим случаем в особенности для того, чтобы выразить твердую уверенность в том, что Ваши армии в конце концов одержат победу над Гитлером, и для того, чтобы заверить Вас в нашей твердой решимости оказывать всю возможную материальную помощь.

С выражением искренней дружбы,
Франклин Д. Рузвельт».

Пока Молотов читал текст радиоперехвата, Сталин неотрывно всматривался в его лицо, пытаясь угадать реакцию наркома иностранных дел на прочитанное. Но лицо Молотова оставалось непроницаемым. Он наконец закрыл папку и поднял на Сталина задумчивые глаза.

— Ну, что ты мыслишь на сей счет? — с чувством нетерпения спросил Сталин.

— Загадка, умноженная на загадку, — с озадаченностью ответил Молотов. — Ведь это письмо должен вручить тебе Гарриман. Он сейчас на крейсере приближается где-то к Шпицбергену. Как же мог попасть к немцам текст письма?.. Если он соответствует подлиннику, то чего они хотят достигнуть его обнародованием?

— В этом и вся главная сущность вопроса, — Сталин опять зашагал по кабинету.

На телефонном столике слева звякнул аппарат внутренней связи. Молотов поднял трубку и услышал голос дежурного по приемной наркомата:

— Вячеслав Михайлович, у меня на проводе переводчик американского посла Лоуренса Штейнгардта. Посол просит немедленно принять его, чтобы вручить товарищу Сталину срочный документ особой важности. Какие будут указания?

— Минуточку, — ответил в трубку Молотов и тут же пересказал Сталину услышанное от дежурного.

— Пусть Штейнгардт приезжает сейчас. Я повремению у тебя, — ответил Сталин...

Американское посольство находилось примерно в семи минутах езды от Кремля, и ждать приезда посла оставалось недолго. Оба, Сталин и Молотов, подумали о том, что звонок Штейнгардта и его просьба о срочном приеме могли иметь прямое отношение к документу, который покоился сейчас в зеленой папке. Загадочность предстоящей встречи как бы ускорила ход мыслей Сталина.

— В чем же дело? — будто у самого себя спросил он. — Если это послание Рузвельта не фальшивка, то Гитлеру должно быть совсем невыгодно предать его гласности.

— Надо поразмышлять, — заметил Молотов. — Тут есть какая-то уловка. Коль немецкая передача адресовалась американским народам, следовательно, она направлена против Рузвельта. У него ведь не так все просто в государственном аппарате.

— Не будем ломать голову над загадками. Дождемся американского посла. А пока давай еще раз уточним для себя главную нашу платформу в предстоящих переговорах с Гарриманом и Бивербруком. — Сталин присел в кресло у приставного стола и придвинул к себе хрустальную пепельницу. — Давай еще раз вспомним, что ни одна отдельно взятая капиталистическая страна не смогла до сих пор противостоять фашистскому агрессору. Только Советский Союз! Более того: западные страны даже не смогли образовать без нас свою действенную коалицию. У каждой из них собственные цели в войне... И Ленин бы очень похвалил нас, что мы, коммунисты, и вдруг так настойчиво ищем пути сплочения западных держав вокруг себя... На что не пойдешь ради победы над фашизмом... Все западные державы должны понять: сейчас оборонная мощь СССР — главная их гарантия в сохранении своей суверенности... Мы внушим им логикой наших неоспоримых доказательств, что в борьбе с фашизмом мы нужны Англии и США не меньше, чем они нам, а больше! Германия, а затем и Япония — их главная, абсолютно реальная и неотвратимая угроза *.

* Со временем эту точку зрения разделят все реально мыслящие государственные и политические деятели Запада. Э. Стеттиниус, будущий государственный секретарь США (1944 г.), заявит: «Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были бы в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке» (Прим. авт.).

— Полагаю, что Черчилль пришел к такому заключению раньше нас с тобой, — Молотов горько усмехнулся. — Наверное, грызет локти, что не решился на военный союз с нами против Гитлера летом тридцать девятого.

— Черчилль все-таки надеялся на англо-французский союз...

— Рухнул их союз в дюнкеркской катастрофе. — Сталин имел в виду крупное поражение английских, части французских и бельгийских войск на Западном побережье Франции, в районе Дюнкерка весной 1940 года. — И, между прочим, англичане тогда скоропалительно сумели собрать в кулак свой военный флот, добиться также превосходства в воздухе и эвакуировать в Англию зажатые немцами в «клещи» союзные войска. А сейчас, видите ли, Черчилль не находит возможным мобилизоваться и нанести удар по французскому побережью, чтоб хоть часть немецких сил отвлечь на себя...

В кабинет вошел помощник Молотова, и Сталин умолк.

— Прибыл посол Штейнгардт, — тихо сообщил он, по-военному одернув на себе темный пиджак.

— Приглашайте, — сказал Молотов, вопросительно взглянув на Сталина, который тут же в знак согласия кивнул головой.

Лоуренс Штейнгардт появился в проеме двери — рослый, длиннолицый, в темном, отутюженном костюме с жилеткой и при черной бабочке над белоснежной манишкой. Лицо его светилось чувством собственного достоинства. Сделав несколько энергичных, уверенных шагов по ковру, он вдруг увидел в кресле Сталина и будто наткнулся на невидимую стену. Шедший сзади него тощий, в полосатой тройке переводчик от неожиданности почти ткнулся ему в спину, затем сделал полшага в сторону.

Сталин и Молотов поднялись, подошли к Штейнгардту и учтиво пожали ему, а потом переводчику руки. Обменялись обычными приветствиями, после чего американский посол заговорил:

— Господин Председатель Совета Народных Комиссаров, — он чуть поклонился Сталину, — господин народный комиссар иностранных дел, — такой же легкий поклон Молотову. — Я имею честь передать адресованное господину Сталину послание моего президента господина Рузвельта.

Переводчик торопливо переводил на русский слова посла, хоти они были пока понятны без перевода Сталину и особенно Молотову.

Штейнгардт протянул Сталину коричневую, тисненную под крокодиловую кожу папку с позолоченной застежкой и пояснил:

— Здесь полученная нами по телеграфу шифровка президента и ее идентичная копия на русском языке.

Молотов пригласил посла и переводчика сесть за длинный стол для заседаний, за который напротив дипломатов уселся рядом со Сталиным и сам. Начали внимательно читать послание Рузвельта, убеждаясь, что оно слово в слово, кроме первой и двух последних строчек, совпадало с переданным из Берлина по радио.

— Господин посол, — неторопливо, будто с трудом сосредотачивая мысль, заговорил Сталин. — Ваш президент пишет, что это письмо будет вручено мне его другом Авереллом Гарриманом...

— Я вас понял, господин премьер, — Штейнгардт воспользовался паузой, которую сделал Сталин. — Письмо президента Рузвельта поступило в Лондон, когда господин Гарриман уже был за пределами берегов Великобритании. Не успело письмо...

— Почему же не передали его с нашим послом Уманским, который вчера прилетел на одном из английских самолетов? — Сталин придвинулся ближе к столу, пристально вглядываясь в глаза Штейнгардта.

— Я вас понял, — повторился Штейнгардт. — Точно не могу утверждать, но полагаю, что наши офицеры разведки не решились отправлять письмо самолетом, опасаясь, что его могут сбить над территорией, занятой немцами. Видимо, советовались с президентом Рузвельтом. Именно он через государственный департамент передал текст письма по телеграфу в посольство, которое я имею честь возглавлять.

Наступила пауза, весьма озадачившая Штейнгардта. Сталин коротко взглянул на Молотова, и тот, поняв значение его взгляда, поднялся со стула, подошел к своему рабочему столу, взял зеленую папку и вернулся на прежнее место. Сталин придвинул папку к коричневой папке, открыл ее и, всматриваясь в тексты послания, с чувством недоумения заговорил:

— Господин Штейнгардт, Гитлер с Геббельсом вас опередили. Письмо президента Рузвельта товарищу Ста-

лину мы уже получили по берлинскому радио! Вот полюбуйтесь, — Сталин прихлопнул тыльной стороной ладони по машинописному тексту в зеленой папке.

Захлебываясь от волнения, переводчик пересказывал Штейнгардту слова Сталина.

Удлиненное лицо Штейнгардта стало пунцовым. Его правая рука нервно прикоснулась к черной бабочке на воротнике, будто бабочка сдавила ему горло, затем он пригладил ладонью вдруг взмокшие, аккуратно причесанные волосы на голове.

— Господин Сталин... господин Молотов... Я вас не совсем понимаю... Хотя догадываюсь... Немцы, наверное, перехватили и расшифровали телеграмму нашего президента... Но это ужасно! А вдруг им стало известно и то, что господин Гарриман и Бивербрук отплыли к вам на крейсере?!.. Такого случая немецкие подводные лодки и бомбардировщики не упустят... Может случиться непоправимое.

Теперь настал черед встревожиться Сталину и Молотову. До этой минуты они в своих мыслях не соединяли перехваченную советской разведкой немецкую радиопередачу на Американские континенты с тем, что на английском крейсере «Лондон» плывут к устью Двины в радиусе действий воздушных сил Германии, базирующихся в Норвегии, главы делегаций США и Великобритании, от которых будет многое, если не все, зависеть в расширении и укреплении антигитлеровской коалиции крупнейших государств мира.

— Я вас на минуту оставлю... Дам некоторые распоряжения на сей счет. — Сталин неторопливо поднялся со стула и вышел из кабинета.

Молотов догадывался, что Сталин из его приемной звонит начальнику Генерального штаба Шапошникову и советуется с ним, в какой мере и на какой параллели возможно прикрыть нашими истребителями и подводными лодками английский крейсер «Лондон». И он не ошибся...

Сталин вернулся в кабинет в тот момент, когда Молотов вместе со Штейнгардтом сопоставляли подлинный текст послания Рузвельта с тем, который передали по радио немцы. Главное различие в них состояло в том, что Рузвельт начинал свое письмо словами: «Уважаемый господин Сталин» и кончал подписью: «Искренне Ваш Франклин Рузвельт». В немецкой трактовке утверждалось, что президент начал письмо словами «Мой дорогой друг Сталин» и закончил его: «С выражением искренней дружбы».

— Мы, в общем-то, понимаем смысл этих будто бы безобидных искажений, — сказал Сталин, присаживаясь к столу. — Гитлер хочет поссорить Рузвельта с теми влиятельными лицами в США, которые ненавидят Сталина... Верно я говорю?

Штейнгардт не находил слов для ответа. Он достал из кармана платок и начал старательно вытирать им вспотевшее холеное лицо.

7

Днепр, красно-бурый от крови — человеческой, лошадиной и коровьей... Днепр, дыбящийся от взрывов снарядов и бомб высокими всплесками подкрашенной воды... Густо запруженные людьми, машинами, повозками горбатая дорога, ее обочины и размашисто широкий берег у Соловьевской переправы... Предсмертные вопли раненых и тонущих, надсадный шквал людского ора, матерщины и конского ржания...

Все это вспоминалось Мише Иванюте, как давний чудовищно-кошмарный сон, хотя с того страшного августовского дня прошло всего лишь чуть больше месяца. Но надо же было такому случиться: в несметном шумном человеческом скопище он познакомился с девушкой-санитаркой, а у нее случайно оказалась газета с Указом Президиума Верховного Совета СССР. Из Указа Миша узнал, что в числе не столь многих фронтовиков его наградили орденом Красной Звезды и повысили в воинском звании... От радости и гордости все в нем тогда заполыхало, забурлило, заплясало... Но и ощутил вдруг мерзкий страх: ведь и его, орденоносца, тоже могли убить на переправе... А кто же тогда получит орден?..

Не убили и не ранили. И Миша, вспоминая Соловьевскую переправу, даже посмеивался над собой, над тайным и стыдным своим страхом, хотя и сейчас содрогался от виденного там и пережитого. А нетерпение все жило в нем: действительно, когда же вручат ему боевую награду? При этой мысли будто шалый ветерок проникал в его сердце. При случае мозолил начальству глаза, но об ордене не напоминал, а себя даже бранил, что в такое грозное время не покидали его честолюбивые чувства. Насчет же повышения в воинском звании, то тут был полный порядок: бережно спрятав в планшетку, как удостоверя-

ющий документ, вырезку из газеты «Красная звезда», Миша без промедления привинтил к своим петлицам на гимнастерке и на шинели еще по одному красному эмалированному кубику...

Когда же за Днепром, на сборном пункте в лесу близ Городка, ему посчастливилось набрести на остатки политотдела своей дивизии, новое звание вписали в его удостоверение личности. Правда, инструктор политотдела младший политрук Таскиров не без зависти подковырнул тогда Мишу:

«Не забудь исправить и паспортичку в «смертном медальоне», — Таскиров насмешливо прищурил и без того узкие раскосые глаза. — А то, понимаешь, вдруг ухлопают тебя и в похоронке запишут младшим политруком...»

«Не забуду!» — весело огрызнулся Миша. Тут же достал из кармана бриджей черный пластмассовый пенальчик, развинтил его, вынул плотно свернутую в рулончик бумажку, на которой значилось, кто и откуда родом, и, зачеркнув слова «младший политрук», написал сверху: «политрук-орденоносец».

Ранняя нынче осень. Еще только убывает сентябрь, а в воздухе временами мечутся белые мухи снежинок или косо сечет мелкий дождичек, заставляя трепетать багряную и желтую листву на осинах и березах. В лесной овраг часто врывается неласковый ветер, лохматит воду в лужах на дороге, гнет летние побеги боярышника; мелькают, падая на землю под его упругим дыханием, крупные пятнистые листья орешника. В такую погоду уже не держится тепло ни в землянках, ни в блиндажах. Миша Иванюта на ночь надевает шинель и спит в кабине типографского грузовика, положив под голову жесткий противогаз и полевую сумку.

К этому времени дивизию полковника Гулыги, преобразованную из мотострелковой в стрелковую, кое-как пополнили московскими ополченцами и перебросили на Вопь северо-восточнее Ярцева, а потом, после удачного наступления левого крыла 19-й армии, она пробилась к речке Царевич и заняла вдоль ее берега оборону. Но берег там был пологим, просматривался противником с противоположной стороны до самого леса, угрюмо темневшего на возвышенности. И надо было во что бы то ни стало оттеснить немцев от Царевича за сожженный по-

селок совхоза Зайцево и за бугристые поля, раскинувшиеся выше и левее старой зайцевской мельницы. Иначе засветло не подступишься с тыла к нашему переднему краю.

Позавчера и вчера два полка дивизии полковника Гулыги с рассветом поднимались в наступление, в нескольких местах успешно форсировали Царевич, но ни продвинуться вперед, ни задержаться на захваченных плацдармах не смогли. Пришлось, понеся потери, вернуться полкам в свои траншеи.

Неудачное наступление дивизии Миша Иванюта переживал как собственную беду, тем более что все происходило на его глазах... Он тоже побывал по ту сторону Царевича, прятался там за фундаментом и зубчатой глыбой темной кирпичной стены давно порушенной мельницы, где был промежуточный командный пункт батальона. Вслушивался в надсадный крик в телефонную трубку его командира капитана Гридасова, нервно требовавшего от артиллеристов, огневые позиции которых были в тылу за речкой, прицельнее бить по четырем немецким танкам, ворвавшимся в боевые порядки наступавших стрелковых рот. Удивительно, что капитан Гридасов при своем небольшом росточке и узкогрудости был горластый, энергично-юркий. Когда телефонная связь нарушалась, он тут же отдавал распоряжения командирам рот через посыльных, бросал из своего резерва навстречу танкам бойцов-истребителей с бутылками, наполненными зажигательной смесью, сокрушенно докладывал командиру полка, что батальон несет потери и вперед не продвигается. Миша держался подальше от комбата, опасаясь ярости капитана, но в то же время старался быть в курсе происходящего, прислушивался к каждой его команде, сдабриваемой крутой матерщиной, к крикливым наскокам на лейтенанта-корректировщика из артиллерийского дивизиона. Лейтенант не мог наладить порушенную осколками связь со своим командным пунктом, чтоб передать командиру дивизиона поправки для переноса огня...

Батальоны полка были оттеснены немцами за Царевич на прежние позиции, и политрук Иванюта почти ничего не записал в свой корреспондентский блокнот. Поэтому намерился по пути в редакцию завернуть в медсанбат дивизии и попытаться там добыть какой-либо материал для газеты, хотя уже не раз убеждался, что

раненые бойцы, измученные страданиями, не всегда точно рассказывают о том, чему были очевидцами.

Одно утешение было у Миши: возвращался он с передовой не пешком, как всегда, а на маленьком трофейном мотоцикле в две лошадиные силы. Неделю назад этот мотоцикл ему подарил комиссар разведбатальона старший политрук Скворцов в благодарность за то, что Миша, описав в дивизионной газете действия группы разведчиков по захвату «языка», допустил ошибку, за которую потом получил от начальника политотдела дивизии взбучку. Ошибка заключалась в том, что Иванюта неумышленно исказил фамилию командира артиллерийской батареи старшего лейтенанта Вазилова, назвав его Мазиловым — по коварной подсказке кого-то из разведчиков. А батарейцы Вазилова действительно не очень точно прикрыли заградогнем отход группы захвата. И кличка «Мазилов» прочно закрепилась за старшим лейтенантом, дав ему повод написать начальству жалобу.

Политрук Иванюта принес свои извинения командиру батареи Вазилову, а мотоцикл принял от разведчиков с превеликой радостью и теперь угорело мотался на нем по своим репортерским делам, да и ради удовольствия. Уж очень легка была по весу эта маленькая машина и удивительно проста в управлении, имея всего лишь две передачи скоростей. Они включались поворотом резиновой насадки на левом руле, как и подача бензина на правом. Мотоцикленок развивал вполне приличную скорость и мог катиться даже без мотора, имея велосипедные педали. Чудо, а не машина! Вот на ней, выбравшись из тупика, ведшего в тыл хода сообщений, Миша на полном газу помчался вверх по полевой дороге к лесу, заранее приготовившись к тому, что немецкие минометчики обязательно откроют по нему огонь, как и по связистам, когда они отваживались засветло выходить на линии для устранения обрывов. Однако надеялся на скорость своего двухколесного «коня»...

Разогнав мотоцикл по лугу и выскочив на дорогу, Миша устремил его к вершине возвышенности, заросшей лесом. Не успел, однако, преодолеть и половину расстояния, как впереди, почти у самой дороги, взметнулся взрыв... Вторая мина громыхнула сзади. Миша даже сквозь рокотание мотора услышал, как над ним хищно взвизгнули осколки. Понял: «вилка»! Следующая мина могла оказаться для него последней... И круто свернул

на кочковатое поле, в истолченную неубранную рожь. Гнал мотоцикл сколько было возможности, прыгая по кочкам и ощущая, как больно колотил по груди немецкий автомат, повешенный ремнем на шею. А мины все рвались — то впереди, то по сторонам. Холодный пот обволакивал его спину, зубы от напряжения сжимались до скрежета. Мысленно корил себя за глупость, что отважился, не дожидаясь ночи, испытать судьбу.

Вот и лес, но спасения в нем пока не было — мины густо и оглушительно крякали на опушке и в глубине среди деревьев, где виднелась дорога с черными застоявшимися дождевыми лужами. Выезжать на лесную дорогу Миша не стал, вспомнив, что ведет она через Новые и Старые Рядыни — сожженные бомбежками деревеньки, над которыми стоит невыносимый смрад от разлагающихся там убитых осколками бомб коров и телят.

Гребень возвышенности остался позади, минометный обстрел прекратился, и Иванюта поехал вдоль леса, по тому же ржаному полю, простершемуся крутоватым уклоном к заросшим кустарниками оврагам. Среди них таилась обмелевшая за лето речушка Вопь.

Миша вспомнил, что в баке бензин на исходе, и выключил мотор, тем более что спуск к Вопи был крутоватым. Поехал уже в тишине, притормаживая мотоцикл педалями.

Впереди лес выступом вклинивался в поле. Его опушка была окаймлена молодым осинником, выросшим на старой порубке. Миша подался правее, чтоб обогнуть осинник... Но что это?! Из полегшей ржи будто метнулись к опушке две пятнистые тени. Привиделось?.. Не успел затормозить, как мотоцикл перемахнул через пролегавшие наискосок два провода телефонной связи; тут же слева, на примятой ржи, успел заметить черные кругляшки наушников и... — невероятно! — крохотную шахматную доску с расставленными на ней фигурками...

Останавливаться Иванюта не стал. Ощутил в сердце холодок: ждал, что сейчас в спину ему ударит из осинника автоматная очередь. Он понял, что нарвался на немецких разведчиков. Проникнув через линию фронта, они подслушивали наши телефонные разговоры... Но какая наглость! Еще смеют в это время играть в шахматы!

Немцы, видимо полагая, что мотоциклист их не заметил, стрелять не стали. А Миша мчался дальше, сердце

его бешено колотилось от минутного испуга и от негодования...

Вот и заросли над Вопью. Кончился склон, перейдя в пологий, поросший лозняком берег. Миша включил мотор и свернул влево, в сторону Рядынь, где в оврагах, как ему помнилось, располагались полковые тылы.

Мише повезло. Когда он оказался по другую сторону леса, увидел поднятую на шесты телефонную линию. Она тянулась из-за Вопи к лощине, переходившей в овраг, разветвленный на несколько менее глубоких, заросших мелколесьем, оврагов. В них и обнаружил тыловое хозяйство полка: замаскированные грузовики в капонирах, вырытых в крутизнах склонов, ящики с боеприпасами, повозки, шалаши, землянки... На поляне, вокруг которой кучно росли кусты бузины, терновника и лещины, густо сидели бойцы, перед которыми выступал с речью незнакомый Иванюте старший политрук в новеньком, необмятом обмундировании. При первом же взгляде на старшего политрука, на красноармейцев разного возраста (некоторые были с усами, при бородах, в очках) Миша понял, что это ополченцы, которых с наступлением ночи поведут на передний край. К счастью, они уже были при оружии — с винтовками, некоторые с ручными пулеметами.

Миша такой взволнованной скороговоркой выпалил старшему политруку о немецких разведчиках, обнаруженных им по ту сторону леса, что тот ничего не понял и заставил Иванюту все рассказать еще раз и спокойно... А через несколько минут ополченцев вывели из оврагов и развернули в цепь для прочесывания местности.

Была середина дня, и немцам скрыться не удалось; их оказалось пять человек. Вытесненные из леса в поле, в топорщившиеся остатки ржи, они пытались там затаиться, но были обнаружены и захвачены в плен. К огорчению Иванюты, вражеские разведчики оказались далековато от того места, где он заметил их и куда устремился на мотоцикле вместе с группой ополченцев. И получилось так, что он будто даже и не был причастен к этой небольшой, но важной боевой операции. Пленных намерились было вести в штаб полка, но кто-то успел доложить о них в штаб дивизии, оттуда поступил приказ немедленно приконвоировать немцев в разведотдел, к его начальнику майору Кошелеву. Это Мишу вполне

устраивало: там он и поприсутствует при их допросе...

Пленных увели в штаб дивизии, а Иванюта тем временем разыскал бойцов-ополченцев, которые непосредственно захватывали в плен вражеских лазутчиков, записал их фамилии. В это время в небе появился немецкий самолет. Он плыл так высоко, что казался игрушечным, полупрозрачным и еле заметным на голубом куполе поднебесья. Это было непонятным. Ни бомбардировщики, ни самолеты-разведчики обычно так высоко не летали. А непонятное на войне всегда сулит опасность.

Где-то в глубине оврага зазвенел гонг — удары чем-то железным по стреляной гильзе от тяжелого снаряда. Все вокруг замерло. Миша, отъехав на своем мотоциклетке в тень куста, запрокинул голову и стал следить за самолетом. Зрение у него острое, и он, может быть, первым, заметил, как от самолета отделилась черная точка. Падала она, казалось, прямо на овраг — и через несколько секунд с неба стал доноситься ни на что не похожий нарастающий многоголосый вой. В вышине что-то вопило, бубнило, визжало, мяукало, ржало по-лошадиному, надсадно ревело... Казалось, падало само небо, исторгая тысячами глоток каких-то невиданных чудовищ скорбный, истеричный крик.

Мише Иванюте хотелось вскочить на мотоцикл и рвануть из оврага хоть на край света. Но вокруг лежали, прижавшись к земле, испуганные ополченцы. Нет, не уронит он достоинства кадрового политработника перед москвичами!.. Положив мотоцикл под кусты, он тоже проворно улегся на траву и стал смотреть вверх на все увеличивавшийся в стремительном падении черный предмет, содрогаясь в затаенном ужасе от его страшных переливчатых воплей. Чем ближе к земле, тем труднее было уследить за ним. Потом он вовсе стал невидимым, будто растворился в своем разноголосом реве.

На восточном склоне оврага наконец послышался звонкий и хрусткий удар о землю, но... взрыва не последовало. Самолет удалился в сторону фронта, однако никто не спешил к тому месту, где упала странная бомба со взрывателем, как полагали все, замедленного действия.

Вдруг оттуда донесся чей-то удушливый хохот, а затем голос:

— Сюда!.. Эй, хлопцы, скорее сюда!.. Чудо увидите!

На голос стали карабкаться по крутому склону, цеп-

ляясь за кусты, бойцы, командиры... Кинулся вверх, позабыв о своем мотоцикле, и политрук Иванюта. Любопытство его разгоралось все больше, ибо там, на гребне, по которому проходила чуть наезженная дорога, мужской хохот набирал силу, перемежался с выражавшими удивление и веселье восклицаниями, заковыристыми матерными словечками.

Когда Миша поднялся на дорогу и протолкался в середину уже образовавшейся шумной и подвижной толпы, увидел обломки досок, покрытых черным лаком, мотки проволочек разной толщины, белые плашки, похожие на большие конские зубы... И догадка родилась вместе с удивлением: пианино!.. Вместо бомбы гитлеровские летчики сбросили пианино... Были случаи, когда они бросали пустые бочки, телеги, всякую домашнюю рухлядь — чтоб нагнать страху или развлечения ради...

— Как же он, бедный, кричал, — со слезами в голосе проговорил кто-то у Миши за спиной.

Миша оглянулся и увидел тощего красноармейца с рыжеватой бородкой и в очках. Спросил:

— Почему он? Это же не рояль.

— Верно, не рояль, — согласился очкарик. — Пианино... Марки «Беккер»... Какое варварство, — глаза его увлажнились. — Это ему, наверное, в отместку, что, будучи немецкого происхождения, служил России...

— Вы разбираетесь в музыкальных инструментах?

— Я композитор... Музыка — моя жизнь.

Миша понял, что ему сам дается в руки необычный материал для газеты.

— Пойдемте вниз, мне надо с вами поговорить, — он дружески взял под локоть красноармейца.

...Возвращался в редакцию политрук Иванюта в приподнятом настроении. Композитор из московского ополчения, с которым он беседовал больше часа, как бы раздвинул его понимание жизни на фоне музыки, передающей эту жизнь в прекраснейших звуках, способных пробуждать в людях все самое доброе и светлое, рождать чувства, влияющие на их характеры и даже судьбы. Миша никогда не задумывался над тем, что музыкой можно выразить любовь, ненависть, ревность, тоску, жажду мести, сожаление о чем-то несбыточном. Можно призывно звать музыкой к борьбе, воскрешать самосознание, рождать вдохновение, нагнетать ярость или укрощать ее, возвышать мысль или просветлять безумие, утолять страдания, тревогу, апатию... Это же с ума можно сойти! Миша умел бренчать на балалайке, чуток играть на мандолине, гитаре. Но никогда не предполагал, что заниматься музыкой — это дело такое серьезное и нужное. Как же ему написать обо всем этом в газете, оттолкнувшись от сброшенного с фашистского самолета пианино? Как воспримет такую статью редактор дивизионной газеты старший политрук Казанский? Ведь этот час беседы с композитором будто перевернул Мишину душу, заронил в его сердце и разум что-то такое, от чего Миша чувствовал себя если и не другим человеком, то в чем-то изменившимся. И очень хотелось в этом своем прозрении, что ли, послушать хорошую музыку...

Иванюта гнал мотоцикл по обочине полевой дороги, размышляя над тем, как сейчас, вернувшись в редакцию, которая располагалась в заросшем овраге недалеко от штаба дивизии, засядет за статью и предаст в ней анафеме фашистов, попирающих культурные ценности человечества и несущих с собой варварство. За поворотом дороги увидел, как три наших автоматчика конвоировали пленных немцев, к захвату которых Миша был причастен. Ему обязательно надо поприсутствовать при их допросе в разведотделе штаба дивизии и выудить что-либо интересное для газеты, описав предварительно, в назидание связистам переднего края, как были обнаружены и пленены эти вражеские лазутчики.

Только не ведал Миша Иванюта, что впереди ждут его новые потрясения, которыми неожиданно, щедро и жестоко огорошивает людей фронтовая жизнь...

8

Когда приехал в редакцию, увидел привычную картину: два наборщика-красноармейца, с чумазыми от типографской краски лицами, стояли по грудь в вырытых в стороне от «наборного» автобуса щелях и из квадратных ячеек касс со шрифтами, лежавших на брустверах, вылавливали свинцовые литеры, составляя из них на железных верстаках строчку за строчкой текст заметок для газеты. Над щелями были распяты на шестах плащ-палатки — защита от солнца, а больше от дождей, которые в эти дни нередко проливались над Смоленщиной. В крытом грузовике полязгивала печатная машина «американка» — печатник регулировал ее, готовясь получить

сверстанную полосу набора и начать делать оттиски. Редактор, старший политрук Казанский, нахохленно сидел в кабине «наборного» автобуса с раскрытыми дверцами, и, положив на руль фанерку, дописывал передовую статью, призывавшую, как было известно Мише, не бояться немецких танков, подпускать их поближе к траншеям и, оказавшись в «мертвой зоне», забрасывать бутылками с горючей смесью.

Миша Иванюта также знал, что ему надо будет подкрепить передовицу соответствующими боевыми эпизодами; их у него в блокноте записано предостаточно. Однако томило нетерпение скорее запечатлеть на бумаге то, что мучило его сейчас, — поразмышлять о музыке, которую понимал более чем слабо, рассказать о сброшенном немцами с самолета пианино... Еще не представлял, как сложится у него статья, родит ли он в своем далеко не музыкальном воображении главную мысль, найдет ли форму всего того, чем терзался в душе и что наполняло его взволнованные чувства, придут ли самые нужные, точные слова... Посоветоваться бы об этом с Казанским. Но почему-то не решался и не мог придумать смысловой связи между тем, о чем так хотелось написать, и тем, что ждет от него сейчас редактор. Про себя даже посмеивался, представляя, как изумится Казанский, когда вместо заметок о борьбе с танками Миша напишет о разбитом пианино, плакавшем московском композиторе и о музыке, призывающей воинов к бесстрашию в боях... Вспомнил о дивизионном клубе, при котором был маленький струнный оркестр, в котором изредка играли шоферы автобатальона и санитары из медсанбата, о его бывшем начальнике Леве Рейнгольде, погибшем на Соловьевской переправе, так и не успевшем получить орден за пленение немецкого генерала Шернера.

Что-то уже начало слагаться в мыслях Иванюты, как вдруг по оврагу и его скрытым в зелени отрогам прокатилась от часового к часовому, охранявших землянки, блиндажи и машины штаба, команда:

— Всему командному и начальствующему составу — на построение!..

— На построение!..

— На построение!..

Старший политрук Казанский как раз успел закончить передовую статью. Отдав ее наборщикам, он придирчивым взглядом осмотрел Мишу Иванюту и сказал:

— Почисть сапоги... И вообще подтянись! Командующий фронтом приехал в наш штаб. Генерал Конев...

— А зачем построение? — спросил Миша, чувствуя, как вдруг вспыхнуло его лицо и заколотилось сердце от осенившей догадки. — Может, награды будет вручать?

— Вполне возможно, — ответил Казанский, застегивая на гимнастерке воротник и карманы. — Только многие не дождались своих наград...

Миша проворно кинулся в печатную машину, где хранилась общая сапожная щетка, старательно смахнул ею пыль с сапог, туже затянул поясной ремень, старательно расправил под ним гимнастерку. А сам был будто в полубреду от счастья и нетерпения: ведь как ждал этого дня! Ему почему-то казалось, что с получением ордена он станет совсем другим человеком, в нем, да и во всей жизни вокруг что-то изменится, пусть и не перестанут грохотать огненные всполохи войны... Это же надо! Среди тысяч фронтовиков пока только у одиночек сверкают на груди ордена или медали. А теперь будет с орденом и он, политрук Михаил Иванович Иванюта!.. Жаль только, что некому написать об этом — ни родным, ни друзьям. Его Винничина, как и вся Правобережная Украина, да и часть Левобережной, порабощены врагом. И еще очень хотелось покрасоваться с орденом на груди перед майором Рукатовым — самым ненавистным на свете человеком для Миши. Рукатов недавно вернулся в дивизию из госпиталя и вновь занял пост начальника артиллерии. Миша еще не видел его после приезда, да и не хотел видеть, с содроганием вспоминая тот июльский день, когда он нашел в лесу и привез на мотоцикле с коляской в штаб дивизии мешки денег Белорусского банка, а Рукатов заподозрил его в том, что он, возможно, часть денег присвоил или где-то припрятал... Иванюта влепил тогда майору Рукатову пощечину, а тот пытался в ответ застрелить его, но капитан Пухляков — начальник особого отдела дивизии — успел ногой выбить из руки Рукатова пистолет. Будто и давно это было — за Днепром, южнее Смоленска, но у Миши до сих пор болело сердце и сжимались зубы от тяжкого оскорбления. Их конфликтом чуть не занялся военный трибунал... Обошлось. В окружении было не до расследований.

Иванюта и Казанский торопливо направились в ту сторону оврага, где располагались главные отделы штаба. Вышли к просторной поляне, которую со всех сто-

рон обступал молодой лес. Здесь собирался для построения штабной народ. Многие курили, о чем-то переговаривались, строили догадки о причине сбора. Миша Иванюта внутренне ликовал, полагая, что эту причину знает только он один, и размышлял над тем, кому еще из командиров и политработников будут вручать правительственные награды, боясь оказаться в одиночестве, ибо понимал: политрук Иванюта далеко не главный герой тех страшных боев, в которых участвовала дивизия за Днепром.

На поляне становилось все многолюднее. В тупике ближайшего отрога, у блиндажа командира дивизии полковника Гулыги, стоял в тени орешника пятнисто-зеленый легковой автомобиль командующего фронтом генерал-лейтенанта Конева. О приезде в штаб дивизии командующего уже знали многие обитатели этих оврагов, некоторым даже было известно, что по его приказу зачем-то экстренно заседал военный трибунал дивизии.

Все ждали команды к построению, с любопытством посматривая в сторону блиндажа полковника Гулыги. А Миша Иванюта ждал не только с любопытством, а и с таким нетерпением, что почти никого не замечал вокруг, тоже неотрывно глядя туда, где стояла машина генерала Конева. Даже мысленно упрекал себя за это, ибо вместе с нетерпением закрадывалась в сердце тревога: ведь с ним уже не раз бывало такое — если чего-либо очень желаешь, оно не сбывается, а то еще и оборачивается неприятностью.

Увидел, как из землянки комдива вышли два генерала — оба стройные, рослые, с красными лампасами на галифе... Сердце у Миши неожиданно встрепенулось: в одном из них он узнал Чумакова Федора Ксенофонтовича; второй, видимо, был Конев. Генералы отошли в сторону от блиндажа и о чем-то заговорили. Миша даже издали заметил нахмуренность и озабоченность Федора Ксенофонтовича — дорогого для него, как и для всех, кто побывал под его командованием в первые недели войны, человека. И теперь еще загорелся желанием поскорее узнать причину появления в их дивизии Чумакова и хотя бы словом обмолвиться с ним...

А между тем Федор Ксенофонтович пытался убедить генерал-лейтенанта Конева отменить властью командующего столь суровый приговор военного трибунала дивизии...

— Пойми, Иван Степанович, я имею основание, как никто другой, презирать этого человека! — доказывал Чумаков Коневу. — Он еще в тридцать седьмом катал на меня ложные доносы в НКВД, потом пытался подвести под трибунал после выхода остатков моего корпуса из первого окружения!..

— Тем более не стану отменять приговор! — Конев смотрел на Чумакова с суровостью и упреком.

— Да он же посчитает, что не трибунал, не ты, а именно я, в порядке личной мести, взял его за шкирку и привлек к ответу!

— Пусть думает что ему угодно! Он сорвал наступление дивизии!.. Сколько из-за него людей погибло за Царевичем!

— Все это правильно! Понимаю!.. Ну, разжалуй его в рядовые. Пусть кровью искупит... Это для него будет страшнее, чем расстрел, ибо он патологический трус!

— Я не привык отменять своих решений! — Конев раздражался еще больше, глядя на Чумакова с откровенной неприязнью. — Вон в шестьдесят четвертой стрелковой полковник Грязнов тоже пытался выгородить одного своего подчиненного! Все вы хотите быть добренькими, милосердными. А военный совет фронта отвечает за боеспособность армий!

— Жалко старика Гулыгу... — Федор Ксенофонтович уже понимал, что ему не переубедить Конева, но все-таки не сдавался.

С поляны донеслась команда на построение. Конев и Чумаков видели, как командиры и политработники становились в строй, выравнивались. В это время из-за поворота оврага показалась группа людей: два красноармейца, держа наперевес ружья, конвоировали майора Рукатова... Нет, он уже не майор: воротник гимнастерки был без петлиц, рукава — без шевронов. Ни ремня на Рукатове, ни фуражки. Руки сзади связаны. Ссутулившись, бывший майор медленно переставлял ноги, на его желто-сером лице заметно пробилась щетина. Проходя мимо землянки комдива, он вдруг увидел генералов Конева и Чумакова. И будто все вдруг внутри в нем зажглось, а огонь выплеснулся только сквозь глаза. Сколько лютой ненависти заметил в них Федор Ксенофонтович!

Рукатов замедлил шаг и, глядя на него, сказал хриплым, незнакомым голосом:

— Жаль, что не успел я сквитаться с тобой, Чумаков! Повезло тебе... Не раздавил... — И зашагал дальше.

Лицо Конева передернула гримаса, отдаленно похожая на горькую улыбку:

— Ну, получил по ноздрям, ходатай?! — едко спросил он у Федора Ксенофонтовича. — За что именно он тебя так?

— Сам толком не знаю... В двадцать пятом году я его как никудышного командира роты выпроводил из своего полка на курсы. По глупости подписал нужные для этого документы... А после курсов мне вернули его — с повышением в должности... Пришлось опять убирать... А он оказался не только плавучим, но и мстительным...

Их разговор прервал вышедший из блиндажа полковник Гулыга. Он был бледен и хмур, глаза его казались ничего не видящими, неподвижными и таившими тяжкую душевную боль.

— Разрешите, товарищ генерал-лейтенант, привести приговор в исполнение? — тихо, со сдерживаемым чувством отчаяния в голосе спросил он у Конева.

— Можете поручить сделать это без вас, — хмуро ответил Конев.

— Нет, я уж сам...

Миша Иванюта, стоя в строю рядом с Казанским, буквально на несколько секунд отвлекся к пленным немцам, которых по дальнему краю оврага препровождали к землянкам разведывательного отдела штаба дивизии.

— Вон моих «крестников» повели, — шепнул он старшему политруку Казанскому. — Надо не прозевать их допрос.

В ответ Казанский толкнул его локтем в бок, и тут Миша увидел Рукатова, ничего вначале не поняв. Почему он под конвоем, без знаков различия и со связанными руками?.. Но человеческий разум способен сразу охватывать многое, особенно вытекающее друг из друга, объединять его и высветливать итог. Он вспомнил, как там, за Царевичем, когда немецкие танки контратаковали наши наступающие батальоны, капитан Гридасов грозил в телефонную трубку артиллеристам всеми карами за то, что они вовремя не оказывали должной огневой поддержки... Верно, что-то у артиллеристов там не получалось... А начальник над ними — майор Рукатов.

«Доигрался, гад?!» — полоснула Мишу злорадная мысль и тут же потухла. Более того, почему-то очень не

хотелось встретиться взглядом с Рукатовым, который замедлил шаг и, всматриваясь в лица своих бывших сослуживцев, как-то жалко и горько улыбался. Кое-кому кивал головой — то ли здоровался, то ли прощался. Было похоже — он еще не верил до конца, что это его последние шаги по земле... А может, действительно не последние, может, генерал Конев отменит приговор военного трибунала и Рукатов пойдет рядовым бойцом на передний край, в самое горячее место, чтобы кровью искупить вину?..

Но прозвучала команда, и строй зашагал по косогору куда-то в лес. Туда же вели и осужденного. И всем стало ясно, что приговор военного трибунала остается в силе. А в приговоре было записано, что артиллерия дивизии не поддержала должным образом наступления ее стрелковых полков. Майор Рукатов со своим отделом сделал расчет обеспечения атаки, поставил задачу артдивизионам на перенос огня по рубежам в глубину обороны противника, но не позаботился о точном доведении приказа до артиллерийских командиров о заградительном огне на танкоопасных направлениях, а в ходе боя вовсе потерял связь и не сумел сманеврировать всей мощью артиллерии таким образом, чтобы развить наметившийся успех одного из батальонов правофлангового полка. В итоге — атака полков дивизии захлебнулась...

На войне бытует жестокий и справедливый закон: не выполнил приказ и погубил людей по своему недомыслию или нерадивости — расплачивайся собственной жизнью. И, может быть, это не только наказание для тебя, ибо лишить тебя жизни — еще очень мало, чтобы воздать тебе по твоей тяжкой вине; это и суровый урок для других...

Строй командиров и политработников остановился на опушке рощи, выбегавшей из оврага, и по чьей-то команде повернулся лицом к свежевырытой яме, к которой подвели Рукатова. Куда-то исчезли конвоировавшие его красноармейцы; остались на их месте только начальник военного трибунала — высокий, полногубый, с интеллигентным, но удрученным лицом, и его заместитель — широкогрудый майор, все время вздыхавший, видимо оттого, что ему предстояло самое тяжкое — привести приговор в исполнение.

Теперь, когда строй стоял лицом к яме, когда десятки глаз осуждающе и страждуще смотрели на Рукато-

ва, он уронил голову и покачнулся. Чтобы не упасть, широко расставил ноги, но поднять глаза уже не смел.

На середину строя и вперед неуверенной странной походкой вышел командир дивизии полковник Гулыга — высокий, поджарый. Его худощавое обветренное лицо с двумя бороздами, скобкой охватившими тонкогубый рот, было нахмурено и прятало в скорбных глазах то ли невыносимую боль, то ли яростный гнев.

Гулыга остановился между строем и Рукатовым, затем, видимо поняв, что заслоняет осужденного, отошел в сторону. Сурово-болезненным взглядом скользнул по нахмуренным лицам командиров и политработников, тяжко вздохнул и заговорил непривычно тихо и хрипло:

— Товарищи... В наших руках судьба Родины. Стоит вопрос: быть или не быть Советскому государству, быть нашему народу свободным или пойти на погибель в рабство. И в эту страшную годину встречаются среди нас люди, которые предают нас своей вопиющей безответственностью, своей беспечностью и расхлябанностью... По вине майора... бывшего майора Рукатова мы с вами не сумели выполнить приказ командующего фронтом... По вине Рукатова дивизия понесла потери. В самые ответственные минуты наступления начальник артиллерии дивизии Рукатов потерял управление своим родом войск. А потом, вместо того чтоб исправить положение, он напился пьяным до бесчувствия... Я с трудом удержал себя, чтобы не расстрелять его без суда!.. — Полковник Гулыга умолк, его нахмуренные глаза заволоклись слезой. — Никогда не мог предположить, что мой... — губы полковника вдруг задергались, из его глаз покатились слезы; торопливо достав из кармана платок, он отвернулся и стал вытирать лицо. — Простите меня... — после напряженной мучительной паузы прерывистым голосом продолжил Гулыга: — Простите меня... Я никогда не мог предположить, что мой зять...

От неожиданности весь строй будто задохнулся, издав какой-то хрипящий звук, после которого наступила страшная своей трагичностью тишина... Уже, кажется, никого не волновала судьба бывшего майора Рукатова. Тысячи игл впились в сердца, вызывая мучительную боль сострадания к этому немолодому полковнику, который в детской беспомощности не мог сейчас выговорить ни слова, принимая на глазах у всех тяжкие муки, стыдясь их и не находя возможности уклониться от них.

— Да-да, — пересиливая спазмы рыданий, почти шепотом продолжил командир дивизии. — Рукатов — мой зять... Он муж моей дочери... Отец моих внуков. Кое-кто знал об этом... — Гулыга остановил болезненный взгляд на Иванюте. — Он случайно был прислан в нашу дивизию, и я запретил ему до поры говорить о нашем родстве... Сами понимаете...

Миша Иванюта почувствовал, что у него в груди будто взметнулся огонь, а к горлу подкатил горячий клубок, мешавший дышать, и от этого из глаз градом полились слезы. Он стыдливо смахнул их рукавом гимнастерки, скосил взгляд на стоявшего рядом старшего политрука Казанского и увидел, что и у него покатилась по щеке слеза, забегая по пути в каждую оспинку на щеке.

— Поступить иначе, — голос полковника Гулыги неожиданно окреп, — мне не позволил долг солдата. У каждого из нас своя родня, а Родина у всех одна!.. Не отдать Рукатова под трибунал — значит попрать память всех погибших по его вине! — Командир дивизии повернулся к Рукатову, окатил его сурово-негодующим взглядом и, вдруг сгорбившись, зашагал с высоты в овраг. Когда проходил мимо начальника трибунала, не поднимая головы сказал: — Продолжайте...

Начальник трибунала прерывающимся голосом зачитал приговор, после чего Рукатов был расстрелян.

9

Оказывается, как в целом малозначащи даже самые яростные вспышки гнева, если они в конечном счете не привели к беде и остаются позади. Миша Иванюта вспомнил свою ненависть к майору Рукатову, которая клокотала в нем после того, как Рукатов оскорбил его подозрением в нечестности и как между ними возникла драка. А сейчас, когда Рукатова расстреляли, Миша совсем не ощущал никакого злорадства. Более того — очень сочувствовал полковнику Гулыге, тестю Рукатова.

Но война — это великая фабрика смерти и огромное поле деятельности для живущих. На ней надо постоянно помнить о своих обязанностях и не упускать времени для их исполнения. Когда красноармейцы комендантского взвода начали засыпать яму с телом Рукатова и строй присутствовавших при расстреле был распущен, политрук Иванюта отыскал глазами начальника разведотдела

штаба дивизии — крупнотелого неприветливого майора Кошелева и пошел вслед за ним. Знал, что тот начнет сейчас допрашивать пленных немцев и газетчик упустить такое событие не должен.

Кошелев шел с построения не то что в расстроенных чувствах, а в полном потрясении. Он еще до войны служил под командованием полковника Гулыги, знал его семью, не раз видел дочь Зину — жену Рукатова, — высокую, длинноногую, белокурую, с двумя розовощекими мальчиками-близнецами. Понимал, как же тяжело было Гулыге отдать под трибунал отца своих внуков!

Миша Иванюта даже со спины угадывал, что майор Кошелев чувствует себя плохо, но неотступно следовал за ним вниз по склону оврага. Прошли глубокую котловину, по дну которой стелилась в тени деревьев хорошо накатанная дорога, поднялись на противоположный склон. У крайней землянки Миша увидел пленных немцев. Они сидели в густой тени сосен и, держа на коленях котелки, выскребали из них ложками кашу. Тут же полулежал на плащ-палатке знакомый Мише переводчик — хилый желтолицый лейтенант Сурис.

При виде майора Кошелева лейтенант Сурис вскочил на ноги и не очень по-военному доложил, что пленные к допросу готовы.

Тут Миша и напомнил о себе начальнику разведки:

— Товарищ майор! Разрешите представиться: корреспондент дивизионной газеты политрук Иванюта!.. Разрешите...

— Не разрешаю! — яростно взревел Кошелев. — Убирайтесь отсюда и не мешайте мне работать!

— Товарищ майор, но ведь газета...

— Шагом марш отсюда! — Казалось, Кошелев кинется сейчас на Иванюту с кулаками.

— Товарищ майор... Вам придется давать объяснения комиссару дивизии. Я же не на блины к вам прошусь!

Мише показалось, что последние его слова облагоразумили Кошелева. Он как-то сник, отвернулся от Иванюты и, достав папиросы, неторопливо закурил. Потом оценивающим взглядом посмотрел на пленных и уселся на казарменную табуретку, стоявшую у входа в землянку. На Иванюту взглянул уже как бы нехотя и спокойно изрек:

— Политрук, я тебя очень прошу... Сгинь с моих глаз.

— Ну хорошо, — с язвинкой в голосе сказал Миша. — Я уйду... сгину... Но потом явитесь вы, товарищ майор Кошелев, пред ясные очи парткомиссии.

— Явлюсь, ладно, — устало, почти миролюбиво ответил Кошелев и махнул на Иванюту рукой так, будто сталкивал его откуда-то.

Миша быстро зашагал по косогору вниз, к землянкам начальства, сгорая от мстительного нетерпения скорее доложить комиссару дивизии о всем происшедшем. Мысленно слагал жесткие обвинительные фразы, которые он произнесет в адрес майора Кошелева перед полковым комиссаром. Потом его вдруг охватило сомнение: ведь разведотдел штаба — первичный источник информации для газеты о действиях всех разведподразделений дивизии. Загрызешься с его начальством, потом ходу туда не будет вовсе или станут давать сведения сквозь зубы. Эта практичная мысль охладила Мишу, он заколебался, замедлил шаг. «Может, вначале доложить старшему политруку Казанскому?..» И словно в ответ на его вопрос, послышался металлический звон: «Бам-бам-бам...» — сигнал воздушной тревоги.

Иванюта огляпулся вокруг, но спасительных щелей поблизости не увидел. Рядом стоял только замаскированный грузовик. Кинулся к нему, под крутизну стенок капонира, вырытого в склоне оврага. Тут же увидел в небе шестерку немецких «юнкерсов», проходивших стороной над лесом.

«Зря запаниковали, — подумалось Мише. — Куда-то в тыл летят».

Но бомбардировщики вдруг круто развернулись и один за другим стали пикировать прямо на овраг. Послышался знакомый, нарастающий вой бомб, кинувший Мишу на землю в угол капонира.

Взрывы начали сотрясать лес, стал раздаваться треск поврежденных деревьев, а затем гулкие их удары о склоны оврагов. Донесся истошный человеческий вопль — кого-то тяжело ранило или придавило; недалеко протяжно заржала лошадь... А взрывы продолжали оглушать все живое. Миша услышал, как рядом заскрипела подсеченная крупным осколком сосна, затрещала обламывающимися ветвями и рухнула на капонир, воткнувшись сучьями в крышу кабины грузовика и обвалив на Иванюту глыбу земли...

«Юнкерсы» ограничились одним заходом, видимо не

заприметив крупной цели в оврагах, и затем понесли оставшийся груз бомб в сторону станции Вадино.

Миша выбрался из капонира, отряхнулся от земляного крошева и мелких веток. Увидел, что будто пронесся над оврагами могучий смерч. Вокруг клубились дым и пыль, в которых уже явственнее слышались крики раненых, ржание покалеченных лошадей и перекличка приступивших к своему делу санитаров. На склонах безобразно громоздились зелеными копнами ветви сваленных, упавших друг на друга деревьев.

Что-то заставило Иванюту вернуться к землянкам разведотдела, будто знал, что бомбы упали и туда. Не ошибся... С ужасом увидел разметанную землянку и свежие, еще дымящиеся, воронки вокруг нее. Даже не почувствовал, как подломились под ним ноги. Уже сидя в траве, заметил на ветвях устоявших деревьев обрывки военной одежды — нашей и немецкой... Понял — бомбы прямым попаданием разорвали всех в клочья... Почувствовал тошноту и тоскливо, с болью в груди, подумал о том, что майор Кошелев перед своей смертью прогнал его сейчас от верной гибели...

10

Совсем низко под самолетом величественно громоздились пышными сугробами облака — белесые и пепельно-голубые. Они простирались в бесконечность, местами вздыбливались как застывшие клубы дыма и, просвечиваемые солнцем, ярившимся где-то справа над самолетом, излучали белизну, резавшую глаза.

Молотов сидел в кресле по левой стороне салона, задумчиво глядел сквозь стекло иллюминатора на менявшие очертания облака. Иногда устремлял взгляд в блекло-голубую высь, где шли два истребителя. Знал, что еще два истребителя охраняют самолет, в котором он летел в Архангельск, со стороны солнца.

Перед ним, на квадратном столе, покрытом красно-оранжевым бархатом, лежали сегодняшние московские газеты. Но читать не хотелось: он давно не ощущал такой расслабленности, неустойчивости равновесия чувств и ума. Разумно было бы поспать, но, несмотря на усталость, на прошлые бессонные ночи, которые следовали одна за другой почти с самого начала войны, не мог принудить себя ко сну. Вспомнил, как Полина, жена его,

собирая ему в дорогу чемодан, с напускной строгостью наказывала: «Вече, будь умницей — отоспись в полете. А то у тебя уже не лицо, а маска. Я иногда пугаюсь твоей угрюмой усталости... Хочешь, заклею стекла запасного пенсне черными бумажками? Наденешь в самолете и тут же убаюкаешься?..» Шутница Полина Семеновна... Заботливая. Сама устает на своей работе до полного изнеможения, а чувства юмора не теряет.

Да, перешагнул он в усталости какой-то рубеж и, кажется, лишился возможности повелевать самому себе: не мог уснуть, не мог читать, и мысли делались порой своевольными, неизвестно откуда бравшими начало и куда исчезавшими. Вот и сейчас почему-то вспомнились Молотову дореволюционные времена... Пребывание в ссылке в Иркутской губернии... Его побег из ссылки в Казань. Почему в Казань?.. И память вдруг высветлила лицо Самуила Марковича Браудэ — присяжного поверенного из Казани. Он приехал в Иркутскую губернию, в чалдонское село, к сосланной туда жене-эсерке, ставшей потом коммунисткой. Браудэ отважился предложить Молотову (тогда еще Вячеславу Скрябину) свой паспорт для побега... Из Казани пробрался Скрябин в Петроград, где стал работать на нелегальном положении, участвуя в подготовке революционного восстания.

Ссылки... Тяжкие изломы судьбы. Жизнь там пусть не горела — теплилась, но продолжалась... Опять вспомнилось то далекое чалдонское село. Большой рубленый дом, встреча нового, 1916 года. Собралось человек двадцать ссыльных — кто отбыл каторгу, кто прислан на вечное поселение. Кроме большевиков, пришли «эсдеки», эсеры. Пили местное пиво, дравшее горло (потом узнали, что оно настояно на курином помете), говорили тосты, вкладывая в них и свои противоречия. Но все-таки надо было праздновать Новый год, и решили «объединиться» хотя бы песней. Не получилось: молодежь запела «Интернационал» — международный пролетарский гимн, а старики затянули «Марсельезу» — гимн буржуазно-освободительных движений. На «пустом месте» вспыхнула ссора, и рассерженные старики покинули дом.

Вспомнился еще один соратник по другой ссылке — Сергей Иванович Малашкин... И еще один Новый год — уже в Москве... Малашкин — активный и бесстрашный участник боев с жандармами и солдатами на Пресне во время Декабрьского вооруженного восстания в 1905 году.

Неутомимый спорщик и говорун, всегда смотревший на собеседника с критическим прищуром глаз, над которыми топорщились косматые брови. Ссылка сдружила их. После Октябрьской революции Малашкин стал довольно известным писателем, но давно почему-то замолчал, хотя его романы и повести двадцатых годов вызывали необычный интерес у читающей публики, поддержку со стороны одних критиков и острые нападки других. Давненько они уже не встречались, не перезванивались.

Молотову вдруг стало весело, он даже беззвучно рассмеялся, вспомнив, как в двадцатых годах... Когда же это было?.. Да, подводит память... Наступил тогда очередной Новый год. Обитатели Кремля встречали его по-семейному — с женами, с детьми. Большинство мужчин и женщин были еще молодыми да озорными — в едином застолье произносили шутливые тосты и каламбурили, пели песни, плясали под патефон или гармошку, на которой мастерски играл Семен Буденный.

Во второй половине ночи застолье начало редеть — первыми разошлись жены и дети. А в Сталина как бес вселился! Возбужденный, он сидел рядом с Буденным напротив Молотова.

«Я бы не прочь сейчас куда-нибудь завалиться, сменить обстановку», — с веселой дерзостью, но тихо сказал Сталин, обращаясь к Молотову.

«Интересно?! — с ухмылкой отозвался Молотов. — Появится сейчас Генсек с компанией, скажем, в ресторане «Националь»! Во будет пассаж!»

«Нет, куда-нибудь бы на нейтральную территорию, без соглядатаев», — ответил Сталин.

«Махнем на конный завод, — предложил Буденный. — Я сейчас позвоню, и пока доедем, там стол накроют».

«А чем будут угощать — овсом или сеном?» — с напускной серьезностью спросил Молотов.

«Возьмем с собой, что требуется», — не принял шутки Буденный.

«Тогда я согласен, — сказал Молотов. — Только поедем не к лошадям, а давайте к моему другу Сергею Малашкину. Ты, Коба, его знаешь».

«Ну, как же! Знаю этого романиста и спорщика».

«Он живет совсем рядом. А жена его, Варвара Григорьевна, — воплощение гостеприимства», — напомнил Молотов.

Минут через двадцать взволнованный Сергей Малашкин открывал дверь неожиданным гостям, хотя Молотов успел позвонить ему по телефону о приезде. В столовой уже проворно хлопотала Варвара Григорьевна, расставляя на столе посуду, закуски. Но гости приехали со своей «королевской» закуской и выпивкой — бочонком соленых арбузов и плетеной бутылью грузинской чачи. На плече Буденного висела гармошка.

Новогоднее веселье продолжалось. Малашкин, произнося приветственный тост в честь гостей, от волнения назвал Буденного не Семеном Михайловичем, а Михаилом Семеновичем. Это дало повод для шуток. Затем новые тосты, песни и пляски под гармошку. Новогодняя ночь позволяла, по обычаю, не особенно соблюдать тишину, если бы не одно обстоятельство. Сталин, как бывший студент духовной семинарии, любил церковные песнопения и знал духовные обряды. Его репертуар давно был знаком и Молотову, и Буденному. И в квартире, словно на клиросе, зарокотал слаженный хор, над которым властвовал высокий и резкий голос Сталина...

На второй день Сергея Ивановича вызвали в домоуправление, где его ждал строгий участковый милиционер с чьей-то письменной жалобой на то, что в новогоднюю ночь в квартире писателя-коммуниста Малашкина до рассвета продолжалось буйство с гармошкой, плясками и песнями, да не простыми, а религиозными, которые поются только в церквах. Малашкин не мог сказать милиционеру, уже составлявшему протокол, правду о том, каких гостей он принимал. Ему бы не только не поверили, но и «привлекли» бы к ответу за «клевету» на руководителей партии и правительства... Да и не хотелось Сергею Ивановичу давать повода для вздорных разговоров... А через неделю старого, с 1906 года, коммуниста Малашкина обсуждала партячейка и, кажется, объявила какое-то взыскание.

Только в канун очередного Нового года Сергей Иванович, опасаясь, что ему вновь окажут честь высокие гости, напросился на встречу с Молотовым. Встретившись, они гуляли по территории Кремля, разговаривали о литературе. Тогда Малашкин и рассказал Молотову о постигших его неприятностях вследствие новогоднего их визита к нему. Молотов, не склонный к бурным вспышкам веселья, на этот раз хохотал без удержу, захлебываясь на зимнем ветру, который гонял по кремлевской брусчатке снежные вихри.

В это время мимо них проезжал в автомобиле Сталин. Увидев сквозь стекло неуемно хохочущего Молотова, он так изумился, что остановил машину и присоединился к гуляющим. Малашкину пришлось повторить свой горестно-веселый рассказ. Сталин тоже стал посмеиваться, а потом шутливо изрек:

«Товарищ Малашкин, мы сердечно благодарим вас, что не дали в обиду и не посрамили членов Политбюро. А то пришлось бы нам с Молотовым и Буденным платить штраф в милицию и держать ответ перед партийной комиссией».

...От воспоминаний оторвал Молотова резкий крен самолета, а затем его крутое снижение. Через минуту за стеклом иллюминатора стала проноситься белесая муть, в салоне стало пасмурно, а самолет начало трясти, будто его волокли по бугристой, с колдобинами, дороге. За шумом моторов Молотову не были слышны пулеметные очереди: где-то над облаками наши истребители вступили в бой с «мессершмиттами»...

Вскоре самолет вновь вынырнул из облаков и стал утюжить их верхние кромки. В салоне будто рассвело. Молотов взял со стола газету и прочитал информацию ТАСС об очередной бомбардировке нашими самолетами Берлина. В памяти возникло желтоватое, ротастое лицо Геббельса, его тощая и укороченная природой фигура, вспомнились берлинские переговоры в ноябре прошлого года, ночная бомбежка германской столицы английской авиацией; вместе с Герингом и Геббельсом ему пришлось тогда отсиживаться в бомбоубежище и задавать руководителям немецкого рейха саркастические вопросы, связанные с тем, что Германия преувеличивает свою военную неуязвимость. Вспомнилось совсем недавнее заявление Геббельса, сделанное им перед своими и зарубежными корреспондентами. Геббельс с надменной хвастливостью заявил, что ни один советский самолет не появится над Берлином, ибо советская авиация полностью уничтожена.

Вот тебе и уничтожена! А ведь английские и американские газеты охотно разрекламировали это хвастовство немецкого обер-пропагандиста. Затем же, словно и не было прежних публикаций, в Англии, да и во всем мире буржуазная пресса будто ударила в колокола, извещая свои народы, что Советы начали чуть ли не каждую ночь

бомбардировать с воздуха военные объекты Берлина! Так с чего же все, связанное с бомбардировками Берлина, началось? Ведь советская дальнебомбардировочная авиация могла гораздо раньше наносить бомбовые удары по Берлину, когда по расстоянию он был ей доступнее... У Сталина на сей счет имелась своя точка зрения. Кроме прочего, он, как и Молотов, помнил, что 27 сентября 1939 года 1150 немецких самолетов превратили в сплошные руины Варшаву, под которыми погибло мирного населения в пять раз больше, чем польских войск, оборонявших свою столицу. А варварская бомбардировка немцами английского городка Ковентри? Ведь не военные объекты!.. Но когда Геринг бросил свои воздушные эскадры на Москву, надо было ответить ударом на удар. И сейчас, когда Молотов летел в Архангельск встречать крейсер «Лондон», на котором прибывали для переговоров и подписания союзнических документов полномочные представители Рузвельта и Черчилля, у Молотова имелся еще один важнейший аргумент в пользу Советского Союза — краснозвездные самолеты над Берлином!

Так с чего же все началось? Ведь каждое событие имеет свои причины и имеет свое начало. Любое же военное событие является отдельным звеном всей цепи войны. Первое ее звено обычно висит на крюке, прочно вбитом в плотную политическую стену межгосударственных отношений. Он, Молотов, всегда напряженно размышляет об этом, часто устремляя мысль о войне к началу всех начал. Думает он и сейчас об аргументах, которые, при необходимости, надо будет выложить на стол переговоров с Гарриманом и Бивербруком.

Лететь до Архангельска было еще долго, и здесь, в поднебесье, мысли его вдруг потекли свободно и неторопливо.

X

Для руководителей государства и его Вооруженных Сил война заключает в себе множество тайн, непредвиденностей, случайностей и опасностей. Разобраться в их нагромождениях и противоречиях, рассмотреть подлинный смысл ставшего известным сегодня, предугадать завтрашний день с его военными, политическими и дипломатическими загадками, заглянуть в ближайшее будущее и, не впадая в отчаяние, принять по возможности верные решения — вот главная боль их души и томя-

щее ощущение трагичности от бессилия побороть сомнения и утвердиться в истинности вызревающих предположений.

Народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Молотов часто возвращался мыслью к главному: агрессия фашистской Германии против Советского Союза начата Гитлером с надеждой опереться в ней на «пятую колонну», которая, по сведениям фашистской разведки, существовала в Москве и в советских республиках, а также на вступление в войну против СССР, кроме сателлитов Германии, еще и Японии, Турции и, возможно, Англии. Да, да, именно Англии! Она, Англия, с ее тайными упованиями, как предполагал Молотов, держала в своих руках ключ от главных событий второй мировой войны. События эти вызревали до сих пор, внешне маскируясь благожелательной по отношению к СССР политикой английского правительства, двоедушие которой наиболее прозрачно обнаружилось еще летом 1939 года, когда усилиями Англии, при согласии французского правительства, были сорваны Московские переговоры, несмотря на то, что советская сторона выдвинула конкретный военный план совместных действий СССР, Великобритании и Франции. Советский Союз предлагал выставить на фронт в случае агрессии в Европе 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, 9—10 тысяч танков, от 5 до 5,6 тысячи боевых самолетов... Переговоры не увенчались успехом, что и вынудило Советское правительство подписать с Германией пакт о ненападении, в то время как Чемберлен — тогдашний английский премьер-министр — упорно добивался соглашения между Англией и гитлеровской Германией, толкая последнюю на агрессию против СССР. Однако завоевательные аппетиты Гитлера были куда более масштабными. Это привело к тому, что после нападения на Польшу Германия оказалась в войне еще и с империалистической коалицией, состоявшей из Британской империи и Франции.

Сии события далеко позади, как и все, связанное с полетом 10 мая 1941 года в Англию заместителя Гитлера по нацистской партии Рудольфа Гесса. Молотов и Сталин тогда же разгадали цель этого полета, зная, что лорд Данг Гамильтон, близ имения которого приземлился на парашюте Гесс, являлся одним из приближенных английского короля Георга VI и активным участником влиятельной профашистской группировки в политических кругах Англии. Но пока не знали очень важного...

Оказалось, что задолго до своего полета в Англию Гесс тайно направлял лорду Гамильтону письма и получал дружественные ответы. При этом Гесс не подозревал, что его письма попадали не лорду, а в английскую разведку Интеллидженс сервис, которая от имени Гамильтона писала Гессу письма и таким образом заманила его в Англию. Зачем? Конечно же, не в гости, а для переговоров... Вскоре закордонный агент НКВД СССР подтвердил это своими донесениями, и сейчас уже было наконец точно известно: Рудольф Гесс заявил тогда представителям английского правительства, что прибыл к ним с предложением мира, выдвинув от имени Гитлера требования: признать германскую гегемонию в Европе, возвратить бывшие германские колонии в Африке, узаконить германское господство в некоторых других районах и признать захватнические претензии фашистской Италии. Надеялся Гесс и на то, что сумеет склонить Англию к совместной борьбе против СССР; Англия, в свою очередь, опасалась, как бы Советский Союз не пошел против нее в поддержку Германии.

Но еще раньше стало известно советской разведке и о другом, в том числе о тайных переговорах немцев с англичанами по смежным каналам. Эти переговоры велись еще накануне вступления Англии во вторую мировую войну. Источником такой информации стал британский посланник на Кубе Джордж Оджильви Форбес, в прошлом советник английского посольства в Берлине. По поручению английского правительства, в чем-то не доверявшего своему послу в Берлине Невилю Гендерсону, он за спиной посла секретно общался с немцами. За несколько дней до нападения гитлеровских войск на Польшу, о сроках которого хорошо было известно английскому правительству, с Форбесом связался человек, назвавшийся шведом Далерусом. Швед сообщил Форбесу, что имеет поручение наладить переговоры между представителями правящих кругов Англии и Герингом, как самым приближенным лицом Гитлера. Переговоры велись на берлинской квартире Далеруса. Последний на своем личном самолете ежедневно летал из Берлина в Лондон, докладывал там о результатах переговоров и возвращался с ответами английского правительства. Геринг, как сообщал закордонный агент НКВД, уже был готов «поладить с

англичанами, но переговоры сорвались из-за его непримиримости в вопросе о Польше».

Если Молотов каждое из подобных секретных донесений воспринимал как факт, из которого нужно было делать выводы и учитывать их в дальнейших взаимоотношениях с английским правительством и английскими дипломатами, то Сталин еще и очень интересовался обстоятельствами, при которых те или иные сведения были добыты. Конечно же, не ради любознательности, — он очень остерегался дезинформации. Иногда ему удавалось получить интересовавшие его подробности, удовлетвориться ими, но чаще не удавалось из-за сложностей конспиративной деятельности советской разведки. Тогда между ним и Молотовым начинались «взвешивания» — Сталину необходимы были логические доказательства неоспоримости полученных от разведки сведений и убедительная мотивировка вытекающих из них решений и предположений. Это подчас оказывались нелегкие для Молотова дискуссии, ибо, как он понимал, Сталин выверял его суждениями свое видение событий в мире, свои тревоги, сомнения, догадки. Может, только сейчас Сталину и ему, Молотову, окончательно прояснились причины того, почему Германия вновь решилась воевать на два фронта, хотя история в лице великих немцев строго предостерегала ее от этого.

Письмо военного историка профессора Нила Романова, написанное Сталину в самый канун немецкой агрессии, в которое внимательно вчитывались все члены Политбюро, тоже дало толчок к поискам ответов на многие вопросы. Главный из них Сталин сформулировал конкретно и точно: немедленно, любой ценой добыть последние цифры, которые бы отражали сегодняшний военно-экономический потенциал фашистской Германии, чудовищно раздувшейся от переизбытка сил за счет ограбления порабощенных ею европейских государств. Вновь и вновь перетряхивали свои папки работники разведывательного управления Генштаба, сотрудники НКВД, ведавшие агентурной разведкой. В разные страны полетели радиошифрограммы засекреченным адресатам. Пришлось прибегнуть к помощи перевербованных агентов иностранных разведок...

Результаты всего проделанного оказались чудовищно удручающими, еще раз напомнив истину, что время есть последовательная смена событий; длительность этой

смены, время, находясь в одном измерении, необратимы. Время сработало на Германию...

Ф. Энгельс писал в «Диалектике природы», что «уже разбивание ореха есть начало анализа».

«Тут даже и орех не надо разбивать, все ясно без анализа», — хмуро сказал Сталин, когда Молотов положил на его стол два листа бумаги с машинописным текстом. Один текст был озаглавлен: «Германия», второй: «СССР».

Сталин строго посмотрел на Берию, сидевшего в конце стола для заседаний. Поблескивая пенсне и вытирая смятым платком обвисшие пористые щеки, тот выглядел виновато, догадываясь, что Сталин сейчас начнет его распекать. Так и случилось.

«Вы, товарищ Берия, должны были представить нам эти уточненные сведения о Германии еще задолго до начала войны! — Сталин не отрывал сумрачного взгляда от листа бумаги. — Ваши разведчики лодырничали, а вы не требовали от них того, что нам надо! Почему Сталин сам должен обо всем думать, напоминать, кому и что следует делать?! Это же элементарные сведения!» Он стал зачитывать вслух, переводя взгляд с одного листа бумаги на другой: «Германия, ее союзники и оккупированные ею страны имеют населения 283 миллиона человек, СССР — 194 миллиона человек. Электроэнергии Германия выдает 110 миллиардов киловатт-часов в год, СССР — около 49. Стали — 43,6 миллиона тонн, СССР — 18,3. Угля — 348 миллионов тонн, СССР — 165».

«Товарищ Сталин, примерные сведения о Германии имелись в Генеральном штабе», — обидчиво стал оправдываться Берия.

«Они должны были быть точными и лежать у меня на столе!.. У каждого члена Политбюро!.. У заведующих отделами ЦК!.. А почему мы только сейчас узнаем и об этих цифрах?! — Сталин постучал тыльной стороной руки по документу. — Вдуматься только в них! Немецкие фашисты перед нападением на СССР, оснащая свою армию вооружением и запасами, взяли их и у 30 чехословацких дивизий! Еще год назад они вывезли в Германию вооружение 6 норвежских, 12 английских, 18 голландских, 22 бельгийских и 92 французских дивизий!.. Утаить такую силищу было немыслимо! Почему вы не знали об этом, товарищ Берия?!»

«Кое о чем знали...»

«На базе трофейного транспорта, особенно за счет французских машин, гитлеровцы сформировали 90 своих дивизий!»

Сталин распалялся все больше. В этом его гневе были досада, боль, негодование. Но был и поиск мысли...

«Товарищ Коба, по-моему, ты забываешь одно обстоятельство, сопутствующее тому, что мы сейчас услышали от тебя», — спокойно проговорил Молотов.

«Какое еще там обстоятельство?!.»

«Забываешь, что именно эта сверхмощь Германии, перед которой пало на колени столько европейских государств, и напугала Англию и США, обратила их в наших союзников...»

«Этого никто не отрицает! Уже приезд к нам Гарри Гопкинса, как посланца не только Рузвельта, но и Черчилля, кое о чем говорит».

«И окажись мы сейчас перед лицом Германии более сильными в военном и экономическом отношениях, — невозмутимо продолжал Молотов, — кто знает, с кем бы они были».

«Ты имеешь в виду Англию и Америку?»

«Разумеется».

«Полагаешь, мы именно поэтому не стали переводить всю нашу экономику на военный ход в тридцать девятом, когда Гитлер развязал вторую мировую войну? Верно, они могли бы тогда найти с ним общий язык и направить объединенные силы для уничтожения единственного в мире социалистического государства».

«Ну, не только поэтому. — Молотов, кажется, не возражал Сталину, а уточнял его мысль. — Тогда, в тридцать девятом, у народа нашего еще не отболело прошлое — потери на фронтах гражданской войны, а это миллионы и миллионы людей... А белый и красный террор?.. А разруха, вызванная войной, голод, коллективизация с ее безобразными гримасами, и опять голод... Потом тридцать седьмой и восьмой годы...»

«А главное упускаешь, товарищ Молотов, — недовольно перебил его Сталин. Заметив, что в кабинете стало сумрачно, он поднялся из-за стола и зажег люстру под потолком. — Забываешь нашу борьбу за ленинские идеи против троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов... А чего нам стоили происки капиталистического окружения?..»

«Каждый человек носит в себе все прожитое человечеством не только в его бытность, но и до него... Всего сразу не скажешь, когда оглядываешься назад. — Молотов посмотрел на молчавшего Берию. — Можно еще вспомнить, как предшественники Лаврентия до безобразия раскачали при нашем попустительстве борьбу с врагами народа, начав искать врагов и там, где их не могло быть, могли быть только предположительно или...»

Что стояло за этим оборвавшим фразу «или...» — ответить истории...

«Да-да, — согласился Берия. — Я до сих пор расхлебываю».

«Он расхлебывает, — проворчал Сталин и начал раскуривать трубку. — Все мы расхлебываем... еще долго будем расхлебывать... а может, и захлебнемся... — Затем вновь обратился к Молотову: — Давай не будем обманывать хоть себя: переводили мы экономику на военные рельсы медленно из-за своей слабости... Двадцать лет после Октябрьской революции — срок очень мизерный, чтоб набрать силы... И сейчас у нас колоссальная нехватка оружия».

«Да, проблем много», — согласился Молотов и, видя, что Сталин, достав из ящика стола пузырек, начал накапывать из него в стакан лекарство, придвинул к нему бутылку с боржоми.

Выпив капли, Сталин подержал руку на левой стороне груди, не без удрученности сказал:

«Вот умру я, а вы в Политбюро и в правительстве наверняка передеретесь, как мальчишки. Будете искать виноватого в наших общих ошибках... Да, много ошибок, много трудностей. Виноватым окажусь я один, и могилу мою загребете мусором... Но ничего... ничего, возможно, ветер истории со временем развеет этот мусор... Возможно».

«Всякое может быть, — Молотов вздохнул. — Но не будем заглядывать далеко вперед! Воевать надо».

11

Новый всплеск остроты дискуссий в кабинете Сталина ощутил Молотов после первого массированного налета немецкой авиации на Москву, когда столичная противовоздушная оборона сумела весьма эффективно отразить этот пятичасовой налет и нанести особой авиационной группе генерал-фельдмаршала Кессельринга, состоявшей

из 250 бомбардировщиков, внушительный урон. Бомбового удара немцев по Москве ждали во всем мире: одни — с тревогой, другие — с надеждами. Ведь до сих пор ни одна столица европейских стран, на которые обрушивала свои удары немецкая авиация, не устояла. Москва, по замыслу правителей фашистского рейха, тоже должна была в одну ночь превратиться в сплошные руины и пепелища. Но этого не получилось у немцев, хотя мир забурлил известиями, будто от Московского Кремля и Москвы в целом ничего не осталось...

Сталин изучал зарубежные известия о бомбардировке Москвы очень внимательно, пытаясь угадать истинное отношение к СССР главарей буржуазного мира. Молотова же интересовала прежде всего реакция Лондона и Вашингтона на неудачу немцев, которая в конечном счете весьма усиливала позиции Советского правительства в переговорах с союзниками. И в Кремле начались острые дебаты по поводу того, как в этой обстановке еще больше повысить военный престиж Советского Союза.

В ряду других мер все сходились и на том, что надо нанести ответный бомбовый удар по Берлину, и обязательно успешный. Эта идея с особой силой воспламенила воображение Сталина да и Молотова, когда на их рабочие столы легла разведывательная сводка о наиболее важных объектах и промышленных предприятиях Берлина и Эссена. Вот что в ней сообщалось:

«Резиденция Гитлера в Берлине

Правительственный квартал Берлина, где помещается и резиденция Гитлера, расположен в центре города на пересечениях магистралей с запада — Герман-Герингштрассе (бывшая Фридмах-Эбертштрассе), с юга — Фоссштрассе, с востока — Вильгельмштрассе и с севера — Парижской площадью, упирающейся в аллею Унтер-ден-Линден...

Сама резиденция Гитлера и его рабочий кабинет помещаются в здании новой канцелярии, расположенной в южной части правительственного квартала, выходящего на Фоссштрассе. Рабочий кабинет Гитлера расположен на втором этаже центрального трехэтажного корпуса...

Резиденция тщательно маскируется от воздушных налетов путем:

1) частой смены камуфляжных сеток различной окраски и форм, скрывающих габариты здания;

2) установления на здании искусственных деревьев, чем достигается иллюзия скрытия самого объекта (он как бы сливается с расположенным рядом с западной стороны парком Тиргартен);

3) передвижки деревьев (растущих в кадушках) вокруг здания резиденции Гитлера и всего правительственного квартала. Передвижкой деревьев достигается изменение габаритов и расположения прилегающих к зданию улиц, создание «новых» скверов и т. д.);

4) создания над всем кварталом искусственного облака, скрывающего от взора летчика сам объект бомбардировки. Искусственное облако сбивает летчика с определенного ориентира и завлекает его в поражаемую зенитными установками зону.

Наличие большого количества и разнообразие зенитных средств, расположенных в непосредственной близости от объекта, создают мощную полосу заградительного и шквального огня, покрывающего площадь над правительственным кварталом до 1700 м в поперечнике и до 5500 м в высоту, что позволяет вести огонь по воздушным целям на больших, средних и малых (бреющих) высотах.

Наиболее мощная огневая площадь заградительного и шквального огня находится на высоте около 1300—1500 м.

Огонь ведется во взаимодействии с истребительной авиацией и прожекторами, направляемыми звукоулавливателями.

Зенитные батареи в основном состоят: из автоматических малокалиберных пушек 20—45 мм скорострельностью от 120 до 150 выстрелов в минуту, ведущих огонь на небольшую высоту; из пушек калибра 88 и 105 мм скорострельностью до 20 выстрелов в минуту и досягаемостью по высоте до 12 км.

Кольцевые пулеметы ведут огонь по целям до 500 м в высоту.

Наблюдением во время воздушных налетов английской авиации на Берлин замечено, что, несмотря на большую насыщенность зенитных средств вокруг резиденции Гитлера, огонь ведется ими беспорядочно, что объясняется низким качеством подготовки зенитчиков, поэтому мало эффективен.

Для наблюдения за появлением самолетов противника около северной части здания резиденции в центре дворика установлен подвижной наблюдательный пост высо-

той до 15 м. Наблюдательный пункт устроен по типу пожарных лестниц. Во время больших налетов пост наблюдения убирается.

Несмотря на мощную заградительную зону огня, отдельным английским самолетам удавалось прорваться к резиденции Гитлера, но хорошо продуманная немцами маскировка объекта, о чем было сказано выше (искусственно создаваемое облако, появление ложных ориентиров и т. д.), сбивала английских летчиков и вынуждала их быстро выходить из огневого шквала, не достигнув желаемых результатов.

Однако система заградительного огня, построенная по принципу обеспечения поражаемой площади непосредственно над самим кварталом, создает мертвые зоны на подступах к цели... которые хотя и компенсируются подвижными зенитными установками калибра 20—45 мм с небольшим углом возвышения и малой скорострельностью, по недостаточно эффективны, что дает возможность летчикам самолетов нападающей стороны заходить боевыми курсами с этих направлений, не подвергая себя большому риску.

Промышленные объекты Берлина:

В юго-западной части Берлина — в районе Вильмерсдорф, около железнодорожной ст. Шмаргендорф, находится крупный машиностроительный завод, производящий авиационные бомбы и торпеды...

Завод имеет в плане прямоугольную форму площадью 200×600 м с застекленными крышами, двумя высокими трубами и большим подъемным краном.

Основные цеха завода — сборочный трехэтажный и механический двухэтажный — выходят к зеленому массиву на Гинденбургштрассе у пересечения с большой магистралью Мекленбургштрассе.

Участок завода окружен с севера кладбищем и зеленым массивом Гинденбургпарка, с запада и юга — железной дорогой Бильмерсдорф — Инсбург и с востока — Кайзераллее.

Стационарных зенитных установок в непосредственной близости завода не замечено.

В восточной части Берлина — в районе Пренцлауерберг на Франкфуртерштрассе, между зеленым массивом со стадионом с севера и рекой Берлинер-Шпрее с юга, расположен завод «Аргус и Сименс», изготовляющий авиационные моторы...

В районе завода проходит густая сеть городского электротранспорта.

В плане завод представляет прямоугольник площадью 850×320 м.

Основные цеха завода — штамповочный, сборочный и лаборатория —выходят на улицу Франкфуртерштрассе. Корпуса зданий четырехэтажные, с застекленными крышами.

С южной части территории завода проходит Варшавская железная дорога.

Более рельефных ориентиров не установлено.

Стационарных зенитных установок в непосредственной близости от завода не замечено. Мелкая зенитная артиллерия установлена на крышах заводских зданий.

Завод «Фридрих Крупп» в г. Эссене:

Военный завод «Фридрих Крупп» в Эссене, изготовляющий все виды артиллерийских орудий, корабельные башенные установки, снаряды и другие виды вооружения, расположен в северо-западной части города в районе Старого Эссена.

Территория завода занимает площадь до 17 кв. км, обрамленную кольцом железных дорог: с севера — Кёльнской, с запада — заводской веткой и с юга — Берлинской магистралью.

Важнейшие цеха завода — механической обработки деталей, кузнечно-штамповочный и проката, конвейерной сборки электроаппаратуры и сборки корабельных башенных установок — расположены в северной части территории завода и непосредственно выходят на улицы Франц-Кайзерштрассе, Цайменштессераллее и Флендорферштрассе. Рядом с кузнечным цехом расположены специальные установки по переработке угля в бензин.

В центре этих корпусов стоит высокая железная газовая вышка цилиндрической формы, темного цвета, сверху звмаскирована железными стружками под зелень.

В западной части этих корпусов находится кладбище, большой двухпролетный мост из железных конструкций, перекинутый на насыпях через Флендорферштрассе и Берлинскую железную дорогу. В юго-восточной части стоит высокий собор с многогранным куполом серебристого цвета.

Зенитные установки калибров 45, 88 и 105 мм расположены в северо-западной части этих корпусов между кладбищем и кузнечным цехом на пустыре в 500 м на

запад от цеха и в юго-восточной части, в непосредственной близости от южной стороны собора.

Кроме того, заводу приданы самолеты-истребители, патрулирующие во время тревог над заводской территорией...»

Молотов терпеливо и улыбчиво наблюдал чтение Сталиным документов разведки, догадываясь, как возбуждено сейчас его воображение и как мысленно «гвоздит» он из поднебесья Берлин.

Когда Сталин кончил читать и, закрыв зеленую папку, отодвинул ее на край стола, Молотов спросил у него:

«Ну, не промахнулся по резиденции Гитлера?»

Сталин, понимающе взглянув на Молотова, коротко засмеялся и ответил:

«Бросил самую крупную бомбу... Торпеду в тысячу килограммов!»

«И поделом фюреру!»

«А разведчика нашего надо достойно наградить. Хорошо поработал!»

«Верно, — согласился Молотов. — Теперь слово за советской авиацией».

«И я об этом все время думаю», — Сталин положил руку на телефонный аппарат.

«А Генеральный штаб?»

«Сейчас спросим у маршала Шапошникова, — но трубку снять не успел, аппарат под его рукой коротко звякнул. — Слушаю!» — сказал Сталин, сняв трубку.

Звонил маршал Шапошников... Оказывается, главные потребности времени вторгаются в одночасье во многие умы. Борис Михайлович докладывал:

«Товарищ Сталин, командующий авиацией Военно-Морского Флота генерал-лейтенант Жаворонков Семен Федорович разработал план операции бомбового удара по Берлину...»

«Очень кстати! — воскликнул Сталин, и его глаза, сузившись в улыбке, сверкнули золотинками. — Как к этому относится адмирал Кузнецов?»

«Нарком Военно-Морского Флота Кузнецов у меня с планом операции. Генштаб одобряет план... Крайне нужен, товарищ Сталин, ответный удар по Берлину».

«Приезжайте с товарищем Кузнецовым. Будем советоваться. — Положив трубку на аппарат, Сталин весело

посмотрел на Молотова и, будто упрекая его, сказал: — А ты говоришь, чтоб Сталин сам бомбил Гитлера! Есть более умелые люди! Думают вместе с нами!»

«Да, задача архитрудная. Интересно, как они будут ее решать? — Молотов повернулся к политической карте Европы, висевшей на стене кабинета. — Ведь от Ленинграда до Берлина вряд ли можно дотянуться...»

Вскоре в кабинет Сталина вошли маршал Шапошников и нарком Военно-Морского Флота Кузнецов. Здороваясь с ними, Сталин и Молотов залюбовались по-особому ладной фигурой Кузнецова, одетого в белый китель, при орденах. Тридцатидевятилетний нарком выглядел моложе своих лет, хотя его лицо было усталым и напряженным. Ведь предстояло принять решение, которое выполнить далеко не просто.

Сталин высоко ценил адмирала, особенно после того, как тот сумел уберечь Черноморский военный флот от первых налетов немецкой авиации. И, подчеркивая свое душевное расположение к нему, с мягкостью в голосе сказал:

«Ну, докладывайте, Николай Герасимович. Будем внимательно слушать и взвешивать».

Кузнецов вначале сделал краткий обзор положения на флотах, а затем развернул на столе карту Балтийского моря. На ней была прочерчена красным карандашом жирная прямая линия, соединявшая остров Эзель и Берлин.

«Далеко смотрел в будущее Петр Великий, — словно про себя сказал Сталин, — добиваясь присоединения к России Моонзундского архипелага. Очень важный форпост нашего западного побережья!»

«Жалко, не успели мы, товарищ Сталин, завершить там строительство береговой обороны, — сказал Кузнецов. Отстегнув от жесткого угла карты целлулоидную линейку с насеченными на ней сантиметрами и дюймами, он постучал ею по побережью Эзеля, очертания которого напоминали черепаху. — Сейчас изо всех сил стараемся наверстать упущенное».

«Много у нас упущений», — Сталин подавил вздох, понимая, что на слабо защищенных островах Моонзунда базировались советские подводные лодки, эсминцы, торпедные катера, самолеты. Они были для Германии костью в горле, мешающей снабжению ее войск группы армий «Север». Поэтому немцы спешно опоясали Моон-

зундский архипелаг минными заграждениями, используя силы своего легкого флота, а сейчас готовились к решительной операции по овладению островами. Разведка доносила, что для решения этой задачи, кроме пехотных соединений, артиллерии и авиации, были подготовлены немецкие крейсеры «Эмден», «Лейпциг», «Ельн» и финские броненосцы береговой обороны «Ильмаринен» и «Вейнемайнен». Надо было спешить с воздушным нападением на Берлин!

«Генерал Жаворонков предлагает сгруппировать наши дальние бомбардировщики на аэродроме Когул, — начал пояснять адмирал Кузнецов, указывая линейкой на остров Эзель. — Взлетная полоса там, правда, грунтовая, длина ее не вполне подходящая, но есть возможность удлинить полосу... От Когула до Берлина и обратно 1760 километров — расстояние для ДБ-3 вполне преодолимое...»

«Дерзко, очень дерзко задумано, — произнес Шапошников, глядя на карту с противоположной стороны стола. — Учитывая, что немцы охватили Таллин и остров Эзель в общем-то находится у них в тылу!»

В кабинете на минуту воцарилась зябкая тишина. Ее нарушил адмирал Кузнецов:

«Разрешите продолжать? — Не дождавшись ответа, он заговорил: — Для осуществления первого удара по Берлину генерал Жаворонков решил взять из состава военно-воздушных сил нашего флота две эскадрильи лучших экипажей, летающих ночью».

«Предполагаются и последующие налеты?» — хмуро, но с надеждой спросил Сталин.

«Конечно, товарищ Сталин, если задуманное нами окажется осуществимо. Первая попытка покажет...»

«Тогда надо готовить и другие экипажи, хотя бы еще две-три эскадрильи, — сказал Сталин и, отойдя от карты, взял со своего рабочего стола зеленую папку с донесениями разведки. Подавая документы маршалу Шапошникову, сказал: — Тут точно обозначена часть военных объектов Берлина, которые следует бомбить. А что касается крупповского завода в Эссене, то он для нас пока недосягаем. Может, англичанам пригодится?.. — Затем остановился перед Кузнецовым: — Ставка утверждает ваше предложение о бомбардировках Берлина... Вам же лично и отвечать за выполнение операции... А руководить

ею вы должны поручить, полагаю, товарищу Жаворонкову».

«Конечно, товарищ Сталин. Жаворонков — автор плана операции...»

12

Самолет приземлился на посадочную полосу Архангельского аэропорта и, развернувшись, подрулил к железным воротам, за которыми начиналась дорога в город. Молотов увидел в иллюминатор, что его встречала небольшая группа военных в армейской и морской форменных одеждах. Порывистый ветер заламывал полы их шинелей, срывал с голов фуражки, и военные придерживали их руками, будто отдавая честь приближающемуся воздушному кораблю.

Когда Молотов вышел из самолета и ступил на трап, ветер и с ним сыграл злую шутку, смахнув с головы шляпу, и она, упав на землю, стремительно покатилась к военным. Ее успел перехватить низкорослый, с багровым лицом, адмирал...

Первому Молотов протянул руку генералу Романовскому Владимиру Захаровичу — командующему войсками Архангельского военного округа. По его растерянному, изумленному лицу догадался, что военные не знали, кого встречают. Но Романовский тут же овладел собой и четко отдал рапорт, обращаясь к Молотову, как заместителю Председателя Государственного комитета обороны СССР. Моряки, как оказалось, только сейчас начали понимать, что прилет Молотова в Архангельск связан с входом в Белое море и приближением к устью Северной Двины английского крейсера «Лондон», о чем они были уже уведомлены.

Далее все происходило по плану и по часовому графику: небольшая кавалькада закамуфлированных легковых автомашин помчалась к архангельскому морскому порту. В порту Молотов в сопровождении нескольких работников Наркомата иностранных дел, генерала Романовского и двух адмиралов пересел на эскадренный миноносец, который тут же устремился вниз по течению Северной Двины. Надо было пройти двадцать миль и взять с борта крейсера «Лондон» английскую и американскую делегации во главе с Бивербруком и Гарриманом.

Военные корабли встретились в устье могучей северной

реки, бросили в недалеком расстоянии друг от друга якоря, отдали взаимные салюты флагами, спустили трапы и катера. Вскоре английская и американская делегации оказались на борту советского эсминца.

Была вторая половина дня 27 сентября. Молотов принимал гостей в кают-компании эсминца за щедро накрытым столом. Банкет начался с его приветственного слова в честь делегаций. Произносились тосты за союзничество, за падение нацизма, за будущую победу. Подняли бокалы даже за Международный Красный Крест, который был представлен здесь с американской стороны Алленом Вордвеллом, известным нью-йоркским адвокатом и близким другом Гарримана.

Как условились со Сталиным, Молотов старался уклоняться от разговоров, связанных с межгосударственными отношениями, взаимными поставками и событиями на советско-германском фронте, дабы в Москве сформулировать все, вместе взятое. Но Аверрел Гарриман, стройный и моложавый, со свойственной ему деловитостью вдруг спросил у Молотова, устремив на него острый, с прищуром взгляд и чуть склонив набок свое худощавое, продолговатое лицо:

— Господин Молотов, почему вы вместе с Иосифом Сталиным не принимали во внимание неоднократные предостережения с нашей стороны, — он указал взмахом руки на лорда Бивербрука, — о надвигавшемся на вас нападении Германии?

Пока переводчик, щуплый джентльмен, сидевший между Гарриманом и Бивербруком, тщательно переводил на русский заданный вопрос, Молотов, успевший понять суть вопроса сразу же, уклончиво, с иронической усмешкой ответил:

— Мы исходили из многого. А вот как вам мыслится, господин Гарриман, наша былая пассивность? Как виделась она вашими глазами из-за океана и как понималась?

Наклонившись над столом, Гарриман озадаченно посмотрел в круглое, дрябловатое, с морщинами на подбородке и на лбу лицо лорда Бивербрука, который, загадочно и как-то по-доброму улыбаясь, гладил рукой свою полуоблысевшую голову, стал отвечать как бы от двоих вместе:

— Нам виделись разные причины. Одна из них — горький опыт вашего царя Николая в четырнадцатом году. Царя, вопреки его намерениям, уговорили тогда провести мобилизацию против Австро-Венгрии и Германии за пять дней в конце июля месяца. Он согласился и в то же время отправил личное послание кайзеру, обращаясь к нему «дорогой друг Вилли»; в этом послании царь Николай объяснял кайзеру, что мобилизация русских сил задумана не как враждебный акт... А немецкий генерал Штаф тем не менее потребовал контрмобилизации, и... война стала неминуемой... Возможно, господин Сталин, исходя из опыта царя, старался избежать новой провокации против немцев?

— Вы будете иметь возможность задать этот вопрос лично господину Сталину, — уклонился от прямого ответа Молотов, но при этом добавил: — Мы делали все мыслимое и немыслимое, чтоб избежать войны... Не получилось.

И вновь пошли тосты: за русский народ, английский, американский. Выразив надежду в непобедимость Советского Союза, лорд Бивербрук, разведя руки над столом с закусками и разнообразием вин, восторженно заметил, что и в этом обилии он тоже усматривает доброе предзнаменование. Кряжисто-плотный, в потертом и мятом костюме, Бивербрук держал себя просто, без всякой чопорности; даже не верилось, что он — один из крупнейших капиталистов Англии, владелец газетного концерна, который контролирует значительную часть английской прессы. Посмеиваясь, лорд рассказал о том, как ошеломлены были англичане сообщением лондонских газет о первых бомбардировках Берлина советской авиацией; до этого они ведь писали, что немцам удалось в первые же дни войны полностью уничтожить русский воздушный флот. В рассказе Бивербрука Молотову слышалось скрытое недоумение по этому поводу и обращенный к нему вопрос, замаскированный в разглагольствования о том, что обитателям лондонских пресс-офисов до сих пор не верится, что у русских летчиков есть возможность преодолевать столь большое расстояние до Берлина и обратно, какое образовалось после стремительного продвижения немецко-фашистских войск на восток. Но поскольку Бивербрук не задавал об этом прямого вопроса, Молотов ответил в шутливой форме: мол, материк Советского Союза вместе с островами настолько неохватен, что немцам не так просто угадать, откуда можно ждать ударов.

— Но откуда?! — не утерпел Бивербрук. — И как это вам удалось?..

13

Человек испытывает удовлетворение и даже счастье, если воспринимает свою жизнь как продолжение той, которая была до него, до его рождения, — недавно, давно или очень давно. И если при этом он еще и рассматривает собственную жизнь как звено, соединяющее бытие прошлого с жизнью будущего, берущего или не берущего начало в днях сегодняшних. Сие звено, связующее прошлое, настоящее и будущее, должно быть «отлито» из прочного человеческого «материала» (физического и духовного) и являть собой высшую степень крепости характера личности, ее целеустремленности в становлении собственной судьбы и в осуществлении возвышенных, возложенных на него задач современной эпохи.

Таких людей немало на белом свете, в том числе и среди военачальников, хотя, может, не все и не всегда размышляют они о себе именно в столь четко окантованном понимании. Чаще это нравственное естество человека обитает в нем подсознательно, выражаясь в верности долгу и преданности делу, которому он служит.

Трудно сказать, вторгался ли так мыслью сорокадвухлетний генерал-лейтенант авиации Жаворонков Семен Федорович в свое предназначение в жизни, но чувство воинского долга было развито в нем в высшей степени. То, что именно ему поручили лично руководить первыми бомбардировками Берлина, он воспринял как задачу историческую и делал все сверхвозможное для ее выполнения. При сем не забывал, что он еще и в ответе за действия всей военно-морской авиации государства. Иногда спрашивал сам себя: как же случилось, что он, крестьянский сын из Ивановской области, достиг таких высот, которые не снились ни ему, ни его родителям? Но когда всматривался в биографии других военачальников высоких рангов, приходил к пониманию, что ничего удивительного нет и в его собственной судьбе: всем открыла дороги Октябрьская революция. После службы в Красной гвардии и участия в гражданской войне он, как и многие, пошел в науку... Позади годы учебы в Военно-политической академии, затем на курсах усовершенствования командного состава при Военно-воздушной академии имени Жуковского и в Качинской военной авиашколе. Как лучшего выпускника школы, Жаворонкова вновь послали в Военно-воздушную академию, но уже на оперативный факультет, где окончательно определилась его будущность на командных постах в военно-морской авиации.

Случается, конечно, что науки, питающие человеческий ум, своим избытком истощают его, и в то же время нравственная польза наук, кроме возвеличивания в практической деятельности, состоит в том, что делает умного человека еще более человечным, лишенным высокомерия и спесивого чувства собственной исключительности. Именно это, последнее, как само собой разумеющееся, было присуще Жаворонкову и даже выражалось в его внешности. Лобастый, с восточным прищуром глаз под взметнувшимися бровями, со спокойной и широкой улыбкой, он явственно источал понимание людей и веру в них, хотя, когда улыбка Семена Федоровича угасала, глаза его уже будто видели нечто объемное, не менее важное, выплескивали какую-то родившуюся мысль, новую надежду или тревогу или озадаченность... Впрочем, хороший характер человека более поражает в итоге его деяний, как хорошая книга впечатляет своим финалом...

Возложенная в те дни на генерала Жаворонкова задача, которую он сам и породил ищущей мыслью, легла на него тяжкой глыбой и в то же время придала ему стремительную энергию, готовность исчерпывать свои силы до крайнего предела.

Было это еще в первой половине сентября...

Генерал Жаворонков, расстегнув ремень на гимнастерке, лежал на узкой и жесткой казарменной кровати поверх одеяла. Сапоги тоже не снимал, положив ноги на расстеленную газету. У Семена Федоровича болела голова от многодневного недосыпания и от длительного нервного напряжения. На душе было муторно, неспокойно; ощущал, что, несмотря на в общем пока удающиеся бомбовые удары по Берлину, он чего-то не додумал, не все сделал так, как надо бы... Да, понесены потери... Но война есть война, хотя гибели некоторых экипажей можно было избежать.

Холодок тревоги поселился в нем, казалось бы, по незначительному поводу после первого налета наших дальних бомбардировщиков на германскую столицу и после доклада об этом наркому Военно-Морского Флота адмиралу Кузнецову Николаю Герасимовичу. Нарком, приняв доклад по радиотелеграфу, отдал новые оперативные

распоряжения и как бы между прочим сообщил, что видел на столе в кабинете у Сталина справочник о летно-тактических данных самолета Ильюшина ДБ-3Ф.

Жаворонков знал адмирала Кузнецова как человека сильного и трезвого ума, умевшего видеть и оценивать всякие, даже незначительные, явления в их истинном значении. Впустую он никогда словами не бросался. Значит, надо было думать о смысле его сообщения, искать разгадку.

Семен Федорович тут же начал листать справочник, как бы вникая в его содержание, поставив себя на место Сталина. Разгадка сверкнула в уме, когда перечитывал страницу со сведениями о грузоподъемности самолета ДБ-3Ф. Там указывалось, что нагрузки бомбардировщика — одна тысяча килограммов. А его самолеты шли на Берлин с недогрузкой — с бомбами общим весом в восемьсот килограммов — из-за изношенности моторов...

Жаворонков не ошибся, но не мог предположить, что именно по этому поводу последуют из Москвы указания и он вынужден будет их выполнять, а результаты окажутся трагическими...

И сейчас с нетерпением ожидал приезда генерала Елисеева.

Генерал-майор Елисеев Алексей Борисович — начальник береговой обороны Балтийского района. Жаворонков знал его еще по совместной службе на Тихоокеанском флоте, где Елисеев тоже возглавлял береговую оборону, а он, Жаворонков, командовал военно-морской авиацией.

Радиосвязь с Большой землей авиагруппа особого назначения, за действия которой отвечал Жаворонков, осуществляла с Эзеля через штаб генерала Елисеева. Полковая радиостанция обслуживала только самолеты, пребывающие в воздухе. Правда, было сделано все возможное, чтобы иметь свою собственную связь с тем же адмиралом Кузнецовым, но немцам удалось перехватить и потопить наш транспорт, вышедший с радиооборудованием из Кронштадта и взявший курс на Моонзундский архипелаг. И после того, что случилось вчера на аэродромах Когул и Аста, Семен Федорович ждал новых распоряжений наркома Военно-Морского Флота, которые вот-вот должен был привезти Елисеев. Жаворонков понимал, что налеты на Берлин могут прерваться в любой день, ибо немцы, как доносила разведка, готовятся к решительному штурму Моонзундского архипелага, и аэродромы Когул и

Аста окажутся под непосредственным ударом, отразить который немыслимо, ибо нет на островах достаточных сил.

Надо, видимо, готовиться к отчету в Москве. Если так, то придется делить ответственность с командующим Военно-Воздушными Силами Красной Армии Жигаревым Павлом Федоровичем за упущения при формировании и подготовке сводной морской и армейской авиагрупп особого назначения, за то, что изношенные двигатели бомбардировщиков вовремя не заменили новыми... Погибли люди, потеряна техника... Сталин умеет строго взыскивать за ошибки даже при тех обстоятельствах, что задание в целом выполняется успешно.

И Жаворонков, словно переведя стрелку часов назад, просеивал сквозь память все, что произошло на островах после его прилета сюда из-под Ленинграда, с аэродрома Беззаботное...

Мысленно вернулся в дни начала августа, которые были над Балтикой то жаркими, то хмурыми, облачными. Операцию надо было тщательно готовить, и эта подготовка слагалась из множества дел и колоссального напряжения сил причастных к ней людей. Моонзундский архипелаг со своим 800-километровым побережьем состоял из островов Эзеля (Сааремаа), Хиума (Даго), Муху (Моон), Вормси и большого количества мелких островков. Чтобы не позволить высадиться на них врагу, требовалось немало сил разных родов войск, особенно на главных островах. Начальник береговой обороны Балтийского района генерал-майор Елисеев — знаток своего дела, энергичный до самозабвения. С седой бородкой, коричневым от солнца и ветров лицом, он своей строгой требовательностью держал штаб и гарнизон островов в постоянной боевой готовности, люди ни на час не прекращали работ по укреплению побережья. Гарнизоны на Эзеле и Муху в целом хлипкие. Кроме шести береговых батарей калибром 152—180 миллиметров и четырех 76-миллиметровых зенитных батарей, там имелись отдельная стрелковая бригада, два инженерных батальона, саперная рота и небольшое число подразделений обслуживания аэродромов и морских причалов. Северный сектор укреплений на островах Хиума и Вормси защищали всего лишь два стрелковых и два инженерных батальона, шесть береговых и две зенитные батареи.

Всего этого было недостаточно, чтоб прикрыть тот же аэродром Когул с воздуха — особенно, если немцам стало известно, что туда 4 августа прилетела для базирования группа дальних бомбардировщиков-торпедоносцев ДБ-3Ф в количестве двенадцати самолетов. Наличие же вражеской агентуры на островах не исключалось, и надо было сделать многое, чтобы не обнаружить подготовку операции и защитить Когул от вражеских бомбовых ударов. Но не только Когул. На острове Муху строился второй аэродром, куда должны были прилететь еще двадцать тяжелых бомбардировщиков из состава Военно-Воздушных Сил Красной Армии.

В борьбу со шпионами и диверсантами включились усиленная рота эстонского оперативного батальона и эстонский истребительный отряд, созданные усилиями секретаря Курессарского уездного комитета партии Александра Михайловича Муя. Сухощавый, с высоко убегавшей под фуражку залысиной, в очках, он был известен всем проживающим на Эзеле и почитаем всеми как руководитель, у которого слово никогда не расходилось с делом, а энергия направлялась только на добро людям. И когда генерал Жаворонков попросил Муя привлечь трудоспособное население острова для помощи в расчистке и выравнивании рулежных дорожек от взлетной полосы аэродрома Когул к ближайшим хуторским постройкам, впритык с которыми было задумано ставить бомбардировщики и маскировать их сетями, Александр Михайлович сделал это немедленно и, казалось, без всяких усилий. К намеченному сроку дорожки были готовы, и самолеты «поселились» на хуторах. Из Ораниенбаума к Эзелю уже шли тральщики с горючим и авиабомбами.

Прикрывать Когул с воздуха Жаворонков поручил авиаэскадрилье майора Кудрявцева, имевшей в своем составе пятнадцать «чаек», и трем зенитным батареям. Теперь главное слово было за авиаторами. Выбор генерала пал на первый минно-торпедный полк 8-й бомбардировочной авиабригады Балтфлота полковника Евгения Николаевича Преображенского, и пал не случайно. Уже на третий день войны первый минно-торпедный полк и 57-й бомбардировочный полки объединенной авиационной группой в 70 самолетов обрушили на порт Мемель — его причалы, портовые сооружения, на корабли и транспорты с боевой техникой врага — весь свой бомбовый и торпедный груз. Еще через два дня объединенная группа в

составе 230 бомбардировщиков под прикрытием 220 истребителей атаковали аэродромы в Финляндии и Норвегии, на которых базировались самолеты 5-го воздушного флота Германии. 130 самолетов неприятеля были уничтожены. Это явилось только началом обретения опыта, пробой сил, выверкой техники и бойцовских качеств летного состава.

Кроме того, тридцатидвухлетний Евгений Николаевич Преображенский, один из самых одаренных выпускников Военно-воздушной академии имени Жуковского, прошел на Балтике все ступени становления опытного авиационного военачальника — от командира тяжелого воздушного корабля ТБ-3 до командира 57-го бомбардировочного авиационного полка. В его послужном списке — и участие в советско-финской войне. В общей сложности он уже налетал свыше полумиллиона километров.

Кажется, прошла целая вечность с 30 июля, когда Жаворонков прилетел из Москвы под Ленинград на аэродром Беззаботное. Его встречали там полковник Преображенский и батальонный комиссар Оганезов. Официальный рапорт командира полка, дружеские рукопожатия... Затем на окрашенной в зеленый цвет «эмке» поехали в штаб, размещавшийся в домике лесника в трех километрах от аэродрома. Жаворонков пытливо всматривался в молодое красивое лицо Преображенского. Чуть курносый, улыбчивый, с весьма роскошной густой шевелюрой, он, кажется, больше был похож на «первого парня на деревне», чем на строгого, требовательного командира полка; тем более, как знал Жаворонков, Преображенский часто в свободную минуту брал в руки баян... Комиссар полка Оганезов Григорий Захарович в облике своем, в жестах, в манере говорить запечатлел многие черты мужчин армянского происхождения — орлиные глаза под темными бровями, прямой нос, полные жестковатые губы. И будто в противовес Преображенскому — бритоголовый, по-особому крепкий и гордый своей силой.

Жаворонков объяснил им цель своего прилета и распорядился приступить к разработке маршрута на Берлин, подготовке штурманских расчетов и отбору двенадцати лучших экипажей. Преображенский и Оганезов при этом загадочно, с притушенными улыбками переглянулись, что удивило Жаворонкова. Он тут же спросил, кто возглавит новую группу и кто будет флагманским штурманом. Преображенский, как само собой разумеющееся,

пазвал командиром себя, а флагманским штурманом — капитана Хохлова Петра Ильича. Жаворонков и не сомневался, что услышит такое предложение. Он сам бы лично повел самолеты на Берлин, но на бомбардировщике ДБ-3Ф летать ему не приходилось. Поразило неожиданное признание Преображенского: они с Хохловым уже разработали план налета на логово Гитлера; почти во всех деталях этот план совпадал с замыслами Жаворонкова. Хохлов даже проложил и рассчитал маршрут между Эзелем и Берлином, взяв за исходную точку маяк на южной оконечности полуострова Сырве...

Молодец Хохлов! Лучший штурман в авиации Балтийского флота. Жаворонков будто воочию увидел губастое, с крупным носом лицо капитана, взгляд спокойный, глубокий, вопрошающий... Комиссаром группы утвердили старшего политрука Полякова Николая Федоровича.

При подготовке операции очень пригодился документ, переданный Жаворонкову адмиралом Кузнецовым, — донесение закордонного агента НКВД, хотя под руками имелась подробная карта Берлина. Цели для поражения намечали, исходя из того, что в столице рейха имелось десять самолетостроительных заводов, семь авиамоторных, восемь авиавооружения, двадцать два станкостроительных и металлургических завода, семь — электрооборудования, тринадцать газовых, семь электростанций, двадцать четыре железнодорожные станции и узла. Объектами для бомбометания, кроме ставки Гитлера, наметили танкостроительный и авиамоторный завод «Даймлер-Бенц», заводы «Хейнкель», «Фокке-Вульф», «Шварц», «Симменс», «Цеппелин» и те железнодорожные станции, откуда отправлялись на Восточный фронт воинские эшелоны. Запасными целями являлись порты Штеттин, Данциг, Гдыня, Мемель и Либава.

4 августа Жаворонков с экипажем старшего лейтенанта Фокина перелетел на аэродром Когул. Строй бомбардировщиков с бомбами на борту — всего пока двенадцать машин — вел полковник Преображенский. На второй день в Когуле приземлились еще семь ДБ-3Ф, которые задержались в Беззаботном из-за ремонта.

Изношенность моторов и тогда была главной болью Жаворонкова... Будто изношенность собственного сердца. Вот-вот должны были поступить новые моторы для замены ими хотя бы самых ненадежных, давно выработавших свои технические ресурсы. Но время не ждало. Моонзундский архипелаг находился под угрозой вторжения врага, и надо было успеть нанести удары по Берлину.

В ночь на 5 августа Преображенский послал в разведывательный полет к Берлину пять загруженных бомбами самолетов под командованием капитана Андрея Ефремова. Перед ними стояла задача: в сложных метеорологических условиях пройти по намеченному маршруту над морем, разведать противовоздушную оборону на северных подступах к немецкой столице и, учитывая изношенность моторов и взлет самолетов с грунтовой полосы длиной всего лишь в 1300 метров, определить максимальную бомбовую нагрузку машин.

Задача была выполнена группой капитана Ефремова превосходно. Все самолеты возвратились в Когул невредимыми. И это несколько рассеяло тревоги генерала Жаворонкова, поселило уверенность, что изношенные моторы, получив дополнительный запас прочности из умелых рук техников и инженеров, сдюжат бомбовую нагрузку до восьмисот килограммов.

Но на второй день случилось тяжкое летное происшествие с экипажем полковника Преображенского. И опять тревога сжала сердце в ледяной комок... Поступил приказ звеном бомбардировщиков уничтожить командный пункт 18-й немецкой армии в Пярну. Преображенский решил вести звено сам. Но даже он не мог предвидеть, что жара, достигавшая в тот день почти тридцати градусов, сыграет злую шутку с изношенными моторами его самолета, под которым подвешены три бомбы по двести пятьдесят килограммов. Самолет с перегретыми моторами еле-еле оторвался от взлетной полосы, с трудом перелетел через зеленую степу леса, и вдруг мотор совсем сдал. Вместо набора высоты самолет стал снижаться на болотистый луг с валунами и пнями... Преображенский успел выпустить шасси, приземлить самолет, но остановить его не мог — отказали рули и тормоза. Самолет несло по инерции сквозь пни и валуны, которые были опаснее мин: наткнется любая из бомб на препятствие, и взрыв машины и гибель экипажа неминуемы. Бомбардировщик протаранил дощатый забор перед хуторскими постройками и, зацепившись опустившимся хвостом за валун, остановился, положив левое крыло на камышовую крышу сарая и взлохматив ее...

Это была трагическая ситуация, но было и чудом — самолет не взорвался на бомбах!.. С каким волнением

мчался Жаворонков на «эмке» к хутору! С ним в машине сидели с окаменевшими лицами начальник штаба авиагруппы капитан Комаров и старший инженер авиагруппы военинженер 2-го ранга Баранов. Облегченно вздохнули только тогда, когда увидели экипаж невредимым, хотя машина была изрядно покорежена.

И вот все готово к полету на Берлин, не было только погоды. В небе густо пластались, обгоняя друг друга, лохматые тучи. Сильный порывистый ветер гнул к земле кустарники за границами аэродрома. Временами шел дождь. Начальник метеослужбы штаба ВВС флота капитан Каспин даже обещал грозу. А немцы почти каждую ночь бомбили Москву, и адмирал Кузнецов, которого Сталин при встречах с ним спрашивал о том, скоро ли будет ответный удар по Берлину, торопил Жаворонкова.

Идти в дальний полет при плохой погоде, да еще при туманах, было рискованно. Не просматривались с воздуха даже такие ориентиры, как острова Готланд и Борнхольм. В слепом же полете легко сбиться с курса, особенно при возвращении на свой аэродром. В эти дни Преображенский непрерывно тренировал экипажи группы в нахождении подходов к аэродрому в ночных условиях. С этой целью посылал их бомбить морские порты Данциг, Свинемюнде, Пиллау, Мемель, Либаву. Плохая погода помешала только одному экипажу — лейтенанта Леонова вернуться в Когул, на свой аэродром. Он не нашел его, пытался сесть на закрытый туманом аэродром Котлы, но неудачно: в итоге самолет потерпел катастрофу, экипаж погиб.

14

Наконец капитан Каспин доложил, что погода ожидается 8 августа. И хотя прогнозы метеослужбы не всегда сбывались, генерал-лейтенант Жаворонков принял решение идти на Берлин вечером 7 августа 1941 года — это первый ответный удар за бомбардировки немцами Москвы.

Сложные чувства сопутствуют военачальнику, отдающему приказ почти на смертное дело, особенно, когда люди, получающие приказ, не только знакомы тебе в лицо, а близки по душевному складу, образу жизни, по устремлениям... В первый полет на Берлин отправились три звена — двенадцать дальних бомбардировщиков с до

краев залитым в баки топливом, с восемью подвешенными на каждом самолете стокилограммовыми бомбами — фугасными и зажигательными, и с кипами на борту листовок, адресованных жителям Берлина. Если б только не мучила мысль, что на всех самолетах двигатели уже перерасходовали свой установленный лимит работы. Все ли возможное сделали инженеры и техники, чтоб продлить их жизнь?

Первое звено повел полковник Преображенский. В составе звена — экипажи летчиков капитана Михаила Плоткина, старшего лейтенанта Петра Трычкова и лейтенанта Николая Дашковского. Второе звено возглавлял командир 2-й эскадрильи капитан Василий Гречишников; с ним шли экипажи капитана Георгия Беляева, старших лейтенантов Афанасия Фокина и Финягина. Третье звено, во главе с командиром 1-й эскадрильи капитаном Андреем Ефремовым, состояло из экипажей капитана Евдокима Есина, старшего лейтенанта Русакова, лейтенанта Алексея Кравченко. Некоторых летчиков генерал Жаворонков по именам не помнил.

Каждому экипажу был указан конкретный военный объект в Берлине, на который надо сбросить бомбы. Генерал Жаворонков хорошо знал, как, впрочем, знали и все экипажи, с чем им придется столкнуться. Летние ночи на Балтике — с воробьиный нос. Слетать на Берлин и вернуться обратно — темноты не хватит; вечерний свет от утреннего отделяли всего несколько часов. Значит, была опасность, что с прибрежных аэродромов Латвии и Литвы поднимутся немецкие истребители и пойдут наперехват нашим бомбардировщикам по пути их на Берлин или при возвращении на Эзель. Наши «чайки» не могли оказать «мессершмиттам» должного сопротивления, поскольку сильно уступали им в скорости. Берлин тоже непростой орешек; он прикрывался 100-километровым огненным кольцом из тысячи зенитных орудий. Над городом подняты аэростаты воздушного заграждения. Двумя поясами охватывали германскую столицу сотни прожекторов, а на 60 аэродромах вокруг дежурили в первой боевой готовности сотни ночных истребителей-перехватчиков, оснащенных мощными фарами.

И будто воочию генерал увидел, как флагманский штурман полка капитан Петр Ильич Хохлов следит за проложенным им маршрутом, цепко глядя на компасы, на часы, на карту, сверяясь по возможности с земными ориенти-

рами. Самолеты летели над Балтийским морем к Штеттину, а потом развернулись на юг и пошли на Берлин. Почти 1800 километров туда и обратно, из них 1400 километров лететь над морем.

То была, как и последующие, бессонная тягучая ночь; взгляд то и дело устремлялся на часовые стрелки. Мысленно Жаворонков видел полыхающее огнями ночное берлинское небо, видел бомбежку логова фашистского фюрера... Вдруг на командный пункт прибежал радостно взволнованный полковой радист, протянул Жаворонкову расшифрованную радиограмму от Преображенского.

«Мое место — Берлин. Работу выполнил. Возвращаюсь». Прочитал на бланке и ощутил, как волна радости захлестнула сердце. Молодец Преображенский!.. Ну а как же остальные экипажи?..

И вновь было тягостное ожидание... Наступило утро, принесшее радость: все самолеты возвратились на аэродром. Однако над Берлином побывали только пять из двенадцати. Остальные по причине плохих погодных условий и, естественно, из-за недостаточной выучки экипажей отбомбились по запасной цели — морскому порту Штеттина. И то хлеб!..

Об итогах налета Жаворонков немедленно доложил в Москву наркому Военно-Морского Флота адмиралу Кузнецову.

Немецкие радиостанции и газеты без промедления оповестили Германию и весь мир:

«В ночь с 7 на 8 августа крупные силы английской авиации в количестве до 150 самолетов пытались бомбить Берлин. Действиями истребителей и огнем зенитной артиллерии основные силы авиации противника рассеяны. Из 13 прорвавшихся к городу самолетов 9 сбито».

Ошеломленные англичане на второй день вынуждены были опровергнуть гитлеровскую брехню. Их газеты, выражая недоумение, сообщили, что в ночь на 8 августа вследствие неблагоприятных условий погоды ни один английский самолет в воздух не поднимался.

Опровержение англичан уточнила «Правда», сообщившая:

«В ночь с 7 на 8 августа группа советских самолетов произвела разведывательный полет в Германию и сбросила некоторое количество зажигательных и фугасных бомб над военными объектами в районе Берлина. В результате

бомбежки возникли пожары и наблюдались взрывы. Все наши самолеты вернулись на свои базы без потерь».

8 августа генерал Жаворонков узнал, что в его распоряжение приказом Сталина выделено для налетов на Берлин из состава дальнебомбардировочной авиации Военно-Воздушных Сил Красной Армии еще две эскадрильи самолетов ДБ-3Ф — пока двенадцать машин. В этот же день начальник береговой обороны генерал Елисеев привез на аэродром Когул принятую его радиостанцией поздравительную телеграмму от Сталина, адресованную летчикам Краснознаменной Балтики, что вызвало в группе шквал ликования. Жаворонков устроил для всего личного состава праздничный обед...

Еще было совершено несколько налетов на Берлин — и новый повод для торжеств. Москва передала по радио Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении командиров, штурманов и других членов экипажей, наиболее отличившихся при воздушных налетах на Берлин. Пяти авиаторам, в том числе полковнику Преображенскому и капитану Хохлову, были присвоены звания Героев Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Двенадцать человек награждены орденами Ленина, двадцать один — орденами Красного Знамени, и среди них — генерал-лейтенант авиации Жаворонков.

Но то было потом...

Полет в ночь с 8 на 9 августа оказался удачнее первого, хотя небо, начиная с дальних подступов к Берлину и над Берлином, дышало смертью. Тысячи зенитных снарядов взрывались вокруг наших бомбардировщиков, образуя завесы кипящего вспышками огня. В вышине носились десятки истребителей с включенными фарами. Еще когда только наши самолеты оказались на траверзе Свинемюнде, они уже были встречены огнем зенитной артиллерии с кораблей, специально выведенных немцами в море. Но все двенадцать бомбовозов побывали над Берлином. На аэродром не вернулся из района южной части Балтийского моря только один самолет — летчика старшего лейтенанта Финягина. Судьба экипажа неизвестна.

Бомбардировки Берлина продолжались каждую ночь. В них начали принимать участие приземлившиеся на аэродром Аста двенадцать армейских бомбардировщиков ДБ-3Ф — группа в пять самолетов майора Щелкунова Василия Ивановича и группа в семь самолетов капитана

Тихонова Василия Гавриловича. Генерал Жаворонков подчинил их полковнику Преображенскому, а тот немедленно начал обучать экипажи тому, что постиг сам в дальних ночных полетах и чему научились морские летчики и штурманы. В состав нескольких армейских экипажей были включены штурманы, уже летавшие на Берлин. И началась совместная боевая работа морских и армейских летчиков.

В один из дней от адмирала Кузнецова поступило по радио указание: «Верховный Главнокомандующий рекомендует при бомбежке Берлина применять бомбы ФАБ-500 и ФАБ-1000. Лучшими экипажами проверьте эти возможности и донесите...» Далее в телеграмме сообщалось, что на Эзель должен прилететь по поручению Сталина уполномоченный Ставки Верховного Главнокомандования полковник Коккинаки Владимир Константинович.

Значит, не ошибся в своей догадке генерал Жаворонков. В Москве им недовольны... А что, если в самом деле он занизил бомбовую загрузку самолетов?..

И вот на аэродроме Когул приземлился истребитель И-16. Из самолета выбрался прославленный летчик-испытатель, Герой Советского Союза Коккинаки. Жаворонков, как и все летчики, знал о его мировых рекордах. Еще в июле 1937 года Владимир Константинович поднял свой ДБ-3 на высоту 11 294 метра с грузом в 500 килограммов, а потом на 11 404 метра с грузом в 1000 килограммов. Вскоре этот же вес он поднял на 12 100 метров. И совсем ошеломляющий рекорд Коккинаки установил в сентябре того же года: на ДБ-3 с грузом в 2000 килограммов он поднялся в небо на высоту 11 005 метров...

Для беседы с уполномоченным Ставки генерал Жаворонков пригласил командиров морской и армейской авиагрупп Преображенского и Щелкунова, командиров эскадрилий, флагманских штурманов, старшего инженера Баранова и военного комиссара Оганезова.

Коккинаки оказался в затруднительном положении. Сталину ведь он объяснил, что самолет ДБ-3Ф вполне способен по своим техническим данным нести бомбу в одну тонну, и получил от него указание разобраться на месте, почему такие возможности тяжелых бомбардировщиков не используются при налетах на Берлин, и принять меры к повышению их бомбовых нагрузок. Но летчики и штурманы, «ходившие» на германскую столицу,

доказывали обратное: состояние самолетов такое, что подвешивать к ним бомбу ФАБ-1000 или две бомбы ФАБ-500 нельзя. Высказались все до единого. Наиболее взволнованно говорил Преображенский, поразив Коккинаки своим характером, проявившимся уже в его размышлениях; в них ощущался острый ум, талант летчика, мужество командира полка, твердость и жажда к действию. Он рассказал, как при подходе к Берлину у его самолета отказал один мотор, но экипаж не свернул с курса, сбросил на цель бомбы и сумел на одном же моторе вернуться на аэродром. Подобное случалось и с самолетом майора Щелкунова...

А комиссар полка Оганезов, напомнив, как, вернувшись с бомбардировки Берлина, на посадке взорвались и сгорели бомбардировщики лейтенантов Кравченко и Александрова, с трепетным темпераментом объяснял, что изношенность боевых машин, почти восьмичасовой полет в ночных условиях, при кислородном голодании и арктическом холоде на высоте в семь километров, не говоря уже об опасностях при подходе к Берлину и над ним, — все это изматывает летчиков до полусмерти. Физически и морально они устают так, что во время приземления у них уже не хватает сил на точный расчет. В итоге — экипажи гибнут.

И все-таки при молчании всех собравшихся, даже полковника Преображенского, Жаворонков и Коккинаки решили провести эксперимент... Эх, а как глодали Жаворонкова сомнения, как упрямо нашептывал внутренний голос — воздержись! Но сомнения подавил авторитет прославленного Коккинаки; он ведь лучше знал возможности ДБ-3 и ДБ-3Ф. Да, не хватило решимости. Все же следовало проявить твердость характера и доложить адмиралу Кузнецову о немыслимости задуманного. Ведь он лично за все здесь в ответе и за всех в ответе. Взяло верх пробудившееся в нем русское «авось» даже при обычной его бескомпромиссности.

Потом они с Коккинаки и Преображенским до полуночи сидели за чаем в штабном подземелье, еще и еще взвешивали принятое решение, подсчитывали возможности самолета ДБ-3, искали варианты, размышляли. Их всех глодала тревога, нежелание уклониться от задуманного, но не покидала и надежда.

Вдруг зазвонил тогда телефон. Адъютант Жаворонкова, майор Боков, подававший начальству чай, снял труб-

ку. Дежурный сообщил, что посты ВНОС доложили о приближении к острову Эзель немецких самолетов, по звуку — «юнкерсы».

Вышли из подземелья на воздух. Стояла непроглядная темень, и было непонятно, как смогут «юнкерсы» отыскать в ней какую-либо цель. Ведь подобного еще не случалось. Разгадка пришла, когда вражеские бомбардировщики оказались над аэродромом. Ввысь вдруг взметнулось несколько красных ракет. Чертя по темному небу огненные дуги, каждая из них падала, роняя искры, на хуторские стоянки ДБ-3Ф. Сомнений не было: работала вражеская агентура, подобравшаяся под покровом ночи к аэродрому. Обезвреживать ее уже было некогда — «юнкерсы» разворачивались, чтобы бросить бомбы на указанные им цели.

И тут майор Боков, смышленый малый, предложил Жаворонкову пускать красные ракеты и нам. Разумно!.. Приказ дежурному: передать на все посты и на зенитные батареи — немедленно стрелять из ракетниц красными зарядами... Хорошо сработала связь. Через минуту десятки красных ракет полосовали ночную темень на огромной площади... «Юнкерсам», потерявшим ориентировку, долго пришлось кружить над аэродромом и сбрасывать фугаси наугад. К счастью, ни одна из них не попала в стоянки самолетов.

Вражеские бомбардировщики ушли восвояси, но с западной стороны аэродрома, где у хуторов стояли четыре ДБ-3Ф, неожиданно донеслись очереди немецких автоматов... Что это? Десант, выброшенный под прикрытием «юнкерсов»?.. Оказалось — нет. Стреляли, пытаясь поджечь наши самолеты, кайтселиты — местные националисты. С ними разделался, взяв многих в плен, эстонский добровольческий истребительный отряд под командованием начальника особого отдела береговой обороны старшего политрука Павловского. Отряд вовремя примчался на аэродром из Курессаре на двух грузовиках...

Теперь надо было ждать и дневных налетов «юнкерсов» (что потом и подтвердилось).

На второй день утром старший инженер Баранов доложил Жаворонкову и Коккинаки: из самолетов, базирующихся в Когуле, только две машины, исходя из состояния их моторов, могут взять на внешнюю подвеску по тонной или по две полутонных фугасных авиабомбы, да и то с риском из-за недостаточной длины взлетной полосы и отсутствия на ней твердого покрытия. Машины эти — капитана Гречишникова и старшего лейтенанта Богачева. А с аэродрома Аста можно попытаться поднять в воздух при максимальной нагрузке самолет старшего политрука Павлова из эскадрильи капитана Тихонова и два самолета из группы майора Щелкунова — машины самого Щелкунова и капитана Юспина.

Итак, вчера вечером с аэродрома Когул под прикрытием поднявшихся в воздух «чаек» первым стартовал на Берлин экипаж капитана Гречишникова с подвешенной авиабомбой в тысячу килограммов. Лучше было бы Жаворонкову не видеть этого взлета. Самолет медленно набрал разбег и с величайшей натугой оторвался от земли в самом конце взлетной полосы. Видно было, что моторам не под силу такая тяжесть. Уже за пределами аэродрома его качнуло вниз, и еще не убранные шасси ударились о землю. Они тут же, будто глиняные, отвалились от машины, бомба своим тяжелым весом вспахала грунт, и бомбардировщик загорелся... Экипаж успел выбраться из машины и отбежать на безопасное расстояние. То, что бомба сразу же не взорвалась, было чистой случайностью...

В это время на аэродроме Аста, где взлетная полоса еще короче, взял разбег для взлета бомбардировщик старшего политрука Павлова с двумя подвешенными бомбами по пятьсот килограммов. Но оторваться от земли он так и не смог. За границей аэродрома бомбы задели за неровности земли и взорвались... Экипаж погиб...

Прошли минуты шокового состояния, и Жаворонков, потрясенный, запретил взлет остальных самолетов с подвешенными тонными бомбами... На Берлин полетели ДБ-3Ф с прежней бомбовой нагрузкой. Коккинаки, тоже крайне удрученный происшедшим, согласился с приказом генерала.

Вчера же вечером ушла радиошифровка в адрес наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова о том, что попытка поднять в воздух бомбардировщики с ФАБ-1000 не удалась. Сейчас Жаворонков ждал ответа из Москвы. Его могло и не быть, но чутье подсказывало Семену Федоровичу, что Сталин встревожится случившимся на острове Эзель и потребует подробных объяснений. Чутье не подвело Жаворонкова. Он услышал донесшиеся из главного помещения командного пункта голоса.

Его адъютант майор Боков кому-то полушепотом объяснял, что генерал-лейтенант отдыхает.

Семен Федорович рывком поднялся с кровати, затянул ремень на гимнастерке, застегнул воротник и, откинув плащ-палатку, которой был завешан дверной проем, шагнул за перегородку. При ярком электроосвещении увидел начальника береговой службы генерала Елисеева. Большеголовый, при усах, с клинообразной седой бородкой, он выглядел измотанным до крайности. Поздоровались. Елисеев, глядя на Жаворонкова печальными глазами, протянул ему телеграфный бланк. Семен Федорович неторопливо вчитывался в расшифрованную радиограмму. Адмирал Кузнецов вызывал его и полковника Коккинаки в Москву для личного доклада Верховному Главнокомандующему о ходе операции по ответной бомбардировке Берлина.

Жаворонков с облегчением вздохнул: он всегда любил ясность, какой бы она ни была.

Продолжение следует

ПОЭЗИЯ

Алексей РЕШЕТОВ

НАЧАЛО РАДУГ

ДВОРИК ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Мирный дворик. Горький запах
щепок.
Голуби воркуют без конца.
В ожерелье сереньких прищепок
Женщина спускается с крыльца.
Пронеслось на крыльях
веретешко —
То есть непоседа-стрекоза.
Золотая заспанная кошка
Трет зеленоватые глаза.
У калитки вся в цвету калина,
А под ней, не молод и не стар,
Сапогом, прошедшим до Берлина,
Дядька раздувает самовар.

* * *

Я помню:
с тихою улыбкой
Скрипач, что на войне ослеп,
Водил смычком над темной
скрипкой,
Как будто резал черный хлеб...

ЗЕМЛЯ

В ней золотые жилы не устали
Ждать, что за ними
дерзкие придут.
В ней кости
и зеленые медали
Солдат, которых девушки не ждут.
В ней все, в земле:
начало радуг,
хлеба,
Тонюсенькой черемухи,
ручья...
И эту землю
на седьмое небо,
Живой и мертвый,
не сменяю я.

СНЫ

И во сне покой неведом людям:
Кто во сне рубашку мужу шьет,
Кто девчонку горько-горько любит,
Кто сплеча по наковальне бьет.
То летают люди будто птицы,
То бредут на дальние огни...
И ни разу людям не приснится,
Что ничем не заняты они.

* * *

Кофточка застенчивого цвета,
Под косынкой —
золотая рожь.
Женщина тиха, как бабье лето,
Протянула запотевший ковш.
Ничего она мне не сказала,
Просто поспешила напоить...
Петь устала, говорить устала,
Только доброй не устала быть.

* * *

На берегу дороги дальней,
Седой бродяга, блудный сын,
За голос
матушки печальной
Я принимаю шум осин.
Я в черный день не без призора:
И в чистом поле небеса,
И во сыром бору озера —
Ее усталые глаза.
Я глажу реденькие злаки,
Внимаю шороху ветвей,
И хорошо мне, бедолаге,
С бессмертной матушкой моей.

* * *

Не искал, где живется получше,
Не молился чужим парусам:
За морями телушка — полушка,
Да невесело русским глазам!
Может быть, и в живых я остался
И беда не накрыла волной
Оттого, что упрямо хватался
За соломинку с крыши родной.

ПОЭЗИЯ

Равиль БИКБАЕВ

РАССВЕТЫ ВОЕННОЙ ПОРЫ

СМОТРЮ НА МОЛОДЫХ

Смотрю на молодых и удержать
восторга не умею — ну не чудо ль:
у девушек особенная стать,
у юношей особенная удаль.

Порой — не отведу счастливых
глаз.
Порой... увы, не скрою огорченья:
их речь невразумительна подчас,
и дики песни их и увлеченья.

Когда, увещеваниям не вняв,
они чудят, лишая нас покоя,
мы недоумеваем: «Что за нрав?
Откуда легкомыслие такое?

Наш век тревожить их не захотел,
растил их бережливо с малолетства.
Вот если бы досталось нам в удел
столь ясное, бесхлопотное детство,

такая жизнь — мы знали б цену им
и были бы ответственнее, строже...»

Ах эти назиданья молодым,
доходят ли они до молодежи?

Пытаемся быть искренними... Но,
пусть это нелегко солидным людям,
запомнить постараемся одно:
что юность — это юность, — не забудем.

К чему ей запоздалое нытье
о нашей нерасчетливости прежней?
У юности желание свое:
найдя стремнину, выстоять на стрежне.

Ей хочется увериться самой
в земных неувядаемых красотах
и жизни смысл, действительный, прямой,
постичь в своих падениях и взлетах.

Ты думаешь, легко живется им.
С наскоку не суди, того не зная,
какой водою и огнем каким
решит их испытать юдоль земная.

Взгляни в глаза им! Коли чист и прям
их взор, таящий тысячи вопросов, —
их память не изменит маякам,
их совесть не допустит перекосов.

Написано им счастье на роду,
пусть даже слезы смоют с лиц их свежесть...
Лишь утро позовет, в окне забрезжась, —
я в путь с тобою, молодость, иду.

ПРОРУБИ СОЛДАТА

Военное детство на память придет —
и самую душу охватит морозом...
Не спится аулу всю ночь напролет
в тревоге о детях, ушедших с обозом.

Когда полыхало горнило войны,
полмира свинцом и золою завьюжа, —
огонь овладел половиной страны,
другой половиною — лютая стужа.

Лицо коченеет на стылом ветру,
до самых костей проморожено тело.
Продалбливать лед на реке поутру —
мужская работа, серьезное дело.

А свежую лунку опять затянул
студеный рассвет скорлупой ледяною...
В суровую зиму вернулся в аул
солдат, изувеченный хищной войною!

Колхозное стадо стерег фронтовик.
А утром, всю ночь проведя в карауле,
во льду воскрешал рукотворный родник.
Из проруби этой и пили в ауле.

Так прежде, вгрызаясь в промерзлую твердь,
он рыл свой окоп... Он остался солдатом!
В обличье любом ненавидящий смерть,
он с нею сражался во льду рубцеватом.

Когда изнемогшее сердце его,
казалось, уже разорваться готово —
бесценную жилу аула всего
выпрастывал он из-под корки ледовой.

Наутро опять, по колено в снегу,
к реке заметенной протаптывал стежку.
Продалбливал прорубь — в мороз и в пургу.
И еле живой возвращался в сторожку...

А я опоздал и спасибо сказать
тому человеку — такая обида...
Из чьих бы колодцев ни пил я — опять
приходит на память родник инвалида.

В счастливые дни, что бывают щедры,
как яркие краски на детском рисунке,
припомню рассветы военной поры,
замерзшую реку, солдатские лунки...

ЗВЕЗДНЫЙ ДОМ

На резвых белолобых лошадях
судьба умчала всадников крылатых.
С простреленных фуражек и папах
упали звезды... и зажглись на хатах.

На скорбные отметины войны
гляжу с волненьем, каждому знакомым:
любой багрянозвездный дом страны
мне кажется родным, отцовским домом.

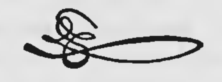
В таких домах страдание живет,
в них каждый вздох мне с малолетства ведом.
В таких домах уже потерян счет
всем пережитым тяготам и бедам.

Желтеют похоронки в сундуках.
Желтеют фотографии на стенах.
Глядят из-под фуражек и папах
глаза моих наставников бессменных.

Они учили стойкости меня.
Молчанием своим красноречивым
допытывались, так ли верен я
благим заветам, искренним порывам.

О, звездный дом! Приветствую тебя,
склоняюсь пред тобою, зов твой слышу.
В твое тепло, волнуясь и скорбя,
вхожу, как входят под родную крышу.

Перевел с башкирского А. СЕМЕНОВСКИЙ

Валентин СОЛОУХИН

Два рассказа

УДАЧА

Рис. Ю. Макарова

I

Хорошее было лето. Погожие дни сменялись теплыми дождями, незатяжными ливнями, которые сопровождались яркими изломами молний и добродушным ворчанием грома. На нераспаханных клочках земли цвели травы, над цветами порхали бабочки, отрывисто гудели шмели в коротких перелетах с одного цветка на другой, и настроение у меня было под стать погожему лету. Единственное, что меня огорчало, так это луга. Человек поступил с ними неблагодарно, распахал и забросил.

А ведь раньше они тоже цвели, и не только цвели. В народе их называли Добрым и Раздольным.

После сенокосов на них возвышались душистые стога сена, сейчас полчищами темнели заросли всевозможных бурьянов. Минуя эти бурьяны, я шел на рыбалку, с грустью вспоминая красную пору, от которой кое-где остались скудные приметы: клочки свежей зелени, одинокие ромашки, на потемневшей стерне редкие синие точки васильков. В зарослях сновали крапивницы, вяло и густо свирчали цикады. Тропинка никак не хотела удаляться от полей, тянулась и тянулась вдоль межи, выбирая, где поменьше репейника, колючек, жгучих, в рост человека, стеблей крапивы. Наконец мелькнула прогалина, я не выдержал, свернул в нее, решив идти к реке лугом. Через несколько метров пахнуло затхлостью, дорогу преградили заросли ольхи, пвняка, нити липкой паутины. Но я не вернулся, а полез напрямую, отстраняя руками стебли и ветви, то и дело жмурясь, чтобы они не выстегали глаза. Пробивался я минут десять.

У самого берега заросли сгустились, но и здесь я не отступил. Трещали сухие сучья, хрустели стебли крапивы, обжигая через одежду тело, а в глазах виделась давняя картина: цвели раздольные луга, и я думал: «Вот бы собрать тех руководителей, которые загубили пойму, и гонять по этим зарослям до тех пор, пока они не вытоптали бы всю сорную поросль».

За этими думами я неожиданно вышел к речке. На каменистой стремнине переката бурлила и пенилась вода, и видно было, как водоросли вытягивались грязно-зелеными гидрами.

Приподняв отвороты болотных сапог, я двинулся через брод, на другой берег, который привлекал простором, тихим журчанием родниковых ручейков. Лет пять тому назад эта речка была самой чистой и светлой в крае, сейчас воды помутнели от смываемых с полей удобрений, ядохимикатов, сбрасываемых на культуры авиацией. Поубавилось рыбы, но здесь, у родниковых струй, можно было еще что-то поймать. Рыба, наверное, как люди от смога, очумев от смываемой дождями «химии», кидалась к спасительной родниковой чистоте.

Перебравшись на другой берег, я направился к старой раскидистой раките, из-под корней которой выбивался самый большой из всех ручей. Чистая до хрустальной прозрачности вода его торопливо стекала, прыгая по га-

лечному дну в просторную заводь. Метрах в десяти от ракиты виднелся шарообразный куст лозняка. Со стороны казалось, что его принесло и прибило течением к поросшему тростником выступу. Подует ветерок, и он запарусит нарядный, в разноцветных крапах осенней листвы, тихонько двинется, набирая на стремнине скорость, вниз к устью реки. В роднике, как в полуовальном зеркале, отражался дуплистый, в черных пожогах ствол старой ракиты. В одном из дупел стояла стеклянная баночка из-под майонеза. Она тоже отражалась в роднике, вызывая желание зачерпнуть живой водицы. Я взял банку и зачерпнул. Вода оказалась сладкой и не такой, как в летнюю жару, холодной. За спиной в реке вдруг что-то шелохнулось, булькнуло. Врассыпную ударила мелочь, и круги от ухнувшей на воде воронки покатились к берегам: «Неужели рыбина?..»

Из-за шарообразного куста показалась простоволосая русая голова человека.

— Забавляетесь! — осуждающе сказала голова. — Бутылок набросали — некуда ступить!..

Что-то было еще сказано, но я не расслышал. А в том месте, где только что зияла воронка, медленно двигаясь по течению, плыла бутылка.

«Шутник, — подумал я, — такие вот шутники и ракиту всю испятнали пожогами. Швырнул бутылку и выговаривает, от скуки шутит...»

Поставив майонезную баночку на место, я решил подняться выше по течению. Тропинка вела мимо нарядного куста. За ним на брошенной на землю куртке лежал, опираясь на локоть, простоволосый молодой человек и смотрел на оранжевые, мирно покачивающиеся на воде поплавки. Тут же в траве темнели пустые бутылки — «огнетушители» из-под вина. «Огнетушителями» в народе их нарекли из-за емкости. Гримаса, застывшая на курносом лице рыбака, выражала неприветливость, и я прошел мимо, не говоря ни слова, на ходу высматривая подходящее для рыбалки место. Остановился я метрах в пятидесяти от него. «Может быть, он специально бутылку швырнул и рожу недовольную корчит. Поставил какую-нибудь запрещенную снасть и не хочет посторонних глаз. На рыбалке всякое бывает...»

Готовя и наживляя удочку, я поглядывал на соседа с надеждой увидеть поклевку, но он продолжал лежать

неподвижно и, как мне показалось, даже не изменил позы, лежал себе на боку, посматривая по сторонам.

Первый заброс меня обрадовал, поплавок тут же шмыгнул под воду, и я вытащил порядочного окуня. Второй и третий тоже оказались удачными: «Ну, полосатики, потешьте!..» — возликовал я.

Поплавок нырнул, подсечка, зацеп! Жалко было рвать леску, но пришлось. Перевязав крючок, торопливо, пока клев, забросил и снова зацепил. Стало ясно, что окуни стоят у коряг, а в таком месте даже клев не всегда радует. «Надо уходить». Я собрался.

И тут на моих глазах произошло что-то невероятное. Рядом с парнем взбурлила вода, из воды выскочила, как пущенная из пращи, рыбина, описав в воздухе дугу, шлепнулась на пологий берег, следом, взбив брызги, вылетела огромная щука и заскользила по отмели. Выскочившая рыба лежала на берегу неподвижно, а щука извивалась на отмели, загребала большим, похожим на лопасть весла хвостом, стараясь соскользнуть на глубину. Парень кинулся к отмели. Я рванулся ему на помощь, но он не бросился в воду, а схватил рыбу, которая лежала на берегу. Пока я бежал, щука сползла с отмели, гулко ударила хвостом, и только ее видели. Я приблизился к парню.

— Инфаркт... точно, инфаркт... — шепотом говорил он, рассматривая неподвижно лежавшую на ладони рыбу. — Падуст, с килограмм, как бы не больше... вот это перетрусил, еще бы...

— Что ж ты щуку не хватал?.. Рядом была?! — с досадой спросил я.

— Ух ты, да она его цапнула! — показал он выше хвостового плавника падуста сорванную чешую и затекавшие кровью разрывы белого мяса. — И с этого бока...

— Щуку почему не хватал? Ты бы успел. — Но парень продолжал рассматривать падуста. Я подумал, что он пьян: «Еще бы, столько бутылок...»

Закончив осмотр, он ответил на мой вопрос:

— Расте-рялся.., а если по-честному — не рискнул. Такой крокодил руку откусит... Ну а падуст ничего-о, пойдет на жареху!

Сейчас я видел, что рыбак трезв. Кроме удочки, со мной был спиннинг, поводок, леса — надежные, быка выдержат: «Снять блесну, заменить тройником, попытать удачу».

— Послушайте, а что, если наживить падуста и забросить? Снасть у меня надежная. Щука наверняка не ушла из омута.

— Так у него инфаркт... он только жабрами двигает, а на дохлого она не возьмет.

— Если жабрами двигает, значит, микроинфаркт, — шутя сказал я. — Бросим в реку — отойдет.

Он еще какое-то время рассматривал падуста, затем протянул мне. Заменив блесну на тройник, я хотел наживить падуста под спинной плавник.

— Нет, — запротестовал он, — щука сорвет, лучше за хрючку. Она у него как подошва, тут, если клюнет, придется ей глотать.

— Твой живец, действуй. — Я передал ему спиннинг и подсказал: — Попусти леску, бросай с руки, так нажива не сорвется с якоря.

— Тут сделано надежно. Ежели только голова оторвется. У падуста синтетические губы. — Он замахнулся, и живец полетел в воду. Катушку спиннинга парень поставил на трещетку. Течением натяпуло леску, прозрачный шарообразный поплавок слегка погрузился и замер.

Мы забросили удочки, но время от времени с надеждой поглядывали на прозрачный шарик, а когда он задвигался, насторожились: как бы не прозевать поклевку и вовремя подсечь. Но прозрачный поплавок не погружался.

— Падуст очухался, точно с микроинфарктом плавает, — сказал молодой человек.

Я не ответил, воображая, как огромная щука готовится к броску. Солнце пригревало спину, сорвался ветерок, с кустов ракит полетели на воду листья и плавно тронулись в дальние странствия по течению. Этим же ветерком принесло гусиное гоготание, а через минуту из-за поворота выплыла большая станица гусей, которые, заметив нас, насторожились и стали сплавляться к противоположному берегу.

— Что, здесь деревня неподалеку? — провожая птиц взглядом, спросил я.

— А за поворотом, с полкилометра, — ответил парень.

— Я и не знал, хотя случалось рыбачить здесь раньше...

— Мы все знаем, нам сверху видно все. Сельхозавиация. Ох, и ненавидят нас здесь... темный народ, вроде от нас что зависит...

— Почему это?

— Летом против блохи свекольной работали с ядохимикатами. Девчушка шестилетняя в зоне опыления наелась земляники, не спасли. Поднялась общественность. Учитель с агрономом написали в «Правду» и тэ дэ. Вроде это от нас зависит... — повторил он, — а сами, черти, чего творят; бутылок набросали — негде ступить, пруд в сточную яму превратили. По мне так: если негодуешь — сам не погань. У нас работа такая...

— На самолетах работаете?

— На самолетах проще — сыпанул, и поминай как звали. У нас вертолет, тут все на глазах. Попадут в зону работы зайчата, кубыряются, мечутся... птицы падают замертво. На наш взгляд, овчинка выделки не стоит. Все сладкую жизнь устраивают, боятся животы подтянуть. А вредителей с каждым годом больше и больше, гумус теряется, урожайность падает, в почве, водоемах накапливается...

Оранжевый поплавок на его удочке дрогнул, тихо заскользил в сторону, он подсек и вытащил плотву поменьше ладони. Тут же клюнуло на моей удочке. Рыба как бы проснулась, мы увлеклись ловлей и почти забыли о щуке, о настороженном спиннинге. Так для успокоения то он, то я изредка поглядывали на плавающий шар прозрачного поплавка.

Время шло, ветер так же медленно, как появился, пропал. Со стороны деревни показалась старуха в оранжевой куртке-ветровке, темном платке, с хворостиной в одной руке и посохом в другой.

— Эй, рыбаки-и, — окликнула она нас, — гусей тута не было?

— Были...

— А игде ж оне?

— За поворотом где-то, — ответил парень, и как бы в подтверждение его слов из-за поворота опять показалась станица гусей.

— Тега, тега, тега!.. — запричитала старуха, двигаясь вдоль берега навстречу гусям.

Гуси погогатывали, как бы переговариваясь между собой. Узнав голос хозяйки, они наискосок подплывали к берегу. Только один из всей станицы, крупный, светло-серой расцветки гусак, недоверчиво косился на хозяйку и отбивался от стаи. С появлением старухи клев поуба-

вился, мы теперь больше посматривали на то, как бабка манит гусей, чем на поплавки.

— Тега, тега... — раздавался приветливый голос над рекой, — те-ега, чегой-то вы сюда забрались? Давайте-ка к бережку, к бережку-у. Я вам дома пашанички сготовила.

— Го-го-го, — отвечали гуси, приближаясь к старухе, только светло-серый гусак все больше и больше отставал от стаи. А когда станица приблизилась к берегу и гуси поочередно стали выбираться на сушу, голос бабки изменился.

— Ах ты, дьявол! Лихоманка тебя расшиби! — закричала она на оставшего гусака. — Вона чего дожидашься, к рыбарям в костер захотел? Лихоманка тебя растрепи!..

В речку полетело все, что попадало под руки старухе. Какая тут рыбалка. Мы принялись сматывать удочки.

— А вот сможет та щука проглотить гусака? — спросил летчик.

— Да вы что. — усмехнулся я.

И мы, как по команде, посмотрели на прозрачный поплавок.

— Да в ней метра полтора, а пасть — крокодилья. Запросто! — продолжил свою мысль он. — Как она завозилась на отмели! У меня мороз по спине. Такая не то что гуся — собаку заглотит.

— Если вспомнить рыбацкие бухтины, то я слышал не одну о том, как сомы сбивали хвостами пришедших на водопой быков.

— То бухтины, а тут своими глазами видели. Честно, я не отважился хватать ее. Ладно, мне пора. — Он посмотрел на часы. — На дежурство заступать. От вертолета не отходим. Народец здесь на все способен...

— Чего ж падуста оставляете? Возьмите.

— А-а, тут на уху есть, — он вытащил из воды садок с уловом.

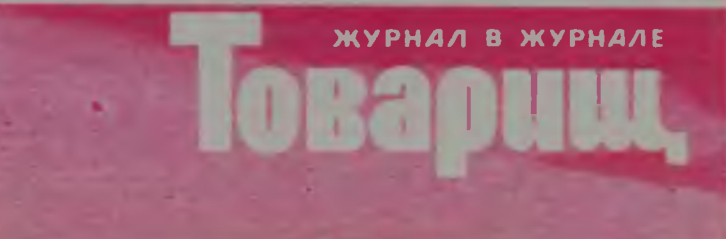
— Возьмите, возьмите. Товарищам покажите, а то не поверят, что щука его на берег вытурила, добыча-то ваша.

— Чего ж, придется взять его. — он взял спиннинг, затрещала катушка, изогнулось удилище, парень тут же догадался снять катушку с тормоза.

Я хотел было подсказать ему, чтобы он тащил поэнергичнее, но он, как бы услышав мои мысли, стал пятиться.

Окончание на 161 стр.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ...

ОТВАЖНОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА

Борис Котов. Герой Советского Союза... Член Союза писателей СССР... Далеко не все знают о нем, пожалуй, единственном советском поэте-Герое, погибшем в смертельной схватке на поле боя. Даже в Центральном Доме литераторов, как ни странно, нет его портрета в галерее писателей, удостоенных звания Героя Советского Союза.

В апреле Борису Александровичу Котову исполнилось бы ровно восемьдесят. Но он погиб еще совсем молодым в 1943 году, защищая Родину от врага.

На окраине шахтерской Горловки, в Донбассе, на улице Педагогической уютно затерялась среди построек и деревьев двадцать первая восьмилетняя школа, носящая имя Бориса Котова. В школьном дворе в обрамлении цветочных клумб стоит бюст славного героя, созданный известным скульптором Николаем Ясененко и установленный заботливыми руками рабочих и учащихся шахтерского городка.

Я побывал здесь, когда в школе после каникул еще не приступали к занятиям. Во дворе, в коридорах и классных комнатах — непривычная тишина. И лишь в одной из комнат на верхнем этаже ощущалась озабоченно-деловая суета — сквозь открытую дверь доносились голоса. Здесь расположен школьный музей. Председатель Совета музея учительница Анна Антоновна Соболь с несколькими учащимися, среди которых был и ее сын, приводила в порядок стенды. Что-то подклеивалось, протирались окна, переставлялись экспонаты.

Из слов Анны Антоновны, из многочисленных документов, фотографий музея я многое узнал о жизни Бориса Котова. В Горловку он приехал в 1930 году. Десять лет проработал на шахте «Подземгаз». Здесь он получил трудовую закалку, рабочий коллектив воспитал в нем священное чувство интернациональной дружбы. Здесь он писал свои вдохновенные строки.

Шахтерский край считает Бориса Котова своим сыном, с гордостью хранит его имя. Донецкие писатели бережно собрали литературное наследие поэта и в 1960 году издали наиболее полный томик с грустным названием «Недопетая песня». В него вошли стихи, проза, письма с фронта. Пусть не все ровно в этом томике, но несомненно одно — в нем бьется любящее, отважное сердце поэта-патриота.

Составитель этого издания критик Николай Гончаров в своей статье, характеризуя Б. Котова как человека корчагинского склада, рисует благородный образ Героя: «В нем уживались чрезвычайная застенчивость с романтической жаждой подвига, с большим внутренним горением. Он был весь в порыве, в движении. Не случайно одну из сохранившихся тетрадей своих стихов поэт так и назвал — «Движение...». Его песня оборвалась на полуслове на песчаном днепровском берегу...»

...Осенним утром минометчик Борис Котов, вместе с другими отважными гвардейцами форсировав Днепр, очутился на вражеском берегу.

Завязался кровавый бой. Трое суток отстаивали ребята маленький клочок земли.

Вот выдержка из посмертного наградного листа: «Немцы наступали колоннами, поддержанные огнем из самоходной пушки «фердинанд». Расстреляв запас мин, сержант Котов вооружился винтовкой и гранатами... бросился на немцев и вступил в рукопашный бой. Уничтожая врагов гранатами, винтовкой и прикладом, т. Котов наводил панику в рядах противника и, когда немцы подались назад и обратились в бегство, преследовал врагов. Своей храбростью т. Котов увлекал за собой остальных бойцов. Осколком мины т. Котов был убит...»

И похоронен он там же, где шли бои, недалеко от Канева, в деревне Пекари.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года гласит: «За героический подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, Котову Б. А. посмертно присвоить звание Героя Советского Союза».

Среди экспонатов музея — живые свидетельства любви к отважному земляку — стихи и поэмы, посвященные Герою, письма фронтовиков, однополчан и тех, на чьих руках он умирал.

Биографические документы рассказывают, что родился Борис Александрович Котов на Тамбовщине, в селе Пахотный Угол. Потом жил и учился в городе Усмань Воронежской области, куда переехали его родители. А потом — Донбасс...

Горловская школа гордится своим земляком. Но вместе с тем можно позавидовать и школе имени Героя, бережно хранящей живые традиции патриотического воспитания.

Верный сын Родины Борис Котов отдал ей все, что мог,— и пламенные песни, и самое дорогое для человека — жизнь. И сегодня нельзя без волнения читать рожденные сердцем строки из стихотворения «Дуб», написанного поэтом еще в 1935 году:

Я стою в зеленой кроне, молодые ветки свеся,
И четыре ветра с маху ударяют вдруг в меня.
По безоблачному небу бродит солнце, бродит месяц,
И весны крутые соки предо мной хранит земля...
Распахнулся мир огромный, в жарких схватках закаленный,
Над полями и водою, над развернутой листвой...
Поднимается на смену молодой дубняк зеленый...
И веселый свежий ветер пахнет мятой и травой.

В. ПЕТРОВ

ЗВАЛИ НА БОЙ И ЧАПАЙ, И МАКСИМ

Сегодня «Товарищ» открывает новую рубрику — «Опаленные ленты». Рассказ пойдет о фильмах Великой Отечественной. О фильмах, созданных в грозные 1418 дней и ночей. Они тоже вели в сраженье. Помогали одолеть врага. Помогали верить в Победу...

ДА, КИНОИСКУССТВО в дни Великой Отечественной тоже стало оружием. Уже в самые первые часы сражения с фашизмом любимые киногерои были на огненных рубежах — там, где, ведя кровавый бой, пограничники яростно выдыхали сквозь зубы: «Врешь, не возьмешь!», и эти знаменитые чапаевские слова дали силы преодолеть непреодолимое. А рядом с Чапаевым шел в сражение несгибаемый большевик Максим, который своей улыбкой, своей песней, своей жизнью помогал выстоять в самых тяжких испытаниях. И звали на подвиг балтийцы, о которых поведал фильм «Мы из Кронштадта». И профессор Полежаев снова провожал бойцов на фронт непрекращающейся борьбы за человеческое достоинство, за победу света над тьмой... И пророчески звучало в сердцах: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» — люди не просто запомнили это грозное предостережение врагам Отечества из предвоенной картины «Александр Невский», люди в него верили, и эта святая вера тоже придавала силы...

И уже рождалась кинолетопись Великой Отечественной: фронтовые кинооператоры были на поле боя рядом с бойцами. (Когда сегодня, просматривая военную кинохронику, мы видим, как горизонт в кадре вдруг рывком скашивается и экран на мгновение колышется серым внефокусным пятном земли, это означает, что близкий разрыв снаряда швырнул оператора на землю, и, быть может, перед нами — последний кадр в его жизни.) И уже задумывались первые художественные фильмы. И уже снимались первые художественные короткометражки для «Боевых киносборников»...

СОЗДАВАЛИСЬ «Боевые киносборники» в Москве и Ленинграде. Нередко бомбардировка останавливала работу съемочной группы и актеры, режиссеры, операторы спешили на посты МПВО. А еще — постоянные концерты на призывных и сборных пунктах. Некоторые прощались с родной киностудией и вступали в народное ополчение. Например, люди старшего поколения, наверное, хорошо помнят по фильму «Поэт и царь» Евгения Червякова, создавшего образ Александра Сергеевича Пушкина. Кроме того, Евгений Вениаминович был талантливым драматургом, режиссером. А летом сорок первого, едва закончив постановку короткометражки для «Боевого киносборника» № 2, ленфильмовец ушел в ополчение. Затем он сражался в партизанском отряде и погиб, выполняя боевое задание...

Этот последний, невеликий по размерам фильм Червякова рассказывал о вражеских диверсиях. Хотя минуло более четырех десятилетий, но многие новеллы из тех «Боевых киносборников», которые мы, мальчишки, смотрели, конечно, по многу раз, не забыть и сегодня. Например, «Встреча с Максимом» начиналась кадрами из фильма «Выборгская сторона»: мы как бы попадали в кинозал, где демонстрировалась эта популярная картина. Но вот сеанс окончен, люди поднимаются со своих мест, и в этот момент, перешагнув через рамку экрана в зал, к ним обращается Максим: «Погодите, товарищи, еще не конец!» Страстно звучал его призыв бить врага без пощады, а потом на старый мотив «Крутится-вертится шар голубой» пел Борис Чирков от имени Максима совсем другое:

Вот эта улица,
вот этот дом
в городе нашем.

навеки родном.
Улицей этой
врагу не пройти.
В дом этот светлый
врагу не войти.
Танки и пушки
фашистов громят.
Летчики наши
на запад летят.
Черного Гитлера
подлая власть
крутится-вертится,
хочет упасть...

Пусть для первых, тяжелейших месяцев сражения с фашизмом эти слова из песни звучали несколько оптимистично,— их эмоциональное воздействие на кинозрителей было огромным. А как восторженно встречали мы на экране Любовь Орлову, которая в другом киносборнике исполнила популярный марш из «Веселых ребят» совсем по-новому:

На наш народ,
трудовой и веселый,
напала
черных злодеев орда.
И стали грудью
деревни и села.
И поднялися
большие города.
Готовься к бою,
и пахарь и воин.
Бери винтовку
умелой рукой.
И кто Отчизны Советской
достоин,
тот за Отчизну
дерется, как герой...

Хорошо известен такой факт: когда на экране впервые вышел «Чапаев», какой-то мальчишка смотрел фильм несколько раз, сеанс за сеансом, надеясь: может, герой все-таки выплывет! Другая история из той же поры. Шумная ватага заявилась в кинотеатр:

— У вас — «Чапаев»!
— «Чапаев».
— Тонет!
— Тонет.
— Значит, это не здесь. Пошли, ребята. Есть где-то такое кино, где он не тонет...

Минули годы, выросли мальчишки, и Родина в трудный час призвала их на битву. И вот тогда, в сорок первом, перед дорогой на фронт в старом своем кинотеатре вдруг увидели они,

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

НОВАЯ ПРОФЕССИЯ. «Гориллами» в США называют телохранителей. Таких людей вынуждены нанимать и звезды американского кино. Иначе быстро останешься без кошелька и драгоценностей.

Киноактрисы Тина Тернер и Даяна Росс наняли на службу в качестве «гориллы» дипломированного психолога Либию Кральт. Это очень красивая женщина, фигуре которой позавидуют многие манекенщицы. Она модно одевается, любит классическую музыку, читает французских классиков в подлиннике.

Славу «гориллы» Кральт приобрела оригинальным способом. Еще студенткой она брала уроки умения милой улыбкой, умной фразой или неожиданным смехом усмирить агрессивную личность. На многих банкетах, где присутствовали ее хозяйки, психологу уже не раз приходилось демонстрировать свое искусство «поставить на место» подвыпивших молодчиков. Однако шло время, и этого оказалось совершенно недостаточно. Пришлось Либии изучать и то, что присуще обычным «гориллам»,— приемы каратэ и других школ самозащиты. По четыре часа в день она тренировала свои мышцы и достигла завидных успехов. Ее удары стали весьма опасны, а случаев доказать это было предостаточно.

что Чапаев действительно спасся. Это была как раз одна из новелл «Боевого киносборника».

...Плывет раненый комдив по реке Урал, а там, на другом берегу, ждут его бойцы сорок первого года. И услышал комдив: «Фашистская Германия напала на Советский Союз!» И вскочил Чапай на коня, и полетел в крылатой бурке впереди красных дивизий — на бой с гитлеровцами... Что творилось в зале!

А как смеялись люди, когда в другом киносборнике Наполеон посылал в Берлин Гитлеру телеграмму-«молнию»: «Попробовал. Не советую...» Как радовал нас Антоша Рыбкин, никогда не унывающий человек в гимнастерке и поварском колпаке, который в зависимости от обстановки нередко менял шумовку на винтовку,— и получалось это у него совсем неплохо... Или бравый солдат Швейк: оказавшись в фашистском плену, он тоже не терял присутствия духа... Или три танкиста в исполнении Бориса Андреева, Петра Алейникова и Марка Бернеса: лихие дела этого отважного экипажа в наших душах вызывали прямо-таки восторг... Коли уж речь зашла об актерах, необходимо, кроме названных выше, вспомнить и Николая Крючкова, и Бориса Блинова, и Зою Федорову, и Эраста Гарина, и Николая Охлопкова, и Осипа Абдулова — впрочем, всех не перечислишь... А снимали киноновеллы режиссеры Григорий Александров, Борис Барнет, Сергей Герасимов, Владимир Петров, Всеволод Пудовкин, Константин Юдин и многие другие.

СДЕЛАННЫЕ очень оперативно, зачастую — по следам газетных сообщений, эти маленькие фильмы были подобны «Окнам ТАСС», фронтовым корреспонденциям, военным стихам — такой взволнованностью, такой мобилизующей силой они обладали... Последний, двенадцатый киносборник вышел в августе сорок второго: пришло время, и на смену короткометражным теперь уже появились полнометражные художественные ленты, посвященные Великой Отечественной...

Лев СИДОРОВСКИЙ

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

Кральт не зря получает деньги от актрис. Более того, за целый ряд побед над гангстерами она получила большие премии. «Америка есть Америка: с одной психологией в ней не справишься»,— заявила недавно Либия Кральт представителям прессы.

«КЛОНДАЙК» В БАНК НЕ ВЕРНУЛСЯ. На шоссе близ города Колумбус в США у бронированного автомобиля, перевозившего деньги из одного банка в другой, случайно открылась задняя дверь, и на дорогу выпало более десяти мешков. Водитель не заметил происшествия. Едущие следом грузовики также не заметили неладного, своими колесами раздавили мешки, и на асфальте оказалось полмиллиона долларов

Заметили этот «Клондайк» водители легковых машин. Толкая друг друга локтями, они бросились собирать банкноты, набили купюрами багажники и быстренько разъехались в разные стороны.

Банк города Колумбуса обещал солидные вознаграждения за возвращенные суммы. Однако он получил лишь несколько тысяч.

Почему же вернули эти тысячи? Потому что добрая половина из них была сильно повреждена колесами машин и не пригодна к обращению.

ИЗВЕСТНО, что театр начинается с вешалки. Ну а с чего начинается ПТУ? На этот вопрос не ответишь однозначно, поскольку каждое из них имеет свое лицо. Что это именно так, мы еще раз убедились, побывав в одном из лучших московских профессионально-технических училищ — СПТУ № 180.

СОТВОРИ ЛИЧНОСТЬ!

...Машина, минуя ухабы, остановилась около скромного по архитектурным меркам светло-бежевого кирпичного здания. Ко входу в училище вела ровная, хорошо вычищенная дорожка. В просторном вестибюле на первом этаже нам сразу бросился в глаза транспарант: «Превратим наше СПТУ в училище высокой культуры и добрых взаимоотношений!»

Если первая часть лозунга была довольно привычной для глаза, то его вторая часть сразу же вызвала живой интерес. Любопытно все-таки, как «добрые взаимоотношения» воплощаются на практике?

Несмотря на известные позитивные сдвиги в работе профтехучилищ, еще широко бытует мнение, что сюда идут трудные подростки, от которых среднеобразовательная школа стремится всеми силами избавиться. «Будешь кое-как учиться, плохо вести себя — пойдешь в ПТУ» — такую угрозу школьного учителя по отношению к нерадивому ученику можно услышать нередко.

Истины ради следует сказать, что контингент учащихся в ПТУ довольно сложный, и инженерно-педагогическому коллективу приходится, кроме обучения профессиональному мастерству, решать немало проблем воспитательного характера.

СПТУ № 180 — училище довольно молодое, ему пошел одиннадцатый год, но для формирования личности подростка здесь сделано и делается очень много. Здесь все, начиная с директора, Героя Социалистического Труда Владимира Сергеевича Филиппова, хорошо понимают, что воспитание подростка, особенно трудного подростка, дело серьезное, важное, и тут нет мелочей.

Это мы отметили сразу же, переступив порог училища. За небольшим барьером стояло трое дежурных. Мы поздоровались и спросили, как пройти к директору. Дружелюбно и вежливо ответив на наше

Владимир Сергеевич Филиппов.

Радиомонтажники

приветствие, один из подростков сказал: «Сейчас я вас провожу». Была перемена. Но привычного даже для средней школы гвалта и несущихся по разным направлениям учащихся не было... Но не было и юных «старичков», чинно парами передвигающихся по коридорам. Была на редкость естественная манера общения подростков между собой. Небольшая группа ребят что-то вполголоса обсуждала у стенгазеты, в другом конце коридора несколько ребят окружили своего мастера и с интересом слушали его рассказ. Примостившись у окна, двое мальчиков склонились над какой-то схемой.

Проблемой воспитания ребенка, которой сегодня еще недостаточно уделяется внимания и в детских садах, и в школе, и в семье, приходится много заниматься здесь, в СПТУ. Поначалу даже подумалось, что его директор по специальности педагог, но оказалось, что Владимир Сергеевич — токарь, и получил он эту профессию в годы войны в ремесленном училище. А педагог он по призванию. Обучить профессии — дело пусть и нелегкое, но вполне достижимое. Во всяком случае, чтобы стать рабочим высокой квалификации, в СПТУ есть для этого все возможности: и хорошее оборудование в мастерских, и хорошее станочное обеспечение, и высокий уровень подготовки мастеров производственного обучения. Но директору этого мало, ему надо из каждого подростка сотворить *личность*. Он и сам яркая, неординарная *личность*. Автор многих рационализаторских предложений, недаром на одной из Центральных выставок НТТМ в павильоне «Машиностроение» ВДНХ СССР была организована персональная экспозиция работ В. С. Филиппова. На ней была представлена серия приспособлений для малогабаритного токарного станка, некоторые из его разработок вошли в учебник для молодых токарей.

С чего начинается личность? Может быть, с таких кажущихся на первый взгляд мелочей, как дисциплина и самодисциплина? Никто — ни учащийся, ни преподаватель, ни мастер, ни директор не имеют права опаздывать в училище. Это для *всех* неписаный закон. Здесь, избегая казарменного обращения по фамилиям, подростков называют по именам. Переступать порог училища любой из взрослых должен только с доброжелательной улыбкой, оставив за его пределами свое плохое настроение.

Одна из замечательных традиций — внимание к новичкам со стороны третьекурсников. Каждый из только что поступивших подростков опекается старшими ребятами, поэтому таких явлений, как «дедовщина», здесь просто не может быть. Помочь новичку побыстрее освоиться с обстановкой, получить первую полезную информацию, касающуюся и учебы и отдыха — обязанность третьекурсников.

Здесь исподволь, незаметно, ненавязчиво учат бережному отношению к имуществу. Столы и стулья в кабинетах выглядят как новенькие, хотя им уже десять лет и новая мебель не приобреталась. И если на первых порах случались эксцессы такого рода, когда кто-нибудь из озорства мог провести ножичком по кожаной обивке стула, то это получало такую огласку в училище, такое осуждение товарищей (не считая, естественно, оплаты стоимости стула из родительского кармана), что желание и далее шкодить исчезало у проказника начисто.

Один из важных моментов в формировании личности подростка — его творческое отношение к будущей профессии. Стремление мастеров заинтересовать ребят, увлечь техническим творчеством начинается буквально с первых же дней их пребывания в училище. И проявляется оно в самых разных формах. В конце каждого квартала, напри-

мер, проводятся родительские собрания. К этому дню в группах готовят выставку своих разработок по оснастке станков. Каждая разработка занимает отдельный столик. Рядом — карточка, в которой указано, кто данную работу выполнил. И очень плохо чувствуют себя те ребята, кто ничего не представил на выставку. Неловко чувствуют себя и родители... И уже на следующей выставке учащиеся реабилитируют себя хорошей и интересной работой.

Дважды в год в училище проводятся проверочные зачеты, на которых наглядно можно видеть, чему научились ребята за прошедший период. Техническое творчество способствует развитию нестандартного мышления и более глубокому освоению материала. Об этом убедительно свидетельствуют конкурсы «Лучший по профессии». Это очень престижный для подростков конкурс. И разве не приятно победителю увидеть свой портрет среди портретов других победителей в импровизированной галерее родного училища?

Ребята с интересом знакомятся с разработками, сделанными их мастерами, и охотно участвуют в реализации этих разработок. Так возникает их сотворчество. Училище поддерживает тесные контакты с Домом научно-технического творчества имени Ф. Дзержинского. Нередко в гости к ребятам приезжают видные изобретатели и рационализаторы, они рассказывают о своих работах и демонстрируют их. Бывает, что после одной из таких встреч подросток приносит в училище свое изобретение...

В СПТУ № 180 своя первичная организация ВОИР, в которую входит свыше 400 ребят и преподавателей, она по праву считается ведущей в Москве. Лучшие работы ребят демонстрировались и на ВДНХ СССР, были отмечены наградами. В училище гордятся инструментарием и различными приспособлениями, сделанными руками учащихся в разные годы. А началось все с того, что СПТУ, получив оборудование и станочное обеспечение, не получило ни одного приспособления. Волей-неволей пришлось самим делать оснастку. Сегодня каждое рабочее место в мастерских оснащено высокопроизводительными приспособлениями и инструментами, причем количество их ежегодно увеличивается за счет того, что дипломная работа выпускника включает в себя не только описание той или иной разработки, но и реализацию ее в металле. И если учесть, что училище ежегодно выпускает 200 человек, то станет ясно, сколько разработок остается в стенах СПТУ.

Техническое творчество — это, конечно, замечательно, но в чем же еще имеет подросток возможность для самовыражения? И эта сторона дела не осталась без внимания директора и всего инженерно-педагогического коллектива СПТУ. Работает немало интересных кружков: голубеводы, аквариумисты, фото- и изостудии. Большим успехом пользуется театр-студия «Надежда». Многие из ребят занимаются спортом — в том числе атлетической гимнастикой, стрельбой. Наиболее популярна секция «Купол», которой руководят на общественных началах воины-афганцы, бывшие выпускники СПТУ № 180.

Говорят, современные юноши и девушки больше тяготеют к неформальным объединениям, нежели к комсомолу. Но в СПТУ № 180 картина иная. И причина, думается, в том, что комсомольская работа здесь не заформализована. Здесь вам не покажут план комсомольской работы, его нет, главное в работе комсомольцев — делать полезные дела для людей. У ребят родилась комплексная программа «Беспокойство». В ближайших планах подростков — создание отряда «Милосердие» для оказания помощи инвалидам и престарелым в

Максим Пухов избрал профессию токаря.

Занятия с фрезеровщиками.

Мастер производственного обучения А. Ф. Гончарик.

«Парикмахерские услуги» оказывают ребятам девушки соседнего специализированного училища.

своем районе, начать работу по строительству спортивного зала. Ребята провели операцию «Орден». Ее целью было отыскать бывших фронтовиков, которым по тем или иным причинам не были своевременно вручены боевые награды в годы войны.

Есть у ребят свои подшефные: детский сад, детский дом и интернат. В детском саду ребята сажают деревья, практически осуществляя одну из традиций СПТУ — «посади свое дерево». Детдому учащиеся помогают в уборке территории, а малышам приносят в подарок шоколадки, сохраненные для них от своего сухого пайка.

В комсомольской организации практикуется проведение деловых игр по обучению актива. В разгаре подготовка по созданию круглогодичного трудового отряда. Училище гордится грамотой МГК ВЛКСМ, которой были награждены участники лагеря труда и отдыха «Кубань-86» за большие успехи в работе на объектах агропромышленного комплекса Краснодарского края.

Воспитание личности подростка возможно только при тесном взаимодействии и взаимопонимании администрации, партийной, комсомольской организаций, учпрофкома, всего коллектива училища. И такое взаимопонимание в СПТУ № 180 есть.

Ежегодно училище выпускает 260 специалистов. Это токари, фрезеровщики, слесари, электромонтеры и монтажники радиоаппаратуры. За успешную подготовку специалистов для народного хозяйства СПТУ № 180 в 1986 году присуждена премия Ленинского комсомола.

Сейчас училище переключилось на подготовку станочников широкого профиля, и вот уже третий год готовит универсалов. Ежегодно учащиеся выпускают различной продукции на 400 тысяч рублей, половину этой суммы они зарабатывают на базовом предприятии, другую — в местных мастерских. Что же это за продукция? Прежде всего — настольные сверлильные станки, пользующиеся большим спросом, поскольку при небольших размерах они дают возможность работать сверлами диаметром до 15 миллиметров.

Бурное развитие техники, внедрение в промышленность роботизированных и автоматизированных систем требует от современного рабочего глубоких знаний. Не допустить разрыва между технологической сложностью работ и уровнем квалификации рабочего — одна из главных задач СПТУ № 180.

ЕЖЕГОДНО ранней весной училище прощается со своими выпускниками. Последний звонок... Это всегда и легкая грусть, и неизбежное расставание. В этот день для дипломников готовится много сюрпризов от педагогов, мастеров и от первокурсников, которых они на протяжении года опекали. И многим в этот день, пожалуй, вспоминается их первый урок и первая работа в учебной мастерской, первый рабочий день на базовом предприятии. Вспоминаются интересные экскурсии и походы, участие в субботниках и первое в жизни рацпредложение... И еще, покидая училище, они знают: здесь каждый из них осознал истинные человеческие ценности, проверил свою дружбу на прочность.

На смену выпускникам придут сюда новые ребята, придут не только за тем, чтобы стать высококвалифицированными специалистами, но и за тем, чтобы стать личностью.

О. ЛОБАНОВА
Фото А. ЕГОРОВА

РОЙ КЛАРК:

«МЫ ВОЗЬМЕМ С СОБОЙ ЧАСТИЦУ ВАШЕГО РАДУШИЯ»

...И вот опять, спустя двенадцать лет, мы встретились со звездой американской «кантри мюзик» — Роем Кларком. В 1976 году он впервые побывал в Советском Союзе. Вместе со своей шоу-группой он посетил Ригу, Ленинград, Москву. И свои незабываемые впечатления о радушии советских людей, о прекрасном приеме, оказанном ему, на все эти годы сохранил в сердце. И мечтал вновь посетить нашу страну, познакомить с новыми песнями наших слушателей. Однако сделать это оказалось нелегко. Ни советское, ни американское правительство не сочли возможным финансировать эту поездку. И тогда Рой Кларк решил эту проблему сам. Он обратился к американским гражданам с предложением за небольшие денежные взносы отправить свои пожелания советскому народу. Вот так появилась

«Карта дружбы», которую привез с собой в Москву Рой Кларк.

Рой Кларк родился в маленьком городке штата Вирджиния. В его семье все пели, играли на рояле, гитаре, банджо. С детства Рой полюбил скрипку. Затем отец научил его играть на гитаре и банджо. И хотя Рой не получил специального музыкального образования, он благодаря своему блестящему дарованию сумел добиться огромных успехов в исполнительском мастерстве. В пятнадцать лет он начал свою профессиональную деятельность, выступая вместе со своим отцом в музыкальном клубе. В шестнадцать лет со своим банджо Рой прекрасно выступил на Национальном конкурсе «кантри мюзик», получив право на гастрольную поездку в штат Теннесси. Через год он был признан победителем этого конкурса.

Что же такое Рой Кларк сегодня? Музыкант? Да. Певец? Да. Композитор? Да. Профессиональный актер? Да. Но не только! Рой Кларк не просто музыкант. Он уникальный музыкант, в совершенстве владеющий многими музыкальными инструментами, виртуозно играющий на гитаре. Рой Кларк не просто профессиональный актер. Вот уже многие годы он является общепризнанным «королем смеха». Академия и ассоциация народной песни присудили ему звание лучшего комика «кантри мюзик». Начав свою карьеру с выступлений в маленьких клубах, Кларк добился такого признания, что его восковые скульптуры выставлены в двух музеях — он первый в США исполнитель «кантри мюзик», удостоенный такой чести.

Рой Кларк дает ежегодно около 300 концертов. Он участник многих телевизионных передач, в которых особенно проявляется его комедийный талант. Одной из самых популярных музыкальных телепрограмм США является двухчасовая передача «Хи-Хо», автор и ведущий которой — Рой Кларк. Известен он и как киноактер. Пластинки с его песнями, альбомы с записями его виртуозной игры на банджо и гитаре, выпускаемые студией грамзаписи «АВС-ДОТ Рекордс», пользуются неизменным успехом.

После успешных выступлений в Ленинграде гастроли звезды американской «кантри мюзик» продолжались в Москве.

Представляла Роя Кларка и его инструментально-вокальную шоу-группу приехавшая по специальному приглашению музыканта заведующая редакцией «Народная музыка США» Джуди Массе. Она собиралась готовить передачу о выступлениях Роя Кларка в Советском Союзе.

Каким же Рой Кларк предстал на сцене в универсальном спортивном зале «Дружба» в Москве в этот раз?

Конечно же, все тем же живым, обаятельным, открытым, доброжелательным, каким мы видели его двенадцать лет назад. И начал свое выступление он так: «Я обязан был сегодня быть здесь. У меня концерт. А у вас есть выбор: вы могли бы сюда сегодня и не приходить. Поэтому я очень благодарен всем вам за то, что вы сейчас здесь. И мы все (он показал на своих музыкантов) постараемся сделать все возможное, чтобы этот вечер оказался для вас приятным».

И действительно, двухчасовое шоу оказалось захватывающим, заразительным. Это был настоящий музыкальный театр. Живая, веселая музыка «кантри» — музыка разных народов, проживающих в Соединенных Штатах, всем пришлась по душе. Да иначе и быть не могло. Ведь песни, наполненные мечтами о любви и мирной жизни, о доброте и нежности, о радостях труда всем нам близки и понятны. И не случайно программа «Рой Кларк кантри шоу» называлась «Солнечный свет, который нам дарит музыка кантри».

Одной из песен, исполненных Кларком, были всеми нами любимые «Подмосковные вечера», вошедшие в репертуар группы перед гастролями в Советский Союз. В заключении концерта звучала песня «Этот прекрасный мир». И тема ее — тема прекрасного мира — как нельзя лучше соответствовала настроению сидящих в зале. Потому что в чудесные мгновения, когда звучала неприхотливая, но такая пленящая музыка «кантри», мир казался воистину прекрасным.

На вопрос, популярна ли народная музыка в США, Джуди Массе ответила:

— Да, очень популярна. После рок-музыки «кантри» занимает второе место.

Боюсь, что мы не могли бы ответить на подобный вопрос столь оптимистично. Ибо сегодня, к большой печали, к русской народной музыке интерес, увы, небольшой. Если говорить о молодежи, то она практически вообще не интересуется народной музыкой. А ведь это очень и очень прискорбно. Интерес к народной музыке закономерно пробуждает интерес к истории народа, к его корням. А следовательно, воспитывает человека, обогащает духовно. И если молодой человек находит для себя что-то ценное в рок-музыке, но вместе с тем интересуется народной музыкой, понимает классическую музыку, то это прекрасно!

Очень обидно, что такую замечательную возможность познакомиться с лучшим исполнителем американской народной музыки не использовал Госконцерт СССР. В то время, когда Рой Кларк выступал в полупустом, мало приспособленном к подобным встречам спортивном зале «Дружба», в концертном зале гостиницы «Россия» (где, кстати сказать, проходило его выступление в 1976 году) выступал... Барыкин. Думается, куда более этично и разумно было бы предоставить этот зал Рою Кларку. Ужасает тот факт, что Госконцерт не смог позаботиться даже о рекламе. Практически ее вообще не было. Так откуда же взяться желанию послушать хорошую музыку, если мы стараемся ее как можно чаще замалчивать!

А ведь нет сомнения в том, что молодежь с огромным интересом восприняла бы встречу с талантливым американским музыкантом, если бы оказалась на этом концерте. И не пустовал бы этот неуютный спортивный зал. Тем более что это был не просто концерт. Это была встреча старых добрых друзей. Это был живой диалог о мире двух разных народов. И надо было видеть, с каким волнением вручал Рой Кларк представителю общества дружбы «СССР—США» «Карту дружбы», в которую вошли собранные воедино на дисплее пожелания и подписи 20 тысяч американцев!

И кто знает, может быть, эта встреча и была бы первым шагом на пути к серьезному познанию своей родины, русской народной музыки.

А на прощание Рой Кларк сказал:

— Мне очень жаль, но это последний концерт наших дружеских гастролей. Мы уезжаем домой, но будьте уверены, мы возьмем с собой частичку вашего радушия.

И улыбнулся. Широко, открыто. Так улыбнулся, как могут улыбаться только очень добрые, хорошие люди.

О. АЛЕКСЕЕВА

Беречь Россию не устану,
Она — прозрение мое.
Когда умру, то рядом встану
Я с теми, кто берег ее.

Валентин СОРОКИН
Из поэмы
«Дмитрий Донской»

Виктор КРЕЧЕТОВ

МЫ — РУССКИЕ ЛЮДИ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ХУДОЖНИКА СЕРГЕЯ ДАНИЛИНА

ТЕЛЕКАМЕРА долго вела зрителей по закоулкам коридоров коммунальной квартиры, скользнула по рядам кастрюль и сковородок на кухне, оказалась на черной лестнице и полезла на мансарду, где расположилась мастерская ленинградского художника Сергея Данилина. Контраст между густонаселенностью квартиры, где в одной из комнат живет семья художника, общим коммунальным фоном и неожиданно открывшейся праздничной живописью был ошеломляющ. Режиссер телепередачи акцентировал его не случайно, слишком сильно бросается он в глаза каждому, кто впервые оказывается в мастерской художника на улице Рубинштейна. Праздничная живопись — это цикл картин «Памяти героев 1812 года». Писатель Карем Раш, увидев их, дал определение: «Дворянская живопись!» Конечно, давно уже все с определением «дворянское» употребляется у нас в каком-то отрицательном смысле, но, как говорится, времена меняются, и вот уже никого не пугает эта несколько архаичная похвала. Что в ней заключено?

Идеализация модели, воплощение ее лучших черт, определяющих характер и деяния человека, благородство натуры — в дворянском кодексе чести благородство занимает не последнее место. И конечно, соответствующая эпохе и объекту изображения техника письма. Нельзя же писать героев 1812 года в стиле Малевича! Но, чтобы писать в стиле их времени, нужны техника и мастерство, которые сегодня не очень в чести у художников, да и просто в общей массе отсутствуют. Наверное, современники Брюллова и Кипренского

нашли бы в работах Сергея Данилина признаки, указывающие на то, что писал не их современник, а далекий потомок. Но сегодня даже люди, искушенные в живописи прошлого столетия, воспринимают картины Данилина как подлинные экскурсы в далекую историю.

Что же заставляет нашего современника обращаться к образам героев и участников войны 1812 года, среди которых мы находим генерала Михаила Андреевича Милорадовича с адъютантом Федором Глинкой, генерала Николая Николаевича Раевского с сыновьями, Платова, Сеславина, Дорохова, Ростопчина, Вяземского, Жуковского, Карамзина? Вопрос не праздный и не очень уж простой. Ответ на

САША МУХИН.

Из серии «Памяти героев 1812 года»

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ, Ф. В. РОСТОПЧИН,
В. А. ЖУКОВСКИЙ, Н. М. КАРАМЗИН.

него, очевидно, надо искать за пределами этой серии. Вот портреты героев Афганистана — Александра Мухина, Сергея Чирвы, Григория Семченко, Героев Советского Союза Александра Солуянова, Василия Пименова, Владимира Кучеренко. Можно ли соединить столь разные времена и судьбы людские? Оказывается, можно, потому что долг, честь и отвага являются непреходящими ценностями для тех и других — в этом убежден художник. И что особенно ценно — общность эта обнаруживается у людей разной культуры, разного времени, участников противоположных по характеру и несравнимых по масштабам войн. Ценно потому прежде всего, что участники афганских событий являются наследниками героев 1812 года — именно в руках этого поколения настоящее, да и будущее страны.

Но вместе с тем художник видит не только отвагу и честь в качестве основы жизни, основы для созидания настоящего и будущего своего Отечества. Он не стоит в стороне и от тех духовных исканий, что совершаются в нашем обществе, выплескиваясь порой на страницы книг и журналов. Духовный поиск занимает в жизни художника огромное место, без него он не мыслит себе ни будущего России, ни будущего ее сынов, каковыми являются ее нынешние герои, прошедшие испытание Афганистаном (картина «Сороковой день»). Но, осознавая сегодня ошибки прошлого, так щедро рассыпанные по нашей истории, мы должны видеть наше будущее. И Сергей Данилин видит его в духовной деятельности современных русских писателей, поэтов, критиков, близких художнику.

За последние два-три года он создает портретную галерею, в которой на первое место выдвигаются художественные образы современников, таких, как Юрий Лощиц, Сергей Лыкошин, Михаил Лобанов, Валерий Сергеев, Виктор Калугин, Юрий Кузнецов, Сергей Семанов, Владимир Левченко, Николай Утехин и другие. Думаю, в недалеком будущем этот ряд будет существенно дополнен.

В каждом портрете художник умеет найти ту ось, на которой держится образ, и есть в этой серии особенные удачи, которые без преувеличения можно поставить в один ряд с работами, скажем, Репина или Серова. Но подлинная ценность художника мне видится не в этих удачах, хотя они и важны сами по себе, а в стремлении художника соединить вокруг себя, собрать воедино духовно близких людей, разбросанных по стране и не всегда умеющих объединиться. Художник, как и сами его герои, собирает нынешнюю Россию в единое целое, и эта работа Сергея Данилина, пожалуй, даже важнее тех собственно художнических задач, которые он ставит перед собой в каждой отдельной картине и в творчестве в целом.

Те немногие выставки, на которых творчество Сергея Данилина было представлено более или менее полно, пока, к сожалению, не давали еще возможности судить о художнике в перспективе, и уж, во всяком случае, не позволяли говорить о философии художника, его понимании мира. Последние два года работы вывели Сергея на качественно новую орбиту. Это новое качество заключено прежде всего в том, что художник, какую бы задачу он ни решал, не теряет из виду задачи высшей, ради которой он отдается творчеству. Поиск этой высшей задачи не стоит в стороне от жизни, как это иногда культивируется у иных художников, но находится в самом ее пекле, в самом горниле. Оттого-то и притягивают его к себе люди, с именами которых связаны шумные и горячие споры. Сергей Данилин создает галерею русских людей, для которых судьба России — главная забота, в этом — смысл и пафос их неустанного и яркого труда. Уверен, что и сам художник в этой галерее займет достойное место. Ныне об этом уже можно говорить без натяжки.

Но шел к этому Сергей нелегко. Для приобретения живописного мастерства все у него складывалось вроде бы благополучно. Родился он в 1955 году в Ленинграде, успешно закончил ленинградскую среднюю художественную школу при институте имени И. Е. Репина,

после окончания которой сразу же поступил на факультет живописи института. Окончил его в 1979 году в мастерской профессора Ю. М. Непринцева. С 1976 года участвует во всесоюзных, республиканских, международных, городских и молодежных выставках. Годы учебы в институте пришлись как раз на расцвет авангардистского движения в Москве и Ленинграде. Достаточно вспомнить, что в 1974 году в Ленинграде, в ДК имени Газа, шумно прошла первая выставка художников-нонконформистов, затем вторая выставка в ДК «Невский» в 1975 году, потом было множество групповых выставок на квартирах и в различных ДК.

Все это не могло не захватить и студентов художественного вуза, не остался в стороне и Сергей. Он окунается в русский авангард, изучает опыт зарубежного модернизма. Пробует манеры различных мастеров нового времени — в его мастерской можно найти этюды, выполненные в манере Пикассо и Сезанна, которые признали бы за оригинал и специалисты. Теперь Сергей рассказывает об этом с улыбкой, с подтруниванием над заблуждениями молодости. Своего рода результатом этих исканий явились две композиции, объединенные общим названием «Сны белой ночи» (1980 г.). Это автобиографичные мистерии, отражающие юношеские умонастроения. Они полны всевозможной городской пейзажной атрибутики и тех духовных клише стереотипов, которые неизбежно сопутствуют романтизированному соцреализму, смыкающемуся с авангардизмом. Освободиться от всех этих парящих над миром героев помогли Данилину мастерство, которому он и в художественной школе, и в институте уделял огромное внимание, а также и жажда подлинной, реальной жизни.

Уже в студенческие годы он предпринимает ряд поездок по стране, среди которых особенно памятно для него путешествие по Волге и хождение по городам и весям Поволжья. Но, отдавая дань формальным поискам в живописи, он никогда не терял из виду и реалистическое начало, которое подспудно всегда жило в нем. Так, уже в 1977 году он создает холсты «Старая банька», «Мясник», «Кирилло-Белозерский монастырь», в 1980-м — «Вечер в Яппиля», «В тайге» и другие. В реалистическом ключе решается саянская серия 1983 года, в которую вошло шесть картин, и киргизская серия 1983—1984 годов из одиннадцати работ.

Но все это были подступы к своей теме, к своему пути в искусстве. Сегодня художник считает, что он слишком долго искал свое лицо, и видит в этом типичное заблуждение молодых. «А нужно искать не свое лицо,— с горечью говорит Сергей,— а свою принадлежность к народу. Надо искать не стиль, а опору, корни, из которых ты вырос». Как это близко есенинскому «ищите родину»! В процессе работы над картиной «Ивановы» художник много думает над проблемами сохранения рода, невольно у него возрастает интерес и к своим предкам, происходившим из тверских крестьян. Закономерным завершением реалистических исканий, идущих от «Старой баньки», стали такие картины, как «Художники блокадного Ленинграда» (1983), «Ленинградцы» (1984) и «Ивановы» (1985). Это большие многофигурные композиции с глубоко народной идеей, в которых художник сумел добиться значительной образной выразительности, проявив себя своеобразным колористом, палитру которого уже трудно спутать с другими художниками.

После «Ивановых» в творчестве Сергея Данилина наступил перелом, резкий поворот. Конечно, он был подготовлен всей жизнью художника, его духовной работой, но на мой вопрос о причине этого

скачка художник дает простой ответ: «Людям обязан. Встрече с Сергеем Лыкошиным...» Как это все-таки важно — встретить на своем пути человека, который становится для тебя и советчиком и другом.

Из серии «Памяти героев 1812 года»

ГЕНЕРАЛ М. А. МИЛОРАДОВИЧ И ЕГО АДЪЮТАНТ Ф. Н. ГЛИНКА.

ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ Саланг! Километрами мертвых петель шоссейного серпантина, тоннами обгоревшего металла на его камнях или тысячами человеческих жизней, оборвавшихся здесь! У каждого, кто прошел этот перевал хоть раз,— свой счет. Старший лейтенант Леонид Постников прожил здесь полтора года. Прожил, пожалуй, все же неверно сказано. Все это время он со своими шестнадцатью бойцами нес здесь сторожевую службу. Круглосуточно, круглогодично. Их застава — маленькая крепость в горах, прикрывала дорогу сразу с нескольких направлений: с высоты хорошо просматривались и, что уж там говорить, простреливались подступы к шоссейке. Если бы не хитрые минные заграждения

«ФОРТ-ПОСТ» УХОДИТ ДОМОЙ

да неусыпная бдительность поста, душманы бы давно сковырнули эту крепость — мешала она им здорово. Свою злость «духи» одно время повадились срывать на флагштоке. Почти каждый день снайперы «муджахедов» сбивали его. Но каждый раз рядовой Слава Шехович — ответственный за флаг — восстанавливал тонкую мачту, на конце которой реял прямоугольник алого полотнища.

Так вот, Леонид Постников и его солдаты мерили свой Саланг количеством колонн, благополучно прошедших по прикрываемому ими участку. Были в этом измерении и кровь, и сама смерть. Потому что шла война, на которой все они были солдатами. Когда душманская пуля пробила руку ефрейтору Нари Гашимову, он упросил командира оставить его на позиции. Боялся, что после госпиталя не попадет на свою заставу. Постников, конечно, рисковал, но пошел на это, потому что знал — это не блажь, а проявление солдатского товарищества, которым застава тоже сильна.

Потом Ахмад Шах Масуд заявил, что не будет стрелять в «шурави». Это когда начинался вывод советских войск из Афганистана. Правда, гарантии Масуда не распространялись на «Форт-Пост», как в шутку, сократив фамилию командира, окрестил их заставу комбат. Душманы жестоко крушили афганские колонны, а Постников должен был прикрывать грузы республики, «духам» это, естественно, не нравилось. К тому же, кроме людей Ахмад Шаха, на Большую дорогу поживиться выходило много прочих бандитов. Так что от посвиста пуль отвыкать постниковцам не пришлось до самого ухода с заставы.

Они проводили в Союз многих. Колонны советских подразделений шли почти непрерывно. С губ дежурных наблюдателей сами собой срывались негромкие слова:

— Счастливо вам, братишки, добраться до дома. Живыми...

«Когда домой!» Вслух этот вопрос на заставе не прозвучал ни разу. Про себя его задавали тысячу раз.

— Послезавтра к 16.00 быть готовыми передать заставу афганцам.

Подобной команды они ждали со дня на день. Ждали как избавления от адского напряжения, от ежеминутной возможности расстаться с жизнью. Но не было восторга. Оказывается, эти проклятые камни, эти мешки со щебнем, этот примитивный, созданный своими руками из подручных материалов уют успели пустить в душе свои корни. Хотя какие корни могут быть у пустынных на такой высоте гор, у этого неба, с которого так щедро летом палит солнце, а зимой валит снег! Какие корни у этих чужих, стреляющих камней! Но почему тогда все валится из рук! Почему хочется растянуть каждую минуту уходящих последних суток!

Лейтенант-афганец, наверное, сразу же поняв настроение Постникова, спрятал в своих пышных усах улыбку. Представился:

— Ахмед Харджи. Хозяйство будем принимать! — почти без акцента спросил он.

— Сторожевую заставу,— поправил лейтенанта Леонид и сразу же пожалел о жесткости, с которой сделал это. Смягчая голос, добавил: — Мы тут надежную крепость построили.

Больше всех работы доставалось Нурали Насретдинову. Комсоргу заставы пришлось быть переводчиком. Каждый из шестнадцати афганцев хотел что-то сказать нашим ребятам. А те, в свою очередь, пытались оставить смене опыт сторожевой службы. Нештатный повар Михаил Шульга объяснял своему смуглому коллеге, как надо справляться с печкой, чтобы и экономно топить ее, и с хорошим жаром. Сержант Петр Нармуллин пытался ввести в курс дела афганского замкомвзвода.

— Вот этот «пятачок» простреливается с той стороны,— втолковывал Петр афганцу.— Так что без толку твои бойцы пусть здесь не мелькают. Видишь кучу камней! Это запас на случай пробоин в стенах. Пополняйте его. Пригодится...

Постников на афганского лейтенанта смотрел сверлящим взглядом. Уж больно он ему казался разговорчивым. Что это — несерьезность или желание показать знание языка! Говорит, был рабочим до армии, военное училище в Союзе закончил, член НДПА. Ранен дважды.

Для многих из нас еще недавно таким человеком был Юрий Селезнев. И как славно, что на место уходящих бойцов заступают другие достойные, заполняющие собою возникающие бреши.

Галерея современников, созданная Данилиным, это попытка написать коллективный портрет сегодняшней России, поэтому особенно сильное впечатление они производят, когда смотришь их вместе, дополняющими друг друга. В сущности, и серия «Памяти героев 1812 года» является дополнением к этому коллективному портрету русских людей, она показывает неразрывность наших нравственных начал с теми, которые завещаны нам лучшими представителями минувших эпох.

Осознает ли сам художник сегодня сущность своего духовного прозрения или вся его работа есть результат лишь внутреннего чувства, интуиции? Удастся ли ему вполне выполнить своим творчеством задачу соединения в нераздельное цельное всей мыслящей России? На все эти вопросы ответит время. Но на один вопрос мы можем ответить и сегодня — да, это художник, и душа его открыта людям. И как всякая человеческая душа, она ожидает от каждого человека ответного движения.

— Семья, Ахмед, у тебя есть! — совсем некстати, вспомнив своих двух Светланок — жену и дочь, спросил Леонид.

— Семья есть. Отец пропал ночью, когда банда в кишлак приходила. Никто больше не видел. Мать и брат, такой,— лейтенант показал от земли рукой,— подросток. Другой брат командос был. Погиб. Сестра в Пакистане, говорят, замужем за большим душманом.

— Женат! — тихо спросил Постников, зная, что у афганцев этот вопрос к интимным относится. Но все ж в Союзе учился лейтенант Харджи, поймет, что не из праздного любопытства вопрос задан.

— Не успел,— лейтенант глянул Постникову в глаза,— к счастью, наверное.

Леонид понял, что хотел сказать его сменщик.

Харджи придется здесь трудно. Он, Постников, прикрывая дорогу, чувствовал за собой силу батальона, полка, всего контингента, в конце концов. Он мог, бросив в эфир скороговорку цифр, вызвать вертолеты огневой поддержки, транспортные «вертушки». По его просьбе готовы были дать огонь артиллеристы. Соседние сторожевые заставы, если что, тоже в беде не оставили бы. Проверена эта уверенность была уже не раз в горячем деле.

А каково будет здесь лейтенанту Ахмеду Харджи! Постников знает, что не так уж редки были случаи, когда переданные афганцам посты и заставы через день-другой оказывались безлюдными, оголяя дорогу. Знал об этом скорей всего и Харджи. Словно угадав мысли Леонида, лейтенант сказал:

— Мы не уйдем отсюда, не думай.— Ахмед встал, поправил фуражку, сдвинув ее на брови.— Ну, передавай заставу, командир!

— Для начала фуражку свою подальше спрячь — кокарда на ней для душманского снайпера уж больно привлекательна будет.— Постников снял с головы свою видавшую виды ушанку и протянул ее лейтенанту.— На память, как говорится, и на солдатское счастье...

К дороге, которую охраняли, ежедневно ощупывая каждый ее метр биноклями и оптикой прицелов, они спускались четыре часа. Снег, наледь, лютый мороз, крутизна скатов. Постникова не покидало ощущение, что их недлинная цепочка постоянно на прицеле. И точно, чуть выглянуло из-за туч солнце — на близком гребне скалы мелькнул блик, затем еще один. За ними наблюдали через оптику.

Шли молча. Было о чем подумать. Что ни говори, а там, в каменном гнезде заставы, они оставили какую-то частицу самих себя...

— Товарищ майор, застава передана, больных и раненых нет.— Постников, докладывая, пытался определить, что так сильно изменило внешность комбата. Наконец понял. Смертельная усталость посекла лицо майора сетью морщин, высушила его, воспалила бессонницей глаза.

— Такое дело, брат,— слова комбат произносил, как гвозди вколачивал.— Обстановка усложняется. Выше по трассе — снежные лавины. Есть жертвы. А снег все идет. У меня — график выхода. Он как закон. Возьмешь два БТРа и со своими ребятами — вперед. Будешь держать нас в курсе дела. Сейчас отдыхайте. Три часа.

На броне продувало насквозь. Слезились глаза от ветра и искрящейся ослепительной белизны. Но Постников щупал и щупал биноклем склоны, припухшие снеговыми шапками.

— «Агат», я — «Челнок». На участке 14, выше — 50, снежный козырек. Инженерно-саперный пост в двух километрах. Покрытие дороги чистое...

— «Агат», я — «Челнок». На участке 15 у моста полтора десятка вооруженных людей. Есть пулемет, гранатометы. Активности не проявляют...

— «Агат», я — «Челнок». Трасса закрыта. Сход лавины...

Саперы с противоположной стороны уже расчищали путь. Потом пришел танк с бульдозерной подвеской. Под снегом был КамАЗ. Откопали, вытащили из кабины водителя и сержанта. Оба еле живые — тряхнуло их здорово, да и холод дал о себе знать. Один БТР Постников с пострадавшими отправил назад — нужней всего ребятам были тепло и медпомощь.

На привале рядовой Михаил Шульга из незамысловатого «сухпая» на солярном костерке соорудил вполне приличный обед. И даже чай умудрился заварить с какой-то особой, очень знакомой душистой заваркой.

— Так то я травку щэ литом засушив,— перемазанное сажей лицо нештатного повара расплылось в улыбке.

Точно такой чай они пили там, на сторожевой заставе. Миша трав разных между камней летом насобирал и заваривал потом душистые букеты. После трех суток адской езды по трассе все это казалось уже таким далеким.

— А что, товарищ старший лейтенант, жили мы там, как в горной Швейцарии. Вот и рука у меня тогда за неделю почти зажила.— Нари Гашимов словно подключился к мыслям командира.

И тут остальные ребята заговорили о времени, проведенном на «Форт-Посте». Всякое было в этих воспоминаниях: смешное, грустное, царапающее сердце, вгоняющее комок в горло. И именно на этом привале кто-то пустил по кругу картонку от сухпайка, на которую вскоре легли шестнадцать адресов. Это были шестнадцать географически очень отдаленных друг от друга точек, но отныне их связывало святое единство боевого братства, крещенного Афганистаном, днями и ночами «Форт-Поста», нынешними километрами «Челнока». Семнадцать таких картонок легли во внутренние карманы курток. Памятью к самому сердцу. Молчаливой клятвой солдатской дружбы.

И еще почти десять дней их «Челнок» метался впереди колонны, продвигающейся на север, домой. Короткий отдых. Сон, как провал в небытие. Снова — на БТРы, снова свист ветра, снег в лицо. На сорванное горло Постников уже не обращал внимания. Ломоту в висках старался не замечать. И все же он не дотянул до границы. На последнем привале жар доконал его. Доктор дал ему целую обойму таблеток и уложил под грудой одеял в чрево БТРа, пригрозив в случае непослушания упечь Постникова в походный лазарет.

Леонид так и не увидел последнего афганского города — Хайратона, не увидел ажурных пролетов моста через Амударью. Не принимал из рук встречающих цветов. Не видел слез на глазах матери своего комсорга Нурали Насретдинова, приехавшей встречать сына в Термез. Старший лейтенант Леонид Постников спал, укутанный заботливыми руками солдат. В горячем сне он видел гарнизон бывшего своего сторожевого поста. Это были другие, не его солдаты. На них была другая форма, на другом языке они говорили. Командовал ими лейтенант Ахмед Харджи. И Постникову до боли в сердце захотелось, чтобы новый гарнизон «Форт-Поста» выстоял, не отдал врагу горы, которые он со своими ребятами защищал честно, так, как защищал бы и свою землю. Постников спал, отходя от болезни, от надрывной солдатской работы на Саланге. Он уже был дома, в Союзе.

Майор В. СОСНИЦКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ

«ГОРЬКО, ГОРЬКО!»— ВЕСЕЛО КРИЧАТ

СЛОВА ИЗ ПЕСНИ, как известно, не выкинешь. Криком «горько!» приветствовали «сорок правнуков и двадцать пять внучат» своих бабушку с дедушкой в день их золотой свадьбы и «поднимали кружки высоко» и «пили за них... парное молоко». Жаль, конечно, что так нескладно все обернулось (пили молоко!), но сам принцип ясен: у взрослых принято подымать бокалы с вином... Шутейная песенка Р. Паулса на слова И. Резника «Золотая свадьба» и намек, может быть, шутейный, без особого подтекста. И тем не менее сколько детских песенок «производится» у нас, поется без серьезного учета особенностей детской психологии, детского мышления, кругозора?! Кто, какой особый комитет защитит детское мышление, чувства детей от разъедающей душу, навязываемой преждевременной «социализации», заигрывания или, наоборот, игры «в детство», а то и просто пустой трескотни. Вот слова из песни, исполняемой пионерами лучшего пионерского лагеря Анапского побережья Черного моря «Жемчужина России»:

И недаром знает вся планета,
И недаром знает вся страна:
Пионерия теплом людей согрета
Видит звезды древнего Кремля.

Авторами песни, переписанной вожатой в тетрадку, названы А. Пахмутова и Н. Добронравов, во что, по правде сказать, не верится. Вопрос, каким быть детскому репертуару, да еще летом у моря, — особый, и его нельзя отделять от общей проблемы защиты детей, искажения их сознания.

Возьмем хотя бы такой аспект отдыха, как развлечения. В Анапу приглашен на гастроли знаменитый театр зверей Н. Дуровой. Сколько радости вызвал один слух об этом! Дети радовались, а Чиновник не дремал — тот самый, который утверждал в репертуаре песни, подобные вышецитированной. По мнению председателя горисполкома, не благодарить надо заведующего отделом культуры Р. Д. Макаровского за идею, а уволить, что и было исполнено. Мотивы? В Анапе запрещено содержать животных и домашних птиц. Анапа — курортный город. Кто-нибудь понял логику председателя горисполкома? Истинную, неформальную, не буквоедную? Разве не ясно: на побережье отдыхает одновременно 100 тысяч детей, и пусть себе топчутся на лагерных танцплощадках под голые, упрощенные ритмы. Подобное отношение к детям проявляется тут и там, в разных формах — от безразличия к текстам песен до головотяпства с театром

зверей. Очевидно, отсутствие единого центра по руководству пионерским летом отчасти объясняет кое-что, ну хотя бы такие факты: во многих лагерях предпочитают не развивать художественную самодеятельность, а приглашать готовые, порой уже полупрофессиональные группы на отдых и выпускать их на городской смотр-конкурс, при этом никак не афишируя происхождение коллективов. Наивная публика думает: это надо же, какие талантливые дети, какие умелые руководители! На самом деле все это обычное очковтирательство.

— Обязать выставлять разнообразные коллективы трудно, — говорит инструктор Анапского ГК ВЛКСМ Игорь Шарапов, — лагерные коллективы меняются, а ВИА стабильны, молодежи нравится... Хозяева лагеря обычно заключают договор с ансамблем...

Вот оно что! Значит, проблема развития творческих способностей ребят решена просто: пригласили — уплатили. По такому пути, в частности, пошел пионерлагерь МВД «Юность», подрядивший ВИА из ребят комсомольского возраста, пионерлагерь Госагропрома «Урожай», начальник которого по личной инициативе решил «продуть мозги» сельским пионерам с помощью «настоящей музыки» и «закупил» ансамбль аж в Ленинграде. Что ж, показуха налицо, но послушаем еще Игоря Шарапова. На вопрос, есть ли в горкоме программа летнего музыкального фестиваля на главной площади Анапы, он ответил встречным вопросом:

— Зачем нам хранить бумаги по всем мероприятиям? Партия призывает нас освобождаться от лишних бумаг. Только что провели операцию «Товарищ» в помощь воинам-интернационалистам...

Мягко говоря, странное представление насчет бумаг «по всем мероприятиям». Речь не об отчете перед инстанциями, а о вопросах репертуара, о влиянии горкома на его идейное содержание; ведь кто, кроме комсомольцев, способен лучше всех понять психологию ребенка, ближе по возрасту стоит к пионерам? Кто без особых методик разберется, где правда, а где ложное, надуманное, даже вредное для ребенка. Кто задумается о едином центре духовного воспитания сотен тысяч пионеров в Анапе? Что мы встречаем на практике? Крутится на городском пляже запись «Старой мельницы» (композитор Николаев) — эта же песня в репертуаре лагеря «Золотой берег», ее поет, как указано в программе концерта ко Дню именинника, «ансамбль мальчиков 7-го отряда»: «...все перемелется, а любовь — никогда», — поют дети, вовсе не желающие быть смешными. Или в лагере «Солнечный», где настоящее засилье в репертуаре этакого «бродяжного» стиля, что ли: тут и «Летучий голландец», и «Дворник» (на слова И. Резника), и «Бродячие артисты», прибавьте «планобязательство» начальства, согласно которому дети обязаны (и взрослые работники лагеря) петь вместе в смешанном хоре или выступать в ансамбле «Тонус», исполняя взрослый репертуар.

Конечно, можно говорить о необходимости единого пионерского центра по духовному воспитанию детей летом в Анапе. Разумеется, надо четко координировать все направления работы, надо больше доверять и спрашивать, но не в одном напряжении бюрократических мышц спасение (хотя и в них — тоже) — все воспитатели, педагоги разных взглядов на воспитание единодушно заявляют: репертуар, поступающий по каналам «Молодежной эстрады», «Комсомольской жизни», записи фирмы «Мелодия» чрезвычайно низки по духовному заряду, а то и просто нет его, этого заряда, есть песни — имитация, однодневка. Взывать к совести композиторов и поэтов, пишущих

для детей, создавать защитные фильтры «внизу», в местах летнего отдыха детей, где они наиболее восприимчивы, когда их души энергично впитывают плоды дурного вкуса, представляется условным, но хоть каким-то средством защиты.

А сколько детей неорганизованных приезжают летом в Анапу с родителями? Ежемесячно до трехсот тысяч. Городской пляж предлагает им видеотеку в палатке, плати 1 рубль 40 копеек и смотри почти два часа «Провоз наркотиков через Францию», «Ограбление банка», «Одинокий волк», «Город в огне» и тому подобное...

На мой вопрос об интересе горкома ВЛКСМ к «диким» детям Игорь Шарапов ответил:

— За «дикарей» не отвечаем.

А по существу, когда за отдых пионеров отвечает комсомол, и совет курортов профсоюзов, и пионерская организация, и отдел культуры горисполкома, получается, как у семи нянек — дитя без глазу.

Поскольку речь идет о детях, видимо, есть смысл говорить о некоем общественном совете при Детском фонде СССР имени В. И. Ленина, который взял бы на себя заботы о духовном воспитании детей. В совет могут войти видные психологи и педагоги, врачи, детские писатели и композиторы, работники комсомола, деятели репертуарных коллегии министерств культуры, сами дети, руководители детских творческих коллективов. Не будем сейчас оговаривать принципы организации совета — пока важна идея. Серьезна ли она? Особенно если учесть, что среди педагогов нет единого взгляда на проблемы детского воспитания: все еще сильны настроения биологизации личности (вспомните педологию!); с другой стороны, идеи самоценности детства по сравнению с жизнью взрослых — много противоречий и научных споров поджидают совет. Кстати, не помешало бы провести в печати общественные дискуссии на эту тему. Ну и, разумеется, и о структуре, содержании, нравственном и духовном потенциале прошлого и текущего детского репертуара. Только одобренные советом произведения должны получить жизнь, а методические рекомендации совета должны стать ориентирами для местных (городских, районных) советов, формирующих репертуар для детей всех возрастов. Структура же репертуара, наверно, должна определяться самими детьми с пионервожатыми, педагогами, хорошо осведомленными об идеях и решениях общественного совета через газету «Семья».

Общественное воспитание — это завершение семейного, осмысление его. Именно осмысление, причем такое, которое способно противопоставить лозунгу взрослых «поднимем кружки высоко» свой лозунг... Какой? В связи с каким жизненным явлением? С золотой свадьбой? А может, как у М. Ю. Лермонтова: «Скажи-ка, дядя, ведь не даром?..» Или как у И. Бунина:

Гаснет вечер, скрылось солнце,
Лишь закат краснеет...
Счастлив тот, кому зарею
Теплый ветер веет.

Почему нет песен на детские стихи классиков? Может быть, одной из функций совета при Детском фонде станет заказ музыки и представлений для детей, проведение конкурсов? Да мало ли забот в этом запущенном, оставленном на самотек детском царстве-государстве!

П. РЕДЬКИН

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ. Студии, выпускающие порнофильмы, расположились в том же достославном центре кинематографии Америки — Голливуде. И вот сейчас там вспыхнула невообразимая паника. Звезда неприличных лент Джон Холмис попал в больницу в Лос-Анджелесе с воспалением мозга. Врачи быстро определили: причиной смертоносной болезни явился запущенный СПИД.

По требованию артистов других студий была проведена массовая медицинская проверка всего логова порноиндустрии. Точные цифры не сообщаются, но выяснилось: общая картина зараженности ужасна. Достаточно сказать, что сотни партнерш Холмиса по фильмам для видеокассет впали в крайнюю депрессию. Часть из них откровенно пустилась в неумеренное потребление наркотиков и крепких напитков. Есть случаи самоубийств. Некоторые срочно потребовали надбавки к гонорарам за «риск профессии».

Выяснилось также, что владельцы сомнительных студий давно подкупали голливудских врачей, чтобы скрыть истинное положение со СПИДом в среде артистов.

У Джона Холмиса были не только партнерши, но и партнеры по съемкам. Один из них предложил полмиллиона долларов за лечение, но врачи отказались. Против СПИДа в их распоряжении пока нет никаких средств.

ВОПРЕКИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛОГИКЕ. Существует чисто обывательское мнение, будто автомобили зарубежных марок совершенны в аэродинамическом отношении. Да, новые модели проверяются в аэродинамических трубах, компьютеры печатают на бумаге графики испытаний и выводят изящные контуры. В конструкторских бюро получают линии кузова, идеальные с точки зрения минимального лобового сопротивления встречным потокам ветра. Но, как утверждает западногерманская пресса, затем в работу вступают дизайнеры. Им ставят задачу согласовать полученные формы с теми, которые диктуют владельцы автоконцернов. Словом, вступает в действие технический оппортунизм. Как выяснилось, западные фирмы больше беспокоятся о традиционной форме, к которой они давно приучили покупателей. И поэтому преобладают заказанные дизайнерские новации, а не логика ЭВМ. Машины, бесспорно, выпускаются «прилизанными», красивыми, но от идеала они далеки. И ныне автомобили вынуждены тратить больше бензина, чем могли бы при рациональном подходе к делу.

Прогнозисты утверждают, что логика победит лишь в следующем веке, а пока законы диктуют традиции и мода.

УЕХАЛИ БЕЗ БУДИЛЬНИКОВ. На международном кинофестивале в Каннах с недавних пор вручается не только первый приз за лучший фильм, но и другая награда — «Золотой будильник».

Новый приз присуждается самому скучному фильму. В жюри в этом случае входят как кинокритики, так и работники кинотеатров, которые во время конкурсных просмотров считают, сколько людей начинает «клевать носом» через 15 минут после начала демонстрации киноленты. В последний раз «Золотые будильники» были присуждены одному японскому и одному венгерскому кинофильмам. Однако вручить их не удалось, ибо создатели картин поспешили заблаговременно скрыться из города.

Первая страница обложки «Товарища»: Учащийся СПТУ № 180 Евгений Елисеев (репортаж «Сотвори личность!» — на стр. 136). Фото А. ЕГОРОВА.

Четвертая страница обложки: «ДОМОЙ!» Художник С. Данилин (очерк «Мы — русские люди» читайте на стр. 146).

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Валентин **СОЛОУХИН**

Два рассказа

Окончание. Начало на стр. ***122***

— Водорослей нацеплялось — не подтащишь, того и гляди леска лопнет...

Он запнулся, из воды показалась пасть, и жерех, словно выпущенный из пращи, плюхнулся у его ног.

— Тьфу ты, черт!.. — в сердцах воскликнул он. — Она его в пасти держала. Надо было тянуть быстрее. Посмотрите, всю чешую содрала, и чистить не надо. Может, закинуть еще? Вы же останетесь?

— Не надо, я тоже ухожу.

Мне хотелось продолжить наш разговор о работе вертолетчиков, прерванный началом клева, и я спросил:

— Вы говорили, что население вас не уважает, а как относятся к вашему делу местные специалисты?

— В этой деревне плохо, а вот в соседнем хозяйстве агроном встречал как родных. Собрал все ядохимикаты, которые имелись на складах — сыпьте! Ему рапортовать: вот-де я какой, больше всех в районе обработал площадей. Даже, черт возьми, откуда-то бочку дуста прикатил: «Травите, ребята!» Так и подмывало над его двором этот дуст вытряхнуть. О, мне пора, — опять кинул он взгляд на часы. — Опаздываю...

Парень ушел. Я вытащил из воды садок с уловом, рыба приснула, почти не билась, только один, граммов на триста, голавль отчаянно метался в садке. Спешить было некуда, старуха удалилась на почтенное расстояние, всеми средствами пытаясь выгнать на сушу непокорного гусака. Наживив резвого голавля из садка, я снова закинул спиннинг.

Голавль тут же вместе с поплавком исчез под водой. Вдруг дернулся спиннинг, затрещала катушка. Размотанная леска петлей захлестнулась за бурьян и, щелкнув, оборвалась. Через несколько секунд поплавок вынырнул на середине, затем дальше. Все это произошло в один миг. Я лихорадочно стал раздеваться, высматривая, где появится поплавок. Но прозрачный шар исчез с поверхности воды. «И добро! — охладил я свой азарт. — Не лето поди...»

II

Возвращаясь домой, я всю дорогу думал о разговоре с летчиком-вертолетчиком. Будто и ничего нового он мне не поведал, не в пустыне живу, но мысли были о том, как по-варварски мы относимся к земле, природе, вроде живем одним днем, после нас — хоть потоп. Пишут, говорят, показывают по телевидению, как в таком-то заказнике или заповеднике выпускают на волю десяток фазанов или зайцев. А почему бы не показать, как уничтожаются эти животные? Как неумело, а то и безответственно, преступно мы работаем с ядохимикатами?

На другой день я опять пошел на реку, надеясь, что увижу летчика и потолкую с ним по душам, вдруг да есть у него, как у практика, свои взгляды на химизацию сельского хозяйства. Была еще одна надежда, что поймаю живца и попытаюсь выловить вчерашнюю щуку. С этой целью я прихватил не только спиннинг, но и жерлицы.

Погода стояла солнечная, в легком синеватом воздухе парили ковыльные нити паутины, в бурьяне слабо, и вроде бы с грустинкой, стрекотали кузнечики. К речке пробивался старым маршрутом. Стрелки часов показывали начало одиннадцатого, обычно в это время начинала жировать щука.

На берегах ни души, только гуси паслись недалеко от знакомого куста. Заметив мое приближение, они насторожились, но я прошел, не обращая на них внимания, и они успокоились. Под ракитой, в том месте, где впадал в реку родниковый ручей, мне удалось наловить крупных пескарей. Я поставил жерлицы, наживил спиннинг и стал ждать клева.

Летом не ощущаешь пустоты, может быть оттого, что природа живет и развивается в полную силу, а сейчас она увядала, хотя на какое-то время становилась ярче, красочнее, но чувствовался в этой яркости ослабевающий с каждым днем приток живительных соков. Слышно было, как гуси рвали траву, шелестя клювами, отправляли ее в зобы, даже падавшие с шорохом на воду листья вызывали легкие всплески.

Закинув снасти, я высматривал среди водорослей, кувшинок, нависших кустов оторванный щукой прозрачный поплавок, вдруг да где-нибудь зацепился, стоит под кустиком или у водорослей, а то просто прибило волной к берегу. Известно, что щука ведет почти оседлый образ

жизни и редко покидает свои места. Если она еще не освободилась от тройника, то должна быть в этом омуте. Желание поймать крупную рыбину подогревало надежды.

Над родниковой заводью кружились продолговатые палевые листья ракиты. Наблюдая, как они отсоединяются от ветвей, я заметил в чистом небе разноцветную радугу. «Откуда она? Дождинки не упало... Все время светило солнце...»

Концы радуги падали в просторы лугов Доброго и Раздольного. Многоцветная арка сияла четкими и яркими красками.

Наблюдения мои прервал всплеск рядом с поставленными жерлицами. Вздрогнул сук, на котором висела рогулька, натянулась леска. Я бросился к жерлицам и напугал гусей. Они подняли невообразимый гвалт, панически кинулись к реке и, вздымая брызги, падали в воду, поспешно пробиваясь через редкий камыш, устремлялись против течения. Крупный светло-серый гусак замыкал паническое отступление. По закону, как вожак, он прикрывал отход стаи. С шипением и угрозой плюхнулся гусак последним в речку и, как-то боком, вытягивая шею над водой, плыл вдоль зарослей. Вдруг он вскрикнул, вскинул крылья, забился и, словно засасываемый водоворотом, скрылся с глаз. Я поспешил к месту исчезновения вожака. Он вынырнул и тут же исчез. Стадо, истошно гогоча, бросилось врассыпную, а отплыв от опасного места, сбилось в станину, продолжая кричать. Светло-серый гусак то выныривал, то, затягиваемый кем-то под воду, исчезал. Я быстро разделся и, забыв, что сейчас не лето, кинулся выручать попавшего в беду вожака. Тело обожгло холодом, перехватило дыхание, какое-то оцепенение сковывало движения, но охвативший азарт лишил здравого рассудка. Барахтавшийся гусь то исчезал, то появлялся над водой, сопротивляясь неведомой силе, которая тащила его под воду. Я старался как можно тише приблизиться к нему, один раз чуть было не схватил за крыло, но он увернулся, а потом что-то резко дернуло его снизу, вожак как будто нырнул.

«Если его схватила та щука, то почему не заглатывает? — подумал я. — Не может быть, чтобы рыба, вцепившись в гуся, с таким упорством таскала свою жертву по омуту...»

— Ах, чтоб у тебя руки отсохли! — услышал я возглас с берега. — Ах ты, дьявол, ах ворюга!..

Было не до бабки, и я продолжал преследование. Крики бабки как будто отпугнули гусака от берега.

— Я сичас народ покличу!..

— Не шуми, старая!.. — выдал я сквозь колотившую меня дрожь первое, что пришло на ум.

— Ра-азбо-ой, кара-аул! — заверещала старуха, исчезая с горизонта. — Лю-ди-и!.. — доносились удаляющиеся вопли.

От холода стучали зубы, но мелькнувшая в сознании догадка, что гусак запутался в леске, которую вчера оборвала щука, заставляла меня преследовать вожака. Я замечал, что рывки, увлекавшие его под воду, слабели, но и вожак притомился.

Наконец он забился в заросшую кубышками и водорослями заводь. Хрипло вскрикивая, разбросав крылья, открыв клюв, он лежал поверх воды. Как можно тише, без резких движений я приближался к цели. Вот я коснулся ногами дна, гусь, не меняя позы, следил за моим приближением.

— Во-от ен! Вота-ан!.. — победоносно завопила старуха с берега. Кроме нее, на горизонте маячили мужики. — Ага-а, разбойник!..

— Ну-ка вылазь, так твою... в штукатурку! — потряс в воздухе увесистой палкой один из мужиков, переводя дыхание. — Вы-ы-лазь! Кому говорят!..

Другой тоже кричал что-то угрожающее.

Я приближался к вожаку. С каждым шагом росла уверенность, что ему не так-то просто будет ускользнуть из этой заводи. Какой-то предмет, рассекая воздух, пролетел над головой, раздался всплеск, и тут же мимо уха пролетела увесистая палка, с глухим стуком ударила распластавшегося на воде гусака. Он вскинул крылья и, как по волшебству, заскользил в мои растопыренные руки. Я схватил его в момент погружения, ощутил резкий рывок, словно кто-то с силой вырывал его. Я оторвал тяжелую птицу от воды, в воздухе мелькнул знакомый шар прозрачного поплавка...

«Ушла-а!..» — оборвалось что-то внутри, но рывок повторился, по руке скользнула леска. Зажав оглушенного гусака, свободной рукой я перехватил леску.

— За-абирай одежу-у! Усяе — забира-ай, куда ен без порток с гусем денется-я?! — кричала старуха.

Осторожно выводя щуку, чувствуя тяжесть и силу ее, я пятился к берегу, готовый при рывке ослабить натянутую леску. Краем глаза я видел, что народу вокруг вопившей хозяйки прибавилось, но не все еще понимали происходящее...

— Чей ен-то хоть будет? Откедова?.. — допытывалась старуха. — Чегó-то, мужики, глядите? Да растелешились бы и прищучили его прямо в речке! Не у одной мене гуси!..

— Другому бы неповадно-о!..

— А Колян-то помог ему гусака сцапать, оглоушил дубиной, и все тута.

— Гля-ко, гля-ко! Да ен чтой-то тащи-и-ит!..

Я почувствовал острые камешки под ногами, показалась из воды и завозилась огромная рыбина. Как можно осторожнее я выводил ее на отмель, приготовясь в случае чего с ходу схватить щуку руками.

Толпа на какое-то время затихла, оцепенела. Худощавый, юркий мужик, оглушивший гусака палкой, очнулся первым:

— Гля-я-ко-о, чего деется-я-то-о! Вот это рыба-ак, и гусака сцапал, и щуку поймал...

— К-какую щуку-то, крокодила!..

— Пуда два...

— Держи-и, два, как бы не боле!..

А я, не спуская глаз с щуки, продолжал выводить ее па берег. И только когда щука заскользила по траве, я посмотрел на собравшихся. Среди них я заметил простоволосую голову вертолетчика.

Сдерживая озноб, я оттащил щуку подальше от воды. Она растопырила окровавленные жабры, раскрыла огромную пасть, извиваясь из последних сил, пыталась освободиться от тройника. Убедившись, что рыба не скатится в реку, я взял полуживого гусака и направился через брод за одеждой.

— Щуку, щуку-то чего оставил?

— Волоки сюда, поглядим... — гомонили зеваки.

Я отдал старухе гуся и, не обращая ни на кого внимания, стал одеваться. Меня разглядывали, спрашивали друг у дружки, чей я, из какой деревни, шел разговор и о вкусовых качествах пойманной щуки:

— ...в рот не возьмешь — мочало.

— Дак чего не возьмешь, мой свояк по осени острогой поболе запорол. Котлеты — отменные!..

— Поболе-е?!

— А давите слезу, что отравили реку! Пишите кляу-

зы! — вмешался в разговор вертолетчик. — У вас вон какая рыбалка, вот в Молдавии...

На него зашикали, загалдели все разом, и, пока я натягивал сапоги, собравшиеся удалились. Простоволосая голова вертолетчика возвышалась над толпой, он что-то доказывал, энергично жестикулируя. Толпа не отставала от него, и вся эта процессия напоминала стаю птиц, нападавшую на коршуна... «Сегодня разговора с летуном не будет».

Пока я приходил в себя и согревался, щука перестала биться и лежала на пятнистом брюхе, уставя на меня стекленеющий взгляд. Из приоткрытой пасти торчал потемневший за сутки стальной поводок. Заглоти она поглубже, как раз достала бы леску, и тогда не видать мне эту грозную хищницу. Я поднял лежавшую на берегу палку, раскрыл зубастую пасть. Все три острия якоря прочно засели в окровавленной глотке. Непросто было вытаскивать тройник. Рыба билась, почти освобожденный якорь снова зацеплялся. Одной рукой я не мог удержать голову щуки, пришлось сесть верхом и зажать между колен. Вытащив тройник, я принялся рассматривать улов. Зубастое рыло хищницы чистое — ни одного шрама, ни одной заметной царапины, такое впечатление, что с крючком она познакомилась впервые. Темная, почти черная спина к бокам светлела, белые крапы густели к желтоватому брюху.

Почему-то мне жалко стало щуку. Мелькнула мысль: а не отпустить ли ее на волю? Жаберные крышки еще двигались. Я посмотрел на большой, в две добрые ладони, хвостовой плавник. Тронул его рукой, он заметно обтрепался, слегка кровоточил, очевидно, рыба повредила его о камни на отмели и колючий бурьян.

Вспомнился вертолетчик, его слова о рыбалке. Но, может быть, эта рыбина на многие километры воды — в единственном экземпляре, может быть, она помнит мельничные запруды и не в одну половодку заходила жировать на просторы заливных лугов.

Я осторожно взял щуку под жаберные крышки, оторвал от земли. В длину она была метра полтора, а весом побольше пуда. Вдруг она задвигала хвостом, зевнула пастью, я поспешно опустил ее на траву, щука дернулась еще несколько раз на земле, растопырила темно-розовые, в сгустках запекшейся крови жабры и уставилась на меня пустыми стекленеющими глазами.

ЗМЕЯ

Народная мудрость гласит: «Июнь, на рыбалку плюнь». В то утро я и не собирался рыбачить. После душного города тянуло пообщаться с природой, побродить берегами знакомой речки. И еще, поговорка поговоркой, ну, а почему бы не прихватить с собой удочку и не покупать червяка? Будет клевать — хорошо, а нет — так и ладно.

Погода стояла теплая, отцвели сады, слегка потускнела зелень, но травы после теплых дождей буйствовали, лопухи, крапива вымахали в рост человека, стояли стеной.

Я помнил деревню Сорочье людной, с палисадниками перед избами, помнил, как в это время мужики и бабы, торопясь с полей на обед, хватали свои висевшие под застрехами сараев косы, и пока, если не было в семье стариков, кто-нибудь из них готовил обед, другой окашивал дворы, подворья, обочины тропок и дороги. Деревенская улица на глазах расширялась, светлела, наполнялась ароматами скошенного разнотравья. Из дворов на покосы высыпала домашняя птица. Она бегала и ловила насекомых, которым теперь негде было укрыться. На тропинках, как на транспортерных лентах, молочными

бутылками издали виднелись утки и гуси. Как-то сразу становились выше и массивные деревенские избы, а сделанные из серого камня «быки», стоявшие на противоположных берегах, казались монументальными сооружениями. Раньше эти быки держали стальные канаты, на которых покачивался над быстрым течением реки подвесной мост. Его строил уроженец деревни, заочно закончивший техникум. Мост вписался, украсил окружающий пейзаж. С этого моста приезжие любили смотреть на красоты окрестности. Перед взором растекался до самого синего горизонта неоглядный простор пойменного луга, высокий берег реки, скальные обрывы, прозрачные березовые перелески и зелень с голубым отливом хвойного леса. В предвечернее время с этого моста особенно хорошо видна была поляна под скалистым берегом, с мощными многовековыми дубами. На вершинах этих дубов гнездились серые цапли, а одно лето на раскидистом дубе-патриархе, со сбитой молнией вершиной, устроились аисты. Огромное летнее солнце, огненно пылающее и медленно опускающееся к горе, постепенно тускнело, теряя яркие краски, наливалось густыми цветами красной смородины, малины, зрелой вишни и наконец становилось свекольным. На фоне заходящего солнца красовалось гнездо аистов. Птицы то взлетали, то возвращались. Деревенские гости, стоя на подвесном мосту, в зависимости от своих географических познаний, восклицали:

— Кавказские красоты!

— Крымские виды!

— Чудо Закарпатья!

— Неповторимый пейзаж! — выдал живописец из Москвы. И тут же добавил: — Швейцария, если убрать березовые перелески, и там, конечно, родников поменьше...

Сейчас подвесного моста нет. Как рассказывают старухи, одуревший от спиртного тракторист, выползая на бульдозере из речки, где он добывал щебенку для неизвестной строительной конторы, врезался в опорный бык подвесного моста. Ему не понравилось, что бык устоял, а он головой вышиб лобовое стекло бульдозера, получил травму. Обидевшись на прочное сооружение местного умельца, он принялся его штурмовать. Через какое-то время сумел сокрушить и, зацепив трос упавшего в реку моста, утащил его в неизвестном направлении.

Моста нет, досталось и пойменному лугу. Луг распахивали, засевали многолетними травами. Спокон веков раз-

нотравье давало отменное душистое сено. Не сеяли, не пахали, не возводили японские поливальные установки, за которые отвалили десятки тысяч золотых рублей, а урожаи ежегодно косили; на лугу росли похожие на авиационные ангары стога прекрасного, не боюсь этого слова, сена. Корма хватало и колхозному скоту, и хозяйскому. Луг захирел, ветром нанесло парашютирующие семена разных сорняков. Старухи, рискнувшие отыскивать в этих зарослях заблудшую козу или курицу, падали, натыкаясь на помятые тракторами трубы японского производства, проклиная «супостатов, коим своих железяков мало». С урожайностью луг потерял не только былую красоту, но и необъятность простора. Вот такие картины и события пронеслись в моем сознании, пробужденные запустением когда-то красивой деревни.

«Но при чем тут змея и порушенные красоты?» — спросите вы.

«При чем?..» — спрашиваю я себя, продолжая повествование.

Прежде чем выйти за калитку, я вернулся за удочкой.

— На речку собрался? — услышал приглушенный старостью голос хозяйки. — Нетути сейчас рыбы-то, одне змеи там.

— Змеи? — удивился я.

— Пропасти на них нет. Людей жалют, девочку приезжей учительши летось гадюка тяпнула...

Я выслушал рассказ, как это случилось, но не устрашившись, спросил старуху:

— Пройти на другой берег можно?

— Клади еще сохранились, — ответила она. — Какая рыба-то? — не успокаивалась старуха. — Самолет как полетит над полями, волоча за собой ядовитую завесу, так не то птицы — курицы на подворье дохнут...

Она еще что-то говорила мне о колодце, ядохимикатах. А меня, как магнитом, тянуло к реке. Кивая хозяйке, я направился к калитке.

— Погодь, погодь!.. — не отставала она, протянув ко мне загорелую морщинистую руку, похожую на скорлупу грецкого ореха. — Приезжий люд с кладей удит. Вот и ты с них-то побалуйся, дале не ходи...

«Преувеличенная озабоченность», — усмехнулся я в душе, хотя видел искреннее беспокойство хозяйки.

— Ладно, — обещаю старухе.

Она осеняет меня крестным знамением. Забавно после

городского безразличия видеть такую озабоченность постороннего человека. Что-то трогательное еще есть в наших крестьянках.

«Змеи? Откуда? Сама говорит, что даже куры дохнут, пчел и то не видать, и змеи».

Заросшая чернобылом тропа неожиданно вывела на окошенную горбинку берега. Монолитной глыбой лежал опрокинутый опорный бык. Здесь же внизу, где брали из реки бульдозером щебенку, крутились воронки водоворотов. Ниже по течению, на прибрежных кустах лозняка, покачивало ветерком разноцветные обрывки полиэтиленовой пленки. Во время паводка ее принесло течением и нацепляло на кусты. На отмелях валялись пузырьки из-под дихлофоса, шампуней, упаковочные пакеты и другой мусор современной промышленности. Настроение падало, охватывало чувство вины. Раньше я был уверен, что это самая чистая река в области, и считал население окрестностей цивилизованными, культурными людьми. Но о какой культуре может быть речь, если только варвар способен осквернить красоту, превратив чистые воды в сточную канаву. Опустив взгляд, я прошел дальше.

На месте подвесного моста кое-как, на скорую руку кто-то сляпал и перекинул с берега на берег дощатые клади. Вместо поручней натянул на колья ржавую проволоку. Не хозяин все это делал, временный человек.

Рядом с кладями щипали траву гуси. Гусак первый увидел мое приближение. Он гоготнул, с шипением пошел в атаку. Зеленовато-желтые гусята, как бы пискливо перешептываясь, подались в сторону от тропинки. Вдруг вперед гусака с шипением выступила серая гусыня. Шишконосая голова опустилась к самой земле. Я видел, что гусыня настроена слишком воинственно. Открытый клюв вот-вот вцепится в ногу, голубые глаза полны гнева. Я шагнул на клади. Гусак вскинул крылья, победно прокричал, но гусыня не унималась, шипя преследовала. Под тяжестью качались и поскрипывали хилые клади. Гусыню это не пугало, она шлепала по доскам листообразными лапами, шипела по-змеиному, пригибала голову.

Солнечные лучи просвечивали стеклянную прозрачность воды до самого дна. На песчаном дне виднелись камни, рябила галька, покачивались затонувшие бутылки, жестяные банки. За стрежнем у водорослей, которые двигались под напором течения, ходила стая рыб. Впереди мелкая, за мелочью больше, стаю замыкала крупная.

Чтобы не спугнуть стаю, я сбавил шаг и направился к дуплистой старой раките. Тень ракиты падала на воду, и в эту тень смещался косяк рыбы. Как мне помнилось, берег у ракиты удобный, дно песчаное, без коряг и зацепов. Когда-то и в июне я здесь неплохо порыбачил. А если тут подкормить, то уловистее, чем под ракитой, поблизости места не было. Меня смущало одно: высокие заросли лопуха. Правда, стебли у растения еще не затвердели — их легко притоптать, они не велика помеха для рыбалки.

Пробиваясь сквозь заросли, я вышел к заранее намеченному ориентиру и обрадовался еще больше. В нескольких шагах от ствола ракиты темнела кротовая кочка. «Что надо, — подумал я, — на эту кочку поставлю банку с наживкой, как на стул: закидывать удобно, так что и топтать лопухи ни к чему».

Не спуская взгляда с косяка рыбы, я раздвинул складное удилище, не оборачиваясь, потянулся к кочке, чтобы поставить на нее банку с наживкой; она мешала закидывать. За спиной послышалось шипение: «Гусыня, куда притопала, чтоб ей пусто было!..»

Поплавок вдрогнул, я подсек — ничего, продолжал ставить банку. И снова услышал угрожающее шипение, почему-то по спине пробежал озноб, меня охватил какой-то ужас. Шипение усилилось до зловещего сипа. «Змея!» Я резко оглянулся. На кочке в зигзагообразной позе лежала крупная, с добрый сук толщиной, гадюка. Рука с банкой в нескольких сантиметрах от ромбообразной головы. Желтоватые, с кошачьими зрачками глаза как будто светятся, из приоткрытой пасти выскальзывает вибрирующий раздвоенный язык. Первое, что пришло на ум: разжать пальцы и, пока будет падать банка, отдернуть руку. Но вместо этого я медленно отвел руку, выхватил удочку. «Теперь изрубить эту тварь!..»

Мысль работала четко. Гибкое стеклопластиковое удилище было не только защитой.

Гадюка перестала шипеть. Мальчишкой, на спор, я ловил и брал гадюк в руки. Все это я проделывал после случая, когда вместо ужа как-то поймал змею. Повидал я их на своем веку, но с такой встречался впервые. Эта была не серой и не темно-серой, а дымчато-темной, с синеватым отливом. Узор от кончика хвоста до головы угольно-черный, настолько черный, что очень четко проступал даже на дымчато-темной змее. Может быть, по-

этому так необычно зло, с каким-то янтарным отсветом смотрели ее кошачьи глаза.

Я шелохнулся. Змея изогнулась, напружинилась, раздвоенный язык замелькал энергичнее: она не собиралась уступать. Кротовая кочка, защищенная со всех сторон от посторонних глаз и ветра зарослями сорняков, нагретая солнцем, служила для нее не только соларием, но и местом охоты. Понежиться под теплыми лучами не прочь были ящерицы, мыши, кузнечики и другая живность.

Разглядывая гадюку, я вспомнил рассказ хозяйки, что в прошлом году здесь, где-то за кладями, приезжая учительница с дочкой собирали ягоды и девочку ужалила змея. Девочку спасли с трудом. Она долго лежала в больнице «аж в самой области».

«Это та змея!.. Рубануть удочкой с плеча. Довершить дело каблуком!..»

Голова гадюки приподнялась. Янтарно-желтые глаза следили за моими действиями. Она выжидала. Я не имел права нападать и рассматривал змею: «Редкий экземпляр, красавица... Живет природа, работает... Ух, какая хозяйка — не тронь, не подступись...»

Опустив банку в карман, чтобы она не занимала руки, закинул. Крючок с наживкой коснулся воды, тут же скрылся, поплавок мягко лег, медленно заскользил по течению. Косяк рыбы кружил на том же месте. Но какая рыбалка, если в шаге за спиной змея. Напряжение не покидало ни на миг. Я подобрал лесу и концом удилища коснулся змеиной головы:

— Мадам, прошу вас...

Гадюка изогнулась, зашипела. Я легонько поддел ее:

— Прошу, мадам...

И вдруг она уступила, не торопясь поползла к зарослям, предоставляя мне возможность полюбоваться. Она была не только необычной расцветки, но и величина вызывала удивление.

Пока змея ползла, я не мог двинуться от оцепенения. Наконец хвост скрылся под лопухом. На всякий случай я постегал удилищем по траве вокруг себя, примял стебли лопухов и успокоился. Неприятные ощущения не сразу пропали, из зарослей, где скрылась змея, как будто тянуло ознобистой сыростью, я нет-нет, да оглядывался, и только начавшийся клев отвлек меня от назойливой мысли о гадюке.

Домой я вернулся поздно, с хорошим уловом. Правда, с той встречи я заразился любопытством. В оставшиеся дни отпуска, проходя по кладям, задерживался у самого края, вытянув шею, находил среди зарослей кротовую кочку, и, если на ней «возлежала» знакомая змея, я приподнимал шляпу:

— Мадам, приветствую вас!..

Тревожить хозяйку кочки не хватало совести. Случалось, кочка пустовала, такое бывало в пасмурное время. Тогда я позволял себе рыбачить у ракиты. Клевало здесь на славу. Смысл известной поговорки: «Июнь, на рыбалку плюнь!» — во владениях змеи не оправдывался.

О встрече с гадюкой я никому не рассказывал, и старушка моя поуспокоилась.

— Нетути змей-то?

— Не видать.

— И оне расползлись, разбежались. Ноне опять самолет над полями пылил...

Я понимал хозяйку, она не знает о печатных заверениях, в которых речь идет о благах и пользе, приносимых распылением химикатов над полями. Она, как практик, видит другое и говорит о гибели живого:

— Иду к колодцу, а под ракитками грачи кубыряются. Будто пьяные, и так, и эдак: набок повалются, через голову перекувырнутся. Клювы открыты, а глаза печальны, с мольбой глаза...

Кончился отпуск. Я уехал в столицу. Старушка проводила меня просьбой: «Вышли сухого квасу. Тута привозили москвичи, очень просто готовить его, да и вкусной он».

Просьбу я выполнил и от старухи получил письмо с благодарностью. В этом письме она сообщала, что после моего отъезда за кладями в палатках стояли туристы. «Все вокруг себе вытолкли. По ночам у костров сигали и выли на луну, как волки. Они-то порешили змеюку здоровенную и дюже страшную...»

●

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ПРОШЛОЕ ТРЕБУЕТ СЛОВА!

ПОКУШЕНИЕ НА ШОЛОХОВА

В один из приездов в Москву Михаил Александрович Шолохов попросил моего отца: «Ваня, напиши все о событиях 1938 года».

Мой отец, Погорелов Иван Семенович, родился в 1904 году на Дону, в хуторе Петроновка. Рано потерял родителей. В восемь лет остался сиротой. Сначала жил с бабушкой, матерью отца, а затем у тети.

В 1919 году, в 15 лет, решил ехать в Луганск (ныне Ворошиловград), понимая, что лишний рот в голодное время для бедной семьи не радость.

В городе попадает в ЧК, где первое время выполняет мелкие поручения. В этом же году вступает в комсомол.

В 1920 году начинает активную борьбу в качестве командира отряда особого назначения по борьбе с бандитами. Район действия отряда определен мандатом, в котором говорилось: «Всем волостным, сельским исполкомам, начальникам районных милиций, всем войсковым частям, райисполкомам Дебальцевского, Донецкого, Луганского уездов предлагается оказывать т. Погорелову И. С. всемерное содействие при выполнении возложенных на него служебных обязанностей по борьбе с бандитизмом.

Тов. Погорелову И. С. предоставляется право производить дознание, следствие, задерживать подозрительных лиц, подачи шифрованных телеграмм и, в особо исключительных случаях, разговор по прямому проводу под его личную ответственность».

Так простой крестьянский паренек — донской казак — начинает бороться за Советскую власть на Дону. За три года борьбы с бандитами много раз смотрел смерти в глаза.

В 16 лет отец был награжден орденом Красного Знамени. Орденская книжка не такая, как сейчас. Это красная сафьяновая книжка в твердой обложке, размером 10×12 см. На наружной стороне золотом выдавлено: И. С. Погорелов. Внутри книжки разворачиваемый лист, на котором написано: «Представитель сего тов. Погорелов Иван Семенович действительно награжден знаком ордена «Красное Знамя» за № 3848».

Папа никогда не рассказывал о своих военных эпизодах. Я о них узнавала, как правило, при повествовании о каких-то других событиях и как бы мимоходом о том, что с ним случилось в рассказываемом месте. Говорил обычно будничным языком — была война, были и всякие случаи, а в общем ничего особенного.

Ранения, полученные в годы гражданской войны, все больше и больше давали о себе знать. Если в годы войны отец проявлял необыкновенное бесстрашие и храбрость, то в мирное время — необычайную скромность. В 30-е годы наша семья жила в г. Новочеркасске, и родители с 1932 года стали студентами индустриального (теперь политехнического) института. В городе было два «краснознаменца» — так тогда говорили о людях, награжденных орденом Красного Знамени. Естественно, к ним проявлялось особое внимание и интерес. Отец очень стеснялся этого. И решил не носить орден, за что получил большой нагоняй от секретаря горкома. Как я уже сказала, папа был исключительно скромным человеком, а также очень порядочным. Эти качества я бы назвала основными в его характере, он был всегда внимательным и чутким к людям. Мог прощать многие слабости, но никогда — хамства и пренебрежительного отношения к людям. Это был настоящий коммунист. Это не громкие слова, это правда. И когда в 1938 году ему, как секретарю парткома института, приказали исключить из партии людей, которых он знал как настоящих коммунистов, порой и с подпольным стажем, он этого не сделал: ему не позволили его честность, порядочность, партийная принципиальность. Он знал, что за это ему грозит лично, его семье, но тем не менее исключить людей отказался. Отец, как говорится, «родился в рубашке», так как остался жив. А затем началась страшная история, о которой я писать не буду, так как о ней, по просьбе М. А. Шолохова, написал сам отец.

Алина ПОГОРЕЛОВА

Дорогой Михаил Александрович!

I

Прошло 22 года, как было создано гнусное и мерзкое дело. 22 года — это большой срок, но у меня в памяти осталось на всю жизнь, и я, все вспоминая, думаю, что это было вчера. Да, такие дела запоминаются на всю жизнь и никогда не выветриваются из памяти.

1938 год, сентябрь месяц. Через Горотдел МГБ* г. Новочеркасска меня вызвали в Облотдел МГБ в г. Ростов. В Горотделе г. Новочеркасска мне объяснили, что меня вызывают в область якобы для уточнения отдельных данных, как чекиста запаса. Я пришел домой, и что-то на душе было нелегко. Я предполагал, что не та причина моего вызова в область, о которой мне сказали в Горотделе МГБ, а что-то другое, и, по-видимому, ка-

* В описываемое время органы госбезопасности подчинялись НКВД (прим. ред.).

кая-то очередная провокация, но что именно — я так и не смог предположить. Дома я все рассказал жене, уговаривал ее, что все будет в порядке, а сам думал о другом.

Перед уходом из дома жена мне сказала: «Ну, попрощаемся, по-видимому, тебя там арестуют». Я ее уговаривал опять, что все будет в порядке, а в душе был с ней согласен.

Вот и здание МГБ на ул. Энгельса. Когда я подошел в бюро пропусков и получил пропуск для входа в здание МГБ, шел из бюро пропусков в здание МГБ по ул. Энгельса и думал: может быть, в последний раз иду по этой улице так же, как ходят другие. Может быть, через час, а может, и раньше я буду уже сидеть в тюрьме и за что? Ведь я из 34 лет своей жизни 20 лет честно боролся за Советскую власть, активно боролся с белогвардейцами. В чем я виноват? Почему меня в чем-то подозревают? Но я решил — буду бороться за правду до конца, чего бы мне это ни стоило. С таким настроением я вошел в приемную начальника Облотдела МГБ Гречухина.

Когда я доложил секретарю, кто я такой, он мне сказал: «Да, начальник Вас ждет. Я уже звонил в Новочеркасск и справлялся — выехали ли Вы?»

В кабинете меня встретил Гречухин. Встретил он меня любезно и приветливо. Все время улыбался. Стал меня расхваливать: «Я познакомился с Вашим личным делом, да и отдельные чекисты говорят о Вас, что Вы очень опытный и храбрый чекист. В трудных больших операциях ведете себя храбро и никогда не теряетесь, быстро принимаете решения. В общем, Вы как будто прирожденный чекист. Да и орден Красного Знамени чекистам зря не дается. Чтобы его получить, нужно не раз быть на волоске от смерти, а Вы не только были в таком положении, но и сумели убежать из-под расстрела. Белобандитам Вы, по-видимому, насолили много, иначе на Вас не было бы столько покушений. Если я не ошибаюсь, то их было около трех десятков, и последнее в 1931 году в Новочеркасске».

Я сидел, внимательно слушал его и думал: почему он так хорошо изучил мое личное чекистское дело, и все, что он мне говорил, это была правда. Почему сам начальник Облотдела заинтересовался рядовым чекистом запаса? Что, он хочет меня взять в органы? Нет, этого не может быть, так как я «дискредитирован» как секретарь парткома института. Ведь я не выполнил задание секретаря горкома Дербенева и секретаря обкома Евдокимова и не исключил из партии как врагов народа 42 старых коммуниста, которые были исключены горкомом партии и все были арестованы после заседания бюро горкома. Это меня еще больше взволновало. Что же он мне скажет? По-видимому, я сильно волновался, он мне сказал: «Вы почему-то сильно волнуетесь. Ведь Вас вызвали в органы безопасности, Вы — чекист. Раз вызвали чекиста, значит, ему хотят дать очень важное задание». В этот момент мне хотелось узнать о задании, и я спросил: «Какое же Вы думаете дать задание?» Гречухин улыбнулся и сказал: «Вот это по-чекистски. Я Вам сейчас изложу, пока кратко, существо задания. Задание очень серьезное и ответственное и, я бы сказал — необычное. Это задание нашему Облотделу МГБ поручено тт. Сталиным и Ежовым, поэтому нам его нужно выполнить точно и по-умному. Как, Вы готовы выполнить задание тт. Сталина и Ежова?»

Я ответил, что любое задание тт. Сталина и Ежова готов выполнить, чего бы это мне ни стоило, даже ценой своей жизни. Он улыбнулся и сказал: «Мы с т. Евдокимовым в этом и не сомневались, что Вы от задания не откажетесь. Вы, конечно, знаете писателя Шолохова и не удивляйтесь, что я Вам сейчас скажу. Мы знаем, что Вы к нему относитесь очень хорошо, но я должен Вам сказать, что наша агентурная разработка окончательно установила, что Шолохов готовит восстание против Советской власти донских, терских и кубанских казаков, и нам теперь нужно раскрыть до конца его связи с Закордоном и внутри Советского Союза. Пока установлено, что с ним вместе готовят это восстание его тесть, секретарь райкома Луговой, Логачев, Красюков. Все эти люди Вам знакомы, и Вы их лично знаете. Имеются их люди, с которыми они имеют связь, на Кубани и Тереке, но организация так законспирирована и работает так умно, что трудно их выявить. По-видимому, тут руководит умелая рука из-за границы и работают опытные разведчики. Поэтому меня вызывали в Москву и дали задание послать в Москву к Шолохову своего человека, который бы сумел войти к ним в доверие и раскрыл бы все их связи с заграницей и внутри страны. Вы понимаете, что в этой компании нужно осторожно и умело говорить против Советской власти, а не за Советскую власть. Делать это нужно не сразу, а постепенно. Если Вы сразу станете говорить против Советской власти, то это только может погубить все дело. Но это мы еще дополнительно обсудим и наметим план действий. И в заключение я еще хочу Вам подчеркнуть, что если тт. Сталин и Ежов дали нам такое задание, то имеются все документы в Центре, подтверждающие, что Шолохов готовит восстание. Вы, как чекист, должны выбросить из головы то, что Вы его считали преданным и честным коммунистом. Если Вы к Шолохову будете относиться так же, как Вы относились к нему до нашей беседы, то лучше скажите нам прямо об этом. Если у Вас будет хотя бы малейшее сомнение в том, что я Вам рассказал о Шолохове, то Вы это ответственнейшее задание не выполните. Вы должны гордиться, что Вам дается такое задание, за выполнение которого Вы обязательно будете награждены».

Когда я слушал задание, мне с самого начала стало ясно, что я попал в грязное и опасное дело. У меня в голове мысли шли так быстро, что я перед собою видел и Шолохова, Лугового, Логачева, Красюкова. Мысль в голове не укладывалась, что они готовят восстание. Я сам себе говорил — нужно из этой ловушки по-умному выйти. Или я выйду умно, или погибну. Дело не в Луговом и других. Неужели такое задание давал Сталин? Не может быть! Нет, это все провокация. Это дело местных работников. В общем, я твердо был убежден, что Шолохов никакого восстания не готовит.

Гречухин после короткой паузы спросил: «Ну как, берешься выполнить это задание?» Я ему ответил не сразу, придумывая, что ему сказать. И сказал наконец, что «задание я выслушал внимательно, оно очень ответственно и серьезно. Я ушел из ВЧК в 1923 году и практически не работаю в органах уже 15 лет, поэтому считаю, что это задание мне будет выполнить трудно и не лучше ли это задание поручить чекисту, который сейчас работает в МГБ?»

Гречухин передернулся и едко, сухо сказал: «Вы же сказали,

что выполните любое задание тт. Сталина и Ежова, а теперь, как я понимаю, отказываетесь?» На это я сказал: «Вы меня неправильно поняли, я не отказываюсь, а просто я не смогу его выполнить, так как давно не работаю на практической работе в МГБ. Не хочу подводить Вас, а главное — не хочу угробить это дело».

После такого моего заявления Гречухин зло и сухо мне стал говорить: «Знаете, т. Погорелов, прежде чем Вас вызывать, мы все обсудили и в Москве, и здесь вместе с Евдокимовым. Вы что, не верите Евдокимову?»

Я сказал, что всем верю: и Вам, и Евдокимову. «Если так, то я Вам должен заявить, что Ваше обоснование отказа от задания очень шатко. Вы просто не желаете его выполнять, а что оно шатко, я Вам докажу фактами. В 1935 году Вы не работали в Органах, а ведь Вам было поручено изъять контрреволюционную организацию белых офицеров на белокалитвенских шахтах, а не чекистам, которые работали в Органах, а в проводимой операции оня были подчинены Вам. Операция Вами была проведена хорошо, так что это не довод. Вы просто не желаете принимать задание. Мы Вам уже рассказали важнейшие наши материалы о готовящемся восстании. Вы чекист и понимаете, что в таких случаях, пока не будет закончена операция, или Вы должны выполнить ее, или Вас нужно изолировать. Но ведь это позор для чекиста. Откровенно говоря, Мы от Вас этого никак не ожидали. Ну, хорошо, подумайте, взвесьте все и скажите окончательно свое решение».

Я думал целый час. Меня опять вызвал Гречухин. И опять я категорически отказался от поручаемого мне задания. После этого я сидел целый день в приемной до 10 часов вечера. Гречухин куда-то уходил, пришел в 10 часов, позвал к себе. Разговаривал официальным и сухим тоном: «Ну, что вы придумали?»

Я опять отказался. Через 15 минут он меня вызывает опять и сообщает: «Мы посоветовались с Центром и Евдокимовым и решили, если Вы отказываетесь, пошлем другого. Но Вы должны знать, что мы в целях сохранения тайны должны Вас изолировать. Выбирайте сами — или изоляция, или выполнение задания. Вы еще раз можете подумать, и если не измените решения, я вынужден Вас изолировать».

Я вышел от Гречухина и стал думать, что мне делать. Гречухин ушел, а я думал до 9 часов утра, что мне делать. Какое принять решение?

В комнате сидел дежурный по Облотделу МГБ. Я всю ночь просидел на стуле. У меня было такое нервное состояние, что совершенно не хотелось спать. Я проанализировал все, что «за» и что «против». Сделав анализ данного задания, пришел к следующим выводам и наметил план своих действий: Шолохов и другие товарищи никакого восстания не готовят. Гречухин и его люди хотят убить Шолохова, а меня сделают его убийцей. Сталин, Ежов и Евдокимов ничего об этом не знают. 1) Я должен задание принять, так как заявление Гречухина «Мы должны изолировать тебя» — это нужно понимать, что меня посадят в тюрьму, а если меня посадят в тюрьму, то убьют, и я не смогу их разоблачить. 2) План операции как можно больше затянуть, а за это время я должен предупредить Шолохова о готовящемся убийстве. Я должен сделать все, чтобы спасти Шолохова.

3) Получить от них хотя бы какой-нибудь документ, подтверждающий, что они со мной разговаривали. 4) После этого убежать и сообщить обо всем в ЦК партии. За это короткое время я принял такой план. Теперь можно твердо сказать, что этот план был единственно правильный, который спас жизнь Шолохову и мне.

В 9 часов утра пришел Гречухин, позвал меня к себе и сухо спросил: «Ну, что Вы решили?»

Я ответил, что решил задание выполнить.

Он заулыбался и сказал: «Это надо было бы сделать вчера, Вы бы не мучили нас и себя. Да! Тебе давали кушать?» — спросил он. Я сказал, что нет (если бы даже и дали мне кушать, то я бы не смог этого сделать, находясь в таком состоянии).

Через несколько минут принесли мне кушать, но я смог выпить только стакан чая.

«Хорошо, что хорошо кончается, — с улыбкой стал говорить Гречухин. — Мы тебе отводим для работы номер в гостинице, и ты должен продумать план операции и наметить его как можно скорее. Мы его обсудим, утвердим, и ты выедешь в станицу Вешенскую. Денег мы дадим тебе столько, сколько тебе нужно. Раз мы приняли вместе это решение, теперь нужно выполнить чекистскую формальность. Вы должны дать нам подписку о неразглашении полученного задания».

Я считал все это нормальным и попросил текст подписки. Гречухин улыбнулся и сказал: «Нет, общепринятую подписку мы оформлять не будем, так как задание необычное, и подписка должна быть необычная. Вот, возьмите бумагу, и я Вам продиктую текст подписки». И он стал диктовать мне текст.

«Подписка: Я, Погорелов И. С., даю настоящую подписку Облотделу НКВД в том, что полученное мною задание обязуюсь хранить в тайне и не разглашать. За разглашение данного мне задания я подлежу расстрелу без суда и следствия». На что я сказал, что никогда Органы таких подписок ни у кого не брали, а почему же у меня берется такая подписка. Гречухин слащавым голосом ответил: «Я же Вам сказал, что это задание необычное, поэтому и подписка берется такая. Да что Вам беспокоиться, ведь это же простая формальность. Ведь Вы же даете ее не кому-либо, а Органам безопасности. Не будем спорить из-за этой мелочи». Я подумал и решил, что при создавшейся обстановке мне необходимо такую подписку дать.

Гречухин вызвал своего заместителя (фамилию его не помню), кажется, Эпштейн *, и познакомил меня с ним. «Вы будете иметь дело с т. Эпштейном, и что будет нужно, обращайтесь к нему».

Итак, я был затянут в тенета гнуснейшего плана врагов Советской власти, которые избивали и уничтожали цвет нашей партии — людей, прошедших царские тюрьмы и ссылки, которые перенесли голод и холод в гражданскую войну, не жалея своей жизни, шли на смерть в боях с белогвардейцами.

В выполнении намеченного мною плана мне нужно было многое продумать и учесть все мелочи, которые могут мешать его выполнению; я должен был учесть, как важный факт, что за мной будет все время ходить «хвост», и не один человек, а не-

* В тексте письма, хранящемся в архиве А. Погореловой, рукой автора фамилия Эпштейн исправлена на Коган (прим. ред.).

сколько человек будут следить за мною, за моей квартирой и женой, поэтому я должен все это учитывать при решении всех вопросов.

Я приступил к составлению плана операции. В конце каждого дня я докладывал Эпштейну, где был, что делал, где обедал, что ел, кого встретил из знакомых, ничего не скрывая. Я хотел этим заслужить у них доверие, так как знал, что их люди им подробно докладывали о моих похождениях, поэтому мои доклады должны были совпадать с докладами людей Гречухина. Прошла неделя, ко мне стали относиться, как мне казалось, с доверием. Они, по-видимому, были довольны, что я от них ничего не скрывал. Я решил проверить, ходит ли за мной «хвост», и зашел в ресторан против обкома пообедать. Я знал, что обедающих там мало и будет легче посмотреть и запомнить обедающих людей. Когда я сел за стол, вошли двое и сели через несколько столиков от меня и заказали себе обед. Я умышленно ел не спеша и запоминал всех обедающих. После обеда я вышел на улицу Энгельса и повернул направо, а потом опять направо и стал на углу закуривать. Был сильный ветер, и я умышленно делал так, что у меня все время гасла спичка, и вдруг я увидел этих двоих, которые со мной обедали. Они, увидев меня, даже остановились. Я подумал: «хвост» за мной ходит, а чекисты следят липовые. Если вы, чекисты, увидели меня, то вы должны, как будто ничего не заметив, совершенно хладнокровно продолжать свой путь, а они, увидев меня, от неожиданности остановились на какое-то мгновение. Мое предположение, что за мной следят, подтвердилось, да иначе и не должно быть.

Итак, я продолжал докладывать, где я бывал каждый день и что наметил по плану. Меня торопили с планом и были недовольны моей медлительностью. План я мог составить за день-два, но по моему плану я должен им дать план операции в Вешенской после того, как я предупрежу Шолохова М. А. и буду иметь хотя бы плохонькие документы о том, что они со мной разговаривали, поэтому я умышленно осложнил план операции и умышленно затягивал его. В первую очередь, чего бы это ни стоило, я должен предупредить Шолохова М. А. и придумывал, как мне предупредить Шолохова обо всей этой грязной истории. Очень волновался, что Шолохова могут убить.

Однажды я шел около обкома, кто-то назвал мою фамилию. Я оглянулся и увидел Петра Лугового. Мы поздоровались, людей проходило и стояло около нас много. Я умышленно с ним разговаривал громко. Хотел, чтобы мой «хвост» знал, о чем мы говорили с ним. Луговой даже заметил мне: «Что ты, Ваня, глухой стал? Почему ты так громко разговариваешь со мной?» От него я узнал, что вместе с ним приехал в Ростов и Шолохов М. А., остановились они в Новой гостинице. Луговой дал мне номер и сказал, если будет время, чтобы я пришел к концу дня к ним. Я был безгранично рад, так как я до этого ничего не мог придумать, через кого передать Шолохову о данном мне задании. Жена моя не могла этого сделать, так как за ней следили, а другому человеку, которого я плохо знаю, доверить нельзя. Я сейчас же добился срочного свидания с Гречухиным. Он меня принял немедленно, и я рассказал ему о встрече своей с Луговым, и что здесь Шолохов, и что я приглашен к ним в гостиницу. Он был доволен, что я ему все рассказал, так как мой доклад,

по-видимому, совпадал с докладом «хвоста». Я потребовал разрешения встретиться с Шолоховым и Луговым, мотивируя тем, что я должен им сказать, что приеду в Вешенскую. Лучшего случая не придумаешь. Не могу же я ни с того ни с сего приехать в Вешенскую, тем более, что этот вопрос с Вами, т. Гречухин, обсуждался специально. Через час он мне разрешил встречу с Шолоховым М. А., которой я был безгранично рад, что я смогу теперь предупредить Шолохова, т. е. я выполню один из главных пунктов своего плана.

Когда я пришел в гостиницу, там был один Луговой, которого я вызвал в уборную. Он удивился, что я не могу разговаривать с ним в номере. На что я ответил, что там разговаривать опасно. Я тебе, Петя, скажу такое, что у тебя волосы поднимутся.

Рассказав существо данного задания, я его просил, чтобы он повлиял на Шолохова, чтобы он этот вопрос не поставил перед Евдокимовым и Гречухиным. «Ты должен понять, — сказал я, — что это может привести к тому, что я буду убит немедленно и их разоблачить не смогу, но главное не во мне, а в том, что они убьют Шолохова. Вам сделают аварию автомашины, и Вы не доедете до Вешенской».

Луговой понял меня и согласился со мной. Мы решили с ним Шолохову рассказать на окраине города, когда они выедут на машине в Вешенскую.

Мы сели в машину, и я поехал их провожать. Я знал, что, если я расскажу Шолохову о полученном мною задании, он это воспримет с недоверием. Я на это смотрел трезво. Так оно и получилось. Действительно, когда я рассказал Шолохову и сообщил, что его хотят убить, он посмотрел на меня подозрительно, и на лице было выражение недоверия. Разговор этот происходил около Ростсельмаша на шоссейной дороге около автомашины.

Мне было очень неприятно, что Шолохов принял сообщение с подозрением и недоверием. Я помню, что я очень горячо доказывал ему, что нужно немедленно ему уехать из Вешенской и спасти свою жизнь. Луговой меня поддерживал. Я им сказал, что сделаю все, чтобы сообщить об этом в ЦК. Перед отъездом Шолохов мне сказал: «Ну, пиши в Центральный Комитет обязательно, а мы с Луговым подумаем, что нам нужно сделать». Я был доволен и этим ответом Шолохова. В конце разговора я сказал М. А. Шолохову, чтобы он вел себя осторожно и лучше будет, если он выедет из Вешенской, и об этом не говорить никому дней 7—10, так как это время мне нужно будет для побега из Ростова.

Они уехали, а я остался один. Я очень боялся одного, что Шолохов М. А. поставит этот вопрос в обкоме, тогда и погибну, а вместе со мной погибнет и он.

После их отъезда я пришел в Облотдел МГБ. Гречухин мне задал вопрос: «Ну, что, проводил их и все выполнил, что тебе поручалось?» Я сообщил, что задание его выполнено, и я в ближайшее время выезжаю в Вешенскую. Гречухин был очень доволен и сказал, что все люди и машины, нужные мне для отъезда, подготовлены. Далее предложил с его заместителем Эпштейном уточнить еще раз план операции на конспиративной квартире, заметив, что в плане я не предусмотрел кличек. Их надо иметь на Шолохова, его жену, тестя, Лугового, Логачева, Красюкова. «Мы с Эпштейном придумаем клички, посмотрите, по-

нравятся ли они Вам?» Затем Гречухин позвонил Эпштейну и сказал: «К тебе сейчас зайдет т. Погорелов, обсудите еще раз с ним план, как мы договорились, и после этого еще раз вместе его обсудим».

Во время разговора с Эпштейном у меня была одна мысль: как бы получить от них какой-либо документ, и тогда можно бежать. Эпштейн стал мне рассказывать, как проехать на конспиративную квартиру.

У меня в этот момент появилась заманчивая идея: я достал свою записную книжечку и попросил Эпштейна начертить мне план, как доехать до конспиративной квартиры. Эпштейн безо всяких возражений взял мою книжечку и начертил своей рукой этот план, названия улиц, остановку трамвая. Получив этот план, поехал на конспиративную квартиру. Я был очень доволен тем, что хотя и небольшое, но имею доказательство о разговоре с ним. Запись своей рукой в моей книжке мог сделать только неопытный или неумный чекист.

У меня оставался теперь один нерешенный вопрос — как убежать. Я принял такое решение: при любых условиях надо добиться, чтобы они дали мне оружие, имея его, я должен пойти на убийство людей, с которыми буду ехать, и убежать.

На конспиративной квартире мы с Эпштейном обсудили план операции, и, когда все было уточнено, я задал ему вопрос: «А когда Вы дадите мне оружие, и что никакого оружия не признаю, кроме нагана».

Эпштейн твердо мне заявил: «Мы с Гречухиным этот вопрос обсуждали и решили, что ты поедешь без оружия». Я стал протестовать, сказав: «Что же Вы меня посылаете на такую операцию и без оружия. Вы что, мне не доверяете? Хотите, чтобы меня там безоружного задушили?»

Эпштейн заявил мне: «Наоборот, мы твою жизнь хотим обезопасить, и тебя будут охранять наши люди день и ночь, и тебе нечего беспокоиться об этом».

Я понял, что они этот вопрос обсуждали, и я оружии не получу, поэтому оружие для своего побега использовать не могу.

После этого решил взять с собой железный тяжелый прут, им оглушить ночью шофера, взять у него оружие (оружие он должен иметь обязательно), и, если со мной будет ехать еще кто-либо, я должен уничтожить их и после этого бежать. Этим еще прибавится одно обвинение против меня, но у меня другого выхода для побега не было.

Создавшаяся обстановка требовала принять такое жесткое решение.

Я попросил у Гречухина разрешение поехать в Новочеркасск к жене и сказать ей, что по заданию обкома выезжаю на месяц в командировку. Гречухин разрешил выехать мне на следующий день.

Находясь в гостинице, мне почему-то захотелось проверить, ходил ли за мной «хвост» или нет. Я пошел в магазин, взял бутылку Рислинга, две булочки и сыру и поехал на троллейбусе к Ростсельмашу; сошел на последней остановке и пошел к зеленым насаждениям. Солнце уже село, но еще было светло. Я думал, если за мною будет «хвост», я сяду в лесочке и выпью тогда бутылку вина, а завтра доложу Эпштейну, что было скучно и я ездил к Ростсельмашу, а затем вернулся в гостиницу.

Я подошел к густому лесочку, посмотрел кругом — никого не было видно, тогда я пошел дальше по лесонасаждениям и вышел к железной дороге — тоже никого не было видно, вышел в степь, стало темнеть. Я убедился, что слежки за мной не было. Я шел все дальше и дальше; стало совсем темно. Убедившись, что «хвоста» нет, я принял решение — бежать. Я придумывал, где же мне скрыться? В близлежащих хуторах и ст. Аксайской знакомых и надежных людей у меня нет. Поэтому в населенные пункты я заходить не имею права. В степи днем скрыться негде. С рассветом на мой розыск будет мобилизовано все. И решил за ночь дойти до Займища и скрываться в камышах. Часто выезжая на охоту в Займище, я хорошо знал выезды и въезды, даже самые глухие места, куда я и направился.

В Займище я нашел самое глухое место. Залез на вершину стога сена, закопался и решил там скрываться как можно дольше, т. е. насколько мне хватит моего запаса пищи: у меня было две маленькие булочки, грамм 300 сыру и бутылка вина Рислинг. Свой запас я разделил на 10 дней. На каждый день мне полагалось кусочек булочки, кусочек сыру и несколько глотков вина. И так я стал жить в «новой квартире».

Гречухин знал, что я за одну ночь далеко уйти не мог, поэтому он меня ищет везде: и на железной дороге, и на хуторах, и на станциях, расположенных около Ростова.

После 10 дней «проживания» моего в стогу я должен перейти с Ростовской области на территорию Украины, где меня не должны искать, а оттуда уехать в Москву.

Просидел я в стогу не 10 дней, а только 9 дней. Весь запас питания был израсходован. Без пищи я мог еще сидеть, но без воды я дальше сидеть не мог, и я решил выходить из «подполья». Ночью, когда я спустился со стога, у меня было сильное головокружение. За это время я ослаб и чувствовал себя очень плохо. Но смерть, подсиживающая меня каждую минуту, и борьба за существование вливали в меня новую струю бодрости, и я отправился в путь на Украину, по дороге, которую окружали с обеих сторон густые высокие камыши.

Пройдя километра три, вдруг услышал позади шум автомашины и <увидел> полосы света. Сейчас трудно передать мое волнение. Я быстро, сколько хватило сил, свернул с дороги и пошел в камыши. Машина быстро подошла ко мне и остановилась напротив меня. Неужели меня обнаружили люди Гречухина и устроили погоню за мной? Не может быть этого. Если бы они знали, что я нахожусь в стогу, они меня могли там взять. За время моего «проживания» в стогу я не видел ни одного человека около стога. После таких размышлений я сам себя успокоил, но, несмотря на это, весь дрожал. Или от того, что я ослаб, или от того, что опять надо мной нависла угроза смерти. Сквозь камыши я стал внимательно смотреть, что делается около машины. Мною было установлено, что автомашина грузовая полуторка, около машины ходит один шофер, который начал качать насосом. Прошло несколько минут. Я думал — что мне делать? Ведь я ослаб сильно. До Украины идти я буду долго. К тому же в жилые пункты заходить не могу, и дойду ли я благополучно или я свалюсь и попаду в руки Гречухина? Я твердо убедился, что машина шла не за мной, а это получилась случайная встре-

ча с ней, и я принимаю после долгих колебаний решение просить шофера подвезти меня.

Подойдя к шоферу, я спросил у него, откуда он едет и куда? Из его рассказа я узнал, что он работает в совхозе, который расположен около станицы Глубокая. Ездил в Ростов по делам, а из Ростова он заезжал в станицу Ольгинская к своему другу, с которым он служил вместе в Красной Армии. После этого рассказа я немного успокоился, и все мои подозрения рассеялись. Обращаясь к шоферу, я ему рассказал выдуманную мною версию. Я прошу Вас, товарищ, подвезите меня до станции Изварино. Это будет не так уж большой круг. Со станции Изварино Вы можете через Гундоровскую станицу проехать в свой совхоз. У меня умерла мать в Луганске, поэтому мне нужно как можно скорее доехать до Луганска и успеть на ее похороны (мать моя умерла, когда мне было 8 лет), что будет стоить, я Вам за это заплачу. «Да! У Вас такое большое горе, и не оказать Вам помощь — это не быть человеком. Что же, я Вас подвезу до станции Изварино». Я был этому очень рад. Я сказал, что знаю самый короткий путь до Изварино, Вам буду показывать его. Мы поехали так, чтобы не заезжать в населенные пункты. Это было для меня очень важно.

Переехав на территорию Украины, я почувствовал себя лучше, но вдруг навстречу нам идет легковая автомашина. Я сильно волновался до тех пор, пока она не проехала мимо нас. Шофер благополучно довез меня до станции Изварино, откуда я выехал поездом в Луганск, а из Луганска в Москву.

II

Приехав в Москву, я думал, где мне жить? Знакомых нет. Жить в гостинице опасно, да и денег у меня маловато. Решил на ночь выезжать за город в лес и там ночевать. Спал я на сосновых ветках (стог переменил на сосновые ветки). В Москве вел себя как заяц. И тут я боялся людей Гречухина. Несколько раз добивался приема у Шкирятова, но мне сказали, чтобы я все изложил письменно и передал ему через приемную ЦК КПСС. После этого я решил попасть к Кагановичу, которому, как Наркому Тяжмаша, подчинялся Новочеркасский институт. Не добившись приема к Шкирятову и Кагановичу, через приемную ЦК КПСС передал свое заявление на имя т. Сталина с подробным изложением существа вопроса и уехал из Москвы.

Находясь в поезде по пути в Луганск, думал, что же мне делать дальше? Где мне дальше скрываться? Приехав в Луганск и посоветовавшись со своими товарищами, с которыми работал вместе в ВЧК — ГПУ, решил уехать в Митякинскую станицу, хутор Патроновку, и там скрываться у надежных людей, которые меня не раз скрывали во время бандитизма от белобандитов.

Поезд приходил на разъезд Ильенко в 10 часов вечера. Было уже темно. Это меня очень устраивало. Хозяин дома принял меня любезно, но был удивлен, что я его просил скрыть так же, как он меня скрывал при белобандитах. Ему, конечно, трудно было понять, почему я оказался в таком положении. Я был доволен тем, что он мою просьбу принял без колебаний и заявил: «Я тебе, Иван Семенович, верю и думаю, что такое у тебя положение временное и скоро все кончится». Я ночевал в сарае на сене, а днем уходил в густой лес и там находился до наступления темноты. В лесу я выбрал то место, где скрывался от белобандитов.

Мысли в голове шли одна за другой. Я вспоминал свой 34-летний путь. Мысленно проходил год за годом. Отец мой умер, когда мне было 2 года. Через год мать вышла замуж. Я видел в детстве, как часто избивал мою мать отчим. Детская память крепка. Все это было как будто вчера. Мать умерла, когда мне было 8 лет. После чего прошел тяжелый и горький путь. Советская власть. Вступил в 1919 году в комсомол. Вел активную борьбу с белобандитами, являясь уполномоченным ВЧК — ГПУ по борьбе с бандитизмом. Сколько раз я был на волоске от смерти! Сколько раз смотрел смерти в глаза. Вот от моего «жилья» в лесу находится в 15 километрах хутор Камышный, где я поймал командира банды полковника Федорова. В 5 км — хутор Маноцкий, где меня окружали в доме 30 бандитов. В 8 километрах — хутор Елань, где меня окружали 50 белобандитов, и я два часа отбивался от них, и если бы не подошел отряд Красной Армии, они бы меня убили. В Гундоровской станице в хуторе Королевка убежал из-под расстрела. Почему же я при Советской власти, за которую боролся, не щадя своей жизни, нахожусь в подполье? Все эти эпизоды моей жизни проходили один за другим. По-моему, трудно самому гениальному писателю все мои переживания изложить на бумаге. И я в то время проявил мужскую слабость — часами сидел и плакал. Откуда только брались слезы? Но я слез не стеснялся, так как был один и никто их не видел. Хотя до этого никогда не плакал и не помню, плакал ли я в детстве.

Беспокоило меня, что жена долгое время не знает, где я.

Руководствуясь не разумом, а чувством, я принял решение, которое меня могло погубить, — выехать в Новочеркасск к семье на один день, а потом вернуться обратно.

Теперь можно сказать, что в моих действиях в то время — это была единственная большая ошибка. Но эта ошибка прошла удачно и помогла мне узнать в Новочеркасске, что меня вызывают в ЦК КПСС. Как говорится — родился в рубашке.

Приехав в Новочеркасск ночью, я как заяц пришел на квартиру. Жена была удивлена моему приходу. Сказала, что я делаю глупость, что мне в Новочеркасске очень опасно. В городе говорят, что секретарь горкома Дербенев и начальник Горотдела МГБ Талосов сказали, что ты, бывший полковник царской армии, убил коммуниста Погорелова, снял с него орден Красного Знамени и теперь выдаешь себя за Погорелова.

Я понял, что сделал большую ошибку, приехав сам в руки к людям, которые меня хотят уничтожить. Я успокоил жену, что все будет хорошо. Проживу в Новочеркасске только один день, а ночью уеду.

Как только стало светать, мне жена посоветовала залезть в большой гардероб и там просидеть до ночи. Так я и сделал. До 3 часов дня все было спокойно. Вдруг в 3 часа дня на квартиру приезжает второй секретарь горкома т. Данилюк. Сидя в гардеробе, я слышу мужской голос: «Скажите, где сейчас Иван Семенович?» — обращаясь к жене. Жена дрожащим голосом говорит: «Я не знаю, где он». «Не может быть, чтобы Вы не знали, где он. Вы меня не бойтесь. Я спрашиваю потому, что из

ЦК КПСС звонили и обязали меня, чтобы я ему обеспечил выезд в Москву». Жена опять твердо заявила, что она не знает, где я.

Какое мое было состояние в то время, для каждого будет понятно. После ухода Данилюка, жена мне шепотом сказала, что это был секретарь горкома Данилюк.

Я Данилюка давно знал как члена партии с 1918 года и активного участника гражданской войны. Я к нему относился с доверием. После этого подумал — может быть, это по моему заявлению на имя т. Сталина меня вызывают в Москву?

Я решил, как только наступит ночь, уеду из Новочеркасска. Жена тоже мне советовала уезжать немедленно.

Вечером часов в 7—8 опять приехал Данилюк. Я сидел все в гардеробе. Слышу его разговор с женой. Он ей говорит: «Звонят из Москвы из ЦК партии каждый час и требуют от меня, чтобы я Ивана Семеновича разыскал и направил в Москву, я вижу, что Вы мне не доверяете. Я Вас заверяю, что о моей встрече с Иваном Семеновичем никто знать не будет. Меня из Москвы об этом предупредили. Если он мне верит, пусть придет в горком часов в 11—12 и постучит мне в окно с черного хода из сада. Я его буду ждать в горкоме. Если же он мне не доверяет, то пусть едет в Москву. Я еще раз заявляю, что о встрече никто знать не будет».

Жена опять ему сказала, что ничего не знает, где я, поэтому ничего мне передать не может. Данилюк ушел. Настала ночь. Я подумал и принял решение идти к Данилюку. Делая анализ сейчас, можно сказать, что идти к Данилюку мне не нужно было. Я зашел в кабинет к Данилюку. Он поздоровался со мной и был рад моему приходу. В этот момент зазвонил телефон. Он взял трубку и стал разговаривать. Когда Данилюк сказал: «Он сидит у меня», — я решил, что Данилюк подлец и предал меня. Потом он мне говорит: «Возьми трубку, с тобой будут говорить из ЦК». Я был в таком нервном состоянии, что взял машинально трубку и услышал одно слово «т. Погорелов». Я по телефону выругался крепким мужским словом и стал говорить: «Да, я Погорелов, я Вас, сволочей, не боюсь теперь, о Ваших подлых делах сообщил т. Сталину. Можете меня арестовать, я из горкома никуда не собираюсь бежать. Приезжайте, я вас жду». И после этого положил трубку.

Потом набросился на Данилюка, стал его ругать отборными крепкими мужскими словами: «Ты подлец, ты предатель, ты меня пригласил в горком, чтобы меня арестовали! Ты в одной банде с Дербеневым и Таласовым, теперь Вас никого не боюсь, я честный коммунист, а не полковник царской армии, как обо мне говорят Дербенев и Таласов».

У Данилюка был растерянный вид. Когда я замолчал, он мне тихо-тихо стал говорить: «Иван Семенович, мне обидно, что ты мне не доверяешь. Я тебя никому не предал, а ты мне сделал большую неприятность и оскорбляешь меня. Ведь ты обругал матом и наговорил грубостей зав. секретариатом т. Сталина. Ты мне сделал большую неприятность». В этот момент опять телефонный звонок. Данилюк берет трубку и разговаривает: «Что я смогу сделать, если мне т. Погорелов не доверяет и называет меня предателем. Да, я его тоже успокаиваю, но он ничему не верит. Хорошо, я ему скажу и передам трубку».

Положив трубку на стол, Данилюк, обращаясь ко мне, говорит: «Иван Семенович, я тебя прошу мне поверить, с тобою хочет говорить зав. секретариатом т. Сталина. Возьми трубку, поговори с ним».

Успокоившись, я взял трубку и слышу: «Товарищ Погорелов, я понимаю Ваше состояние, поэтому не обижаюсь, что Вы меня обругали. По заданию т. Сталина Вы должны немедленно выехать в Москву». Я отвечаю: «Допустим, что Вы звоните по заданию т. Сталина, если это так, то я Вас прошу дать указание т. Данилюку сделать для моего выезда в Москву все, что я от него потребую».

«Такое указание будет дано. Передайте трубку Данилюку».

Данилюк взял трубку и все время отвечал Поскребышеву: «Все будет сделано».

Потом с Поскребышевым я стал разговаривать опять. Он дал мне свой телефон, чтобы я ему позвонил, когда приеду в Москву.

У Данилюка я попросил автомашину с шофером Ваней (фамилию забыл), бывшим красным партизаном и членом партии с 1919 года. Данилюк мне все сделал. Я попросил его, чтобы о моем отъезде в Москву никто не знал.

Я заехал домой, сообщил жене о своем выезде в Москву. На автомашине я доехал до Луганска, а оттуда поездом выехал в Москву. Данилюк оказался честным коммунистом, но то, что я пошел к нему, это был большой риск, хотя все кончилось очень хорошо.

III

Приехав в Москву, я позвонил Поскребышеву, который сказал, что в Москве Михаил Александрович Шолохов и что он очень меня ждет, остановился он в гостинице «Националь». Поскребышев спросил у меня, где я остановился. Я ему сказал, что я только с поезда. Поскребышев просил сообщить ему, в какой гостинице я остановлюсь, но порекомендовал мне лучше быть вместе с Шолоховым М. А. Я был безгранично рад, что М. А. Шолохов находится в Москве в безопасности. Намеченный мной план сохранения Шолохова выполняется как нельзя точно.

Я шел в гостиницу «Националь» и думал, как будут разворачиваться события в Москве. Бесспорно, что мне тут придется встретиться с Гречухиным. Главное сейчас и основное для меня — доказать, что они со мной разговаривали и давали чудовищное задание. Все, что мною было намечено — сделано полностью. Шолохов находится в безопасности, я вырвался из когтей Гречухина, смертельная опасность, которую я испытывал так долго, — все осталось позади. Трудно понять все это человеку, который сам не испытал все это. Один раз в жизни я был под расстрелом, но это я испытывал около часа, и, когда я убежал из-под расстрела, все было закончено. Сейчас же хотя я нахожусь в безопасности, но что будет со мной, если я не докажу, что они со мной разговаривали и давали задание «разоблачить» Шолохова. Ведь свидетелей нет. Я один против их всех. Все это меня сильно беспокоило.

Гречухин и его приятели будут бесспорно отказываться от всего и скажут, что они никаких заданий мне не давали, и я буду

выглядеть как провокатор. Если не докажу этого, по-видимому, меня или расстреляют, или посадят в тюрьму. Если будут расследовать мой вопрос честные чекисты, то запись заместителя Гречухина Эпштейна в моей книжечке — адрес конспиративной квартиры — должна подтвердить мою встречу с ними. Что будет, то будет со мной, а главное то, что Шолохов теперь спасен от смерти. Это было для меня совершенно бесспорно. Погибнуть или сидеть в тюрьме за такого человека не жалко. Иду и думаю: они могут меня расстрелять только за то, что я, дав подписку не разглашать данное мне задание, а за разглашение подлежу расстрелу без суда и следствия, а я, нарушив чекистский закон, не только разгласил задание, но и сказал о данном мне задании человеку, которого должен «разоблачить» как контрреволюционера. Хоти я часто об этом обвинении думал, но твердо был уверен, что оно мне Гречухиным не будет предъявлено, так как предъявить его — это разоблачить себя.

Я вырвался из обстановки, которая грозила мне смертью каждую минуту, но несмотря на это, я шел в «Националь» в подавленном настроении.

В гостинице «Националь» меня встретил М. А. Шолохов. Когда Шолохов увидел меня, он был удивлен и растерян. Поцеловал, обнял, крепко пожал мне руку, а потом, подняв свою большую и особо отличную от всех голову, улыбаясь, сказал мне: «Ваня, я боялся, что ты до Москвы не доедешь. Я боялся, что они тебя «спрячут» подальше. Ну, что же, я очень рад твоему приезду». В номере с ним были Василий Михайлович Кудашев и Петр Кузьмич Луговой. Оня меня также встретили радушно и приветливо.

М. А. Шолохов попросил меня рассказать, как я ехал в Москву. Я рассказал подробно, как доехал. После этого М. А. Шолохов рассказал мне, как они ехали в Москву. Вот что осталось у меня в памяти от этого рассказа. М. А. Шолохов получил анонимное письмо, в котором было написано: «Дорогой Михаил Александрович, мне поручили Вас убить. Я Вас об этом предупреждаю, и Вам необходимо немедленно уехать из Вешенской. Я сам погибну, но Вас никогда не убью». Когда мне рассказал это М. А. Шолохов, я еще раз убедился, что мои догадки о плане Гречухина были правильные. Я в Ростове Луговому говорил, что как только я приеду в Вешенскую, М. А. Шолохова убьют, а меня сделают убийцей его. Получив это письмо, М. А. Шолохов, посоветовавшись с семьей и Луговым, принял решение — ночью на автомашине вместе с Луговым выехать из Вешенской в Воронежскую область, там сесть на поезд и выехать в Москву. Так М. А. Шолохов вместе с Луговым приехали в Москву.

М. А. Шолохов в Москве был принят Сталиным, которому он рассказал об анонимном письме и о задании, которое мне дали в Ростове. И. В. Сталин после беседы с М. А. Шолоховым дал указание разыскать меня и вызвать в Москву.

Итак, я стал жить в Москве в гостинице «Националь». Я избавился от того, что меня может поймать Гречухин и убить, но меня каждый день беспокоило одно — как я докажу свою правоту?

В гостинице «Националь» мы ждали разбора нашего дела почти три недели. М. А. Шолохов звонил несколько раз Поскребышеву и спрашивал у него, когда будет разбираться дело?

Наконец, 4 ноября 1938 года нас с М. А. Шолоховым к 4 часам дня вызвали в Кремль. М. А. Шолохов был очень доволен вызовом в Кремль. Когда он сообщил мне, что нам с ним нужно идти в Кремль, я сильно волновался, но мне не хотелось показать М. А. Шолохову, Луговому и Кудашеву, что я волнуюсь, и все делал, чтобы они мое волнение не заметили. Я улыбался, шутил.

Когда мы дошли до Мавзолея, М. А. Шолохов запел тихо-тихо: «Ой, да вы морозы». Я молчал. Он мне говорил: «Ваня, подтяни тихонько». Я это не помню, но Михаил Александрович потом мне говорил, что я его за это выругал. Может быть, это и было. Но когда я шел в Кремль, я думал только об одном — не сделают ли меня провокатором? Сейчас должен решиться мой вопрос о жизни и смерти, честный я коммунист или провокатор? А Михаил Александрович хотел, чтобы я в таком состоянии пел песни. Он, по-видимому, хотел меня этим подбодрить.

Мы пришли в кабинет Поскребышева — он был один. Поскребышев отвел нас в приемную. Через 2—3 минуты к нам на стол поставили фрукты, бутерброды и чай. Михаил Александрович меня заставлял кушать, а я молчал и ничего ему не говорил. Он, по-видимому, видел, что я сильно волнуюсь — стал меня подбадривать и опять заставлял кушать. В это время у меня во рту все пересохло, и я выпил стакан чаю вместе с ним. Потом в приемную зашли Гречухин, Эпштейн, начальник райотдела МГБ Вешенского района Лудищев и еще кто-то, не помню. Как только они зашли и сели на противоположной стороне стола, Михаила Александровича как все равно укусила оса — он вскочил и быстро пошел к Поскребышеву. Вернувшись от Поскребышева, он сказал мне: «Я сказал Поскребышеву, зачем он посадил нас вместе со сволочами?» Но хорошо, что нас через 2 минуты позовут. Разбирать наше дело будет т. Сталин».

После этого сообщения у меня по спине пошли мурашки. Действительно, через 2 минуты нас позвали. Гречухин со своими людьми пошел вперед, а мы с Михаилом Александровичем — за ними.

Когда мы зашли в кабинет т. Сталина, он был один. Я заметил, что т. Сталин с Гречухиным и его людьми даже не поздоровался на их приветствия. С М. А. Шолоховым Сталин тепло поздоровался и посадил его на стул. Я растерялся и стоял, не зная, где мне сесть. Мне не хотелось садиться рядом с Гречухиным. Тов. Сталин спрашивает у Михаила Александровича: «А где т. Погорелов?» Он указал на меня. Тов. Сталин поздоровался со мной и предложил, чтобы я садился рядом с Михаилом Александровичем. В этот момент с другой двери зашли члены Политбюро. Сталин почти все время стоял или ходил. Сталин, обращаясь к Михаилу Александровичу, сказал: «Доложите, Михаил Александрович — послушаем Вас». Шолохов М. А. поднялся и сказал: «То, что я Вам рассказал, я больше ничего не могу сказать. По-моему, по этому делу должен доложить т. Погорелов». Я очень волновался и боялся, что все не скажу, но я знал, что мне придется выступать. Никаких конспектов у меня не было, и я еще до прихода сюда решил, чтобы ничего не упустить — говорить все по порядку, как происходили события.

Я поднялся и стал рассказывать подробно, как было дело. Говорил я первый раз минут 40. Когда я говорил, ко мне подошел вплотную Сталин, он внимательно слушал и смотрел мне прямо

в глаза, а я смотрел прямо ему в глаза. Он все время ходил. Отдельные факты из моего выступления он подходил к столу, записывал особым толстым карандашом и округлял записанное. Потом опять подходил ко мне, смотрел мне в глаза и слушал. Когда я закончил, он у меня спросил: «Все?» После этого повернулся к Гречухину и сказал: «Гречухин». Гречухин поднялся и стал говорить, что он мне никакого задания не давал, что это провокация. Потом стал приводить цифры по Вешенскому району, что там плохо в колхозах, плохой урожай, большой падеж скота и т. д., что Шолохов М. А. — член райкома и должен отвечать за это.

Сталин ему на это сказал: «Это к делу не относится. При чем тут Шолохов? Евдокимов ко мне два раза приходил и требовал санкции на арест Шолохова за то, что он разговаривает с бывшими белогвардейцами. Я Евдокимову сказал, что он ничего не понимает ни в политике, ни в жизни. Как же писатель должен писать о белогвардейцах и не знать, чем они дышат?»

Больше Гречухину Сталин говорить не дал. Потом дал слово Эпштейну. Эпштейн, как и Гречухин, сказал, что они со мной никогда не говорили и не вызывали и что это все провокация.

В это время я вспомнил про свою записную книжку и машинально поднял руку. Сталин в это время стоял около меня. Он, обращаясь к Эпштейну, сказал: «Подождите». Что Вы хотели сказать, т. Погорелов?» Я поднялся и стал говорить: «Тов. Сталин, они Вам неправду говорят, что они со мной не встречались, и делают меня провокатором. У меня вот книжечка, в которой рукой Эпштейна написан адрес конспиративной квартиры, где я встречался с Эпштейном». Сталин подошел ко мне и попросил книжечку. Взял, посмотрел внимательно, что там написано, и сказал, обращаясь ко мне: «Нам давно известно, что они говорят неправду», — и пошел с книжечкой к Эпштейну. Подойдя к Эпштейну, он зло и повышенным тоном сказал ему: «Вы не финтите, правду говорите. Правильно говорил т. Погорелов или нет — отвечайте». Эпштейн побелел и молчал. «Я Вас спрашиваю — отвечайте: правильно говорил т. Погорелов?». Эпштейн долго молчал, потом сказал: «Т. Погорелов говорил правду». Сталин: «Значит, Вы с Гречухиным говорили неправду?» Эпштейн ответил: «Да».

После этого Сталин подошел к столу и стал читать мои очень хорошие характеристики. Я не понимал, что это за характеристики. После характеристик он зачитал мою подписку, которую я дал Гречухину. Я был удивлен и в то же время безгранично был рад, что я теперь не провокатор. Совершилось то, за что я смертельно боялся, начиная с Ростова и за все время моего пребывания в гостинице «Националь». Какую я радость испытывал — трудно передать словами. В это время я стал так потеть, как будто на меня кто-то лил воду на голову, а она бежала по лицу. Сразу сильно ослаб. Что значит — снять сильное напряжение нервной системы! Еще раз меня убедило, что Гречухин и его компания — липовые чекисты. Как можно допустить, чтобы подписка осталась целой?

Прочитав мою подписку, Сталин спросил Ежова, почему Вы берете такие подписки: «В случае разглашения данного задания подлежу расстрелу без суда и следствия». Это не подписка, а запугивание людей». Ежов встал и, как школьник, стал диктовать, какие берутся подписки. Путался и несколько раз повторял одно и то же.

Сталин спросил: «Значит, эта подписка неправильная?» Ежов ответил, что она неправильная. Сталин стал ругать Ежова, который стоял руки по швам: «Я сколько раз говорил и предупреждал, что избиваются лучшие люди, но Вы ничего не делаете, чтобы прекратить это безобразие».

После этого выступил Молотов и, обращаясь ко мне, сказал: «Мне непонятно, почему Вы, товарищ Погорелов, как чекист запаса не сообщили об этой истории т. Ежову? Ваше такое поведение мне непонятно». Я поднялся и хотел ему ответить. Сталин подошел к Молотову и, не дожидаясь моего ответа, сказал: «Что тебе тут, Молотов, непонятно? Человека запугали, взяли какую-то дикую подписку. Погорелов правильно делал, что никому не доверял. Встань ты на его место. Ты тоже никому бы не доверял. Погорелов действовал правильно».

После выступления Сталина я ответил Молотову.

После выступил Михаил Александрович и с возмущением говорил о поведении Евдокимова и по выступлению Гречухина по Вешенскому району.

После этого Сталин сказал: «Есть предложение кончать. Все ясно. Вас много — он один, у него выходит, у Вас не выходит. По глазам видно: т. Погорелов — честный человек, по глазам видно — честно говорил. Тов. Погорелов показал себя в гражданскую войну. На груди у него сияет орден Красного Знамени. Он показал себя и в мирных условиях. Все. Можете быть свободны».

Гречухин со своими людьми поднялся и стал уходить. Мы тоже поднялись с М. А. Шолоховым, но нам Сталин сказал: «Михаил Александрович, и Вы, т. Погорелов, останьтесь». Когда они ушли, Сталин спросил нас с М. А. Шолоховым: «Что Вы можете еще добавить?» М. А. Шолохов сказал, что он ничего добавить не может. Я сказал: «В Новочеркасске исключили и посадили до 100 человек коммунистов, и я знаю многих как честных коммунистов, поэтому прошу Вас, т. Сталин, дать указание разобраться с этими коммунистами». Сталин сказал мне, что это правильно и указание будет такое дано.

Сталин попрощался с М. А. Шолоховым и со мной, потом обратился ко мне и сказал: «Ваши действия были правильны, и, если у Вас что случится в будущем, обращайтесь ко мне лично. Хорошо, что Вы не струсили, а то они бы Вас запрятали и уничтожили».

Мне было приятно слушать эти слова т. Сталина.

Я, М. А. Шолохов и П. К. Луговой вышли из Кремля и пошли в гостиницу «Националь». Когда мы шли по Красной площади, мне М. А. Шолохов, а ему вторил П. К. Луговой, сказали: «Ваня, ты выступал прекрасно и логично, но почему ты на вопрос Молотова «Почему ты, как чекист, не написал Ежову» — ответил: «Я ему не доверяю». Как же это ты не доверяешь члену Политбюро и наркому НКВД? Это ты сделал непростительную глупость». Я сказал им: «Я так не говорил. Я сказал — не доверяю аппарату Ежова». М. А. Шолохов мне сказал: «Нет, ты сказал, что не доверяешь Ежову. Это ты сказал глупость». Через месяц после разбора нашего вопроса Ежов был снят с работы. Когда

мы встретились с М. А. Шолоховым, я, шутя, ему сказал: «Ты меня ругаешь за то, что я выразил недоверие Ежову, оказывается, я был прав». М. А. Шолохов рассмеялся и тоже в шутливом тоне сказал: «Теперь я тоже могу сказать, что твое заявление было правильным».

Мы пришли в гостиницу «Националь», нас встретил В. М. Кудашев. Обращаясь к М. А. Шолохову, он спросил: «Ну, Миша, как дела?» М. А. Шолохов ему, улыбаясь, ответил: «Вася, все в порядке. Ваня выступал очень хорошо, но в одном месте сделал осечку». И рассказал ему, в чем осечка, а осечка была с Ежовым. Несмотря на то, что я остался победителем, я чувствовал себя очень плохо. Заказали обед, сидели все за столом. М. А. Шолохов, сидя за столом, рассказывал, как проходило заседание. Я чувствовал себя плохо и боялся, что в присутствии М. А. Шолохова, Лугового и Кудашева заплачу и опозорю себя как мужчина. Я тихонько вышел из-за стола, вышел из гостиницы и пошел к Большому театру в садик. В это время мне хотелось побыть одному. Пришел в сквер, сел на лавочку и стал вспоминать все, что у меня было за последние два месяца. Я посидел на лавочке около часа. Вдруг ко мне не подходит, а подбегает В. М. Кудашев и с возмущением мне говорит: «Ваня, что ты сделал! Это безобразие! Почему ты втихую ушел из гостиницы? Миша волнуется. Меня и Петра Лугового ругает на чем свет стоит. Почему Вы допустили, что Вани нет? Может быть, его уже схватили. Пошли скорее в гостиницу». Мы с В. М. Кудашевым пошли в гостиницу. Когда мы вошли, на меня буквально набросился М. А. Шолохов. Он меня крепко ругал. Я ему сказал: «Михаил Александрович, за что ты меня ругаешь? После всего, что было сегодня, мне хотелось побыть одному. Мне было стыдно, что я в присутствии Вас мог заплакать. Ведь я все же мужчина. И негоже мужчине плакать. Я виноват, но иначе я не мог сделать». М. А. Шолохов посмотрел на меня ласково и сказал: «Ваня, ну ладно. Садись и давай обедать». Взял меня под руку, посадил около себя, обнял и поцеловал. По-видимому, он понял мое тяжелое нервное состояние. Когда мы обедали, он ко мне относился внимательно и ласково.

Мне М. А. Шолохов сказал: «Ваня, я послал телеграммы Марии Петровне и Вере Даниловне, что наше дело закончилось очень хорошо». 5 ноября мы выехали домой. До Миллерово мы ехали вместе с М. А. Шолоховым и Луговым. В Миллерово они сошли с поезда и поехали в Вешенскую, а я поехал в Новочеркасск.

Когда я приехал в Новочеркасск, мне уже была предоставлена новая квартира, жену восстановили на работе. Через пять дней было объявлено в газете, что сообщение Дербенева — секретаря горкома, и Таласова — начальника горотдела МГБ — является клеветой.

Так я стал полноправным членом партии и был реабилитирован перед коммунистами г. Новочеркасска.

Дорогой Михаил Александрович! Вот все, что у меня осталось в памяти. Прошло 22 года, как это было. Теперь можно сделать трезвый анализ всего происшедшего. Ты не только боролся за линию большевистской партии как писатель, но ты за нее боролся как член большевистской великой партии. Разве кто знает, что по твоим сигналам исправлялась линия партии на Северном Кавказе? Разве кто знает, что ты боролся против перегибов, направленных на обозление казаков против Советской власти? Сколько раз по твоим сигналам ЦК КПСС исправлял ошибки, вернее, не ошибки, а вражескую деятельность отдельных руководителей. Аресты Лугового. Логачева и Красюкова — это все делалось для твоей дискриминации. Наше дело — это одна цепь — дискредитировать тебя и не дать возможности проводить твердую большевистскую линию. Несмотря ни на какие авантюры, ты проводил как большевик твердую и последовательную линию нашей великой Коммунистической партии. Эту сторону твоей богатой жизни никто не отражал, но история это отметит и обязана отметить.

Я горжусь тем. что я спас для нашей Родины твою жизнь, но в то же время я тебе миллион раз благодарен, что ты спас и мне жизнь. Будем же, дорогой Михаил Александрович, жить и работать для блага нашей могучей и великой Родины.

На своем пятидесятилетием юбилее ты сказал: «Ваня Погорелов мой друг и товарищ, да, пожалуй, больше чем друг и товарищ». Будем же до конца нашей жизни больше, чем друзьями и товарищами.

Я тебе, дорогой Михаил Александрович, желаю от всей души, от всего сердца самого лучшего. Желаю здоровья и успехов в твоих творческих делах.

Целую, обнимаю крепко, крепко.

10.02.61 г. ПОГОРЕЛОВ

СТИХИ МОЛОДЫХ

Евгений ЧЕКАНОВ

РАСКРЫТАЯ ЛАДОНЬ

ПОЛЯРИЗАЦИЯ

Век не кончен. Тяжелый и плотный
Лист истории тайны хранит.
Но к его стороне оборотной
Кто-то тихо подносит магнит...
Нет, не бредни, не ахи и охи!
Приглядись — ты увидишь и сам,
Что железные люди эпохи,
Очевидно, спешат к полюсам.

СЕМЕЙНАЯ ЛЕТОПИСЬ

Простая жизнь подвластна
забытью,
И трудно воротить ее из плена...
Однако родословную свою
Я смог познать до пятого колена.
Я помню вечер... Выло и мело
За окнами родительского дома,
А в доме было тихо и тепло,
И запах пищи плавал невесомо.
Трещала печь, и отблески огня
Лицо отца багряно залнвали.

Он вспоминал... И в дрожь бросал меня
То жар любви, то жгучий лед печали.

Прошли года. С неясною тоской,
Как будто по утерянному раю,
В который раз в квартире городской
Я летопись фамильную листаю
И снова слышу, как вздыхает мать:
«Кому нужнò собранье этих басен,
Их будет скоро некому читать...» —
Но верю я, что труд мой не напрасен,
Что не взорвется хрупкий шар земной,
По яростной орбите пролетая,
Что будет длиться начатая мной
Простой семьи история простая,
И что ее незыблемую гать
Сквозь топь веков мои продолжат дети...
А ты, мой друг? Что можешь ты сказать
Хотя бы о своем покойном деде?
Что ты припомнишь, кроме черт лица.
О чем расскажешь, коль спросить серьезно?
Ну, что молчишь? Иди, спроси отца.
Иди, спроси, пока еще не поздно!

* * *

Вещей ли искать потаенную суть,
В мечтах и тоске пребывать?..
Пора непокорную шею согнуть,
Свое пораженье признать.
Признать, что не гений
И что не пророк,
Что от совершенства далек,
Что жил, как умел,
Что иначе не мог...

Но кто-то кричит во мне:
— Мог!

ТРИБУНА
ПУБЛИЦИСТА

КОМСОМОЛ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Анатолий ЖИТНУХИН

ЧТО ВЫБИРАЕМ: ОБНОВЛЕНИЕ ЖИЗНИ ИЛИ «ОХОТУ ЗА СКАЛЬПАМИ»

Прожил человек долгую, нелегкую жизнь труженика и собрался помирать. Но перед самым концом жизненного пути неожиданно обнаружилось, что есть у старика и дом, и сбережения немалые, чтобы его обустроить, да только вот не пришло хозяину на ум соорудить в доме туалет, ванну, отопление, веранду, люстру, паркет.

Такую грустную историю поведал Ю. Гейко читателям журнала «Комсомольская жизнь» (1988, № 21) в статье «Куда ведет наезженная колея». Поведал и тут же стал сокрушаться, что неимоверно трудно после столетий подавления человека разбудить и расшевелить его, возродить убитую долгим бездарным администрированием тягу к лучшему.

Сложно что-либо возразить ему. Действительно, за семь последних десятилетий, отмеченных социальными бурями и невиданными в истории свершениями, горечью тяжелейших утрат и радостью великих побед, в идеалах большинства советских людей так и не нашлось достойного места теплому туалету. Хотя, если вспомнить историю, то сострадающих по этому поводу всегда было достаточно. И внутри страны, и за ее пределами. И здесь, и там пытались мерить этот странный, видите ли, народ общим привычным аршином и никак не могли понять, как можно жить, верить да еще и бороться за какие-то там идеи, если все равно в итоге нет ни люстры, ни паркета.

Ну а если у человека нет устойчивой «тяги к лучшему», сиречь к жизни по образцу Ю. Гейко, это свидетельствует якобы о том, что он забит и подавлен. А следовательно, о чем с ним разговаривать? Другое дело — беседа с человеком светским.

— Считаете ли вы, — без обиняков интересуется Ю. Гейко у кинорежиссера Ю. Мамина, — что настоящий носитель культуры, духовных ценностей — родовая, потомственная интеллигенция, понесшая в нашей стране тяжелейшие потери?

— Да, — тоже без обиняков отвечает ему Ю. Мамин. — Но настоящих «аристократов духа» у нас практически не осталось (см. «Комсомольскую правду» от 2 декабря 1988 г.).

Не знаю, как обстоит сейчас дело с количественным составом «аристократов духа», но вот публицистов с аристократическими суждениями о народе и о том, что ему необходимо, в последние два-три года у нас стало хоть отбавляй. Поражает непререкаемый тон поучений многочисленных авторов проектов социальных переустройств и усовершенствований, в чьих руках вновь замелькал знакомый нам аршин. Невольно приходишь к мысли, что, может, и зря обрекали себя на мучительные раздумья целые поколения мыслителей, терзаемые мечтами и заботами о лучшей доле народной, если сейчас в объеме одной газетной статьи дается исчерпывающий ответ на вопрос, какой социализм народу нужен. При этом не забываются даже такие детали всеобщего счастья, как свобода эмиграции и реэмиграция.

Одни зрят в корень, другие в это время выписывают рецепты, предлагающие симптоматическое лечение от всевозможных общественных недугов. Так, недавно за одним «круглым столом» В. Кунин, автор повести, рассказывающей о валютной проституции, раскрыл секрет, позволяющий в мгновение ока (если дословно — «в один день») избавиться от этого позорного для нашего общества явления. Оказывается, нужно всего лишь сделать рубль свободно конвертируемым. Сразу после этого деятельность «интердевочек» приобретает исключительно патриотическую направленность, а параллельно наступит решающий поворот к оздоровлению финансово-экономической системы страны.

Но что, пожалуй, особенно важно, за последние месяцы, после кратковременного, но явного застоя, пополнился арсенал идей, направленных на расширение и углубление поиска противников перестройки. Как выяснилось, к ним необходимо отнести часть делегатов XIX партийной конференции. Это открытие сделано на основе тщательного анализа, проведенного писателем С. Голованивским. На страницах «Литературной газеты» (16 ноября 1988 г.) он поведал, что противники перестройки — это и те, кто голосовал против каждой из шести принятых на конференции резолюций. Внимание особо бдительных читателей обращено и на то, что шум в зале, судя по смыслу «неугодных» выступлений, создавало именно то меньшинство, которое впоследствии только и могло

голосовать против самих резолюций. Впрочем, в выступлении писателя звучат и оптимистические нотки: «...Если даже сложить число голосовавших против всех шести резолюций во время их утверждения конференцией, то количество противников перестройки составит не слишком большой процент — и это, конечно, весьма утешительно».

Не зря говорят, что сердцу не прикажешь. Хоть и стремится С. Голованивский не отстать от самозваных лидеров перестройки, но, по всему видно, мучит проклятая ностальгия по памятному и еще такому недалекому прошлому, когда на всех партийных форумах и собраниях единомыслие и единодушие так ярко свидетельствовали о верности и незыблемости нашего курса. «О том, что тревожит...» — так названа в газете беседа с этим писателем. То, что мы узнали из беседы, действительно беспокоит. Не может не вызывать озабоченность незатухающая кампания по развешиванию ярлыков, словно и нет за нашими плечами жестоких уроков прошлого, о которых больше всего любят порассуждать всуе как раз те, кто вольно или невольно реанимирует трагический опыт тридцатых. Не хотелось бы проводить прямых исторических параллелей, но напомнить все же следует: именно поиск голосовавших «против» стал одной из главных причин репрессий, обрушившихся впоследствии на большинство делегатов XVII съезда партии, вошедшего в историю и как «съезд победителей», и как «съезд расстрелянных».

Конечно же, само по себе понятие «противник перестройки» у людей, искренне озабоченных судьбой необходимых и просто неизбежных преобразований, не может вызвать каких-либо возражений. Безусловно, противники у перестройки есть, и их немало. Ясно также, что они не могут оставаться анонимными, иначе вся борьба по преодолению их реально ощутимого противодействия здоровым силам общества превратится в нелепое сражение с ветряными мельницами. Весь вопрос заключается в том, каким образом несколько изданий, по-существу — узкая группа лиц, монополизировали право судить, кто за перестройку, а кто против нее, определять критерии отбора в ее «лидеры» и «враги». При этом любая деструктивная идея объявляется передовой, а апелляции к разуму и положительному опыту отождествляются с попытками потащить страну вспять. Налицо тенденция еще раз все сломать и расчистить «до основанья», словно и не было в нашей истории подобных разрушительных опытов и экспериментов, за результаты которых расплачивался в первую очередь народ, а вместе с ним нередко и сами экспериментаторы. Но ведь еще раньше, в один из переломных моментов развития, В. И. Ленин не случайно предупреждал, что для продвижения вперед «надо не начинать все сызнова, не перестраивать направо и налево, а суметь в наибольшей степени использовать уже созданное» (Ленин В. И., Полн. собр. соч. Т. 40, с. 142).

Небольшая группа авторов, выступающих на страницах отдельных газет и журналов, небезуспешно перенимает и некоторые карающие функции гибнущей административно-командной системы, которая еще совсем недавно причисляла каждого ей неугодного к разряду инакомыслящих со всеми вытекающими последствиями. Сродни такому подходу и организуемые средствами массовой информации скоротечные суды, заканчивающиеся порой чудовищными политическими приговорами. И тогда идея исторических

аналогий выглядит уже не так абстрактно. Чего стоит, например, одно обвинение, предъявленное главным редактором журнала «Знамя» Г. Баклановым советскому историку и публицисту А. Кузьмину, — «пропаганда фашизма». Кстати, и в этом случае, и во многих других сходных ситуациях нетрудно заметить, что беззастенчивое политическое шельмование своих оппонентов «прорабы перестройки» часто применяют вместо аргументов, которых им не хватает в спорах и полемике. Расчет Г. Бакланова предельно прост и ясен: вряд ли 18 миллионов читателей центральной молодежной газеты заподозрят, что их вводят, мягко говоря, в заблуждение столь уважаемые, казалось бы, люди. А разобраться сразу не просто: не у всех есть время и возможность ознакомиться с трудами А. Кузьмина, рассчитанными к тому же на подготовленную аудиторию. В упомянутой истории оппоненты известного ученого (незадолго перед заявлением Г. Бакланова в «Советской культуре» была опубликована также статья Л. Либермана) поводом для ложных обвинений выбрали его выступление... как раз против замалчивания преступлений нацизма, за непримиримую научную критику, марксистский анализ самых различных проявлений фашизма.

Подобные приемы, сопровождающиеся мощным психологическим напором, принесли уже вполне реальные, осязаемые результаты: идея гласности серьезно деформируется, на смену открытому обсуждению вопросов все чаще возвращается приглушенный шепоток по закуткам и углам. Серийное клеймо типа «Сторонник Нины Андреевой» срабатывает достаточно эффективно: попробуй высунься — можешь заслужить что-нибудь изготовленное и по индивидуальному заказу. В курилке или на кухне с женой — пожалуйста, можешь даже порассуждать, почему спустя три года после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС стала возможной кампания единодушного осуждения статьи той же Н. Андреевой, позаимствованная из арсенала пропагандистских средств времен, не отличавшихся особым демократизмом.

Помнится, в редакционной статье газеты «Правда» от 5 апреля 1988 отмечалось, что в рассуждениях Н. Андреевой содержатся наблюдения, с которыми нельзя не согласиться. В этом можно было еще раз убедиться, ознакомившись с ее интервью югославскому «Виеснику». Есть в этом интервью вещи, вызывающие протест. Разве можно, например, согласиться, что гласность у нас уже выполнила и перевыполнила свои задачи? По мне, так мы еще находимся только на подходе к подлинной гласности, которая сделает действительно доступным и свободным обсуждение всех наболевших вопросов нашей жизни, исключит возможность подмены исторической полуправды на полуложь. Но нельзя же отмахиваться от мыслей, заслуживающих серьезного внимания. «...По моему мнению, — отмечает, например, Н. Андреева в беседе с корреспондентом «Виесника», — демократизация и гласность в нашей публицистике рассматриваются не как метод или средство решения проблем социалистического общества, а как приоритетные цели перестройки».

Хотелось бы сразу заметить, что здесь вряд ли уместно категоричное противопоставление одного другому. И демократизация, и гласность — это, безусловно, не только средства социалистического созидания. Помогая нам преодолевать застойные явления, они одновременно приобретают непреходящую самостоятельную

ценность, поскольку без них не может и речи идти о свободной, всесторонней реализации в обществе всех возможностей личности. В то же время нельзя не видеть, что ряд периодических изданий, поставив в центр своего разговора с читателем вопросы «как?», «каким образом?», отодвинули на дальний план или совершенно похоронили вопросы «зачем?», «во имя чего?».

Такое смещение приоритетов, а в ряде случаев — обычная подмена целей средствами, порождает путаницу в общественном сознании, в первую очередь, и это уже стало особенно ощутимо, меняет ориентиры социальной активности молодежи. Так, в уже упоминавшейся статье «Куда ведет наезженная колея» Ю. Гейко прямо провозглашает, что у истинного молодежного движения цель едина: гласность и демократия.

Под этим углом зрения журналист делает массу любопытных открытий. Из «истинного молодежного движения» выпадает, по его мнению, комсомол, поскольку гласности и демократии как раз и не находят в нем молодые. Но это, мол, поправимо, не надо лишь бояться помок. Перво-наперво следует провести многоразовое сокращение комсомольских рядов. Отсекаем худшую часть, оставляем авангард. Превратившись в авангард, уже «настоящий» комсомол становится национальным молодежным фронтом и объединяет «все те бессчетные группы и группочки, на которые разбилось сегодня не бумажное, а истинное молодежное движение».

— Но помилуйте! — может возразить дотошный читатель, решивший вдруг на досуге вникнуть в суть предлагаемой революционной перестройки комсомола. — Ведь объединив всех, союз молодежи опять перестанет быть авангардом.

На этот раз уже нет, не перестанет. И это нетрудно доказать, прибегнув к интересному силлогизму Ю. Гейко.

«Молодежь, студенты, — рассуждает он, — всегда, во все времена и во всех общественных системах находились на острие социальных битв. Молодежь никогда не была реакционна. Даже ее небольшая и не самая симпатичная часть — панки, хиппи, металлисты.

Таким образом, молодежь — компас перестройки и ее движущая сила».

Сомневаюсь, чтобы Ю. Гейко не знал, что участие молодежи в социальных битвах во все времена и во всех общественных системах определяла прежде всего ее классовая принадлежность, а не возрастные особенности. В истории, к сожалению, есть также немало примеров, когда молодежь не только вставала на сторону реакционных классов и сил, но и служила основным пополнением штурмовых отрядов самых мрачных режимов, какие только знало человечество. Да и вряд ли следует спешить сверять компас перестройки с настроениями панков, хиппи и металлистов.

Автор статьи «Куда ведет наезженная колея» искренне признает, что в былое время «мы тайком, порой невольно, накапливали в себе чудовищную мешанину оппозиционного мусора, чтобы извлечь из него крупицы правды». Создается впечатление, что теперь этот мусор, так и оставшись до конца не разобранным, попросту опрокидывается на головы молодых читателей, искренне озабоченных судьбой комсомола, пытающихся внести свой реальный вклад в решение наболевших политических и социально-экономических проблем нашего общества.

Невольно задумываешься, что стоит за попытками возродить идеи юношеского авангардизма, за трескучей фразой, с помощью которой торопятся завоевать симпатии у молодежи современные витии. Простое стремление лишний раз заявить о себе? Элементарное отсутствие исторических знаний или умышленное игнорирование исторического опыта? Иначе чем еще можно объяснить безапелляционное суждение Ю. Гейко о том, что, следуя его «теоретическим» изысканиям и практическим рекомендациям, комсомол сможет «впитать наконец принципы, заложенные в его названии: ленинские, коммунистические»?

Провозглашая принцип «больше света», очень многие в это же время почему-то забывают об уроках прошлого, проливающих из глубины десятилетий достаточно ясный свет на многие явления современности.

Думается, не случайно организаторы первой Всесоюзной встречи молодежных политических клубов «I съезд РКСМ. 70 лет спустя» преследовали идею сверить день сегодняшний с историческим опытом ВЛКСМ. О больших позитивных итогах этой встречи уже говорилось в центральной комсомольской печати. Можно только приветствовать появление в комсомоле, в молодежной среде столь важной формы развития политического сознания юношей и девушек, формирования у них взглядов и убеждений, какой является политклуб. Стало реальностью то, о необходимости чего твердилось с различных комсомольских трибун, кажется, уже не один десяток лет. Но, несмотря на все эти разговоры, миллионы комсомольцев долгие годы были прочно накрыты сетью кружков и семинаров комсомольского политпросвещения, а отлов в эту же сеть несоюзной молодежи не давал никаких результатов.

Вот почему встреча представителей политклубов в историческом здании на улице Грибоедова (именно в нем состоялся I съезд комсомола) ознаменовала подлинный прорыв из той депрессии умов, которую породили в комсомольских организациях традиционные формы политической работы. Свидетельство тому — внушительный банк идей, созданный по результатам обсуждения трех пакетов вопросов: комсомол и общество; какие изменения необходимы в структуре комсомола; собственные проблемы деятельности политклубов. И все же итоги дискуссий не вызвали особого удовлетворения у участников встречи. Не дали они каких-либо принципиально новых, приемлемых идей и для состоявшегося позднее IV пленума ЦК ВЛКСМ, который обсудил вопросы дальнейшей демократизации жизни комсомола.

Основную причину несостоятельности многих предложений вскрыл, на мой взгляд, в своем выступлении президент минского дискуссионного клуба «Политикус» И. Величанский. Он с горечью отметил, что участники Всесоюзной встречи не дали ответа на главный вопрос: «Чему учит история комсомола?»

Если же обратиться к опыту исторического развития ВЛКСМ, то станет видно, что постановка на встрече многих, даже самых острых вопросов (даже самыми горячими «неформалами») уже не нова, уже давно отвергнута всей практикой да и (худо-бедно, но существующей) теорией комсомольского строительства. Оживленный обмен мнениями вызвала, например, выдвинутая представителем «межклубной комсомольской группы» г. Москвы А. Исаевым платформа так называемой «Демократической фракции ВЛКСМ». Среди средств, способных, по мнению авторов платфор-

мы, вывести комсомол из кризисного состояния, — свобода фракций и группировок, отказ от монополии территориально-производственного принципа и создание в ВЛКСМ групп и организаций по интересам, автономия первичных организаций, введение коллективного членства.

Содержащаяся в этой платформе идея перестройки комсомола, выработки его новой модели на основе федеративного принципа была также ярко выражена и дополнена в выступлениях представителя «Московского регионального совета Федерации социалистических общественных клубов» (ФСОК) А. Шубина и председателя политклуба МАИ, члена общественного движения за увековечение памяти жертв сталинских репрессий «Мемориал» В. Лысенко. Так, последний прямо предложил участникам встречи взять за основу дискуссии платформу «Демократической фракции ВЛКСМ», высказал мнение, что комсомолу следует отказаться от монополии в молодежном движении и провозгласить свое равенство среди других молодежных организаций, которые сейчас возникают и еще будут созданы. Важно уяснить, насколько искренни стремления некоторых «неформалов» вывести комсомол из болезненного состояния?

Самореклама — так некоторые участники Всесоюзной встречи охарактеризовали выступления на ней отдельных «неформалов». Одна довольно показательная деталь: выступив со своими программными речами и заявлениями, большинство представителей московских «неформальных» клубов и объединений покинуло зал во время первого же перерыва. Жизненно важные для комсомола и политклубов вопросы их, как видно, не слишком интересовали. Люди, склонные к политиканству, обычно не очень заботятся о чрезмерном благородстве своих манер. Во время встречи на улице Грибоедова это проявлялось также и в использовании шаблонных демагогических приемов. «Мы требуем, вы должны!» — вот главный метод постановки вопросов «неформалами», которые рассуждали обо всем, словно мессии, ниспосланные всевышними силами. А. Шубин, кстати, очень возмущался, что его друг Андрей Исаев уже репрессирован. Как выяснилось, под понятием «репрессирован» он подразумевал комсомольское взыскание за организацию митинга, спровоцировавшего нарушения общественного порядка...

И все же с большинством предложений «неформалов», безусловно, можно было бы согласиться. При одном условии: из определения «Комсомол — форма молодежного **коммунистического** движения», которое открыто, вслух вроде бы никто не оспаривает, нельзя опускать слово, выделенное курсивом. Ведь никто сейчас не ставит под сомнение тот факт, что наряду с комсомолом имеют право существовать другие молодежные организации, созданные по интересам или объединяющие юношей и девушек по другим мотивам, конкурирующие с комсомолом, наконец, находящиеся к нему в оппозиции. Но никто не вправе требовать, чтобы Коммунистический союз молодежи в угоду запросам и интересам отдельных молодежных групп видоизменял свои коренные политические цели и задачи, добровольно признавал свое равенство с панками, металлистами, рокерами...

Дискуссии вокруг комсомола в последнее время выявили и еще одно важное обстоятельство. Нельзя не видеть, что в большинстве своем руководители всех звеньев ВЛКСМ, комсомольские работники, актив готовы, а во многих случаях сами сделали первые шаги

к открытому, откровенному и конструктивному диалогу с «неформальными» объединениями. Ведь если разобраться, деятельность значительного числа этих объединений становится возможной, даже популярной, благодаря всесторонней поддержке ВЛКСМ. А целый ряд признанных ныне «неформальными» течений и движений даже своим рождением обязан комсомолу (к примеру, различные творческие и хозрасчетные любительские объединения молодежи, МЖК, клубы воинов запаса и многие другие). Тем не менее приходится постоянно сталкиваться с неприязненным, порой до непримиримости, тоном, который часто берут в разговоре с комсомолом «неформальные» лидеры. Почему-то никому не приходит в голову, чтобы комитет комсомола, скажем, помогая любителям поп-музыки организовать фестиваль или обзавестись собственным помещением, потребовал за это от них переключиться на классику. Зато «неформалы» предъявляют комсомольским организациям подобные ультиматумы сплошь и рядом. На поверку выходит, что в своей неприемлемости основополагающих принципов деятельности ВЛКСМ даже самые «левые» в подавляющем большинстве случаев оказываются куда правее «консерваторов», как теперь нередко величают комсомольских работников.

Последним сегодня, как говорится, не позавидуешь — их атакуют и «справа», и «слева», и «сверху», и «снизу». В докладе на IV пленуме ЦК ВЛКСМ говорилось о необходимости давать решительный отпор огульному шельмованию комсомольских работников и активистов. Это — с одной стороны. А с другой — тут же не без иронии было высказано предположение, что после сокращения штатов в центральном аппарате, райкомах и обкомах ВЛКСМ в них будут писать меньше бумаг.

Сомневаюсь, что в комсомольских аппаратах можно встретить хоть одного человека, кому бы доставляло удовольствие написание бумаг. Нельзя бумаготворчество представлять лишь следствием бюрократического вдохновения, его виновников надо искать на самых верхушках аппаратных пирамид. Именно оттуда исходило и еще продолжает исходить подавляющее большинство указаний, порождающих бумажный ворох, заставляющих, к примеру, того же инструктора комитета ВЛКСМ чуть ли не каждый свой шаг фиксировать определенным документом — от письменного отчета о командировке до подготовки «материала к выступлению» своего руководителя.

Не берусь оспаривать распространенное утверждение, что аппараты «подмяли» под себя выборные органы. Но при этом необходимы некоторые уточнения. Ведь реальная власть в условиях, когда сведены к минимуму демократические начала комсомольской жизни, оказалась сосредоточенной опять-таки на тех же верхушках пирамид, а основная часть аппарата работала (да и продолжает во многих случаях работать), по существу, в условиях единоначалия. Отсюда и причины многих неурядиц в комитетах ВЛКСМ, и того, почему на комсомольскую работу попадали люди случайные, преследующие корыстные цели.

Создалось положение, при котором на долгое время судьба комсомола оказалась в чрезмерной зависимости от субъективного фактора. На этом фоне становится очевиднее значимость нелегкого, подчас неблагодарного, труда тех, кто во все годы сохранял в себе устремленность к высоким целям и нравственную чистоту,

непримиримость к косности, обывательщине, чинопочитанию тех, чьи судьбы нередко ломались о непреодолимые преграды.

Эти люди тоже имеют свой счет к командно-административной системе. Кстати, такой вывод еще раньше сделала на страницах «Комсомольской правды» Я. Юферова в публикации «Долг и должность» (25 июня 1988 г.). Правда, в том случае речь шла о партийных работниках, но суть проблемы одна и та же. Поучительна сама история публикации в «Комсомолке». Однажды, после появления острой, критической статьи, затрагивающей проблемы аппаратной работы, ее автора — собственного корреспондента «Комсомольской правды», пригласили на работу в Минский горком партии. Пригласили, чтобы журналист смог взглянуть на реальные процессы «изнутри», а не из-за письменного стола. В результате и увидели свет дневниковые записи Я. Юферовой о работе в должности заведующего отделом пропаганды и агитации горкома. Нет смысла пересказывать содержание этих записей — их надо читать полностью. Но вот еще на одном выводе, к которому пришел автор, хотелось бы остановиться: «Махать шашкой, стоя на месте, и думать, что ты в кавалерийской атаке, — это одно. Менять реальную жизнь к лучшему — это, оказывается, совсем другое».

Но по-прежнему, когда речь на страницах центральной печати заходит о судьбе комсомола, мы чаще видим тех, кто привык размахивать шашкой, стоя на месте. И здесь они выглядят героями перестройки, предлагая один за другим проекты переделки союза молодежи, каждый раз утверждая, что именно такой комсомол нам сегодня нужен. При этом все накопившиеся недостатки высвечиваются, как правило, под таким углом, чтобы тень от них обязательно падала на комсомольские кадры в целом, в том числе и на признанных вожаков молодежи. По существу, формируется мнение, что комсомолу может помочь только вмешательство «извне», что в нем нет, или по крайней мере не хватает, собственных лидеров, способных расчистить создавшиеся завалы, подняться и поднять других до высоты стоящих задач. Приелось одно и то же клише портрета комсомольского работника, кочующее из одной публикации в другую: одет в униформу (серый пиджак, галстук), не может терпеть рок (при этом даже и не пытается отличить хэви-метал от новой волны!), высший смысл своей деятельности видит в написании все тех же бумаг, говорить может только по телефону или с трибуны и каждое утро пересчитывает дни, оставшиеся до перехода на очередную должность. Все это дополняется повсюду ходящими легендами об их особенных жизненных благах и всевозможных привилегиях. А если так, то им тоже перестройка вроде бы ни к чему.

Известный древнеримский деятель Марк Порций Катон Старший, выражая свою страстную непримиримость к торгово-ростовщическому городу-государству, каждую речь на форуме заканчивал словами: «Сверх того, я полагаю — Карфаген должен быть разрушен!» Это в конце концов и произошло.

Один знакомый журналист из крупной молодежной газеты рассказывал мне, что редактор отдела, где он работал, в конце каждого напутствия перед выездом корреспондентов в командировки добавлял: «А кроме всего, постарайтесь привезти скальп комсомольского работника».

Общим в этом сравнении является завидное упорство и последовательность в достижении таких разных по своему смыслу целей. Не будем вдаваться в поиск истоков очевидной непримиримости значительной части «пишущей братии» к «бюрократам» из комитетов комсомола, столь внушительно выраженной в живописной метафоре редактора. Причесывая всех под одну гребенку, считая едва ли не каждого работающего в комсомоле «творцом застоя», молодежная журналистика фактически напрочь отвергла весь положительный опыт прошлых лет и, настроившись на критически-сокрушительную волну, часто забывает о том, что наступило время конкретных действий, что необходимо поддерживать и созидательные процессы, происходящие в комсомольских организациях, людей, каждодневным трудом меняющих реальную жизнь к лучшему.

Когда молодой писатель Ю. Поляков испытывал томление духа, переживая, что его сверстники проникаются чувством пролетарской солидарности только в очередях за водкой (см. Ю. Поляков. Томление духа. Литературная газета, 26 октября 1988 г.), те же комсомольские работники в это же время помогали Демократической организации молодежи Афганистана налаживать работу в условиях военного времени. Помогали не только советами, чаще — личным примером. Плечом к плечу с афганцами, засучив рукава, они восстанавливали разрушенные и строили новые (даже по собственным проектам) школы, Дома пионеров и детские городки, создавали бригады общественного порядка и отряды самообороны в освобожденных кишлаках, налаживали работу в сельских кооперативах, организовывали помощь семьям погибших за идеалы Апрельской революции. Сегодня, наверно, излишне говорить, с чем была сопряжена эта работа. Отдали свои жизни при исполнении интернационального долга комсомольские работники Геннадий Кулаженко, Николай Серов, Атор Абдукадыров, Александр Бабченко, тяжело ранен Григорий Семченко...

Не мятыми рублями с собутыльниками в винной очереди — куском хлеба с товарищами по оружию, с голодными детьми делились те, кто находился в Афганистане. О чувстве интернационализма имеют право судить воины, участвовавшие, например, в отгремевших в прошлом году боях в окрестностях Кундуза. Когда советские подразделения в критический момент пришли на помощь регулярным афганским частям и выдвинулись вперед, чтобы обеспечить оборону аэродрома, из города, где несколько дней бесчинствовали душманы, навстречу им вышли афганские женщины. Останавливая боевые машины, они обнимали броню бронетранспортеров, становились на колени и целовали танковые траки.

Об этом необходимо напомнить сейчас, когда предпринимаются попытки исказить сущность интернациональной помощи советских людей афганскому народу, особенно подвига советского солдата.

«Что ты дашь нашей родине — нищий, босой, если в собственной — очередь за колбасой?» — такой вопрос от имени афганцев задается нашему парню в стихотворении Е. Евтушенко «Афганский муравей» (Огонек, 1989, № 1). И невдомек, очевидно, автору, успешно специализирующемуся в последнее время и в поэзии, и в публицистике на гастрономической теме, что среди жизненных ценностей того убитого солдата и афганского народа никогда не значилась колбаса, хотя бы и сырокопченая.

Некоторые уже договорились до постыдных сравнений судеб

воинов-интернационалистов с биографиями американских ветеранов войны во Вьетнаме, ветеранов той самой страны, которая вкладывала сотни миллионов долларов в подготовку и снаряжение тех, кто пытался задушить Апрельскую революцию и ставшее на ее сторону подавляющее большинство афганского народа, стрелял в наших солдат. И неудивительно. По нашей стране почему-то начали беспрепятственно разъезжать в качестве туристов американские ветераны, воевавшие против народа Вьетнама. Одна из таких групп, например, в состав которой входили Л. Хейнеман, Д. Росс, Д. Меесмор, встречалась в декабре с «афганцами» Алма-Аты, Москвы, Ленинграда. Американцы пытались разжалобить наших парней общими проблемами, раздавали «переводилки» со своей эмблемой. Снимай, мол, воин-интернационалист свою тельняшку и ходи прославляй армию захватчиков.

Линия на дегероизацию, на отрицание положительного опыта в прошлом, а главное — высокого смысла, каким была наполнена борьба всех поколений советских людей за социализм, протянута через всю нашу историю до сегодняшнего дня. Неспособность послевоенных поколений к серьезной созидательной и творческой работе в некоторых кругах принимается за аксиому. Журналист О. Кучкина на этот случай придумала даже нехитрую теорему. Если лучшие люди отдали жизни и подорвали здоровье в прошлые десятилетия нашей истории, то остались... Впрочем, лучше процитируем автора: «Что же на самом деле? На самом деле, когда уходят лучшие, остаются худшие. Если убирают цвет, процветают бесцветные». Не знаю, понимает ли сама О. Кучкина, что в результате столь несложного арифметического действия и она попадает в число «оставшихся»?

«Вышли мы все из народа» — так названа ее статья в «Комсомольской правде» от 21 сентября 1988 года. Сомневаюсь, что можно безоговорочно согласиться с подобным утверждением. Вот наши ребята, с которыми много раз приходилось встречаться на пыльных афганских дорогах, те действительно из народа. По крайней мере, ни разу не попадались среди них люди, относящие себя к «аристократам духа». Все эти встречи сохранились в памяти, но особенно запал в душу такой случай. На комсомольском собрании части, располагавшейся недалеко от Файзабада, выступил секретарь бюро ВЛКСМ роты разведчиков. Он говорил о том, что все комсомольцы роты испытывают стыд перед своими товарищами, так как по независящим от них причинам роту уже третий месяц оберегают от боевых действий. У командования части, как потом выяснилось, были основания дать передышку этому боевому, заслуженному подразделению. Но речь не об этом. По тому, как скромно и обыденно выступил боец, видно было, что жизнь по самым высоким законам человеческой нравственности стала для него и его друзей обычной нормой.

Невообразимо меняется время, но жизнь продолжает убеждать: народ — это прежде всего те, кто сеет и убирает хлеб, кто берет в руки оружие по первому зову Родины. И не след огульно приписывать ему все мыслимые и немыслимые недостатки, включая пороки представителей далеких от него кругов. Да и почаще надо интересоваться у него, в каком социализме он нуждается. И побольше прислушиваться к голосу его молодого поколения, рассуждая о том, какой комсомол нам нужен.

Федор УГЛОВ

АЛКОГОЛЬНОЕ НАШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Академик АМН СССР, лауреат Ленинской премии Федор Григорьевич Углов известен не только как врач с мировым именем и крупный общественный деятель, но и как писатель, публицист. Читатели журнала хорошо помнят опубликованный в 1974 году роман Ф. Углова «Сердце хирурга», вызвавший большую редакционную почту. Не менее известно публицистическое произведение нашего автора «Здоровье народа — богатство страны», напечатанное в июне 1985 года. И вот новая встреча.

В публикуемой главе из новой работы Ф. Углова «Ломехузы» приведены малоизвестные данные о последствиях алкоголизации страны, отображены актуальные проблемы нашей современности.

Занимаясь алкогольной проблемой, все больше убеждаюсь: мои тревоги не напрасны. Охватившее наш народ пьянство принесло столь неисчислимые бедствия, что не приостанови его ЦК КПСС в мае 1985 года историческим постановлением «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», для нас уже наступила бы катастрофа. И это не преувеличение.

Согласно данным Большой медицинской

энциклопедии, которая ссылается на объективные исследования Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), каждый третий в нашей стране погибает от причин, связанных с алкоголем. Это значит, что зелье уносит из жизни ежегодно от 900 тысяч до миллиона человек — более двух с половиной тысяч ежедневно! Если считать с 1960 года, с того времени, когда уровень среднедушевого потребления спиртного в нашей стране превзошел среднемировой, получится: зеленый змий погубил более 25 миллионов человек. Иными словами: столько людей умерло у нас от опоя, сгорело в пожарах, погибло в катастрофах и драках «по пьянке», скончалось от цирроза печени...

За последние 20—30 лет — еще одно следствие алкоголизации — резко начала снижаться рождаемость. По данным статистики, с 1960 года в стране из-за утраты дееспособности по причине пьянства не появилось на свет 30—35 миллионов детей. Таким образом, людские потери составили уже 50—60 миллионов человек. Если добавить сюда 40—45 миллионов пьяниц и алкоголиков, которые все равно что «живые трупы», то окажется, что хиханьки да хаханьки, когда речь заходит о выпивке, обошлись нам более чем в 100 миллионов человек. За четверть века алкогольным «оружием» в стране было уничтожено больше людей, чем в Великую Отечественную и гражданскую войны, при коллективизации и культе личности.

Беды, порожденные пьянством, этим не исчерпываются. Согласно данным новосибирских ученых Детиненко и Гражданникова, свыше 90 процентов дефективных и умственно-отсталых детей появляются на свет от пьющих родителей, а каждый литр среднедушевого потребления алкоголя приносит в год 10—12 тысяч изуродованных младенцев. Если учесть, что в последние годы каждый из нас в среднем за год, с учетом кустарного хмеля (по расчетам инженера И. Красноносова и доктора экономических наук Б. Искакова) выпивал 15—18 литров абсолютного алкоголя — спирта, — то получится: от любителей выпивок ежегодно рождается 200—220 тысяч неполноценных людей.

Там, где до 50-х годов в области был один, а то и ни одного детского дома, ныне их по 40—50. Несчастные дети обречены в них на жалкое существование тоже по вине пьющих родителей. Это подтверждает и состав воспитанников детских домов Новосибирской области. В некоторых из них побывали борцы за трезвость. Познакомившись с житьем-бытьем мальчишек и девчонок, потрясенные детским горем, они написали мне письмо. В конверт вложили стихи старшего научного сотрудника В. Лебедева с таким вот предисловием.

«Новошмаковский детский дом: из 96 детей только двое не имеют родителей.

Маслянинский: из 100 — 7 сирот.

Барышевский: из 115 — 3 без родителей.

У остальных отцы и матери лишены родительских прав по причине пьянства.

...Двадцатый век. Сороковые.
Подставив раненую грудь,
Непокоренная Россия
Фашисту заступает путь.

И, утеряв рассудок здравый,
Предчувствует конец палач.
А под его пятой кровавой —
Расстрелы, пытки, детский плач.

...На трупах трупы, в небо глядя,
И вдруг у ямы на краю:
«Не убивайте меня, дядя,
А я вам песенку спою».

Дрожа и заикаясь, прямо
Из груды неостывших тел
Ребенок над сестрой и мамой
Зверью про зайчика запел.

...Восьмидесятые. Народы
Страну прославили трудом,
Но все полнее с каждым годом
Недетским горем детский дом.

За что мальцу в четыре года
Дают за совесть, не за страх
Беду великого народа
Нести на тоненьких плечах.

Проснувшись, плачет он ночами
И — рвется пониманья нить —
Не отдавайте меня маме,
Мне страшно, мама будет бить...

Очнитесь, люди: плачут дети...
...Скажи, великий мой народ,
За тех сирот фашист в ответе,
А кто — за нынешних сирот?

На 28-й сессии Генеральной ассамблеи ВОЗ в 1975 году было вынесено специальное решение: считать алкоголь наркотиком, подрывающим здоровье.

Как наркотик и паралитический яд, зелье сильнее всего и в первую очередь действует на мозг и центральную нервную систему. Особенно на самые высшие центры мозга, от чего притупляются и слабеют наиболее совершенные его функции, на которых базируются нравственность, воля, благородство, патриотизм, а вместе с ними очень резко меняется в плохую сторону характер человека. Если же запил народ — характер всего народа. Но отнимите у русских, например, нравственность, патриотизм, благородство — и исчезнет то, что веками выделяло нас: «русский характер», «русская душа», «русский солдат».

Мы сейчас ой как близки к этому. Несмотря на то, что характер нации очень устойчив и сохраняется веками вопреки лихолетьям. Достаточно вспомнить татарское иго, которое продолжалось на Руси более двухсот лет, но характера русского народа не изменило. Но алкогольное нашествие совсем иное дело. Оно, по мнению ученых, «перерождает» народ всего за два, максимум за три поколения, то есть за 50—75 лет.

Из-за снижения производительности труда, производственно-технической дисциплины, брака в работе, аварий, поломок, ослабления здоровья населения, что произошло по вине пьющих, мы получили убытки, и немалые. Экономические потери прямо зависят от потребления алкоголя и превышают, по подсчетам заведующего кафедрой статистики Московского института народного хозяйства имени Плеханова, профессора, доктора экономических наук Б. Искакова, выручку от продажи зелья в пять-семь раз. Наши ежегодные экономические потери, обусловленные потреблением всевозможного вина и пива, составляют уже до 300 миллиардов рублей. Стоит ли после этого удивляться, что на 72-м году революции у нас все проблемы, в том числе и продовольственння, стоят почти так же остро, как после опустошительной Великой Отечественной войны?

Чего у нас не отнять, так это безудержного роста производства сивухи. Согласно данным, опубликованным в справочниках Статистического управления «СССР в цифрах», население страны с 1965 по 1981 год увеличилось в стране с 232,2 миллиона до 266,6 миллиона человек, то есть на 13 процентов. Производство же спиртного за это время возросло на 500 процентов. Это значит, что изготовление зелья в 37 раз опережало рост населения! Такое же неблагополучие выявится, если сравнить производство хлеба и муки с производством алкоголя. С 1940 года по 1980 год хлеба и муки у нас стали выпускать больше на 200 процентов, а алкоголя на 690. И ведь все выпивается!

К сожалению, Статистическое управление не комментирует публикуемые данные, а то народ давно бы узнал, к какой пропасти торит ему дорогу зеленый змий. Но то, что не делает Статистическое управление, иногда удается патриотам-трезвенникам. Они обнародовали («Знание — сила», 1989, № 2) очень важный социологический закон, согласно которому, если каждый будет пить в среднем более 17 литров абсолютного алкоголя в год, то рождение дефективных и умственно-отсталых детей превысит рождение нормальных детей. А это значит: начнется самоуничтожение нации.

К 1983 году среднедушевое потребление абсолютного алкоголя поднялось в нашей стране до 11,3 литра. Иначе — на каждого жителя СССР, включая грудных младенцев и старушек, приходилось более семи трехлитровых баллонов водки. Сколько же купили и выпили ее тогда люди самого продуктивного возраста, люди из наиболее злоупотребляющих спиртным национальностей! А ведь мы еще не учитываем кустарный хмель: самогон, чачу, виноградные и плодоовощные вина, изготовляемые частно, технический спирт. Между тем этого зелья, по мнению экономистов, выпивается не меньше, чем товарного алкоголя. Так что фактически среднедушевое потребление алкоголя у нас перевалило за 20 литров. О том говорят и факты. В Ульяновской области, например, в 1975—1982 годах в среднем пили от 19 до 31 литра. В Сахалинской — от 30 до 31. В Магаданской — в пределах 31. В Камчатской — от 28 до 29. И так далее. До недавнего времени в стране насчитывалось свыше двадцати областей, население которых было обречено на скорое вырождение и гибель. И все из-за пьянства.

Если же учесть, что жители еще более 35 областей потребляли алкоголь от 20 до 25 литров, а еще в 18 — по 17—20 литров, то можно себе представить, в каком катастрофическом положении находились мы перед майским (1985 года) постановлением партии

и правительства «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма».

Зная о такой беде, не то что говорить — кричать было надо. Не вступить в решительную борьбу с зеленым змием, когда твой народ, перешагнув все допустимые, если это слово подходит к слову наркотик, рубежи, уже летит в пропасть, было не только безнравственно — преступно. Правда, при этом многим приходилось наступать на собственную алкогольную натуру, которая услужливо «оправдывала» и «объясняла» порок. Но никакие причины тут уже не учитывались. Если во время решительной схватки человек не может принести в жертву ради Отечества даже такую малость — грош ему цена. Отношение к трезвости стало все равно что лакмусовая бумажка: по нему сразу определяли, кто есть кто.

Многие трезвомыслящие прогрессивные люди в центре стояли тогда за радикальное решение важной проблемы. Поэтому все ожидали, что будет принято решение о полном изъятии горячительного из нашего общества, тем более, что никто не отменял у нас пока ленинского декрета о запрещении производства и продажи всех видов алкогольных изделий от 19 декабря 1919 года. Однако нашлись и такие руководители, которые прямо или косвенно поддерживали алкогольную экспансию, создав своеобразное алкогольное лобби. Под их влиянием решение по изжитию губительного порока появилось со многими уязвимыми местами. Не было учтено, например, положение, согласно которому изжитие алкоголя как наркотика с помощью половинчатых мер, как правило, бывает мало или совсем не эффективно. Это, кстати, очень убедительно было доказано, еще в трудах Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством в 1910 году.

Не было обнародовано в документе, на какой срок рассчитана борьба, когда она должна закончиться полным отрезвлением населения страны, как, на какой процент ежегодно должно снижаться производство алкоголя, какие меры будут приниматься в борьбе с самогонщиками.

И все же, несмотря на недостатки, постановление, закрепленное авторитетом партии и правительства, оказало огромное психологическое и нравственное влияние. Уже к концу 1985 года производство и потребление сивухи снизилось на 25—35 процентов. В 1986 году оно продолжало уменьшаться. Причем значительно быстрее, чем предполагали работники торговли.

За 1987 год, как сообщили в исполкоме Московского горсовета, продажа спиртного в столице сократилась вдвое, и на 1988 год здесь было запланировано значительное снижение реализации винно-водочной продукции. Это в Москве, где, как известно, трезвость не жалуют. Особенно же успешно повели борьбу с алкогольной чумой на Сахалине. Там объем реализации водки сократился после постановления втрое, а вина — впятеро. Одновременно с этим там на 55 процентов снизилась преступность, а удельный вес противозаконных действий, совершаемых в пьяном виде, еще более. Бытовой травматизм на почве пьянства уменьшился в 2,5 раза, количество больных алкогольным психозом — в четыре. Очень показателен и пример Ульяновской области, где до 1985 года среднедушевое потребление алкоголя было так же одним из самых высоких в стране и намного превышало критический уровень. Ульяновцы через 3 года после постановления стали пить не

более четырех литров, столько, сколько в 1913 году, меньше чем в среднем по стране.

Народ оживал. Страна, как после тяжелейшей болезни, начала поправляться и залечивать раны. Стало меньше рождаться дефективных детей, сократилось количество заболеваний, связанных с пьянством, повысилась производительность труда. Снизилось число прогулов на производстве. Но самое, пожалуй, главное, у многих людей просветлилось сознание, и они с бóльшим доверием стали относиться к словам патриотов, говорящих правду об алкоголе и тех бедах, которые принес нам зеленый змий.

Специальный пункт постановления о запрещении коллективных пьянок на производстве не только оздоровил там обстановку, но и повысил отдачу от всех звеньев административного аппарата — угощение винами и коньяком в кабинетах начальников всех рангов не могло не отразиться на работе.

Помнится, как улучшилось поведение людей в общественных местах. Стало уже не так страшно ездить поздно вечером на электричке или идти пешком по улице. Почти перестали попадаться навстречу компании подвыпивших молодчиков, которых раньше приходилось обходить стороной. Если же и встречался нетрезвый, то он вел себя тихо и скромно. Люди начали говорить: раньше прохожие боялись пьяницу, а теперь пьяница боится прохожих.

Сокращение винной торговли позволило навести порядок и в магазинах, где покупатели перестали сталкиваться с пьянчужками, так как были выделены специальные отделы.

Впервые за многие годы в некоторых населенных пунктах страны начали создаваться так называемые зоны трезвости. И если не все еще были согласны с тем, чтобы навсегда отказаться от спиртного, то оказалось довольно легко добиться согласия большинства стать трезвенниками на время больших и неотложных работ. Первый секретарь горкома партии города Отрадного Куйбышевской области И. Комаров, например, писал тогда мне, что решение о «сухом законе» на время сельскохозяйственных работ летом у них в районе было принято с энтузиазмом. В течение нескольких месяцев никто этого запрета не нарушал.

В ряде регионов страны было объявлено о прекращении продажи зелья, то есть об обязательной для всех трезвости на неопределенный срок. И, к чести нашего народа, большинство населения строго придерживалось этого правила. Люди начали покупать алкоголь лишь после того, когда начальство приказало в административном порядке продавать его вновь.

Если до постановления — еще одно наблюдение — кого ни спроси, все считали выпивки делом само собой разумеющимся, то после мая 1985 года многие стали стесняться этого занятия, что позволило резко изменить отношение к вину во многих семьях. Алкоголь перестали считать там безвредным и необходимым для застолья атрибутом, как о том сплошь и рядом вещали и печатали в средствах массовой информации. В пропаганде трезвого образа жизни очень помогли магнитофонные записи лекций ученого В. Жданова и профессора Б. Искакова, доклады судебного эксперта Ю. Галушкина и члена Всесоюзного общества «Знание» Н. Сушилина, работы профессора Н. Загоруйко. И, я особо хочу сказать, подвижническая, в полном смысле этого слова, деятельность ленинградцев В. Ермилова и А. Шичко, сахалинца В. Селикоза. Их не стало в прошлом году. И причина смерти одна: не выдержало сердце. Слишком близко воспринимали они обрушившиеся на наш народ беды...

Но движение по борьбе с зеленым змием крепло. Нередко переписанные от руки или с магнитофона на магнитофон, перепечатанные на машинке выступления активистов переходили из дома в дом, из цеха в цех, с корабля на корабль...

Много пришлось работать и мне. Со всех концов страны пошли письма, телеграммы, телефонные звонки с просьбой приехать и прочитать лекцию или сделать доклад. Причем звали директора крупных предприятий, секретари парткомов, райкомов, обкомов, командиры воинских частей. Я старался не отказывать: чувствовал, как люди изголодались по правде, как надоели им призывы пить «умеренно» и «культурно», хотя никто толком не знает, что это такое. С докладами выступил в Туле, Жуковском, Тамбове, Мичуринске, Архангельске, Североморске, Иркутске, Саратове, Череповце, Ижевске, Риге, Вильнюсе, Сосновом Бору, Петергофе и во многих других городах, не говоря уже о Москве и Ленинграде, где читал целые циклы лекций в лекториях, а также в клубах и на заводах.

Отдача от хорошо подготовленных, продуманных, от души идущих выступлений велика. Об этом сужу по своему опыту. Еще до постановления я сделал доклад в коллективе института телевидения и радио в Москве. Присутствовало на нем человек 600. Наша встреча продолжалась более часа. «Под занавес» я получил необычную записку. На небольшом листе бумаги были написаны слова благодарности и добавлено: «Мы объявляем для себя «сухой закон», и стояло около 60 подписей. Мне подумалось тогда: если час правды приносит такие плоды, то что было бы, если б о ней поведали все средства массовой информации, все лекторы?

К сожалению, это понял не только я. Еще раньше это поняли те, кто боится трезвости и все делает, чтобы народ продолжал пить. Это доказывают препятствия, которые чинили активистам трезвеннического движения работники некоторых административных и партийных органов. Они срывали наши лекции под всякими предлогами. Наиболее часто в зданиях, где мы выступали, вдруг «портилась» электропроводка, отопление. Случалось, предназначенный для лекции зал оказывался занятым. Бывало, и просто давали указания: лекции трезвенников не проводить.

Почти всегда, где бы ни приходилось выступать, слушатели задавали один вопрос: почему правительство не вводит «сухой закон»? В ответ я спрашивал: кто за то, чтобы у нас был введен «сухой закон»? Как правило, большинство присутствующих поднимали руки. Однако, когда речь заходила о том, кто с завтрашнего дня объявит «сухой закон» для себя и своей семьи, поднималось рук меньше.

Те, кто воздерживался, объясняли свое поведение примерно так: «Мы бы с радостью не пили, если б ее, проклятую, вовсе не продавали. А то к кому ни придешь в гости, обязательно начнут угощать. И отказаться от выпивки трудно — начнут спрашивать: ты что, больной или нас не уважаешь?..»

И все-таки люди настраивались на трезвость. С каждым разом все больше поднималось рук согласных принять для себя «сухой закон». В Новосибирске, например, где кампанию за трезвость проводили очень настойчиво, уже через год десятки тысяч семей

приняли для себя обязательство: «Ни дома, ни в гостях не пью и никого не угощаю».

Здоровый образ жизни завоевывал позиции, и народ верил заверениям партийных лидеров, которые на встречах с трудящимися говорили, что борьба за трезвость — серьезная борьба, что партия и правительство от намеченного курса не отступятся, на полпути не остановятся. Призывы партии покончить с зеленым змием воспринимались как призывы к новой, лучшей жизни.

Многие стали понимать тогда, что мы зашли в тупик, что производительность труда у нас резко упала, качество выпускаемой продукции ниже всякой критики, почти любой импортный товар и по внешнему виду, и по качеству намного лучше нашего. Почти все продукты питания привозят из других стран, даже огурцы, помидоры и картофель, которые растут у нас везде от Мурманска до Владивостока. Да и как нам поступать иначе, если, собирая урожай, мы почти третью часть его теряем, к тому же у нас, оказывается, негде хранить продукты. Нет ни достаточного количества элеваторов, ни токов, которые защитили бы зерно от дождя и гниения; из-за нехватки овощехранилищ картофель, капуста, морковь уже зимой превращаются в гниль и выбрасываются; закупая фрукты за границей, мы одновременно зарываем в землю то, что вырастает в наших садах. Хуже того, зарубежные товары в основной своей массе приобретаются за счет хищнического разбазаривания природных запасов: нефти, газа, леса — за счет основных жизненных фондов страны.

Нам скоро негде станет жить. А тут еще строят гидростанции так, что при этом затопляются миллионы гектаров лучшей земли. Атомные станции располагают вблизи крупных городов — при авариях или диверсиях мы будем обречены. И это уже доказала нам чернобыльская катастрофа.

В то время, когда мы пили особенно рьяно, кое-кто над стаканом не дремал. Усыпляя бдительность уговорами пить с друзьями и близкими, в приличной обстановке, не «до упора», они разрушали, опошляли и опоганивали все, что для нас дорого и свято. Что не было уничтожено в первые десятилетия после революции, поспешно стиралось с лица земли под звон фужеров в последние 20—30 лет, в так называемый период застоя и упадка. Губились храмы, национальные памятники, традиции, перелицовывались школьные учебники. Из программы по русской литературе начали выбрасывать произведения Тютчева, Кольцова, Некрасова, Лермонтова, Пушкина, Толстого. Их место занимали современные «классики» — Маршак, Барто, Евтушенко... То же происходило и с русскими литературой, музыкой, театром. Шедевры, которыми восхищался мир, заменялись пошлыми космополитическими поделками, в которых такие понятия, как патриотизм, любовь к Родине, Отечеству, исчезли напрочь.

Многие лишь после 1985 года узнали, что, по существу, разрушена русская деревня. Тысячи, десятки тысяч деревень, сельских населенных пунктов Центральной России под разными предлогами, в частности, из-за «нерентабельности», перестали существовать. И это несмотря на то, что на восстаноеление сельского хозяйства выделялись огромные средства. Правда, они шли в основном на технику, которая мертва без человека. Человек же на селе пил и оставался равнодушным к земле, которой он не распоряжался.

То же происходило с русскими учреждениями. Они превращались в межнациональные. Ранее была Российская академия наук. Сейчас во всех республиках есть свои академии, а в России нет. В любой союзной республике имеется свой национальный театр: в Узбекистане — узбекский, в Грузии — грузинский, даже у евреев есть свои театры в Москве. Только русский театр исчез из России. Нечто подобное произошло с музеями, консерваториями, библиотеками. Во всех республиках они национальные, а у нас все — межнациональные.

К 1985 году в России не осталось почти ничего русского. Великий народ, создавший государство от Балтики до Тихого океана, лишается даже своей национальной интеллигенции, своих национальных кадров. В решении январского (1987 года) Пленума ЦК КПСС говорится о равноправном представительстве наций во всех сферах общественной жизни, но для России этот закон не писан. Среди руководителей высшего и среднего звена, например, русские в собственной же республике, начиная с октября 1917 года, представлены гораздо меньшим числом работников, чем другие народы. Утверждая это, разумеется, не беру в расчет нерусских людей с нашими фамилиями. Их немало. Не учитываю же их потому, что поменять свою родную, национальную фамилию может, на мой взгляд, только непорядочный человек. При этом слишком велика вероятность того, что ему также не дорога честь и народ, к которому он якобы теперь принадлежит.

Пытаются лишить нас и собственной славной истории. Для этого в печати распространяется ложь о России, называли ее «тюрьмой народов», безграмотной, отсталой...

Но какая же наша Родина «тюрьма народов», если целый ряд государств на коленях упрашивали русских царей, чтобы они взяли их под свою защиту, под «высокую руку»? Так было с Арменией, народ которой перед присоединением к нам был почти полностью истреблен. То же и с Грузией — грузины на волах везли богатые дары, надеясь этим задобрить царя и войти в состав империи. Так было и со многими другими народами. Где есть еще подобное государство, к которому соседи обращались бы с подобной просьбой?

Что же касается «отсталости» России, то как тогда в ней могли появиться Ломоносов, Пушкин, Толстой, Достоевский, Суворов, Тимирязев, Менделеев, Чайковский... Лжив по своей сути и миф о нашей бедности. Хороша бедность, если Россия в конце XIX — начале XX веков кормила хлебом Европу.

Другое дело, что за годы алкоголизации и упадка нашу русскую историю извратили так, что, прочитавши ее, не проникаешься любовью и уважением к Родине, особенно к недавнему ее прошлому. Кто оболгал наш народ, унизив и представив все в извращенном виде? Судя по документам, все те же, кто споил Русь, довел страну до упадка. Для них перестройка — острый нож, подлинная гласность смерти подобна. Пользуясь тем, что многие средства массовой информации в их руках, они спешно выдают теперь ту версию о виновниках разрух, которая им выгодна. В частности, винят во всех смертных грехах Сталина и умалчивают, сколько русских людей, в том числе казаков, крестьян, рабочих, офицеров, духовенства, интеллигенции уничтожили его «соратники». И все это для того, чтобы мы никогда не узнали, кто довел нас до предкризисного состояния, чтобы опять-таки погасить в нас

чувство национальной гордости, природный патриотизм, уважение и терпимость к другим народам.

Лишив народ этих качеств, легче добиться его повиновения. И сделано для этого, как видим, немало. За последние 30—35 лет мы ни на шаг не продвинулись вперед, лишь спились. Да и как могло быть иначе, если Брежнев говорил: «...до России руки не доходили». Хорошо же у нас было правительство, у которого руки не доходили до республики, являющейся основой государства, руки не доходили до народа, который составляет большинство в стране, народа, который вынес на себе все тяготы гражданской, Великой Отечественной войны, восстановления разрушенного хозяйства, хотя его республика при этом пострадала больше всего. Даже Сталин, которого нельзя было упрекнуть в особой симпатии к русскому народу, вынужден был в 1945 году признать, что основную тяжесть войны вынесли на себе русские.

И вот, несмотря на такое, почти катастрофическое положение населения, составляющего основу государства, продолжалась политика недооценки России. Русские женщины, например, привлекались для работы в учреждениях, на предприятиях, в том числе на тяжелые, неквалифицированные работы чаще, чем представительницы других национальностей. Занятые на службе в течение целого дня, при низкой зарплате, не способные к махинациям, то есть к «левым» приработкам, русские люди в большинстве своем оказались, пожалуй, в самом худшем положении даже в своей республике. Все это было результатом того, что «до России руки не доходили». Доходили только водка, вино и пиво.

Обо всех этих бедах и несправедливостях патриоты не раз сообщали в высшие инстанции, полагая, что там с «русской проблемой» не знакомы. Но там изменить положение не спешили.

Что оставалось делать русским? В их среде начали возникать неформальные общества и организации, защищающие свой народ. Так, в России возникло общество «Память», поставившее своей целью объединить русских людей в борьбе за восстановление русской культуры, традиций, памятников, своего родного языка; другие организации, члены которых горят желанием сохранить и восстановить национальные святыни. Во всех подобных обществах, кстати, не только в России, борьба за отрезвление народа поставлена в число основных задач, которые решают патриоты. Они понимают, для спасения Родины необходимо прежде всего восстановить сознание людей. Ибо пока в стране потребляется алкоголь, нравственность нации находится в угнетенном состоянии, люди инертны, безынициативны, не способны на разумные действия.

По той же самой причине для всех, кто хотел бы вытравить из нашего сознания сыновние чувства к Родине, трезвость стала самым большим препятствием к осуществлению черных замыслов. И они стали принимать все меры, чтобы ослабить, а то и приостановить трезвенническое движение. Яркий пример тому — деятельность центрального аппарата Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость. О том, каким образом его работники, живущие на народные деньги, стремятся «к победе» над зеленым змием, говорится в письме к общественности страны, которое, кроме меня, подписал известный русский писатель Василий Белов.

«Как известно, — пишем мы, — члены нынешнего Центрального Совета Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость не избирались, а были кооптированы в Совет без учета их отношения к алкогольной проблеме. В процессе работы Совета выяснилось, что многие из них в прошлом, а часть и поныне, одобрительно относятся к культурнопитейству. Таких членов Совета народная трезвость мало интересует. (Об этом в какой-то мере говорит такой, например, факт. На одном из установочных собраний руководящего состава общества был поставлен программный доклад одного из нас о состоянии этой проблемы в стране. Обычно подобный доклад вызывает множество вопросов и оживленный обмен мнениями. Здесь же вопросов никто не задавал и никто ничего не обсуждал. Все спешили перейти ко второму вопросу — о распределении персональных машин. Если на первый вопрос затратили 40 минут, то на второй свыше трах часов.) Неудивительно поэтому, что на последнем пленуме ВДОБТ ни один из членов Центрального Совета не поддержал наших взглядов на задачи общества, где борьба за полное отрезвление народа в ближайшие годы, за высшую культуру, борьба за жизнь без алкоголя должна быть главной и бескомпромиссной.

...Мы не могли согласиться с подобными установками. Нам предстоял выбор: или начать борьбу внутри правления за действенную программу, что при данном составе Совета совершенно бесперспективно, или покинуть его. Мы избрали последнее и выходим из Центрального Совета ВДОБТ».

Иначе мы поступить не могли. Не быть же заодно с теми, кто, как мы убедились, считает, что человек должен пить и не думать ни о чем. За него, мол, пусть думают и творят другие. А то еще продерет затуманенные сивухой глаза, осмотрится, увидит мрачную картину, да чего доброго «разогнет свою могучую спину», поднимет «дубину»...

Спасение для врагов перестройки сейчас в том, чтобы народ начал пить, как прежде. И вот уже года полтора, как началось новое наступление на трезвость. В печати замелькали подписи Левиных, Заиграева, Евтушенко, которые начали кампанию за увеличение продажи спиртного. Они добились-таки постановления об увеличении продажи зелья.

Алкомафия решила: скоро все вернется «на круги своя». Да только вот захочет ли человек вернуться к прежнему состоянию?

●

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир Бондаренко в 1979 году закончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работал в газете «Литературная Россия», журнале «Октябрь», альманахе «Современная драматургия». В настоящее время заведует литературной частью МХАТа СССР имени А. М. Горького — сцена по улице Москвина. Он участник IV совещания молодых писателей Москвы и VI Всесоюзного совещания молодых писателей.

В. Бондаренко — активный участник литературного процесса. Он — один из тех, кто открыл читателям поколение «сорокалетних» прозаиков: В. Личутина, В. Крупина, А. Кима. Его статьи, посвященные острым проблемам литературы и театра, вызывают горячую полемику.

Владимир БОНДАРЕНКО

НАЗАД ПУТИ НЕТ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ДНЕВНИКА

Говорят, народ уже смеется над писателями, устроившими грандиозную перепалку друг с другом.

На самом деле, чего не поделили? Конечно, когда перепалка идет на уровне выяснения, сколько раз В. Коротич хвалил Брежнева или же сколько книг вышло за десятилетия у Ю. Бондарева, жалко той бумаги, которая тратится на подобные частности.

Вся беда в том, что сегодня на дворе время полугласности и никто почти не говорит об истинных причинах нынешнего общественного противостояния.

Неужели борьба идет между сталинистами и антисталинистами? Не побоюсь сказать, что такие ложные представления, которые нам навязывают органы массовой информации, кому-то на руку. Кто-то желает, чтобы годы и годы мы перемалывали косточки мнимым и действительным сталинистам.

Да, нам необходима вся горькая правда о том времени. Мы должны знать все — от семнадцатого до пятьдесят шестого года. Все трагедии, все драмы. Но дальше что — стоп? А кто и когда скажет правду о новых драмах — драмах перестройки? Кто расскажет об идеологах эпохи застоя? Кто проследит весь трагический путь уничтожения русской деревни, без всяких оттепелей и улучшений?

Где они — нынешние сталинисты, от шестидесяти пяти до восьмидесяти лет по возрасту? Где они — Шеховцевы — ныне пребывают? В абсолютном большинстве — на пенсии, в отставке. Страшны ли ныне дряхлеющие Хваты? Думаю, не очень.

Может быть, борьба идет между левыми и правыми? Еще одно ложное представление. Наши «левые» — горой за безработицу, радуются первым венгерским безработным, призывают с трибун к отечественной безработице. Как бы их назвали в Западной Европе — поборников безработицы, — очевидно, крайне правыми?

Не левые ли как-то заодно с чиновниками до постыдного одинаково мыслят, рекомендуя правительству ограничивать демократию для народа, оберегая народ от излишней самостоятельности и активности?..

Вот мы и выходим на главное — на отношение к народу. Так ли все хорошо в предлагаемых нашей элитой экономических, культурных и научных программах?

Скажу честно, мне не нравится лозунг наших «плюралистов» — *иного пути нет,* — под этими словами подразумевается, что путь, предложенный группой экономистов, политиков, историков, — единственно возможный в перестройке. Я бы заменил этот лозунг другим — *назад пути нет.* Назад — к застою, к волюнтаризму Хрущева, к ГУЛАГу, к красному террору во всех видах. А каким путем идти перестройке — тут у Ленина можно поучиться главному — не бояться признавать ошибки, не бояться от столь любимого им поначалу военного коммунизма отказаться.

Иного пути нет — это значит опять мы во власти какой-то единственной модели общества. Иного пути нет — говорят сторонники элитарной демократии, элитарной гласности.

Власть элиты или власть народа — вот настоящий водораздел между разными идеологическими группами. И потому считаю абсурдным еще один навязываемый ныне термин — *революция сверху.* Творцы и сторонники этого термина хотят, чтобы так продолжалось и дальше — революция лишь сверху, при ограниченном участии отобранной активной части народа. Иными словами — нам навязывают олигархическую перестройку.

В свое время Наполеон тоже навязывал сверху свободу народам Испании и России, вводил массу прогрессивных законов и предлагал более прогрессивные пути развития. Очень удивлялся, что «темные» народы бунтуют против навязываемых им свобод. Любая аналогия относительна, но в программной статье Н. Эйдельмана в «Огоньке» мы читаем: «У нас есть идеализация масс... Даже Герцен, великий демократ, даже он говорил, что есть ситуации, когда власть лучше общества. Может быть, в каком-то смысле можно говорить об этом и сегодня. Во время револю-

ции сверху широкие круги зачастую более консервативны, чем верхи... Да... Внизу, происходит переход от пассивно управляемых масс к активно управляемым массам... Управляемая, активная масса... Открытие Горбачева. Оно состоит в том, что возможна направленная активизация масс... Это активизация масс, объединенных идеей собственного благосостояния».

Что может быть откровеннее: ставка не на народ, а на активных людей, объединенных идеей собственного благосостояния. И приписывается это открытие Горбачеву. И все смолчали, не отреагировали... Но кто они — активная часть масс, противопоставляемая народу? «Интеллигенция — часть массы, это ее активная часть». Под интеллигенцией подразумевается космополитическая элита.

Вот программное выступление представителей элитарной демократии. Вот что разъединяет нашу литературу, нашу культуру, наше общество...

По мнению этих сил, и в культе личности прежде всего виноват сам народ. Сожалея о партийной элите двадцатых годов, вырезанной в конце тридцатых, еще один публицист «Огонька» пишет о главной вине... «простых людей. Население, народ, не сумевший оказать сопротивление произволу и — будем смотреть правде в глаза — поддерживавший репрессивный аппарат, утвердивший культ личности, зачастую слишком уж легко веривший, что доносы нравственны, благи и необходимы...».

Один говорит о боязни сегодня «скрытой энергии масс», то есть народа. Другой — об утверждении этим народом культа личности... Во всем, мол, виноват народ. Потому доверимся, друзья, прорабам перестройки, они поведут нас единственно возможным, иным путем.

А может быть, скажем, что народу необходим собственный выбор. И выслушаем, наконец, сам народ?

Нам всем пора приближаться к истине. С разных сторон, с разных точек зрения, но стремиться понять суть любого явления, отказываясь от монополии на справедливость, на свое понимание перестройки, на свое понимание гласности.

После Октября семнадцатого года полную демократизацию общества отложили временно, ибо сначала надо было избавиться от всевозможных эксплуататоров. Наряду с двумя миллионами эксплуататоров куда-то подевались в период гражданской войны многие миллионы неэксплуататоров. Сама система заложников и первых советских концлагерей (да, бытовал такой термин еще в двадцатые годы) не способствовала развитию демократического сознания на многие десятилетия вперед.

Вот и сегодня нам объясняют, что для полной демократии обществу необходимо избавиться от «врагов перестройки» — от сталинистов, лысенковцев, союзников Нины Андреевой, членов общества «Память», националистов и так далее. Пишет секретарь ЦК Компартии Литвы Л. Шепетис, что «между проявлением национального самосознания и проявлением национализма существует очень тонкая грань, которую легко нарушить. Но нарушают не только те, кто порой начинают хорошо и правильно с проблем возрождения и сохранения своей национальной культуры, но и те, кто наблюдает за подвижниками со стороны, кто их оценивает. Поэтому и люди, работающие в Москве, тоже должны осторожно подходить к анализу тех или иных процессов... точно

различать — где национализм, а где — нечто иное» («Советская культура» от 1 сентября 1988 г.).

Да у всех ли хватает осторожности? На страницах печати публикуют «допрос с пристрастием» мужа Нины Андреевой в кабинете парткома, выясняют, осуждает ли он статью своей жены. Еженедельник «Огонек» возмущается, но чем? — К сожалению, тем, что такой допрос учинили лишь после публикации редакционной статьи в газете «Правда». Давайте спросим у бабушки Нины Андреевой, у двоюродной племянницы, а потом у близких и дальних знакомых. «Сын за отца не отвечает», — изрекли некогда лозунг, чтобы на деле позабыть о нем. Не рецидив ли это сталинизма и как быть с демократией?

Прочтем статью профессионального журналиста Л. Овруцкого «До и после овации» («Огонек», 1988, № 36). Развивая авиаметафору Г. Бакланова о том, что делать летчику, если во время полета кто-то выпал, журналист предлагает свой вариант: «Кое-кому надобно выпадать. Для продолжения полета...»

Вам ясно, дорогие читатели, что во время обострения борьбы за демократию наши демократы предлагают кое-кому «выпасть для продолжения полета». Для продолжения перестройки. Со всеми нами перестройка, по мнению Овруцкого, не получится. Сколько-то тысяч, а может, миллионов (не уточняется) придется во имя перестройки отсеять. Как? Тоже пока неясно. Видимо, Овруцким и «Огоньком» рецепты разрабатываются.

Тем временем, пока мы не доросли до демократии, до собственного права на постижение истины, нам со страниц массовых изданий предлагают готовые ответы на все вопросы об истине. Приглядимся внимательнее к ним.

СТРИЖКА ПОД ГЛАСНОСТЬ

Верит ли читатель, что сегодня ему сообщают полную информацию о настоящем, прошлом и будущем? Заинтересованы ли сами публикаторы и издатели наконец-то в неподстриженной информации? Или видоизменился только фасон стрижки, даже появилось несколько фасонов: более легкомысленный, простоватый, элегантно-европеизированный. А сама информация все так же ограничена во времени и в пространстве.

Будет ли кто-нибудь отвечать за культурную политику времен застоя? Если ее идеологи и сегодня командуют идеологией перестройки. Как пишет в «Огоньке» В. Полещук: «Или они рассчитывают на беспамятство наше?»

Вспомним принципиально важные слова опытного редактора Гослитиздата А. В. Старостина на секретариате Союза писателей СССР, посвященном роману Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»: «Я получил в руки совершеннейшее произведение искусства. Вы же сделали из него повод для травли. Борис Леонидович не склонен был держаться за политически резкие высказывания в романе. Он готов был принять редактуру — чтобы роман появился в нашей стране. Но вот этого-то и не позволили сделать тогдашние руководители Союза писателей, **несмотри даже на явное поощрение** отдела культуры ЦК партии» (выделено мною. — *В. Б.*).

Выделил встречающиеся не раз в воспоминаниях критикуемых

в тот период писателей слова: даже когда не было никакого противодействия партийного аппарата, руководители СП СССР часто сами проявляли инициативу. О многократных попытках пойти на возможный компромисс с Союзом писателей во имя публикации на родине своих произведений пишет в книге «Бодался теленок с дубом» А. И. Солженицын.

Восхваляли одних — от Хрущева до Брежнева, от Рашидова до средних работников отделов культуры ЦК партии, дружно вступавших в ряды Союза писателей, порицали других, неугодных, от А. Яшина до Б. Пастернака. Вспоминает ли нынешний главный редактор «Советской культуры» А. Беляев, делящий с В. Коротичем лавры «принципиальных поборников демократии», как на секретариате российского Союза писателей беспощадно громил повесть В. Крупина «Сороковой день»? Опять расчет на «беспамятство наше»?! *

Еще один пример подобного «беспамятства». В ответ на мою статью «Очерки литературных нравов» прислал письмо в редакцию журнала секретарь правления Союза писателей СССР Ю. Суровцев. Известный критик и литературный идеолог уверяет всерьез, что никогда не занимался пропагандой творчества Шарафа Рашидова. Я решил, что, может быть, Юрий Иванович, занимаясь перестройкой, забыл, о чем писал в годы застоя?

В десятках, если не сотнях статей, обзоров, докладов, сообщений Ю. Суровцева неизменно упоминается этот крепнущий гений. Список этих статей я мог бы прислать критику, если он не ведет свою библиографию. Есть и статья, посвященная исключительно Шарафу Рашидову. Опубликована она в газете «Известия».

Критик пишет о том, как требовательный художник перерабатывал свою раннюю повесть «Победители» в роман: «Усложнением и углублением художественного изображения отмечены нынешние «Победители»... Ну а что объединяет все повествование? Я ответил бы так: художественная мысль о непоборимой силе и непреходящей ценности народной инициативы... Шарафа Рашидова я отнес бы к писателям откровенно эмоционального типа. Обилие света, звонкой эмоциональности в стилистике!.. Эта атмосфера соответственна добру и свету, царящим в душе людей, которых автор крепко — и по праву! — любит... (Как наслышаны мы уже о рашидовской любви к людям... в застенках. — *В. Б.*)... Шараф Рашидов — писатель, умеющий увидеть трудовые, народные корни этого оптимизма, умеющий показать естественность добра в нашей жизни, закономерность его победы».

...Хватит ли, Юрий Иванович?

Ю. И. Суровцев ныне публично утверждает: «Я лично никогда не хвалил его книги в печати, разве что упоминал его в общем ряду в устных выступлениях. Однако я считаю, что творчество Рашидова не надо сбрасывать со счетов, исключать его имя из будущих учебников узбекской советской литературы» (Каково? — *В. Б.*).

Все эти годы до сего времени руководили и руководят национальной политикой в Союзе писателей два человека — главный редактор «Дружбы народов» Сергей Баруздин и секретарь СП СССР по литературам народов СССР Юрий Суровцев. Конечно, они меняются в ногу со временем. Вряд ли Сергей Баруздин сегодня гордится своими переводами того же Шарафа Рашидова, но, переводя его творения, знал им цену, знал, что «угождает». Так ли нужен нам сегодня опыт подобных «угождателей»?

Не будем даже их особенно винить. Они понимали так задачу литературы — служить вышестоящему начальству. А за верную службу они и отличий требовали. Сегодня они так же готовы верно служить! Готовы утверждать новую истину, отрекаясь от старой, но нужны ли нам и сегодня службисты от литературы?

Мне кажется, лидеры культурной политики сталинского времени в большинстве своем отличаются от лидеров брежневского периода искренней верой в то, что «иначе было нельзя». Они еще были не только службисты от литературы, но и на самом деле идеологи. И все же выводить их из-под огня ответственности, как происходит сегодня, вредно для нашего же будущего. Если не А. Фадеев, К. Симонов, И. Эренбург, А. Корнейчук, С. Эйзенштейн и другие, то кто определял культурную политику страны? Все они кого-то конкретно выручали, спасали, кому-то помогали. Что-то у них самих запрещалось, сокращалось. И все же, при уважении к таланту многих из них, мы должны сегодня понять долю их ответственности в утверждении сталинизма.

Сегодня в нашей стране нет идейных противников перестройки, практически всем ясно, что общество необходимо перестраивать. Сталинские портреты в шоферских кабинах тоже были предчувствием перестройки. У брежневского времени нет своей идеологии, ибо какая же идеология может быть у любителя сытно поесть, попить, погулять. Противники перестройки существуют на индивидуальном уровне — на уровне своего живота, если хотите, на уровне своего кресла.

Статья Нины Андреевой не менее перестроечна, чем редакционная статья газеты «Правда». Или хоть кто-нибудь поверит, что такая статья появилась бы в самые застойные годы? Цензура бы не пропустила. Значит, разговор идет о том, что представления Н. Андреевой о перестройке отличаются от представлений большинства членов нашего общества. Стоит уточнить: надо ли меньшинству давать право высказаться? Или мы все за единую, самую демократическую точку зрения, других не надо. Самое ужасное то, что мы по-прежнему говорим неправду, чем компрометируем себя в глазах всей мировой общественности. Как это привычно: если мы начинаем печатать, значит, этого автора необходимо «облагородить». Сергей Есенин запросто у нас становился последовательным беспартийным коммунистом. Эрнест Хемингуэй заклятым врагом всех империалистов... Мы никак не можем поверить, что можно печатать талантливого автора, даже нужно, необходимо, при этом не скрывая истинного его мировоззрения.

Не изменилось ничего и сегодня. Очень быстро мы оправдали во всем поэта Николая Гумилева (давно любимого мной), а нуждался ли он в оправданиях? Значит, если он на самом деле участвовал бы в каком-то белогвардейском заговоре, то и сегодня его печатать не надо?!! Замечу, что ответственность за его расстрел лежит не на Берии, не на Сталине, а на Зиновьеве. К мемориалу жертвам сталинизма его никак не припишешь. Продол-

* А ведь этот беляевский «погром» в конечном итоге едва ли не стоил тогда жизни блестящему критику, ныне упорно замалчиваемому в отличие от М. Щеглова или В. Сappака, талантливейшему литературоведу Ю. Селезневу. Вспоминается ли он нынешнему «лидеру гласности и демократии»?

жается обильная лакировка публикуемых ныне уехавших на Запад литераторов.

Газета «Книжное обозрение» печатает нобелевскую лекцию Иосифа Бродского. Что ж, в ней много интересных мыслей, но из текста лекции исключается одна, существенная: уравнение Ленина и Гитлера в ряду тиранов человечества. Позвольте, эту мысль Иосиф Бродский не под кроватью шепотом произносил, он не скрывает ее, он утверждает ее всему миру. А руководители газеты «Книжное обозрение» советскому читателю эту мысль не обнародуют. Видимо, на всякий случай. И Бродский с иронией смотрит, как из него делают «несчастную жертву брежневизма». Он выходит из Американской академии в знак протеста из-за того, что туда приняли Е. Евтушенко, он с издевкой отзывается об «иссык-кульской» точке зрения Ч. Айтматова, отказывается от собственной «новомировской» публикации. Так давайте не скрывать его искренние мнения и его поступки от читателей его стихов.

Другой пример. В журнале «Октябрь» опубликована неплохая подборка стихов Наума Коржавина:

Не странно ль? Сбежав за границу,
Держась за последний причал,
Я рад, что мне вышло родиться
В стране, из которой сбежал.
Но все — и причастие к небу,
И к правде пристрастье мое
(За что и гоним был нелепо,
И изгнан) — во мне от нее.

. . . .

Я пью за свою Россию,
С простыми людьми я пью.
Они ничего не знают
Про страшную жизнь мою.
Про то, что рожден на гибель
Каждый мой лучший стих...
Они ничего не знают,
А эти стихи для них.

Вот и рассказать бы в предисловии об истинных противоречиях между поэтом и обществом, о неприятии поэтом существующего строя. А что мы читаем во вступительном слове Б. Сарнова? «Нелепо и чудовищно, что человек, который всю сознательную жизнь так ощущал себя и свое место в мире... не мыслящий себя и свою жизнь вне России, вне ее культуры и ее исторической судьбы, вынужден теперь жить вдали от родины».

По предлагаемой Б. Сарновым версии, поэт не мыслит себя вне «исторической судьбы» России, но историческая судьба России — в социализме. Что же делать нам, читавшим «Открытый ответ Науму Коржавину» немецкого писателя Генриха Белля? Н. Коржавин не верит ни в какую возможность «демократического социализма», все негативное в жизни Советского Союза он считает непреложным законом социализма. По его мнению, даже «стабильные диктатуры», наподобие чилийской, человечнее, чем советский строй. Генрих Белль был решительно с ним не согласен, в своем ответе Науму Коржавину он писал, что пороки советской системы именно в недостаточности социализма, в отклонениях от его подлинной сути, он отказывался «вперить взгляд только в Советский Союз, только в нем видеть опасность для всего мира».

Да, мы прошли через сталинизм, застой, но единственная ли причина отъезда — ущемление творческой свободы художника? Будто не громили беспощадно Федора Абрамова, будто всегда шли навстречу Василию Шукшину. Не о какой-то там вине уехавших речь идет, а о созревшем их внутреннем импульсе, а то и о сознательном неприятии всей общественной системы. Не будем считать это предательством, как твердили раньше, но не будем объявлять это подвигом, как иные литераторы стараются внушить нам ныне. Никуда не делась ни большая политика западных стран, ни мелкое политиканство обслуживающих большую политику коммерсантов культуры. «Юманите» от 23 октября 1987 года писала: «Члены Нобелевского комитета — люди, искушенные в политике... Можно было ожидать, что они поддержат новые процессы, идущие в Советском Союзе. Среди вероятных кандидатов на премию одно время называли Чингиза Айтматова, в творчестве которого эти изменения получили яркое отражение. Однако выбор академиков пал на Иосифа Бродского. Это, несомненно, поэт значительный, но, присуждая ему премию, Нобелевский комитет прежде всего хотел напомнить миру о тех советских писателях, которые в недавнем прошлом рассорились с советскими властями...»

Не случайно, кроме М. Шолохова, все остальные наши лауреаты в момент присуждения им Нобелевской премии были в определенной оппозиции к режиму или режим к ним. Когда присудили Иосифу Бродскому Нобелевскую премию, я находился в Мексике на гастролях Малого театра. В крупнейшей латиноамериканской газете «Эксельсиор» опубликовал статью, вышедшую под аршинным заголовком «В России есть поэты лучше, чем Бродский». Не отрицая таланта поэта, я указывал на политический оттенок присуждения премии. Вернувшись в Москву, пробовал опубликовать эту статью в наших газетах, не получилось. Какая-то не та у нас и поныне гласность.

Настаивая на публикации своего ответа в эстонской газете «Молодежь Эстонии», с очевидностью явной оболгавшей меня, пришлось указать на то, что иначе свой ответ я отправлю в скандинавские газеты, охотно соглашавшиеся его поместить. Западная пресса уже вовсю интервьюирует Бориса Ельцина, Нину Андрееву. Никто не прикрикивает на интервьюеров, как прикрикнули на «Советскую Россию» за публикацию статьи Андреевой, никто не обзывает их сталинистами. Они хотят знать мнения разных сторон, чтобы приблизиться к истине, мы сегодня удаляемся от нее.

Живет нынче в США талантливый художник Михаил Шемякин. Мне пришлось встречаться с ним в Ленинграде лет двадцать назад, и тогда мне нравилась экспрессивность его рисунков, иронический взгляд на мир, без злобы и неприятия. Прошли годы, остались позади не только Ленинград, но и Париж. Михаил Шемякин прошел труднейший путь признания на Западе, он долгое время сознательно выстраивал себе определенный

«имидж». Его давний друг Владимир Высоцкий писал ему: «Мне бы надо занять немного твоей «маниакальности» и дотошности, я даже завидую, как ты последователен. «Если я чего решил — выпью обязательно» — это у меня песня такая есть. Так вот ты, если чего решил — выполнишь. Я уверен». В большой статье о Шемякине в газете «Правда», помещенной в том же номере, что и статья В. Распутина о патриотизме, мы читаем о его нелегкой ленинградской судьбе, о злоключениях в «психушке», куда он был помещен помимо воли. Говорилось и о его зарубежных успехах, о желании помочь раненым «афганцам».

Вырисовывался такой казенно-слащавый лик жертвы, с тоской и робкой надеждой взирающей в сторону СССР. В жизни, рассказываемой самим Шемякиным, все сложнее и неоднозначнее. В шемякинских шаржах упоминаются наше «покушение на Папу», международный терроризм, «захват Афганистана», уничтожение южнокорейского самолета. «Ерунда! Плюнем на это дело! Западные либералы опять что-нибудь придумают в наше оправдание! Запад и не такое от нас съедал», — говорит у него на плакате советский офицер. Читатель подумает, что я сообщаю что-то секретное, но это распечатывается во всех альбомах. Это давно стало событием культурной жизни Запада — обвинение нашими отъехавшими соотечественниками либеральной западной интеллигенции, от Г. Белля до Ф. Миттерана, в попустительстве «советскому авторитарному режиму». В этих обвинениях едины почти все, но должны и мы знать об этом.

Нельзя подсчитать, сколько мы потеряли даже экономически из-за нашего знаменитого классового подхода ко всем людям земли (вспомним Суровцева или Оскоцкого с их классовой дубинкой). Насколько оказались умнее нас китайцы, даже в период культурной революции не отмежевывавшиеся от своих соплеменников за границей. Всему миру известно, все китайские колонии во всех странах — мощный проводник китайской политики. Миллиардеры и миллионеры по возможности никогда не забывали оказать поддержку, дать рекомендации своей метрополии.

Все русские колонии во всем мире до самого недавнего времени рассматривались нами как враждебные центры. Сколько российских интеллигентов, аристократов, дворян, купцов, инженеров, деятелей культуры, не принимая наш строй, охотно бы, по зову крови, из-за неистребимой тяги к земле отцов давали бы нам рекомендации и советы, создавали бы совместные предприятия, основывали бы фонды, музеи! Как тяжело, почти невозможно было передать в дар нашей стране коллекции картин и богатейшие библиотеки, архивы и целые здания. И в этой преданности своей былой земле, преданности не политической, не социальной, не экономической, а именно почвеннической, едины все, в ком силен голос родной земли, почвы.

Совсем не надо изображать из них политически лояльных советскому строю граждан. Ибо это и есть та изначальная ложь о вынужденных уехать жертвах застоя. За редким исключением, деятели культуры во времена застоя не высылались. Уезжали те, кто перестал быть политически лояльным нашему обществу в целом. Они могли быть угнетаемы, а могли быть вполне благополучными. Не печатали В. Дудинцева, охотно печатали А. Гладилина и А. Кузнецова. Не уехал мученик ГУЛАГа, прекрасный

русский писатель Варлам Шаламов, зато уехал преуспевающий музыкант Максим Шостакович. Приближаясь к истине, давайте оставим творимую ныне легенду о вынужденных поневоле покинуть страну художниках.

В рассказах о них давайте приближаться к правде.

То, что звучит вслух, громко, в печати по всему миру, также должно звучать и у нас. И сегодня мы выдаем информацию о Чернобыле на Запад более подробную, чем в самом Киеве. Очевидно, для жизни жителя Рио-де-Жанейро это более необходимо, чем для киевлянина? То же часто происходит в спорте, в культуре. По сей день секретом является, как проходят гастроли того или иного театра за рубежом. У нас все уезжающие за рубеж «имеют блестящий успех». В той же Мексике я прочел в газете, что тбилисский театр имени Шота Руставели Роберта Стуруа почти не посещали, спектакли шли в полупустых залах. Не думаю, что из-за качества спектакля. Но... факт оставался фактом. Я попробовал его проанализировать в «Театральной жизни», редакция сократила статью, чтобы не обижать известного мастера.

Оспаривая книгу А. Солженицына «Бодался теленок с дубом», по заказу АПН написал и издал за рубежом антисолженицынскую статью критик В. Лакшин, выходили в АПН воспоминания первой жены А. Солженицына, для нас это пока покрыто мраком тайны.

Выступления Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Окуджавы, М. Шатрова, Ю. Семенова, А. Михалкова-Кончаловского в западной печати резко отличаются от того образа, который они создают вокруг себя в нашей стране. Не в том я их упрекаю, что они говорят что-то недопустимое. В том, что часто говорили и говорят здесь одно, там — совершенно противоположное.

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Представьте, что вы сегодня читаете в центральной газете такие строчки: «...Я не встречал человека, более меня влюбленного в матушку Русь вообще и в ее великорусские части в особенности... Напрасно я пытался бы объяснить эту влюбленность теми или другими качествами русского. Качества эти, конечно, есть, но влюбленный человек любит не потому, что предмет его любви прельстил его своими добродетелями, — он любит потому, что такова его натура, потому, что он не может не любить. Вот почему меня глубоко возмущают те господа, которые готовы умирать с голоду в каком-нибудь уголку Парижа, которые с каким-то сладострастием ругают все русское и могут, не испытывая ни малейшего сожаления, прожить всю жизнь за границей на том основании, что в России удобств и комфорта меньше. Люди эти ненавистны мне: они топчут в грязи то, что для меня несказанно дорого и свято».

Не верите, что такое могла бы сегодня опубликовать хоть какая-нибудь центральная газета? И я не верю. А ведь это написал великий композитор П. И. Чайковский. Человек, боготворящий Моцарта, Бетховена, музыка которого насыщена темами украинских, итальянских, немецких народных мелодий. Упрекнуть которого в неприятии иностранной культуры никто не может.

Впрочем, упрекали. Именно за присущее ему чувство Родины критиковал его в двадцатые годы ныне усердно пропагандируемый критик А. Лежнев. Уже в 1987 году была переиздана его книга, где встречаем такие строчки: «Он (Чайковский. — *В. Б.*) — юдофоб и квасной патриот. ...У него кругозор земского начальника». Примерно такие же характеристики выданы Н. Гоголю, Ф. Тютчеву, попало даже Бетховену, «созревшему для сумасшедшего дома» за то, что финал Седьмой симфонии написал на славянские темы (Лежнев А. «О литературе», с. 414).

Сегодня я читаю, как известный драматург Виктор Розов заявляет, что он не может гордиться тем, что он — русский. Читаю, как известный белорусский писатель Алесь Адамович называет свою Родину — Белоруссию — современной Вандеей. Читаю, как переехавший из Киева Виталий Коротич презрительно отзывается обо всей современной украинской культуре.

Чувство Родины сознательно девальвируется. Долг перед Родиной отрицается с малых лет. Не говорю о воинском долге — это, по мнению некоторых наших изданий, и прежде всего «Огонька», — нечто чудовищное. Похоже, к застойным понятиям многими публицистами этих изданий отнесены все великие нравственные и гражданские правила воспитания личности. Новоявленные «освободители» с помощью средств массовой информации хотят побыстрее избавить прежде всего подрастающее поколение от «тяжелых оков совести», от «непомерного груза гражданственности», а уж такие понятия, как «государственность» и «державность», вызывают у всевозможных рассадиных и сарновых сердечные приступы и сильнейшую головную боль.

Чувство Родины диктует и уважение перед ее защитниками, преклонение перед ее славными героями. Вспомним по дворянской литературе, как в любой дворянской семье хранились реликвии времен Отечественной войны 1812 года, как гордились портретами ее участников. Возвращая ныне в литературу имена Набокова и Гумилева, Шмелева и Зайцева, вернуть бы нам и их отношение к славе предков.

Каждый раз, в период резких перемен в обществе, в период дестабилизации, появляются люди, отвергающие все прошлое. Возводящие на пьедестал почета деятелей, может быть, и талантливых, но начисто лишенных чувства Родины. Тема другой статьи, что талант подобных деятелей, как правило, весьма средний. Великие мира сего, гении искусства и науки — всегда и великие представители своего народа. Великих космополитов не бывает.

Значит, заменяя вчерашние авторитеты новыми, подобные нигилисты, как правило, снижают и уровень самой культуры.

Сегодня, увы, стало возможным сменить не одно гражданство, отнюдь не по политическим мотивам, и можно требовать смело, чтобы бывшая Родина извинилась перед тобой. Упреки бросаются не Брежневу, не бюрократам, не жуликам — всему народу, всей Родине. В «Континенте» А. Синявский (Абрам Терц) писал: «Россия-сука, ты еще ответишь за это!» И тем не менее «Огонек» и другие издания ныне взахлеб восхваляют сего Терца. Поношения своей Родины волной «третьей эмиграции» удивляют весь западный мир, только не руководителей нынешних «средств быстрого реагирования».

В предыдущей главе я говорил о политических высказываниях

ряда ныне возвращаемых в культуру бывших соотечественников. Сейчас приведу примеры открыто антирусские. Иные даже то открыли, что все нации — имена существительные, а «русский» — прилагательное. По мнению некоторых литераторов, ездивших в Копенгаген на встречу с теми, кого раньше называли «диссидентами», вышеупомянутый А. Синявский — из наиболее прогрессивных литераторов, приветствующих перестройку. Им нет дела до того, что он пишет о преобладании в нашей стране «православного фашизма», о том, что у нас скоро будет «крест над тюрьмой вместо красного флага»? Что именно этот «либерал» предложил миру страшную альтернативу: «Либо миру быть живу, либо России»? Тут западный обыватель хочет не хочет, а за программу СОИ проголосует.

За последнее время появилась целая волна в диссидентской печати антипастернаковских статей, где резко критикуется его мужественная, гражданская позиция даже в самые черные для писателя дни. Пастернак не мыслил себя вне России. Как насмешка над таким поведением звучат слова И. Бродского: «Лучше быть последним неудачником в демократии, чем мучеником или властителем дум в деспотии». Как не согласуется это с иными строчками поэта Бродского:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.

Интересно высказывание об Иосифе Бродском другого Нобелевского лауреата — А. И. Солженицына: «Бродский — очень талантливый поэт, но характерно у него следующее: лексика его замкнута городским интеллигентским употреблением, литературным и интеллигентским. Слой глубокого народного языка в его лексике отсутствует. Это облегчает его перевод на иностранные языки и облегчает ему самому быть как бы поэтом интернациональным. И естественно, что он пользуется на Западе таким большим успехом». Очень верное замечание, относящееся не к одному Бродскому, — легче переводить на все языки мира литераторов с поверхностным знанием родного языка, пишущих почти на международном сленге.

А вот спор другого поэта — А. Галича, спор с Высоцким, с его строчками — «Не надейтесь, я не уеду!». Стихотворение А. Галича озаглавлено «Русь».

Уродилась проказница,
Все громить да крушить.
Согрешивши — покаяться
И опять согрешить.
Барам в ноженьки кланяться,
Бить челом палачу.
Не хочу с тобой каяться
И грешить не хочу...
Переполнена скверною
От покрышки до дна...

Насколько я знаю, в конце жизни Галич изменил свое отношение к Родине, принял православие, стал искренне тосковать по

Москве... Но не этот его последний период ностальгии популяризируется сегодня многочисленными, шумными, агрессивными поклонниками. О покаянии Галича они и слышать не хотят...

Если где-то, в ком-то забрезжит чувство Родины, он отстраняется от фондов, комитетов, выставочных залов, дающих возможность существовать там, за рубежом. Как ни парадоксально, становится у него меньше шансов и на то, что его опубликуют здесь.

Как люто накинулась вся диссидентская печать на отказ А. Солженицына встретиться с Р. Рейганом в Белом доме. Все, кто мог, кто напросился, — помчались на эту встречу, а тот, ради кого встреча затевалась, отказался встречаться с президентом страны, разрабатывающей, по утверждению генерала Тейлора в «Вашингтон пост», идею избирательных ядерных ударов по СССР. Так и заявил в своем письме президенту — из-за подготовки ядерных ударов по его Родине встретиться с ним — не может.

Вот и посмотрим, кого уже публикуют — И. Бродского, А. Галича, В. Войновича, Е. Эткинда, Н. Коржавина, М. Шемякина и других. Кого не хотят публиковать — А. Солженицына и В. Максимова. Я не согласен со многими политическими заявлениями и того и другого. Но, как мы уже знаем, антисоциалистические позиции отличают почти всех, ныне так спешно, просто лихорадочно публикуемых.

Значит, дело не в отношении к социализму. Может быть, в отношении к Родине? Без всяких комментариев выпишу основные взгляды на наше общество и на наш народ Александра Солженицына. Отсутствие гласности и здесь мешает понять смысл его литературной деятельности.

«Весь «бесконечный прогресс» оказался безумным, напряженным, нерассчитанным рывком человечества в тупик. Жадная цивилизация «вечного прогресса» захлебнулась и находится при конце. И не «конвергенция» ждет нас с западным миром, но — полное обновление и **перестройка** (здесь и далее выделено мной. — *В. Б.*) и Запада и Востока, потому что оба в тупике».

«Гласность — честная и полная гласность — вот первое условие здоровья всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет нашей стране гласности — тот равнодушен к Отечеству, тот думает лишь о своей корысти. Кто не хочет Отечеству гласности — тот не хочет очистить его от болезней, а загнать их внутрь, чтоб они гнили там». (1969 г. — *В. Б.*).

«Явил нам XX век неистощимую силу и жизненность национальных чувств и склоняет нас глубже задуматься над загадкой: почему человечество так отчетливо квантуется нациями не в меньшей степени, чем личностями? И в этом граненьи на нации — не одно ль из лучших богатств человечества? И надо ли это стирать? И — можно ли это стереть?»

«За русскими не предполагается возможности любить свой народ, не ненавидя других. Нам, русским, запрещено заикаться не только о национальном возрождении, но даже — о «национальном самосознании», даже оно объявляется опасной гидрой». «Сегодня русский порыв к национальному самосознанию — есть оборонительный вопль тонущего народа. Не смотрите на внешние успехи государственной силы: как нация мы, русские, находимся в пучине гибели и ищем — есть ли еще за что уцепиться и выбраться».

«Губительный для существования русского народа процесс, уже идущий и рассчитанный лет на десять-пятнадцать, — процесс окончательного уничтожения изб, деревень, сгона крестьян в многоэтажные поселки индустриального типа, конца связи с землею, последнего конца национальных традиций, быта, очевидно — и народного характера, конца русского пейзажа... вообще не заметили!.. И в этот момент смертельного уничтожения русского национального существования — информаторы Запада вопят о самой большой угрозе для всего мира: русского национального сознания...»

«Эмиграция — всегда и везде слабость, отдача родной земли насильникам, — и не будем выставлять это подвигом... помочь бы нашей стране вернуть больше, чем политическую свободу, — духовное выздоровление, и влиться в него самим».

«Чем крупнее народ, тем свободней он сам над собой смеется. И русские всегда, русская литература и все мы, — свою страну высмеивали, бранили беспощадно, почитали у нас все на свете худшим, но, как и классики наши, — Россией болея, любя. А вот — открывают нам, как это делается ненавидя... вдруг отвались завтра партийная бюрократия — эти культурные силы тут же выйдут на поверхность — и не о народных нуждах, не о земле, не о вымирании мы услышим их тысячекратный рев, не об ответственности и обязанностях каждого, а о правах, правах... — и разгрохают наши останки еще в одном развале.

И в последней надежде я все это написал и взываю, и к этим, и к тем, и к открывшимся и к скрытым: господа, товарищи, очнитесь же! Россия — не просто географическое пространство, колоритный фон для вашего «самовыражения». Если вы продолжаете изъясняться на русском языке, то народу, создавшему этот язык, несите же и что-нибудь доброе, сочувственное, хоть сколько-нибудь любви и попытки понять».

И о современной деревенской прозе В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина, В. Солоухина пишет А. Солженицын: «А вот: такого уровня во внутреннем изображении крестьянства, как крестьянин чувствует окружающую свою землю, природу, свой труд; такой ненадуманной, органической образности, вырастающей из самого народного быта, такого поэтического и щедрого народного языка... — к такому уровню стремились русские классики, но не достигли никогда: ни Тургенев, ни Некрасов, ни даже Толстой. Потому что они не были крестьянами. Впервые крестьяне пишут о себе сами. И сейчас читатели могут наслаждаться тончайшими страницами у этих авторов... Может быть, и эти мои слова услышат молодые авторы, кто в будущем подвинжут нашу литературу. Я бы хотел им сказать, что не надо гнаться за поверхностной политической сатирой — это самый низший вид литературы. И дело совсем не в формальных поисках, никакого «авангардизма» не существует, это придумка пустых людей. Надо чувствовать родной язык, родную почву, родную историю — и они с избытком дадут материал...»

А вот один из коротких портретов наших популярных писателей: «Сказал я Вознесенскому когда-то: «Нет у вас русской боли». Вот нет — так и нет. Не страдает его сердце ни прошлыми

бедами России, ни нынешними... Деревянное сердце, деревянное ухо».

После этих цитат понятно, кому прежде всего мешает большой русский писатель. Очень развито у него чувство Родины. Потому-то М. Шатров, наш главный апологет Троцкого, и дает советы на страницах «Огонька» — «с его пером надо сражаться пером». (Хотелось бы еще услышать отношение М. Шатрова к антиленинским высказываниям И. Бродского и В. Аксенова, но тут он молчит.) И В. Коротич на страницах херсонской газеты заявил, что Солженицын «главный русский шовинист».

Словом, как ни защищай интересы других народов, но, если вздумаешь и свой защитить — мгновенно станешь шовинистом. Оголтелые перестройщики тебя и прихлопнут в назидание другим.

Думаю, еще одна причина осторожного подхода некоторых к возвращению прозы Солженицына заключается в том, что все уверены: как ни печатай И. Бродского или В. Аксенова у нас в стране — никогда они не вернутся. Приезжать будут — и с удовольствием, свысока посматривая на оставшихся недотеп. Другое дело — Солженицын. Он вернется, как только ему будет предоставлена возможность. Ибо он и не уезжал.

«А насчет моего возвращения... Конечно, никто не знает часа своей смерти, и мы не можем рассчитывать даже на год вперед никогда, ни один человек. Но если мне суждено какое-то время еще пожить, у меня — да, вопреки логическим выводам, вопреки тому реальному ужасному положению в Советском Союзе и в мире (на 1 ноября 1984 г. — *В. Б.*), какое есть сегодня, у меня какая-то убежденность, что я еще вернусь туда, не только книги мои вернутся, а я живым туда вернусь. Почему-то мне кажется, что я умру у себя на родине».

И рефреном по всей его публицистике: **«Да освобождение России не может прийти никак иначе, как изнутри».**

Как пишет С. Аверинцев в «Новом мире», 1988, № 9), «наша опасность заключена в вековой привычке перекладывать бремя власти на другого, отступаться от него, уходить в ложную невинность безответственности». От нас самих сегодня зависит, сумеем мы сохранить чувство Родины у нашего народа, у пестрой, разношерстной молодежи или же отдадимся «ложной невинности безответственности» и будем наблюдать, как вырабатываются новые стереотипы отношения к Родине.

О «РАЗНЫХ, НАТРУЖЕННЫХ И ПРАЗДНЫХ»

Уже немало сказано о людях «перестроечного типа», о службистах, меняющихся вместе с генеральной линией, позавчера восхваляющих Сталина, вчера Хрущева и Брежнева, сегодня Горбачева и перестройку. Этот тип, увы, господствующий во все времена. Ясен нам и тип идейных борцов, людей, имеющих свою твердую позицию, таких разных, как В. Кочетов или А. Твардовский. С принципиальными людьми государственные чиновники не любят иметь дело, их стараются всегда держать от себя подальше. Как мы видим, и сегодня легче — **прислуживать.**

Увы, среди наших чиновников растет сегодня комплекс капитуляции перед разрушителями. Ради того, чтобы остаться при

своих креслах, при своих привилегиях, многие из них охотно стали поддерживать самые разрушительные силы в нашем обществе, лебезить перед новым «Огоньком», так же как лебезили перед старым, софроновским, распахивать настежь двери перед представителями нигилистических взглядов на общество и государство и закрывать эти двери перед принципиальными государственниками.

По всем видеоклубам страны (встречал даже в якутском видеокооперативе минувшим летом), поддерживавшимися нашими либеральными изданиями, крутили известный боевик «Коммандо»; когда исполнитель главной роли Шварценеггер прибыл в Москву, многие газеты с умилением писали о новом крупном шаге в развитии советско-американских культурных связей. И критики «Коммандо» со стороны нашей интеллектуальной элиты в печати я не встречал, хотя это настоящий рекламный ролик о спецвойсках США.

Представляю, как зашумели бы дружно все кинокритики, если бы подобный боевик о суперменах из наших войск специального назначения вышел на «Мосфильме». Тут бы Алесь Адамович и Юрий Карякин сказали свое веское слово, выразили бы протест.

Вспоминаю случай на пленуме Союза театральных деятелей. Выступает директор Театра имени Ленинского комсомола Марк Захаров, излагает свои взгляды на развитие театрального искусства. Зал ему дружно аплодирует. Зал привычно аплодирует острым, критикующим начальство выражениям, не думая о содержании сказанного.

А тем временем говорит Марк Захаров о необходимости и даже неизбежности актерской безработицы, о возвращении к системе антрепренерства, при этом критикует Министерство культуры, областное начальство. По-своему он прав. Он предлагает то, что реально хочет ввести в жизнь. Если это удастся, то добрая половина рьяно аплодирующих ему стареющих актрис из провинции окажутся безработными. Будущие безработные аплодируют своему будущему краху. Или они не слышат то, что произносится? Аплодируют яркости, талантливости самого выступления?

После Марка Захарова выступала увлеченная его словами актриса из областного театра: вот уж где смешение «французского с нижегородским». Поддержав все идеи Захарова, она перешла к требованию об увеличении государственных дотаций. Не задумываясь о несоединимости одного с другим. Она требовала полного прекращения вмешательства областных властей в жизнь театра и при этом настаивала на увеличении денежных дотаций и театру, и актерам от тех же самых властей.

Возвращусь к американской практике. В США выделяются большие средства на развитие культуры. С другой стороны, в рамках американской демократии существует целая сеть левых, крайне левых, коммунистических, троцкистских, анархистских киностудий, театральных трупп, издательств. Они имеют право существовать, демонстрировать, издаваться, но государство, городские власти имеют право не оказывать им материальной поддержки. До чего хочется иным нашим деятелям культуры быть в оппозиции к государству и щедро кормиться от него. За годы

брежневского застоя выработался определенный тип «придворных диссидентов», умело сочетающих свое «камер-юнкерство» и свой «декабризм».

Лев Аннинский в одной из статей назвал меня «антишестидесятником». Думаю, он не прав. Помню шестидесятые годы, помню молодой театр «Современник», помню максималистские программы в «Юности» катаевской. Видел, как последовательно, втихую предавались бывшими лидерами идеалы шестидесятых, как рос на них груз орденов и Государственных премий, брежневских объятий и пьяных застолий с «золотой молодежью» на дачах деятелей ЦК. В статье о Щелокове в «Литературной газете» во всем смел был А. Ваксберг, но только дружков сына Щелокова, популярнейших поэтов, ныне ходящих в прорабах перестройки, он так и не назвал по имени. Потому и раздражало меня это сидение на двух стульях, что подростком я чуть ли не молился на этих людей, зачитывался их книгами, наслаждался их спектаклями и, кстати, никогда в печати не отрекался от этого. Спокойно отношусь к службистам от искусства, анализирую программы самых экстремистских направлений из уехавших на Запад. И не по-хорошему, субъективистски злюсь при виде этих «разных, натруженных и праздных», умудрявшихся в брежневские годы одновременно публиковаться в «Правде» и в диссидентских изданиях. Спустя двадцать лет изображения благополучного фасада в качестве «официальных левых», под грузом лауреатства, секретарства и сытой элитарности, они, омытые душем перестройки, надели белые манишки, белые рубашки, белые костюмы и этакие очищенные стали изображать из себя тех же чистых, яростных, наивных двадцатилетних зачинщиков искусства «оттепели». Но куда деть пустые глаза, пустые души, выгоревшие сердца?

* * *

Разве сегодняшний опытный, циничный театральный политик Олег Ефремов равен тому Ефремову, который сумел сплотить вокруг себя молодых, безнадежно нищих и безнадежно преданных театру актеров, создав целое театральное явление — «Современник»?

Тот, ранний, Ефремов сегодня бы, по моему мнению, взбунтовавшись против надоевших норм и инструкций, против всего академизма и громоздкой машины театрального руководства, отобрал бы группу верных ему единомышленников и ушел бы, организуя первый после перестройки Независимый общественный демократический театр. Этому — нужны все привилегии руководителя МХАТа, все привилегии советского «императорского» театра: от отпусков до повышенных ставок, нужна огромнейшая, миллионная дотация; и при всем том изображение давно забытой независимости и бескорыстного энтузиазма, изображение чистой любви к театру и актеру.

Так вот, я не против О. Ефремова-шестидесятника, я не согласен во многом с О. Ефремовым последнего десятилетия, когда, как нимб, с утра до вечера висел над ним в кабинете портрет обнимающего его Леонида Ильича Брежнева, лично почтившего

своим присутствием спектакль по пьесе М. Шатрова «Так победим!». Вешал ли над собой в кабинете молодого «Современника» Олег Ефремов фотографию Хрущева? Сомневаюсь.

* * *

Я жалею, что в свое время, когда с трибуны писательского съезда Евгений Евтушенко откровенно просил дать ему литературный журнал, ему в этом отказали. Шестидесятые годы для многих так и остались «эпохой» Евтушенко. Даже сейчас, публикуя подборки стихов разных лет этого поэта, журналы не понимают, что наносят по нему удар. Может быть, возрос уровень мастеровитости, но катастрофически упал уровень нравственности, особенно искренности. Он давно живет наружным светом, вбирая в себя внешние импульсы жизни, крайне редко встречаются в последние годы у поэта прочувствованные сердцем строчки. Жалеет ли он о скоропалительных погонях «за бегущим днем»? Как сейчас он относится к проблемам Братской ГЭС, к научно-технической революции, к «мирному атому» — согласно нынешней моде отрицательно? Жалеет ли он сам себя? Очевидно.

Честное слово, я люблю стихи раннего Евтушенко, периода шестидесятых, и многое не понимаю в его нынешней поэзии, повидавшей восемьдесят с лишним стран мира. Может быть, это чересчур много для одного поэта?

Вынужден сказать, что в анализируемое мною понятие время от времени входили Владимир Высоцкий и Юрий Любимов.

В трудную минуту, когда требовалось какое-то разрешение, спускался в придворные салоны певец Владимир Высоцкий, сам потом с издевкой писал об этом, но... обслуживание власть имущих время от времени продолжалось. Из высокопартийных дач возвращаясь, летел затем Владимир Высоцкий в парижскую мастерскую Михаила Шемякина, беседовали они вместе с одним «из наших с Володей любимых современных мыслителей Андреем Синявским» о проблеме русского алкоголизма... и так далее. Повторяю для непонимающих, отдельно не осуждаю ни того, ни другого явления, но как примирялось непримиримое — это загадка брежневского времени, это результат циничного безверия времени...

О том, как бунтующий, вольнолюбивый Театр на Таганке превращался в театр для партийно-торговой элиты, перед которым «мерседесов» и черных «Волг», а то и «Чаек» с каждым годом становилось все больше, а рядовых зрителей все меньше, может по случаю рассказать сам Юрий Любимов. Спектакли иногда делались с тем уклоном, чтобы не народу сказать нечто жизненно важное, а начальство поразить необычайной смелостью, как шуты, дерзившие королям. Дразнить высокое начальство, конечно, рискованно, и в этом риске главный режиссер перешагнул черту, но не важнее ли было без всяких фиг в кармане остаться «общедоступным демократическим» театром, говорящим с народом о народе, как было в лучших спектаклях театра? Конфликтуя с высоким партсановником Гришиным, театр обращался за поддержкой в более высокие сферы и часто находил ее там, еще более озлобляя Гришина. Все это из области великосветских ссор, не характерных для искусства шестидесятых годов.

ПОКА ИДУТ СПОРЫ...

Пока идут споры о литературе и обществе, накапливается золотой запас самой литературы, сводящей на нет все споры. Стоило ли столько ломать копий вокруг в художественном отношении крайне слабого романа «Дети Арбата», отрицая который ты мгновенно попадал в сталинисты, превознося который ты приписывался автоматически в прорабы перестройки? Осмелится ли Аннинский вторую часть романа «Тридцать пятый год» сравнивать с творениями Шекспира? Сомневаюсь. Может быть, потому спешили с публикациями «Зубра», «Детей Арбата», «Ненаписанными романами», «Дальше, дальше, дальше...», что знали: вскоре пойдет настоящая литература о наших трагических временах.

У читателя на столе лежит превосходная проза Ю. Домбровского, В. Кибальчича, А. Кестлера, Ф. Искандера, прочитан «Чевенгур» А. Платонова, мы познакомились с «новой прозой» еще одного выходца из вологодских земель Варлама Шаламова. Это уже не «лагерная тема», это жизнь в самых крайних проявлениях. Шаламов не хочет быть туристом в страшных лабиринтах истории, «Орфеем, спускающимся в ад»: «Писатель не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник не в писательском обличье, не в писательской роли... Выстраданное собственной кровью выходит на бумагу как документ души, преображенное и освещенное огнем таланта».

То же самое можно сказать об опубликованных рассказах Федора Абрамова, Владимира Тендрякова, Владимира Солоухина, о циклах стихов Николая Тряпкина и Владимира Корнилова. Читатель перестает верить ярлыкам, щедро приклеиваемым бульварными изданиями, ибо видит в последовательной публикации в «Нашем современнике» статей Вадима Кожинова, Анатолия Ланщикова, Станислава Куняева, Владимира Солоухина, вкупе с близкой им по духу статьей из «Нового мира» В. Селюнина, может быть, наиболее скрупулезное изучение истоков трагедии сталинизма. Он с изумлением видит, что ему откровенно лгали объединившиеся службисты от литературы и придворные диссиденты, свои грехи эпохи застоя сваливающие на плечи журнала, почти в одиночку сражавшегося все брежневское время.

Читатель, лишь в последние годы взявшийся за чтение журналов, не знал или подзабыл то, что было замечено давно многими советологами. Позволю обратить внимание на заметки Данлопа, опубликованные в западной печати в 1983 году. Он пишет, что в брежневский «период «Наш современник» начал обнаруживать те же самые правоту и смелость, которые были присущи в конце шестидесятых годов журналу «Молодая гвардия» (этот процесс был остановлен решением Политбюро в конце 1970 года)... Особенно после вторжения в Афганистан в 1979 г... В. Солоухин, Вадим Кожинов и Сергей Семанов дали на страницах «Нашего современника» серию предупредительных залпов. Тот факт, что они сумели сделать это почти открыто, говорит о том, что на некоторых ключевых постах в редколлегии журнала находились весьма отважные люди... Здесь содержалось едва прикрытое осуждение интервенции в Афганистане и других советских военных авантюр за рубежом... В течение февраля, марта и апреля 1982 года развернулась захватывающая дух жестокая битва, запечатленная на страницах «Нашего современника»... Продолжали печататься солоухинские «Камешки на ладони» — работа, только что подвергшаяся разносу со стороны «Коммуниста». Более того, в одном из «камешков» Солоухин снова предпринял попытку продемонстрировать существование Бога. Вряд ли «Коммунисту» когда-либо раньше бросали такой вызов...»

Не будем искать главную истину в статьях Данлопа и ему подобных (а таких статей за рубежом о «Нашем современнике» печаталось немало), но это достаточно типичное мнение советологов о журнале как совместить с утверждаемым ныне нашими либералами представлением о «застойном просталинистском «журнальчике»? Уверен, что Владимир Яковлевич Лакшин прекрасно знает о несталинизме М. Лобанова и В. Кожинова, так зачем в пылу полемики он опускается до политических ярлыков? Для меня это было неожиданно, хотя прояснило возможность написания антисолженицынской статьи по прямому государственному заказу.

Ожидаемые публикации прозы Александра Солженицына еще более прояснят художественную расстановку сил, обратившихся к самым тяжким страницам нашей истории. Поэтому необходима как воздух дальнейшая демократизация нашего общества. Необходимо дальнейшее расширение гласности. Боязнь некоторых уважаемых деятелей культуры, что волна «отрицательной культуры» захлестнет все, что победят разрушительные тенденции в обществе, по-моему, безосновательна.

Потому и установили господство над центральной прессой сторонники «отрицательной культуры», что в обществе до сих пор много тоталитаризма, и сломленные им упускают из рук издание за изданием. Но мы, как и все европейские и азиатские страны, — национальная страна. Как бы ни контролировали банки, скажем, в Италии или Англии космополитические группировки, в условиях свободного рынка журналов побеждает мнение итальянской или английской нации. Лишь разнородная Америка с не сформировавшейся еще нацией допускает, к примеру, то, что, как говорил по нашему телевидению известный американский политик Пол Финли, «инфильтрация Израиля в наше общество так велика, что определяет политику США...».

Национальная страна в условиях гласности и демократии найдет возможность выразить мнение своей нации по любому вопросу. Лишь в тоталитарных условиях возможно, что какая-то иная группа способна навязывать всему обществу свое мнение. Лишь в условиях тоталитарности, до конца не исчерпанной, способен существовать нынешний «Огонек». И потому не запрещать «Огонек» надо, не ставить полосу препятствий «отрицательной культуре», а создавать все большую открытость в праве выбора, в праве на высказываемое мнение.

Даже ход XIX партийной конференции нынешние прорабы перестройки стараются подкорректировать. Как известно, большинство делегатов конференции продемонстрировали свое отрицательное отношение и к выступлению Г. Бакланова, и к направленности «Огонька». Они, эти делегаты, выразили интересы большинства народа. Но раз так, значит, наша печать пока, в недемократических условиях, представляет явное меньшинство народа. Радио и телевидение, большинство центральных органов прославляют одну и очень узкую и малочисленную обойму «про-

рабов перестройки», а партийная конференция выдвинула иных.

Конечно, «Огонек» умудрился сразу противопоставить выдернутые из контекста высказывания М. С. Горбачева и Ю. В. Бондарева, но умолчал, что именно резкая критика Баклановым Бондарева вызвала явное неодобрение у большинства делегатов. Имеют ли возможность эти делегаты откровенно высказаться о своем понимании культуры в центральной печати? К сожалению, редко и не обо всем.

Значит, встает вопрос о более свободном рынке журналов, о более свободном выходе новых изданий. Нехватка бумаги — это ложная проблема. Запрет на подписку был позорен. Его только трактуют неверно. Не сталинисты из боязни новых откровений ограничили подписку, а бюрократы с тоталитарным мышлением, не способные предвидеть саморегулирующегося механизма читательского интереса. Опытные экономисты уже приводят доказательства ненужности ограничения подписки даже в пределах нынешнего бумажного дефицита. Уже в который раз говорю о необходимости как минимум десяти молодежных изданий, от авангардистских до традиционалистских, от национально-радикальных до космополитических — вместо неизбежной монополии «Юности» с ее чудовищными и почему-то, из-за непонимания, радующими многих трехмиллионными тиражами. Вот где единый тоталитарный взгляд молодежи на мир вырабатывается, вот где закладывается отсутствие плюрализма!

Это так просто — создать десяток хозрасчетных молодежных журналов с редакциями не более трех-четырех человек, отобрав лишь небольшую часть тиража у вынужденно многомиллионной «Юности», ну, скажем, сто тысяч экземпляров — по десять тысяч на каждый, а дальше уже — кто победит. Кто зайдет в тупик — самоликвидируется, возникает другой, третий. С выбираемыми каждый год главными редакторами, если хотите — со своей группой авторов, только это не будет никого пугать. Народ услышит сам себя. То же самое с неизбежностью должно произойти со «взрослыми» толстыми журналами. Любая общественная группировка имеет право на журнал! Тогда мы поймем, что мы живем в национальной республике, мнение большинства народа будет передаваться в большинстве свободных журналов. Пока вижу на своем примере: на статью «Очерки литературных нравов» пришло несколько сот писем, из них лишь около двадцати отрицательных. А в печати появились десятки статей, из них лишь в двух вскользь меня поддержали. Значит, если бы не было читательской почты, можно было решить, что и впрямь моя статья единодушно осуждена.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РЕСПУБЛИК

Уходят в прошлое радостные высказывания, что в этом колхозе работают представители двадцати национальностей, в том детсадике воспитывается детей стольких-то. Сколько есть, столько есть, — все наши, советские. Но и национальные проблемы существуют в каждой республике.

Первыми всерьез занялись национальной проблемой своей республики эстонцы.

«Народный фронт защищает право эстонцев оставаться основной нацией на своей исконной территории... В то же время недопустимо нарушать демократические права граждан других национальностей...

Для коренной национальности союзной республики национальный вопрос является вопросом ее исторической судьбы. Для проживающих в союзной республике людей других национальностей национальный вопрос является вопросом его личной судьбы. Эстонская ССР является национальной республикой...

Народный фронт отвергает такую политику... лишающую человека чувства дома, чувства своего народа, патриотизма и ведущую к формированию людской массы, лишенной корней... Подлинный интернационализм, основным содержанием которого является национальная терпимость, берет начало из знания и уважения своей национальной культуры».

Эта программа опубликована в центральных эстонских газетах на эстонском и русском языках. Думаю, не мешало бы о подобной программе и о подобном народном фронте подумать в нашей Российской республике. Или опять то, что положено, что приветствуется у эстонцев и грузин, у молдаван и узбеков, к русскому народу как бы не относится?

Модно стало даже по этому поводу ссылаться на В. И. Ленина. Оказывается, его тексты удобны для всех случаев жизни. Мы говорим о «национальной гордости великороссов», о том, что «Владивосток далеко, но город-то нашенский», а нам в ответ цитату поубедительнее, как это сделал узбекский прозаик Камил Икрамов, цитату, которая навела этого писателя на «...глубокие размышления». Без боли сердечной не могу читать, говорит Икрамов, к примеру, такие ленинские строки: «...очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, не способной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный советский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в **море шовинистической великорусской швали**, как муха в молоке» (выделено мной. — *В. Б.*).

В. И. Ленин в большинстве своих статей был предельно конкретен в зависимости от требуемой политикой ситуации, поэтому и находят у него, изъятые из конкретного случая, из контекста, противоречащие друг другу утверждения, что давно уже ловко используют любители цитат при взаимных атаках, проецируя эти применимые к своему историческому времени цитаты на сегодняшний день, что приводит к явным недоразумениям.

Во-первых, получается, по толкованию Ленина Икрамовым, что жители всех союзных республик и сегодня всего лишь «российские инородцы». Согласятся ли сегодня с этим эстонцы или те же соплеменники Камила Икрамова? Не думаю!

Во-вторых, выражение «истинно русский человек» так и требует в этом тексте кавычек, иначе звучит оскорбительно для любого русского человека. Дело даже не в оскорблении, без кавычек получается, что любой истинно русский человек — шовинист, подлец, насильник и, естественно, бюрократ.

В-третьих, бюрократ — явление всегда безусловно космополитическое, у бюрократа нет корней, нет почвы, нет привязанности к родной земле. Именно армада космополитической бюрократии,

а не какие-то инородцы, прежде всего повинна в море пролитой крови, она вскормила архипелаг ГУЛаг, она морила людей голодом, одинаково в Поволжье, на Украине, в Сибири или на Тихом Доне, она сегодня требует повернуть реки вспять, заполонить землю атомными реакторами. Воронцов из «Прощания с Матерой», топящий родную землю, — не шовинист, а типичнейший российский космополит. Бюрократа и пересаживать (подвергать «ротации» — по терминологии академика Е. Примакова) потому легко — из Молдавии в Карелию, из Архангельска в Житомир — ему все едино.

В-четвертых, называть абсолютное большинство своего народа, за исключением «ничтожного процента советских и советизированных рабочих», «морем шовинистической великорусской швали» — значит или быть в состоянии крайней раздраженности на него, или походя употребить сильное выражение применительно к советской бюрократии, которую В. И. Ленин люто ненавидел.

Не будем уподобляться застывшему на семьдесят лет истукану, многое изменилось в мире и в обществе. Многие тактические утверждения Маркса и Ленина, применимые в конкретной исторической обстановке, сегодня не работают. Пол Пот попробовал употребить в чистом виде Марксову программу: уничтожил деньги, отменил семью, разрушил город и... принес колоссальный вред не только своему народу, но марксизму в целом. Так что давайте договоримся с Камилом Икрамовым, что я его не буду называть «российским инородцем», а он меня «великорусской швалью».

Искренне любя свой народ, я считаю исключительными и многие его (мои, значит, тоже) слабости и недостатки. Одна многотерпимость русская чего стоит. Сравнивая по характеру развития три революции — английскую при Кромвеле, французскую, закончившуюся Наполеоном, и нашу — все три неизбежные для дальнейшего развития каждой из этих стран, я позволю себе считать, что в отличие от тех, совершивших полный оборот за несколько лет и приведших к гражданскому миру и спокойствию, наш гражданский мир только-только наступает, только мы могли так долго и мучительно терпеть революционное насилие от семнадцатого до пятьдесят шестого года. Неужели этим надо гордиться?

Мне хочется спросить: в какой книге, опубликованной сегодня, утверждается идея русской исключительности, кто из русских писателей утверждает, что русский выше японца, немца или якута, башкира?

Даже если бы на самом деле В. Астафьев и В. Белов, В. Распутин и Ю. Бондарев «зашли в шовинистический тупик», какие же серьезнейшие социальные беды народа могли их на такое толкнуть? Не может быть, чтобы одновременно, без серьезнейших катастрофических причин целая группа лидеров национальной культуры вдруг могла бы прийти к «национализму». Нельзя путать причины и следствия. Нельзя обвинять в пожаре того, кто первый закричал о нем.

Только приблизившись к истине всего, что мы имеем сегодня, мы сможем нащупать верную дорогу. Сможем отказаться от возврата к прошлому, но и не спешить вдогонку за Америкой.

Еще до второй мировой войны Николай Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», книге, которую, на мой взгляд, крайне необходимо издать сегодня, писал, что назад России пути нет, дальнейшая судьба ее лежит через творческое развитие социалистической идеи.

Сегодня об этом говорит перед выпускниками Гарвардского университета Александр Солженицын, об этом пишет в «Известиях» другой лауреат Нобелевской премии — по экономике, выходец из России Василий Леонтьев. Проверим свой путь с самого начала, отбросим все мертвое, ненужное, разрушительное, накопившееся за семьдесят лет, разовьем все ценное, используем нашу природную открытость миру, нашу всечеловечность на добро самим себе.

Для начала, развив последовательно идею гражданского мира, объединяющую идею гуманистического общества, предлагаю во имя истины и добра поставить общий памятник всем жертвам гражданской войны. Испания подала такой пример. Дело за нами. Без этого мы не сдвинемся с места. Без этого мы бесконечно долго будем вспоминать о расстрелянных Якире и Тухачевском и о кровавом терроре на Дону и Тамбовщине, который учинили эти будущие «жертвы культа личности». Я понимаю, почему так быстро сошлись сталинисты и левые радикалы на тридцать седьмом годе, опускаться к истокам никому из них не хотелось. На наших глазах рушится миф о тридцать седьмом годе как исключительном по жестокости репрессий. Мы уже знаем о зиновьевских кровавых делах в Ленинграде, нам уже известны чудовищные приказы Свердлова, которые пролили моря крови казаков. Каток смерти катился, не останавливаясь, с первых же заложников, расстрелянных без суда и следствия. Вследствие схожих распоряжений Троцкого, Свердлова, Зиновьева, Бухарина и подобных им деятелей первых лет Советской власти.

Так давайте задумаемся, если мы не хотим, чтобы нашу новую выборную народную власть разогнал очередной «матрос Железняк», согласный на миллион погибших во имя революции (здесь он в количестве жертв здорово ошибся, несмотря на свой революционный максимализм), над тем, что мы должны признать и непреложность революции, и ее кровавое наследие, где гротескная фигура Сталина является лишь производной. Давайте поставим памятник молодым юнкерам, семнадцатилетним мальчишкам, зачитывающимся Гумилевым, и первым комсомольцам, распевающим красное «Яблочко», героям Ледяного похода и героям Перекопа, расстрелянным продотрядовцам и уморенным голодом крестьянам.

Это все — наше наследие, это все — наша культура, это наша великая трагедия и наш великий подвиг. Искренне убежден, только поставив этот памятник, мы сможем начать перестройку в наших душах, в нашей культуре, сможем прийти к объединяющей идее нашего общества. Только с того момента мы протянем нить истины из прошлого в будущее!

●

Александр Фоменко в 1984 году окончил филологический факультет Московского университета. Служил в армии, работал редактором в журнале «Наш современник», в издательстве «Современник». Печатался в журналах «Москва», «Литературная учеба», «Молодая гвардия», «Огонек», в газете «Литературная Россия», в «Литературной газете».

Он участник VII Всероссийского семинара молодых критиков и VIII Общемосковского совещания молодых писателей.

Александр ФОМЕНКО

НАДОЕЛИ ОРАНЖЕРЕЙНЫЕ РОМАНЫ...

Невооруженным глазом видно, что нынешние властители — нет, не дум, а журнальных и газетных страниц — в своем духовном и собственно литературном, художественном развитии застыли в эпохе «раннего реабилитанса» 50—60-х годов. И пусть их шумят сегодня «витии-обновленцы», сбывая свой залежалый товар в новой упаковке; пусть нежатся в свете юпитеров «соловьи перестройки» и «трубадуры гласности» — уже слышны шаги Командора.

В самом деле, после знакомства с книгами Л. Бежина «Метро «Тургеневская» (1979) и «Гуманитарный бум» (1985), Ю. Вяземского «Пушки привезли» (1986) смешно вспоминать какую-то «городскую прозу» Ю. Трифонова и Ю. Нагибина, любимое чтение нашей средне-

интеллигентной публики. Тот же Л. Бежин, право же, куда более тонок, более талантлив, глубже понимает искусство и саму жизнь столичного интеллигента, нежели автор «Обмена» и «Старика». Мы уже позабыли о том, что с жизненной пошлостью, с так называемым «мещанством» можно бороться в высшей степени достойно, сама проза может при этом быть изящной и строго музыкальной. Позабыли о том, что ни истеричность, ни «объективистское» равнодушие «исследователя дна» не могут заменить спокойного достоинства и художественной достоверности прозы.

«Несмотря на юношескую бодрость духа, я иногда с тайным страхом отношусь к жизни. Сталкиваясь с нею — новорожденной, свежей, словно поднятый и еще дымящийся пласт торфа, — я сворачиваюсь улиткой и прячусь в свой панцирь. К этому приучила меня она сама — жизнь. Когда она обрушивалась на меня в виде житейских тревог и невзгод, я, как плохой пловец на большой глубине, зажмуривался и беспорядочно молотил руками и ногами, стараясь худо-бедно выбраться на берег. Никакого наслаждения жить я в те минуты (часы, годы!) не испытывал. Да и не жил я, если начистоту...» Это из рассказа Л. Бежина «Сентиментальные утраты» — что тут говорить о Л. Петрушевской или А. Курчаткине?..

Познакомившись с историко-художественными штудиями П. Паламарчука и А. Бархатова, стоит ли тратить время и душевные силы на чтение якобы исторической беллетристики Б. Окуджавы? Ведь Алексей Бархатов в повести «Постскриптум» (1987) о дуэли Пушкина и Петр Паламарчук в книгах «Един Державин» (1986) и «Чисто поле» (1987) куда более основательны по части исторических познаний, а следовательно, и более достоверны в повествовании о прошлом, нежели известный шансонье. Причем если проза А. Бархатова наполнена воздухом именно пушкинской эпохи, «дней Александровых» и первых лет николаевского царствования, то П. Паламарчук, напротив, жестко-основателен и веществен, укоренен в XVII—XVIII веках. Здесь борьба и взаимопроникновение плоти и духа создают особого рода напряжение, улавливаемое читателем.

Уже сам строй письменной речи П. Паламарчука, его интонация — своеобразны и своеобычны:

«Была та короткая пленительная пора, которая в наших северных широтах удивительно точно называется «весною света»: на дворе покуда еще морозит вовсю, но небо синеет день ото дня все гуще, и свет с него катится вниз прямо-таки палящий. Он державно сходит на землю и гонит свирепо прочь полусонный скучающий морок; внутри же домов делается совсем по-летнему ярко, и ежели из окна не видать поблизости снега, то и впрямь легко спутаться — какое теперь время года. Особенное пристрастие питают эти творческие лучи к картинам на стенах: золото рам оживляется теплым сиянием, а вся их внутренность, исследуемая уголок за уголком солнечными бликами, попеременно загорается, становясь настолько магически объемной, что трудно удержаться от соблазна коснуться близкого чуда голой рукою...» («Тайна дома с привидениями на старом Арбате»).

Читая «сказания» (именно так определил жанровую природу своих произведений автор), постоянно ощущаешь, насколько живо и глубоко связаны друг с другом наше прошлое и настоящее. Не в последнюю очередь помогает родиться такому впечатлению

язык писателя — нарочито неторопливый, «несовременный», не газетный, хотя порой и излишне витиеватый.

Не только далекая и близкая история, но и самая наизлободневная действительность нашла в «восьмидесятниках» своих талантливых выразителей, своих певцов и защитников. Достаточно прочесть книгу очерков Михаила Петрова «Затяжная весна» (1986), чтобы убедиться в том, что ее автор не только лучше владеет языком, не только более ярок как художник, но, главное, гораздо более добросовестен и человечен в своих размышлениях о жизни (и сельской, и городской), чем многие и многие официально признанные публицисты вроде Ю. Черниченко, Г. Лисичкина, А. Стреляного и им подобных. При этом М. Петров не метался из стороны в сторону, ратуя то за укрупнение сел, то за их разукрупнение, то против «частника», то за него, то за всеобщую мелиорацию до полной капитуляции всего живого (см. «Пока берут болотные плацдармы» Л. Иващенко), то против. Он с самого начала своих печатных выступлений говорил не об «аграрной политике», а о человеке на земле, о крестьянине, которого он действительно знает и понимает лучше многих. О знакомом ему Михалыче, а не о некой среднестатистической «душе населения».

«Михалыча не поймали сети материальных и моральных стимулов производительности труда потому, что его плохо знали. А если знали, то не хотели его принимать таким, каким он был. Все виделся какой-то передовой, новый Михалыч, для которого что ни придумай, он тотчас исполнит, что ни предложи, он в точности сделает. И, читая очередную проблемную статью с очередными дельными предложениями по организации труда, мелиорации, химизации, автоматизации сельского хозяйства, я всегда примеряю, — говорит автор, — эти предложения на Михалыча. Облегчат ли они его труд? Станет ли ему ближе ходить за хлебом? Ездить за валенками? В поликлинику? Его внукам в школу? Потому что ни энергонасыщенность, ни концентрация, ни мелиорация, ни химизация не дадут должного эффекта, пока мы не поймем, кто такой Михалыч: его психологию, его представления о добре и зле, справедливости и несправедливости, его материальные и духовные потребности» («Начнем с Михалыча»).

По своему пафосу, по взглядам на жизнь М. Петров близок к таким публицистам, как М. Антонов, А. Салуцкий, но между ними есть одно, важнейшее, отличие — М. Петров прежде всего прирожденный, настоящий прозаик, художник, что доказывают его повести и рассказы, вошедшие в книгу «Сны золотые» (1985). Вот, например, как описано утро в повести «Наследники»:

«А день между тем разгорался. Солнце передвигалось по небу с востока на запад, укорачивались тени, подсыхала роса на деревьях и траве, и ко всякому человеку, вставшему вместе с солнцем и присутствовавшему при рождении нового дня, приходило то неопределенное состояние, когда романтическая взволнованность, вызванная прелестью летнего утра, уже прошла, а дневные заботы еще не овладели сердцем...» Намеренная небрежность письма, естественная живость и точность языка при лирической открытости и отзывчивости автора особенно удивительны и привлекательны в век почти всеобщей спешки, почти всеобщей замкнутости, почти всеобщего преклонения перед дизайном. При пронизывающей насквозь зоркости взора — откуда, из каких душевных тайников добывает М. Петров свой лиризм, способность светло и возвышенно писать о любви? Видимо, при внешнем стремлении к эпичности прозы, стремлении, надо сказать, небезуспешном, по мировосприятию своему он скорее всего — лирик.

Уже первая книга Татьяны Набатниковой, вышедшая в столице, — «Домашнее воспитание» (1984) показала, что слова «женская проза» вовсе не обязательно означают некую неполноценность этой самой прозы. Хотя творения И. Грековой, В. Токаревой, З. Богуславской (имя им — легион) довольно долго приучали читателя к этой мысли. Несмотря на несвойственный русским писательницам аналитизм, на то, что Т. Набатникова нередко грешит отнюдь не женской жесткостью взгляда, едва ли не натуралистической подробностью описаний («а я дрожу и боюсь, что сейчас закричу, а глаз отвести не могу от этого сырого, всего в розовой росе, освещенного лампой вскрытого — и дышащего! — мяса» — описание операции в рассказе «Развлечение»), эта проза остается все-таки «женской». В ней, в частности в повести «Дочь», нашла свое художественное воплощение целая философия современной, вполне «эмансипированной», но не осчастливленной этим женщины.

«...Дома я слушаю Мишку, моего мужа, моего властелина, и расширяю глаза, замерев и дивясь его громадной энергии сознания. Я жду: он откроет мне сермяжную правду, он поведет меня, он научит.

Но где-то втайне — не умом, а чем-то совсем другим — может быть, утробой, может быть, тем сокровенным местом, где плавает в темноте созданный мною человек, — я догадываюсь, что истина — это я и есть, и Мишка, нечаянно заглянув мне в глаза, осекается на полуслове, и в лице его мелькает растерянность».

В словах «истина — это я» мне против воли мерещится «L'etat — ç'est moi» («Государство — это я») Людовика XIV. Впрочем, женщина — это действительно целое «государство» (не скажу «истина»), причем с явно мессианской идеологией.

Т. Набатникова, безусловно, наиболее заметная и творчески независимая писательница среди тех, кто появился на литературном небосклоне в последнее десятилетие. Свидетельство тому — ее книга «На золотом крыльце сидели», вышедшая в 1987 году в Челябинске (не путать с одноименной книгой Т. Толстой, вышедшей в том же году в Москве). В то время как наши дамы, в особенности вкусившие сладостных плодов университетской образованности, пробуя свои силы в русской прозе, обычно сразу и надолго впадают в грех излишней красивости и вычурности отделки весьма бедных по содержанию сюжетов; Т. Набатникова, в своих лучших вещах, говорит естественным, живым языком, высказывает мысли свои, незаемные, пережитые. Она не увлекается ни вышиванием гладью, ни его современной заменой — вымученным «сюрреализмом» и литературным «хэппенингом». Она просто пишет прозу:

«Ни за что нельзя туда возвращаться. И всегда соблазн туда съездить. Наверное, я поддамся в конце концов. Но этого нельзя.

Я там родилась, а во втором классе меня увезли.
Там жаркое лето, от зноя глохнешь.
Там болотная речка Беляй под высоким берегом, и внизу крадется неслышно и жутко темная вода.
Я однажды видела там русалку...» (рассказ «Тебя от ранней зари...»).

Но, однако, Т. Набатникова — не единственная представительница «женской прозы» в поколении восьмидесятых годов. Не меньший интерес вызовет, видимо, в ближайшее время и проза Любови Миронихиной, автора книги «Деревенский роман» (1988), и книга Раисы Мустонен «Письма к незнакомым людям» (1989). Первая книга Марины Кретовой «Делить радость» (1987) также обещает в будущем встречу с ярким литературным явлением. Примечательно и знаменательно при этом, что в эту первую свою книгу М. Кретова поместила, наряду с «чисто художественными» рассказами, и документальную повесть о героях Отечественной войны 1812 года братьях Тучковых «Стезею правды».

Глубокое внимание к истории, уважение и даже любовь к минувшему — это общая едва ли не для всех «восьмидесятников» черта, присущая им как литературному поколению, стремящемуся идти «стезею правды». В них незаметно свойственного авторам «исповедальной прозы» шестидесятых годов поколенческого «шапкозакидательства» по отношению к прошедшему в целом и к своим предшественникам в частности. Но и то сказать — за их спинами не какой-нибудь «Кавалер золотой звезды» Бабаевского, а лучшие произведения так называемых «деревенщиков» и так называемых «сорокалетних», то есть литература.

Они взрослее «шестидесятников» на целую эпоху «развитого застоя», по выражению А. П. Ланщикова. Они имели возможность читать — пусть в малотиражных, антикварных, а то и вовсе «потусторонних» изданиях — В. В. Розанова, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, А. И. Солженицына, Павла Флоренского, М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, П. В. Палиевского, Ю. И. Селезнева, С. С. Аверинцева, Д. С. Лихачева, («высыпаю» первые пришедшие на память имена): они не торопятся рубить дедовскую мебель и сбрасывать с парохода современности святыни. Они не позволят разбивать головы своим коммунистическим отцам, как не позволили бы делать это со своими некоммунистическими дедами (метафора П. В. Палиевского).

Равно серьезное отношение к прошлому и настоящему — вот что отличает их. В то время как «патриархи шестидесятничества» легко превращали историю в анекдот, в «иносказание» с кукишем в кармане (Б. Окуджава, В. Войнович, Н. Эйдельман, etc.), нынешние «восьмидесятники» предпочитают возможно более прилежно разбираться в этой истории (говорю сейчас об общем направлении, а не об отдельных удачах или провалах). Халтура в серии «Пламенные революционеры» — не для них, стремящихся постигнуть «смысл истории», а не только событийную, внешнюю ее канву.

Интерес к истории у представителей этого поколения ни в коем случае не праздный, не «детективно-приключенческий», в духе Дюма-отца, не потребительский. Осознанное желание возможно глубже понять мир и человека в мире, что естественно для духовно взрослеющего человека, для опамятовавшейся после исторических передряг нации, — вот что лежит в основе их обращения к исторической тематике и проблематике. Похоже, что белорус Владимир Бутромеев достаточно точно объяснил смысл своих (и не только своих) взаимоотношений с историей в авторском предисловии к своей первой книге «Любить и верить» (1986).

«Мы знаем, нельзя жить без прошлого. Нельзя, чтобы у места, где живут люди, — у города, у деревни, у того, что мы называем родиной, не было истории.

Она всегда есть, мы просто не всегда знаем ее, не умеем ее помнить, ценить, рассказывать о ней.

Когда я читал Шекспира и Пушкина, мне всегда казалось, что настоящие страсти, события, тайны и переживания существуют где-то там — неизвестно где, у каких-то необычных людей. А вокруг меня течет вроде совсем неинтересная жизнь. Доживает свой век пенсионер, разъезжается кто куда молодежь, скучно вращаются в обыденных делах те, кто по привычке живет на месте.

Но когда я научился смотреть по-настоящему, то увидел вокруг себя и полноту страстей, и необычность судеб... все оказалось рядом, на пороге родного дома: в старике, живущем за селом, и в соседе, с которым встречаешься каждое утро.

И потому так важно это знать, так важно иметь и чувствовать свои корни, любить их и гордиться ими».

В 1979 году, когда на прилавках появилась первая книга Л. Бежина «Метро «Тургеневская», ничто, кажется, не говорило о том, что в 1987 году из-под пера того же автора выйдет художественная биография великого китайского поэта VIII века Ду Фу (ЖЗЛ). Тогда писатель мог, видимо, повторить вслед за своим героем:

«Мне надоели оранжерейные романы с сокурсницами, утыкающиеся в одну точку: не надо... кретин... закричу... мама! Надоели бури в стакане воды и психологические тесты под видом свиданий, когда тебя изощренно испытывают на сходство с героем последнего итальянского фильма. Надоели жеманные поцелуи, которыми тебя изредка одаривают, чтобы держать на привязи, пока нет лучшей замены» (рассказ «Бедная Лиза»).

В этих и подобных сентенциях явственно слышалась неприязнь нового поколения писателей к тому несоответствию между «советской культурой» и действительной жизнью людей, между Словом и Делом, которое сопровождало их, да и всех нас, в течение целых десятилетий.

Легко было застыть в этой интеллигентной усталости от нежизни (что и сделали многие «сорокалетние», отравленные «исповедальной прозой»), гораздо труднее было стряхнуть с себя умственное и душевное оцепенение. Но Л. Бежину, слава богу, удалось под оболочкой «сугубо технического, ориентированного только на материальный прогресс» века услышать живой гул, «мощные гуманитарные веяния», по собственному его выражению.

Особый интерес «восьмидесятников» к истории неотделим от уважения к образованности. Я имею в виду не «образованне»,

диплом как таковой, а именно образованность, глубинное знание и понимание истории и культуры. Образование Л. Бежина (Институт стран Азии и Африки при МГУ) помогло ему, но и только. Добросовестность поиска — вот что главное. Ведь, например, Юлиан Семенов тоже имеет диплом об окончании Московского университета, тоже занимается сочинительством, однако это не мешает ему считать знаменитого голландского художника Иеронимуса ван Акена (Иеронима Босха) — «великим гением Испании» (!!!) и называть его... Эль Боско (Семенов Ю. Возвращение в фиесту. М., 1975, с. 45).

Глубокое внутреннее, душевное понимание и уважение ценностей истории и культуры имеет мало общего с вниманием к внешней, официальной стороне предметов и событий, с почтением к сановному величию и «казенной» культуре. Мне кажется, что у «восьмидесятников» больше первого, чем второго, и это хорошо чувствуют наши «литературные руководители». Именно поэтому они не озаботились в свое время ни создать новые литературные журналы для «новых людей» нашей словесности, ни выделить им место на страницах журналов старых. Ведь подавляющее большинство писателей-«восьмидесятников» издает книги, никогда при этом не появляясь на журнальных полосах.

И если писателей модернистского и диссидентского направлений, помариновав их перед этим лет десять-пятнадцать, наши нынешние «прогрессивные» редакторы и чиновники стали довольно широко издавать, посылать в заграничные командировки, рекламировать, то «восьмидесятники»-традиционалисты по-прежнему не в чести.

Ну да ничего! Где наша не пропадала?!

Даже почти лишенные рекламы, не замечаемые модными и авторитетными критиками, книги мало кому известных авторов, появившихся в восьмидесятые годы, тем не менее находят своего благодарного читателя, не залеживаясь на полках столичных книжных магазинов. Причем раскупаются не только увлекательные беллетристические книги, заведомо рассчитанные на массовый успех — такие, как «Фильм» Евгения Туинова (1987), «Действующее лицо» (1985) и «Чистая сила» (1988) Михаила Иманова, «Наши годы» (1986) Юрия Козлова, — не только исторические повествования, но и «просто» книги, «просто» рассказы и повести. Смешно в этих условиях говорить о том, что читателю нужны только известные имена. Не говоря уже о том, что любая «известность» имеет какую-то отправную точку, с чего-то начинается, нельзя не заметить и того, что в пору господства «желтой прессы» навязчивая популярность нередко не привлекает, а даже отталкивает самостоятельного читателя. Наши «прорабы перестройки» проваливаются не только при выдвижении кандидатами в депутаты, их литературный авторитет не более устойчив, нежели гражданский.

На мой взгляд, заметной чертой писателей-«восьмидесятников» является их намеренное, сознательное не-притязание на роль властителей дум, духовных наставников: слишком многие на их памяти (и не только профессиональные литераторы, но и профес-

сиональные политики) стремились наставлять на путь истинный население страны. Это стремление избежать проповедничества (в дурном смысле слова) заметно и в сюжетах этой прозы, и в самой ее языковой и образной ткани.

Ведь когда Роман Федичев в своей повести «Пейзаж со знаками» (1985) на примере постижения героем истоков и основ древнего искусства вышивки пытается раскрыть перед читателем историю духовного взросления, осознания себя как русского, возвращения к себе — не одного человека, а целого поколения, — он, автор, знает, что пишет отнюдь не «бестселлер»:

«Яркая луна голубым прозрачным туманом легла на берега и серебристо переливалась в быстром течении у поворотов. На березах и соснах игольчато мерцали кристаллики инея, воздух становился все плотнее и круче. Осенняя непогодь словно одумалась, замерла, и во всем этом вдруг ощутился полунамек на перемену к чему-то определенному, может быть, к зиме. Я долго бродил у реки, чувствуя это робкое обещание, а под ногами уже похрустывали ломкие листья, посеребренные первым заморозком». Чтобы писать такую прозу, нужно рассчитывать не просто на заинтересованность, но на сопереживание читателя.

Петр Краснов, так же как перед ним, например, В. Лихоносов (намеренно не называю сейчас «громкие» имена классиков), сумел доказать необходимость для современного, издерганного суетой и сутолокой общежития, читателя именно такой, не приспособленной для чтения в электричке и метрополитене, прозы. Николай Дорошенко в своих книгах «Тысячу километров до Москвы» (1983), «Хозяин неизвестного музея» (1984), «Видение о Липенском луге» (1988) идет той же (не так хорошо, как может показаться, проторенной) дорогой. Высокой степени изобразительного мастерства достигает в своих коротких рассказах Юрий Доброскокин, чрезвычайно мало, к сожалению, пишущий.

В книге Ю. Доброскокина «Диковинные дороги» (1988) сам воздух, сами краски и звуки исполнены теплой мягкости и одновременно яркости черноземной России. И само собой напрашивается сравнение с прозрачной четкостью и утренней, прохладной свежестью прозы оренбуржца П. Краснова. В произведениях обоих незаметно самодовлеющей, «эгоистичной» художественности. Нежелание выходить на трибуну вовсе не означает того, что писатель отказывается нести свою долю ответственности перед обществом и страной. Как пишет Ю. Доброскокин: «Я рассказываю, я говорю за тех, что не успели еще сами за себя подать голосов. Я вижу: из глубины страны, со всех, со всех сторон на нас смотрят глаза... Это соотечественники, которых мы вовремя должны научиться различать и защищать!» («Заря»).

Неприязнь «восьмидесятников» ко всякого рода новоявленным мессиям, которых развелось (или развели) нынче хоть пруд пруди, столь сильна, что даже изящные стилисты, поклонники акварели и офорта, не удерживаются от прямых обличений. Михаил Попов в своем романе «Пир» (1988), действие которого происходит в психиатрической клинике, так описывает впечатление своего героя от некоего местного мудреца Грингауза:

«И не то чтобы тот неотступно был рядом — нет, он на короткое время оставлял свою жертву в состоянии беспокойного покоя, но всякий раз, когда Иннокентий начинал скромно радовать-

ся своему наконец-то одиночеству, он вновь возникал поблизости со своей традиционной улыбочкой на презрительных устах. Хуже всего было то, что он искренне радовался возникшей между ними дружбе и собирался ее длить, считал себя в высшей степени приятным Иннокентию человеком, негласно предлагал ему царить (мировоззренчески) на пару над прочим больничным стадом. И он, в общем-то, ничего не хотел, наоборот, пытался что-то давать. И был невыносим».

«Царить» над кем бы то ни было, то есть подавлять его свободную волю ради сомнительного удовольствия — ощущения собственного могущества, — писатели восьмидесятых годов не стремятся. Властвовать над читателем, вести его за собой, приковывая к себе его внимание, — это достойная задача для массового беллетриста, автора детективных, приключенческих произведений, мелодраматических любовных романов и тому подобного литературного «масскульта». Но статья эта написана не о них, а о тех, кто смотрит не вниз и не в сторону, а вверх, на высокую культуру, кто стремится быть писателем, а не просто популярным автором.

О тех, кого по-настоящему волнуют первоосновы и отдельно взятой человеческой личности, и семьи, рода, наконец — целой страны и народа, нации. Об этом — книга Владимира Бутромеева «Сдвиженье» (1989) — «хроника места и времени», «роман в рассказах» Александра Сегеня «Похоронный марш» (1988), книги Николая Шипилова «Пятый ассистент» (1986) и «Шарабан» (1987), об этом — книги Юрия Никитина «Голограмма» (1986) и Александра Брежнева «Снег на голову» (1986) и «Вызов» (1987), Николая Курочкина «Смерть экзистенциалиста» (1983) и «Предел текучести» (1984), Дмитрия Дурасова «Мальчик с короной» (1983). Об этом же — рассказы Сергея Лыкошина, вошедшие в книгу «За белой стеной» (1984), и романы Михаила Щукина «Имя для сына» (1986) и «Грань» (1988), об этом — книги Владимира Карпова «Федина история» (1980) и «Нехитрые праздники» (1987), Владимира Курносенко «Побег» (1983) и «Справедливые дни» (1986), Валерия Болтышева «Сюжеты» (1982) и «Свои люди» (1984).

«Восьмидесятников» действительно трудно поделить на «направления»: деревня В. Бутромеева и рабочий поселок, предместье Н. Шипилова, Москва А. Сегеня и провинциальный город В. Болтышева неразделимы, ведь «всюду жизнь». И потому равно интересны для читателя и шипиловский литконсультант Анатолий Тетерев из одноименной повести, и его же матрос из рассказа «Сватовство матроса», и болтышевские «свои люди» — «дядя Боря из Барнаула» и Леха из рассказа «Жизнь и творчество Лехи Червонца». Все дело в душевной щедрости и писательской талантливости авторов, а книги В. Болтышева «Свои люди» и Н. Шипилова «Пятый ассистент» — безусловно, наиболее заметные события в так называемой «молодой» литературе последних лет.

Самое точное слово для обозначения читательского впечатления от рассказов Валерия Болтышева — свежесть. Свежи и неожиданны сюжеты его рассказов (при этом они совершенно жизненны, в них нет никакой «литературщины» или «анекдотичности»), и характеры персонажей живы и узнаваемы всякий раз как бы «заново»: взгляд писателя на мир ясен и незамутнен. Столь же ясен, ярок и свеж и его язык, лишенный какого бы то ни было налета словесного шлака. Стилистическое единство прозы В. Болтышева, ее лиризм лучше всякой «занимательности» увлекают читателя.

«...Тикали часы. В ванной всхлипывала мама. Кожей ощущая каждый шершавый всхлип, Васька ежился.

— Мам, — позвал он, прижавшись к дверной щели. — Мамочка, — голос опасно вильнул и осип. — Мама!

— Что, сыночек? — встрепенулась Нина. — Что? — Ей очень нужно было теперь — вот так схватить, прижать, укачивать, дыша в затылок с двойной счастливой макушкой. — Что, хороший мой? И не надо плакать совсем, слышишь? Не надо. Ведь мы с тобой скоро поедем, а? Куда-нибудь далеко. На море. Хочешь на море? Вот кончится зима, потом весна, а потом поедем, да? Поедем на море, а там медузы плавают, рыбы. Дельфины... Тепло там. Ты не плачь, хороший мой, не плачь...

«Значит, чтоб стало тепло, надо, чтоб ударили», — думала, наверное, Нина. «Значит, в садик завтра не идти», — думал, наверное, Васька.

Так, раскачиваясь и бормоча, они просидели долго вдвоем, порой случайно думая об одном и том же, а чаще — о разном, потому что для счастья не хватает всегда самой малости. И Васька, убаюканный, тихо засопел, и, наверное, приснилось ему то, чего в жизни, конечно, быть не может...» (рассказ «Дядя Боря из Барнаула»).

Проза Н. Шипилова в меньшей, чем у В. Болтышева, степени лирична, открыта, в ней почти всегда присутствует автор, не торопящийся «затеряться» в героях. Но при этом Н. Шипилов в своем творчестве идет не столько от культуры, от чисто головного знания и ощущения, сколько от сердечного знания, от непосредственного ощущения жизни, глубокого ее понимания. И в галерее шипиловских образов не случайно выделяется герой рассказа, бродяга поневоле Василий Ильичев, сумевший сохранить чистоту души в самых страшных жизненных передрягах, чем-то неуловимым (может, как раз этой вот внутренней чистотой) напоминающий бессмертного лесковского «очарованного странника».

Один из лучших рассказов Н. Шипилова — «Александр, крепостной Елизаветы», вошедший в книгу «Ночное зрение» (1986). К сожалению, в пересказе неизбежно теряется то легкое, щемяще-доброе чувство, которое порождает образ сорокалетнего шофера Александра, «крепостного» своей беспомощной больной жены, за которой нужен постоянный надзор. Невозможно забыть, как рассказывает он соседу о ночной встрече на дороге с семнадцатилетней девчонкой:

«— Слышь, Лешка, — сказал он почти шепотом, — как их родители-то в город отпускают?.. На погибель-то?»

Н. Шипилов, пожалуй, как никто другой ярко и зримо сумел описать жизнь рабочего предместья, пригорода промышленного города, пограничья между городом и селом, где «смешался дере-

венский мудрый язык со стиляжным жаргоном». Он сумел точно изобразить переломное время на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов, не избегая в рассказах об этом времени открытой публицистичности (невозможной, например, у В. Болтышева):

«Молодежь не хотела бояться и рвалась в незнакомое будущее, старики робели и всему удивлялись. Кунсткамера, не жизнь. Отдыхай, робя! Сколько ж потрясений выпало России и сколько горя она хлебнула, платя за эти долгие мгновенья удивлений: гля, робя!» (повесть «Стенка из красного кирпича»).

Неудивительно, что Н. Шипилов не создал романа об этом времени, ограничившись рассказами и повестями, хотя возможности романиста-эпика в нем достаточно заметны. Сам жанр романа требует определенной устойчивости отображаемого им жизненного уклада: в «мгновенья удивлений» романов не пишут. Быть может, Н. Шипилов в будущем все же придет к романной форме — если позволят обстоятельства и достанет сил. А пока сюжеты его рассказов напоминают с трудом сжатые и в любое время готовые распрямиться тугие пружины — дай только волю! К тому же Н. Шипилов не стремится запечатлеть на бумаге «случаи из жизни», он всегда рассказывает историю, более того, создает «драму в рассказе» (drama historikon). Невольно вспоминается определение Б. Грифцова: «Роман есть рассказываемая драма».

Живой пример перерастания цепи рассказов в роман — «Похоронный марш» Александра Сегеня. Автор так и определил жанр: «роман в рассказах», свойственная роману борьба целостности и эпизодичности происходит здесь прямо на наших глазах и едва ли завершается на последней странице произведения. Все это, надо сказать, странно и тем не менее закономерно.

Свой первый роман двадцатидевятилетний (в 1984 году двадцатипятилетний) автор не случайно назвал «Похоронный марш». И не случайно по прочтении его хочется говорить об «исповеди сына века». Начало шестидесятых — начало восьмидесятых... Герой «Похоронного марша», Алексей, родившийся «в половине двенадцатого ночи 11 апреля 1961 года», действительно — «сын века». С пьяницей-матерью, с отцом, «севшим» за хулиганство, с душевнобольным братом, с бабушкой, которой жизнь на старости лет оставила две отрады — телевизор и Новый завет, живет «сын века» в старом московском доме, о котором местный милиционер Лютик говорит: «Хороший у нас дом, да живет в нем одна шваль, пьянь да шакальё». И вырастает тем не менее не бандитом, не шпаной, не шалопаем или неудачником, а... Человеком (да-да!).

Эпиграфы к первой части романа исчерпывающе, кажется, объясняют смысл романа. Без них автора легко могли бы обвинить в «очернении» (так, впрочем, и случилось — ни один толстый московский журнал не согласился опубликовать роман, а «Литучеба» сумела издать лишь два листа из девятнадцати) или, с учетом изменившихся «установок», похвалить за «обличение» (после выпуска романа отдельной книгой).

Первый эпиграф из «губернских очерков» М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина):

«— Разве Вы не видите, разве не понимаете, что перед глазами Вашими проходит похоронная процессия?

— Но кого же хоронят? Кого же хоронят? — спрашиваю я, томимый каким-то тоскливым предчувствием.

— «Прошлые времена» хоронят! — отвечает Буеракин...»

Второй эпиграф — финальная реплика герцога Альбанского из «Короля Лира»: «Груз этих печальных лет мы должны снести; говорите о том, что на душе, а не о том, о чем подобает...»

Пока взрослые дяди, словно малые дети, хихикают над недавними кумирами, помещая на страницах иллюстрированных журналов их фотографии в не самых достойных положениях, юный по современным нашим меркам писатель берет на себя «груз этих печальных лет». И ему, странное дело, веришь во всем, прощая даже какие-то ошибки, огрехи мысли и стиля. А вот многим взрослым дядям, убеждающим тебя в том, что они сегодня искренне говорят все, «что на душе», верить не торопишься. Потому что тогда они слишком громко говорили «о том, о чем подобает».

Автор же «Похоронного марша» сказал то, «о чем подобает» говорить сегодня, не потому, что учел требования времени и рынка, а, напротив, потому, что в 1983—1984 годах (работая над романом) говорил и писал «о том, что на душе, а не о том, о чем подобает», о чем подобало тогда говорить и писать:

«Когда сообщили о смерти Брежнева, Анна Феоктистовна заплакала. Но не от сожаления, а от испуга, что он все-таки умер, этот человек, голос которого с трибун радио и телевидения озвучивал всю пору ее старости. Начались долгие государственные похороны, и Анна Феоктистовна втянулась в них, как и подобает старушке — отдавшись всем сердцем. Она видела их от начала до конца, все четыре дня; проникновенно слушала траурную музыку и много раз плакала, глядя на мертвого, слыша прощальные речи. Плывя по слезам, она думала: а ведь я с ним с одного года — значит, пошел мой год; значит, мне тоже уже пора».

Сейчас, когда на наших глазах проходят «государственные похороны» нашего недавнего прошлого, многие почему-то думают, что оно, это прошлое, не воскреснет только в том случае, если мы вволю попляшем на поверженных кумирах. Но в наше время впадать в подобное суеверие — удивительно и даже смешно. Недостойное прошлое мы должны прежде всего похоронить в душе, внутри себя.

Роман А. Сегеня — именно об этом: в нем «прошлые времена» действительно похоронены. Причем без бестактных «песен и плясок»; в полном соответствии с эпиграфом ко второй части — словами Фортинбраса из шекспировского «Гамлета»: «Унесите мертвых — вид, подобный этому, уместен на поле брани, здесь же отвратителен...»

Огромное, совершенно непривычное для нашей текущей литературы количество смертей в этом «романе в рассказах». Но при этом — никакого ощущения безысходности, напротив, какое-то просветление наступает, когда дочитываешь книгу до конца: что-то в ней «смертию смерть попирает».

Совершенно закономерно завершают «Похоронный марш» такие главы, как «Сонет» — одна из лучших, на мой взгляд, новелл о любви в современной словесности и «Потоп» — своеобразное музыкальное окончание этого «марша»:

«...Голубизна очищенного небосвода была удивительной — такими бывают только человеческие глаза, освещенные изнутри небывалой, неожиданной радостью. Да, светопреставление получило очередную отсрочку, это был всего лишь покамест сильный ливень. Ночь вод многих и громов многих окончилась в пользу человечества. <...>

А мать, совсем уже не пьяная, выйдя на затопленный двор, весело спросила:

— Ну, чего тут сделалось? А воздух-то, воздух!

Посмотрев на нее, я увидел перед собой родное, доброе лицо. Не удержался и спросил:

— Мам, не пьянствуй больше, а? Ладно?

И она засмеялась в ответ хриплым, но чудесным смехом:

— Ладно, не буду. Чес слово».

Так, ни в коем случае не притязая на роль духовных наставников, «восьмидесятники», по сути, как раз такими наставниками и являются (по крайней мере, по отношению к своему поколению). Другое дело, что возможности выхода их к читателю весьма и весьма ограниченны. Но это уже вина наших книгоиздательских и книготорговых ведомств, периодической печати; и беда читающей публики, посаженной «добрыми дядями» на диету. Писатели-то свое дело делают: приведенные примеры, мне кажется, говорят именно об этом. «Восьмидесятники» действительно оставляют далеко позади многих участников и жертв привычных нам критических «обойм» и дискуссий.

●

ТИХАЯ КАТАСТРОФА

«Поистине язык наш есть некая чудная загадка, поныне еще темная и не разрешенная».

А. С. Шишков. Речь на годичном собрании Российской Академии 3 декабря 1810 г.

Специально для молодежи я писала совсем немного, а причину нынешнего обращения к молодежи вы поймете из моего письма. Но сначала все-таки представлюсь. Автор свыше 200 больших и малых научных публикаций. Из них 25 указаны в изданном Академией наук Болгарии первом томе специальной энциклопедии по проблемам, связанным с деятельностью Кирилла и Мефодия (2-я половина IX в.) и их последователей, с изучением древнейшей славянской письменности...

Всю свою сознательную жизнь я проработала в Институте русского языка АН СССР. До 1963 года изучала русские народные говоры.

Необходимость для института откликнуться на находки принципиально нового типа письменности — новгородские берестяные грамоты, открытые в 1951 году экспедицией под руководством члена-корреспондента АН СССР А. В. Арциховского, дала мне возможность работать над ними и, смею утверждать, работать продуктивно.

Вскоре наука праздновала 900-летний юбилей Остромирова евангелия — первой дошедшей до нас датированной рукописной книги славян (все четыре древнейшие датированные книги написаны в XI веке на Руси: Остромирово евангелие 1056—1057 годов, Изборник Святослава 1073 года, Изборник 1076 года, Архангельское евангелие, девятисотлетие которого будет отмечено в 1992 году). Эти два поступательных для изучения нашей древнейшей письменной культуры обстоятельства позволили мне официально заниматься исторической проблематикой в сфере изучения нашей письменной культуры. Исследование языка по памятникам письменности и текстологии книг, написанных на пергаменте, стало моей основной плановой работой в институте.

Организационный опыт диалектологической работы очень пригодился мне, когда в 1969 году на общественных началах я стала руководить описанием славяно-русских рукописных книг XI—XIV веков, находящихся в древлехранилищах Советского Союза. Археографическая комиссия смогла выделить для этой работы только одного штатного сотрудника. Результатом явился «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг: XI—XIII вв.» (М., «Наука», 1984.)

В 1988 году в РСФСР впервые стали присуждаться премии по науке и технике на уровне государственных, а не ведомственных. В числе четырех лиц, получивших премию за издание памятников письменности, была и я...

А теперь об Институте русского языка АН СССР, нашем институте. Я говорю «нашем», так как проработала в нем более 40 лет.

Институт русского языка в системе Академии наук впервые был создан только в 1944 году, лишь спустя 10 лет после пересмотра вопроса о преподаваняи истории. В это время Великая Отечественная война уже твердо вступила в свой победоносный этап. Были освобождены западные области России, Белоруссия, Украина. Причем всем было ясно, что победа завоевывается в основном этими тремя славянскими народами. Их хозяйство было разорено, физически здоровая мужская часть населения гибла в сражениях... Вспомним к тому же, что в 20-е годы стало осуществляться интеллектуальное неравноправие славянских народов страны. Это четко показано В. Быковым в публикации «За круглым столом» в применении к Белорусской академии наук и белорусским ученым (см.: «Дружба народов», 1988, № 6, с. 249—250). Это были годы, когда громили не только белорусскую, но также русскую и украинскую интеллигенцию, когда навешивали ярлыки «национализма» или «шовинизма» на представителей всех трех названных народов СССР, кстати сказать, имеющих и свое крестьянство, и свой рабочий класс, которые составляли, вероятно, не менее девяноста процентов русских, украинцев и белорусов. В 20-е годы в столицы и крупные города нахлынули торгаши-нэпманы, они с силой стали пропихивать в вузы и престижные «кресла» своих детей, ссылаясь на свою принадлежность к якобы угнетенным в прошлом народам (даже если сами в прошлом содержали ювелирные магазины).

В 30-е годы кафедры часто стали занимать лица не русской, не украинской и не белорусской национальностей. Я это отлично знаю по институту и по факультету русского языка и литературы Московского городского пединститута, в котором училась перед войной. К тому же в предвоенные годы старые русские гуманитарии подверглись тотальным репрессиям. Это знаю по фамилиям крупнейших русистов старейшего педагогического института на Пироговской улице. Надеюсь, что когда-нибудь кадровая статистика скажет здесь свое нелицеприятное слово! Повторяю: В. Быков многое обнажил в этом вопросе по кадрам белорусской интеллигенции. Дело за русскими и украинскими писателями.

Итак, только в 1944 году был создан Институт русского языка АН СССР. Но сколько-нибудь развернуть работу, например, по истории русского языка, по изучению памятников письменности, по сравнительному изучению языков трех восточнославянских народов он не мог.

Вспомним, что историческое языкознание вплоть до середины 1950 года продолжало оставаться «буржуазной лженаукой», а последователи Н. Я. Марра провозгласили марризм единственно научным, единственно марксистским методом изучения языков. Эпигоны Н. Я. Марра вели себя с языкознанием как маленькие «лысенки». Поэтому академик С. П. Обнорский мог меня взять на работу в Институт русского языка только на изучение диалектов. На высказанное мною — еще аспиранткой, ожидающей распределения на работу, — пожелание заниматься языком памятников письменности С. П. Обнорский сказал: «Сейчас не время! Но я верю, Лидия Петровна (как ученый дореволюционного склада, он и молодежь называл уважительно: по имени и отчеству!), я верю, что мы еще поработаем в истории русского языка». После 1950 года это оказалось возможно, но Сергей Петрович уже тяжело заболел.

В 1950 году Институт русского языка перестал существовать как самостоятельное научное учреждение. На первом этапе он стал главной составной частью образованного в 1950 году Института языкознания, в который вошли и ряд сотрудников расформированного Института языка и мышления имени Н. Я. Марра — рассадника своеобразной «лысенковщины» в языкознании.

Только в годы «первой оттепели» благодаря неустанным хлопотам академика В. В. Виноградова, Институт русского языка АН СССР был восстановлен как самостоятельная научно-исследовательская единица, подобная институтам, изучающим свои родные языки в других (кроме РСФСР) союзных и автономных республиках.

Мне посчастливилось работать в институте, когда им руководили крупнейшие ученые-русисты. Как уже говорилось, это академик С. П. Обнорский — первый директор Института русского языка. Становление и расцвет научной деятельности института связаны с именем выдающегося лингвиста — академика В. В. Виноградова, а также академика В. И. Борковского, который много внимания уделял как русской, так и белорусской лингвистике.

Позже институт возглавлял член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин. Это был опытный организатор русистики, участник Великой Отечественной войны, еще до войны составивший первый диалектологический атлас русского языка в районе озера Селигер, автор двух фундаментальных диссертаций и основной работник Словаря русских народных говоров, в 23 томах которого он был главным редактором, участник, а затем и редактор 17-томного Словари современного русского языка. За последние

годы жизни им написано несколько фундаментальных монографий о русском, украинском и белорусском языках.

К несчастью, когда весной 1982 года Ф. П. Филин преждевременно скончался, отделение литературы и языка «спустило» в руководящее директорское кресло своего секретаря, получившего в конце эры застоя звание члена-корреспондента АН СССР — Ю. Н. Караулова. И это несмотря на то, что институт имел заместителем директора ученого с мировым именем, слависта, члена-корреспондента О. Н. Трубачева.

Ю. Н. Караулов оказался автором того печально знаменитого Русского семантического словаря (М., «Наука», 1983), случайное собрание слов в статьях которого стало притчей во языцех не только среди специалистов, но и среди широких кругов общественности. За этим позором советской русистики последовала книжка «Русский язык и языковая личность».

Вот что говорится в заключении компетентной государственной инстанции о книге нынешнего руководителя ИРЯЗа: «Главная редакция общественно-политической литературы Госкомиздата СССР... отрецензировала книгу Ю. Н. Караулова у специалистов по проблемам национальных и межнациональных отношений, языковедческой теории, преподавателей русского языка вузов. Все эти отзывы были единодушно отрицательными...» Подпись: заместитель главного редактора В. М. Черемных.

Формальным обоснованием нового назначения были лишь широковещательные заявления Ю. Караулова о машинном способе создания словарей русского языка. Забегая вперед, надо сказать, что по разделу «Создание Машинного фонда русского языка» опубликован лишь один сборник статей — это единственное, чем может похвалиться институт за пять лет работы по приоритетному, как объявил его директор на страницах «Литературной газеты», направлению.

Энергия нового директора была направлена на иное, а именно — на «подминание» под себя вверенного ему научного учреждения (отметим, призванного быть головным в русистике). В 1983 году коммунисты института выразили недоверие Ю. Н. Караулову, провалив его на выборах в партбюро. И началась расправа. В ученый совет он ввел «своих» людей. Тем самым была обеспечена заветная треть плюс голос директора — пропорция, позволяющая решать «по-карауловски» любые научные и организационные вопросы. «Машина» была запущена. В полном соответствии с тогдашней практикой, в самый пик, так сказать, застойного времени.

После 1982 года из института были вынуждены уйти доктора филологических наук А. П. Горшков, Н. Г. Михайловская, В. Я. Дерягин, В. Н. Хохлачева, ряд молодых и перспективных кандидатов наук. Конъюнктурно была провалена защита кандидатской диссертации «целевой» аспирантки из Комсомольска-на-Амуре В. Е. Бутрим. Специально подготовленный для работы по труднейшей плановой теме «Изборник Святослава 1073 года» (издание памятника с научным аппаратом и указателем слов и форм) аспирант очного обучения А. М. Камчатнов, досрочно (!) защитивший диссертацию, не был принят на работу в институт, как это предусматривалось Ф. П. Филиным и как институт был обязан поступить по отношению к аспиранту-«очнику».

Ряд специалистов, в том числе известных ученых, был понижен в должности или удален на пенсию. Энергичный директор не обошел «вниманием» даже референтов и заведующего отделом кадров. Всех этих людей объединяло то, что они смели иметь свое мнение, отличающееся от директорских установок. Смели оставаться профессионалами.

Уволенных и пониженных в должности Ю. Н. Карауловым специалистов объединяло не только «опасное свободомыслие»: они были не только коммунистами, но и русистами-профессионалами высокого класса — историками языка, знатоками его современного состояния.

Мстительные преследования фактически свели на нет ряд важнейших направлений советского языкознания.

Как это выглядело практически?

Крупнейший ученый, профессор С. И. Котков был переведен на пенсию и вскоре умер. За этим последовала смерть его дочери — лингвиста-источниковеда Н. С. Котковой. Во многом это следствия явной несправедливости, тяжких переживаний. Были уволены по «сокращению штатов» и два старших научных сотрудника — А. И. Сумкина и Н. И. Тарабасова. Изучение скорописных текстов и их публикация фактически перестали существовать. На место же С. И. Коткова был назначен заместитель Ю. Караулова по дирекции В. П. Вомперский, никогда не имевший никакого отношения к изучению и изданию памятников русской языковой культуры XI—XVII веков.

В официальных справках-отчетах руководство ИРЯЗа выдает за свое достижение работу Котковых, не называя фамилий! Здесь вообще фигурируют в основном работы, созданные в те времена, когда институтом руководили выдающиеся русисты В. В. Виноградов, Ф. П. Филин. Кроме того, «отчитываются» внеплановыми (гонорарными) изданиями, а также изданиями стереотипными, не требующими, естественно, многотрудной научной деятельности. Даже «Диалектологический атлас русского языка», которым, казалось бы, уместно гордиться институту, взявшему твердый курс на «машинизацию», создан при помощи не «институтских» ЭВМ, а ЭВМ Центрального экономико-статистического института АН СССР.

Характерно и то, что в отчетах авторы тех или иных книг не упоминаются, видимо, по нескольким простым причинам. С одной стороны — это люди, неугодные директору, но работающие. С другой — работавшие, но им изгнанные. Ну а с третьей — слишком многим ему обязанные...

Вот, например, радиопередачи «В мире слов». Постоянный их автор В. Я. Дерягин изгнан из института, поскольку в свое время оценил в «Правде», и по достоинству, Русский семантический словарь Ю. Караулова.

Или 10 опубликованных и подготовленных к печати научно-популярных книг о русском языке — авторы не указываются. Отчасти потому, что их — на более чем сто кандидатов и докторов наук института — всего двое: ученик С. И. Ожегова, руководитель Отдела культуры русской речи, доктор филологических наук А. И. Скворцов и тот же Дерягин.

Ежегодник «Этимология» под редакцией члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева «заморожен» Ю. Карауловым в 1985 году по сугубо личным мотивам, о чем и написал О. Н. Трубачев в своем плановом отчете отделению языка и литературы АН СССР

за 1986 производственный год. Нельзя не отметить и тот плачевный факт, что при новом директоре прекратился выход в свет очередных томов фундаментальной библиографии «Славянское языкознание» (после 1917 года до наших дней).

В ИРЯЗе на словах признают, что необходимо расширить подготовку кадров «по приоритетному для института направлению — изучению русского языка как средства межнационального общения народов СССР». Но «слезы» эти выглядят крокодиловыми, если учесть, что вздох о «расширении» раздается после того, как из отдела были выведены доктора наук В. В. Иванов, А. Н. Тихонов и Н. Г. Михайловская, которые готовили аспирантов из союзных республик. С их уходом эта работа прекратилась.

О результатах этого один из ведущих сотрудников института, А. Н. Тихонов, говорит: «...За десять лет ни словаря, ни грамматики русского языка для национальных республик институт не подготовил. Новая администрация всю проделанную работу в этой области приостановила, «законсервировала». Директор, ни с кем не советуясь, попросту прикрыл соответствующие темы. На место специалистов были назначены абсолютно некомпетентные люди... В стране голод на словари русского языка. В то же время труды известных ученых-русистов и коллективов лежат мертвым грузом».

Ю. Малявина, педагог из Ленинграда, пишет мне: «Где разнообразные словари, выпущенные миллионными тиражами? Как достать популярные книги о родном языке? Когда появятся журналы о русском языке для массового читателя? Почему сокращается число русистов в вузах страны? Отчего онемел столичный теоретический центр?..»

Думается, я хотя бы отчасти дала ответы на эти вопросы.

Суть дела — дело. Суть дела — дела́ Института русского языка АН СССР и персонально его директора, которые по степени своего «пирамидального» влияния сказываются на общем состоянии русистики в самом широком смысле. А это состояние, как мы видим, плачевно.

«Если вдуматься, — размышляет в своем письме инженер Ю. Чуйков из Камчатской области, — люди на каждом шагу глубоко оскорбляют друг друга. Это говорит не только о падении общей языковой культуры, но и о массовом бесчувствии к значению слов. То есть слова начинают играть роль междометий — что может быть страшнее в человеческом общении!»

Что касается меня, то формально директором мне было предложено консультантство, если я подам заявление об уходе на пенсию «по собственному желанию» (это называется, строго говоря, «выламыванием рук»). Но поскольку официально утвержден ученым советом план работ ИРЯЗа до 2000 года и в него не вошла предложенная мною тема — издание четвертого по древности датированного памятника древнерусской письменности — «Архангельского евангелия» 1092 года к его девятисотлетию, то было бы наивно поверить в мое сколько-нибудь длительное консультантство без плановой темы. И тогда с согласия покорного профкома мне записали в трудовую книжку увольнение по сокращению штатов.

Итак, подготовка изданий памятников практически прекращена. И это происходит вопреки общему повороту в стране к изучению славянской письменности и культуры — вспомним хотя бы прошлогодний праздник в Новгороде, напомним о нынешнем, который с 25 мая будет проводиться в Киеве... Не указывает ли такое состояние дел в Институте русского языка на невежественность или на санкционированный кем-то отрыв целого поколения от сокровищ национальной русской, славянской, а тем самым и мировой культуры, когда только в Москве оказались закрытыми Исторический музей, Третьяковская галерея, Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени Ленина, Московская консерватория? О том, что делается с другими памятниками и центрами культуры русского народа, читатель может немало узнать из нашей периодической прессы. В то же время искусственно созданный вакуум срочно заполняется разного рода суррогатами, на радость корыстной и сплоченной серости, «творчество» которой выдается за достижение культуры и даже... отличительную черту перестройки.

...События в Институте русского языка АН СССР продолжают развиваться. В октябре 1988 года отстранен от заведования отделом культуры русской речи Л. И. Скворцов. В знак протеста против этой акции из состава ученого совета вышел О. Н. Трубачев.

Излишне говорить, что тихая катастрофа — а именно так можно охарактеризовать наблюдаемый ныне разгром русистики в академических сферах — непосредственно сказывается на всех остальных уровнях. От вузовского до школьного. Думаю, что наша общественность должна сказать здесь свое весомое слово.

Лидия ЖУКОВСКАЯ,
доктор филологических наук, лауреат
Государственной премии РСФСР 1988 года

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ПОБЕЖДАТЬ НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНИЕМ

Из писем в редакцию

Г. К. ЖУКОВ: СЛУЖИТЬ ОТЕЧЕСТВУ

Дочь маршала Маргарита Жукова рассказывает об отце

Должна ли существовать в высокоразвитом человеческом обществе проблема «отцов и детей»? Правы ли мы, подчеркивая ее неизбежность?

И. С. Тургенев выдвинул ее как одну из реалий своего времени. В наши дни эта проблема стоит необычайно остро. И все же, анализируя свою жизнь, я все больше и больше склоняюсь к выводу, что проблема эта — порождение болезни общества, утрачивающего «связь времен».

Совсем недавно по телевидению выступал воин-интернационалист, который сказал: «Не знаю, во что верить...»

Думая о своем отце, о том постоянном внутреннем диалоге, который мысленно веду с ним на протяжении всей своей

жизни, я пришла к ясному пониманию, что отец не давал мне потерять веру в тяжелые годы войны; именно он помог мне воспитать характер, убедил в верности своего жизненного правила — всегда верить в собственные силы, в людей, в их доброту и понимание.

Отец считал, что в жизни каждый имеет право только на то, что им заработано самим.

Тяжелое детство крестьянского бедняцкого сына, сызмальства отданного «в люди», думаю, воспитало в его характере некоторую замкнутость, сдержанность; но в деревне, на родине, ни одна свадьба не обходилась без него, где он, оказываясь в гуще людей, самозабвенно отдавался веселью. Отец очень любил петь и плясать. До самых поздних лет своих сохранил верность песням — «Есть на Волге утес», «Вставай, страна огромная», «Эх, дороги...», «Соловьи», «Праздник Победы», оставался горячим поклонником русских народных песен, особенно в исполнении Руслановой, Михайлова, Штоколова.

В молодости, в период службы в Минске, где родилась я, отец увлекался художественной самодеятельностью, на выдумки был неистощим.

Увлечение юности проявилось и в Берлине, в 1945 году, когда после подписания пакта о капитуляции фашистской армии в обстановке всеобщего ликования маршал Жуков плясал так, что союзники лишь восхищенно изумлялись.

В моих воспоминаниях главная опора — письма отца. В одном из них он раскрывает себя так, как нигде и никогда.

«Действующая армия, 1.9.44.

Маргарита! Письмо я твое получил. Из письма вижу, что ты хорошая и умная девочка. Пусть тебя не угнетает тяжелая жизнь. Наоборот, тяжелая жизнь — лучшая школа жизни. Тот, кто перенесет тяжелую и не избалованную жизнь, тот всегда будет господином своего положения, а не рабом. В детстве, юношестве, да и в средних летах я перенес очень много горя и лишений и очень редко видел радостные дни, но такая жизнь меня многому научила и закалила как солдата нашей Родины. Без этого вряд ли я был бы стойким солдатом и опытным полководцем.

Спасибо тебе за карточку. Я ее очень подолгу рассматриваю. Что касается твоего пути после школы, обдумаем после 9-го класса, а сейчас, детка, учись хорошенько.

Посылаю тебе: путевку в санаторий, 2 пальто, 2 платья, книги... Что не подойдет по размеру, скажи маме, пусть перешьет.

Крепко тебя обнимаю.

Твой папа, Г. Жуков».

Сегодня может показаться, что упоминание о путевке, платьях и пальто — ненужная деталь. Для меня это очень значимо. В то время, в сентябре 1944 года, я долго болела, и отец стремился сделать хоть что-нибудь, чтобы помочь мне. Читая письма Суворова, я набрела на одно, которое показалось мне невероятно знакомым, будто известным с детства, и лишь позже до моего сознания дошло, что оно было близким по духу письму моего отца.

«...Кинбурн, Ч, 2 июня, 1788 году

Голубушка Суворочка, целую тебя!

Ты меня еще потешила письмом от 30 апреля; на одно я вчера

тебе отвечал. Коли, Бог даст, будем живы, здоровы и увидимся. Рад я и с тобою говорить о старых и новых героях, лишь научи меня, чтоб я им последовал. Ай да Суворочка, здравствуй, душа моя, в белом платье. Носи на здоровье, расти велика...

Отец твой Александр Суворов».

Память моя цепко хранит каждый разговор с отцом, каждую строчку, написанную им: «Маргарита! Имей в виду, что твоему папе тоже приходится преодолевать немало трудностей. Очень хорошо, что ты не вешаешь нос перед трудностями. Я уверен, доченька, что ты будешь не слабее своего отца. Целую тебя, моя родная. Твой отец, Г. Жуков. 30 октября 1946 г. Одесса».

В письмах отец часто спрашивал меня, что я читаю, думаю ли над тем, что заниматься самообразованием необходимо: «...художественной литературы, правда, плохой подбор, я тебе посылаю. Ты дай мне заявку, что тебе надо достать...» Кстати, подбор литературы был не так уж и плох: книга Суворова «Наука побеждать» с пометками отца, указывавшими, на что обратить внимание, что особенно важно с его точки зрения. Были там и книги о героях Греции, о патриотах Испании — отец воевал на Халхин-Голе, где героически сражались герои Испании, летчики — 21 Герой Советского Союза, — которыми он всегда восхищался, как всеми, кто умел побеждать не числом, а умением.

После нашей встречи в Одессе в 1946 году отец скучал, писал о надежде на новую встречу: «Имей в виду, что я очень хочу тебя видеть, но, к сожалению, обстановка не так проста, как ты думаешь. При встрече я тебе многое скажу... При личной встрече решим о твоем дальнейшем образовании». Я увлекалась танцами, художественным словом, театральным кружком, писала стихи. Но отец постоянно напоминал о самообразовании. Сам он все постигал только путем упорной работы над собой.

Что кажется мне особенно важным в духовном строе отца? Его твердая убежденность и доверительность в отношениях с людьми, умение видеть в человеке главное.

Сам о себе отец говорил крайне редко, хотя рассказчиком был хорошим. От природы немногословный, он был скуп в оценках, особенно в разговоре с малознакомыми людьми. Но не могу не выделить черты, которая главной кажется в отце: он любил людей по-настоящему, глубоко, очень высоко ценил тех, кто обладал бойцовскими чертами характера, яркую индивидуальность выделял сразу.

Был он человеком действия, не любил некомпетентность, хвастовство, расхлябанность, безответственность. С нарушителями армейского порядка был крут.

Но по-особенному относился к солдатам. Известно обращение отца к молодежи — мысли, высказанные в этом обращении, занимали особое место. Поэтому приведу обращение полностью:

«Молодых людей я призвал бы... бережно относиться ко всему тому, что связано с Великой Отечественной войной. Но особенно важно помнить: среди вас живут воевавшие люди. Относитесь к ним с почтением не только в дни, когда они с орденами собираются поговорить с вами. Не забывайте о них в сутолоке жизни: на вокзале, в приемной по житейским делам, в поликлинике, в автобусе и в семье. Помните: редкий из воевавших не ранен. И почти все они лежали в промерзших окопах, случалось, по многу дней не знали горячей пищи, по многу ночей не спали.

Это было во время их молодости. Бывший солдат не станет вам жаловаться — не та закваска характера. Будьте сами предупредительны. Не оскорбляя гордости, относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за все, что они сделали для вас в 1941-м, 42-м, 43-м, 44-м, 45-м гг.

Четырежды Герой Советского Союза,
Маршал Советского Союза Г. К. Жуков».

В этих словах все, к чему с особой ответственностью всегда относился отец: верность правде, преданность священной памяти истории. Был в его биографии и такой факт — в канун сражения на Бородинском поле в 1941 году отец попросил принести ему «Войну и мир» Л. Толстого. Книгу не нашли, а принесли маленькую брошюру «Бородинское сражение» из «Войны и мира», издания 1941 года. Теперь эта маленькая книжечка хранится в музее Звездного городка.

Сейчас многие художники, скульпторы, актеры пытаются воспроизвести образ Георгия Константиновича в кино, скульптуре, на экране. Приведу пример, парадоксальный по своей наивности. С внучкой Машей и сыном Георгием мы пошли смотреть фильм о Жукове. И вдруг Маша, которой было в то время 7 лет, на весь кинозал закричала: «Это мой дедушка!» — «Маша — это артист», — пытались мы ее урезонить. «Что ты?! — воскликнула Маша, — этого дядю все называют Жуков. Он и есть Жуков, ну разве ты не знаешь?»

Это был артист Ульянов. А Ульянов везде Ульянов — и Жуков, и председатель, и Ричард III... Пишу об этом потому, что во внешности отца великолепно отражалась глубина его личности и, думаю, тем, кто никогда не сможет увидеть живого маршала Г. К. Жукова, деятели искусства должны оставить образ достоверности, отражающей неповторимость облика народного маршала. В этой связи хочу высказать и свою точку зрения.

Считаю, что из всех наиболее точным, как по описанию внешности отца, так и с точки зрения психологичности, является портрет, созданный писателем Константином Фединым. Встречу с Г. К. Жуковым в Берлине 1945 года он описал в военном дневнике. Вот этот отрывок мне и передала Н. Федина, дочь К. Федина, в музее писателя:

«...Он невысокий, очень крепкий, не без полноты. Голова выразительная с крупным подбородком, шишкастым выпуклым и поднятым вверх лбом. Все черты весьма сильные, вырезанные точно и смело, без подробностей, с одного раза. Но улыбка мягкая, как у людей, которые знают, что она действует убедительнее силы... Три выражения, чаще всего передаваемые лицом — суровость, сосредоточенная мысль и мягкая улыбка — очень ярки по закономерности и непроизвольны. Все в лице, в жесте, в голосе подчинено мысли. Вообще ум виден прежде и сильнее всего. Но работа ума не видна, ее незаметно. Она происходит так свободно, легко, что ощущение непринужденности и привычки мыслить освобождает и слушателя от всякого напряжения. Следовать за ходом его мысли так же просто, как ему — размышлять. Впечатление у меня такое после этой встречи, что фигура Жукова будет привле-

кать к себе внимание историка и художника не меньше, чем военного специалиста: благодарная, яркая личность с чрезвычайно индивидуальными особенностями и одновременно удивительно русская, соединившая в себе судьбы современных характеров с судьбой национальной. Это — из тех счастливых звезд, которые на небе России восходят плеядами... нынче пришло время показать, что такое русский полководец».

С моей точки зрения, среди тех, кто правдиво попытался передать облик отца и его внутренний мир, — Баграмян, Батов, Белобородов, Руденко, Пстыго.

Из литераторов — уже упоминавшийся К. Федин, К. Симонов, Е. Воробьев — в документальном кино.

О чем говорили письма отца 1949 года, когда он продолжал службу в Уральском военном округе?

Заповеди оставались прежними — самостоятельность, обязательное самообразование в дополнение к учебе, учиться уметь все — приготовить еду, соблюдать режим и опрятность, быть не только на уровне профессиональных знаний времени, но следить за новинками в театре, кино, музыке. В 1949 году он вручил мне пачку нот романсов Чайковского, Римского-Корсакова, Глинки, которые хотел услышать в моем исполнении. Я как-то спросила отца, почему он написал с фронта: «...что касается твоего пути после школы, обдумаем после 9-го класса...»? Он ответил, что профессию надо избирать на всю жизнь так, чтобы она стала любимым делом. При встречах он иногда устраивал «деловые игры», во время которых учил нестандартно мыслить, не боялся обсуждать «больные» вопросы, спрашивал о разных авторах и их точках зрения.

В 1954 году, когда я получила второе образование — экономическое, — он кое-что из наших бесед просил взять на заметку, записать в дневник, чтобы потом поразмышлять над этим. Отец не терпел отсебятины и спекуляций на второстепенных деталях...

Особенно твердо он отстаивал мысль о том, что нельзя манипулировать событиями прошлого. Историю нельзя ни ухудшать, ни улучшать, считал он. Ведь перед каждым поколением жизнь ставит свои, определяемые временем, задачи. И нельзя новому поколению произвольно толковать исторические события прошлого. Ни у кого нет права перечеркивать факты истории. А тем более ставить себя на голову выше исторических событий. Анализ может иметь учебное значение, анализ ошибок прошлого необходим. В истории потомкам далеко не все известно о тех обстоятельствах в условиях прошлого, при которых решались многие вопросы. Умному исследователю это всегда понятно. Понятно и то, что непосредственные участники событий могут ошибаться в своих выводах, человеческая мысль многомерна, поэтому к мемуарам и воспоминаниям надо всегда относиться критично, не принимая все сказанное за абсолютную истину — это по меньшей мере наивно...

Меня иногда упрекали в излишней прямолинейности в характере, не раз говорил отец. Может быть, и прямолинеен, но военный человек, не дипломат. Он должен идти к цели не зигзагообразно, удлиняя путь. Но при прямолинейности я всегда стремился соблюдать продуманный расчет, учитывать множество вариантов. В области военных знаний есть своя специфика — почерк каждого полководца. А он всегда разный.

Правда и полуправда — этот вопрос во всей своей сложности

стоял перед отцом во время его работы над книгой «Воспоминания и размышления». Правда всегда живет в народе, в народной памяти, в мудрости народа и всегда пробивается через толщу времени, считал отец. Народ говорит языком правды, но возможности правды неоднозначны и зависят от многих обстоятельств. В условиях полуправды правда деформируется, а вместе с этим деформируется и система общественных отношений. Чьи интересы выражает полуправда? Откровенных циников.

Правда о войне... Здесь много вопросов, и главнейший из них — как рассказать о ней будущим поколениям. Есть здесь вопросы первостепенной важности, есть второстепенные. Очень вредно приукрашивать свой вклад там, где его не было. Отец много думал о необходимости нового прочтения истории, особенно разных этапов и сражений войны. В чем он видел смысл такого переосмысления? Он понимал, что придет время, когда правда восторжествует, когда многое, о чем хорошо знал он, станет достоянием истории. И был убежден, что каждый народ, государство, армия в процессе своего развития накапливают огромный созидательный потенциал. Этот потенциал необходимо использовать быстро, интенсивно пропагандировать его, учить людей овладевать им. Без положительного опыта нет созидания, и поэтому нужно искать новые подходы при обязательном сохранении лучших традиций. Только так можно продвинуться вперед.

История — это ведь не только книги и исследования в тиши кабинетов, это и жизнь общества, его лицо, потенциальные возможности. Положительный опыт необходим людям, особенно молодым.

Отец хорошо знал о том, какой интерес проявляют к нему друзья и недруги. Усмехался, когда в кругу близких обсуждался «феномен» Жукова, формула из-за границы, где не понимали здешней возни вокруг его имени и раздували тему «забытого» гения XX века, подчеркивая, что это характерно для России, где никогда и никто ничем не дорожит, так как у них (то есть у нас) всего слишком много...

Отец знал, что американцы первыми поставили его имя рядом с именами Суворова, Кутузова. И больше всего сожалел о том, что его опыт и знания так мало используются в интересах воспитания молодежи.

Если мы не дадим молодежи то, что надо государству и самой молодежи для движения вперед, подчеркивал он, она обязательно сама найдет чем себя занять, изберет кумиров, которым будет поклоняться, ложных кумиров — «то, что блестит». А ведь истина, как правило, неброска...

Размышляя о цели и смысле жизни, Г. К. Жуков всегда помнил о долге перед народом. Он считал этот вопрос общественно необходимым и говорил, что ставить его нужно перед самим собой только так — правильно ли ты живешь? «Хорошо ли прожита жизнь?» — спрашивал он себя. И отвечал: «Считаю, что хорошо: самые мои большие радости совпали с радостями Отечества. Тревоги Родины, ее потери и огорчения волновали меня больше, чем личные потери и огорчения. Я прожил жизнь с сознанием, что приношу пользу народу. А это — главное для любой жизни».

Когда меня спрашивают, что отец считал самым счастливым и самым трудным в жизни, я вспоминаю всегда такой ответ: «Самое трудное — период битвы за Москву. Самое счастливое? От имени

Советского правительства, народа и армии принять безоговорочную капитуляцию фашистской армии, то есть день, когда кончилась война».

ПРОЩАТЬ КОЩУНСТВО УНИЗИТЕЛЬНО

Не раз отправлял письма ковельчанин А. Шевченко в журнал «Огонек», призывал его авторов уважительно относиться к памяти погибших в Афганистане солдат. В ответ «застрельщики перестройки» отмалчивались либо отделывались казенной отпиской (смотри письмо А. Шевченко в «Молодой гвардии», № 3, 1989 г.).

А. Шевченко, отец погибшего воина-интернационалиста, вновь обратился в нашу редакцию.

Пишет Вам отец солдата, погибшего на войне в Афганистане.

В первом номере журнала «Огонек» за 1989 год опубликовано стихотворение поэта Е. Евтушенко «Афганский муравей», которое он, как сам пишет, «написал в 1983 году и читал его лишь в самых интимных аудиториях». Но недавно ему «привезли из Афганистана на кассете трогательную песню под гитару — на... слова «его стихотворения, и он не удержался от того, чтобы не опубликовать «Афганского муравья» в возглавляемом редактором В. Коротичем журнале. Не верю, что те, кто сочиняет на подобные стихи песни и распевает их, воевали, находясь в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, и хотя бы сделали один выстрел в сторону противника. Но я не о них. Я об их вдохновителях.

...Это стихотворение меня очень обидело. Мучительно больно стало за погибшего там, на далекой чужбине, моего одного-единственного сына и многих таких же, как он, солдат, сложивших головы в Афганистане.

Под городом Кандагаром осталась вся пролитая им кровь и пепел от сгоревших в бронемашине ног, правой руки... Остальное было привезено нам, его родителям, в цинковом гробу 20 ноября 1986 года...

И вот теперь поэт Е. Евтушенко читает моему мертвому сыну мораль. Каково слышать ее мне, потерявшему, как я понял из стихотворения, за черт-те знает что сына в его 19 лет? Каково слышать заданный поэтом через «афганского муравья» вопрос к моему скончавшемуся от тяжелейших ран сыну: «Почему ты явился с оружием к нам...?» Мой сын уже не ответит ни «муравью», ни Е. Евтушенко, ни В. Коротичу, ни «Огоньку». За него я скажу.

Из нас троих — мой отец, мой сын и я — двое погибли на войнах. За что погиб отец — мне предельно ясно с пятилетнего возраста, и я до сих пор не встречал в нашей литературе — газетах, журналах — ни одного кощунственного слова в адрес нашего солдата, погибшего в Великую Отечественную за Родину. А теперь вот: «Почему ты явился с оружием к нам...?»

До сих пор меня уверяли, что туда, в Афганистан, наших сыновей с оружием в руках для выполнения воинского интернационального долга Родина посылала! «Родина гордится вами! Родина благодарит вас!» («Правда» от 5 октября 1986 г.) — разве не так заканчивалось обращение ЦК КПСС к воинам-интернационалистам, возвращающимся из ДРА? Наших солдат в Афганистан послала Родина воевать за правое дело, — это неоднократно звучало и с высоких трибун из уст высших партийно-государственных деятелей Советского Союза, с трибуны XIX партконференции. А раз так, зачем укорять моего мертвого сына тем, что он явился с оружием в Афганистан? Укорять того, кто только вступил в совершеннолетие...

Так как я, отец солдата, солдата, который на этой войне (на которую его «Родина послала») до конца честно выполнил свой воинский долг (кстати, награжден орденом и медалью), должен принимать суть стихотворения Е. Евтушенко «Афганский муравей»? Ведь, по мнению «Огонька», отправили мое дитя, только в жизнь вступившее, не для выполнения «воинского, патриотического и интернационального долга...» Иначе зачем после того, как он погиб, не прячась за чужие спины, «и погиб как герой» («Правда» за 11 сентября 1988 г.), читать ему, мертвому, мораль: почему он явился с оружием в Афганистан.

На мои два письма протеста по этому поводу (одно из этих писем открытое), можно сказать, в «Огоньке» не обратили внимания, как и на телеграмму от 16 января 1989 года. Вот ее текст: «Москва, редакция «Огонька», Коротичу, Евтушенко. Стихом «Афганский муравей» кощунствуете над моим сыном, погибшим в Афганистане. Ради популярности не щадите наши родительские душевные раны. Какое моральное право сыпать на них соль имеют те, кто сберег своих детей от этой войны. Шевченко А. Н.»

Глумиться над погибшими смеют в «Огоньке», но нет в читательской почте журнала места для писем тех, кто пострадал от войны в Афганистане.

В статье «Я вас в Афганистан не посылал» («Правда» за 5 августа 1987 г.), в которой цитировалось и мое письмо, автор вместе с читателями придерживается твердого убеждения, что в Афганистан наших ребят «Родина посылала, Отчизна», а кто этого, мол, не понимает, тот «отделил себя от Родины, от народа». Это о вас, В. Коротич, Е. Евтушенко, это о вас, огоньковцы.

А дело моего сына и всех, кто разделил его судьбу, — правое. Они честно, мужественно и стойко выполнили свой воинский долг. И пока я, отец одного из них, жив, я их, мертвых, вам в обиду не дам. Я, последний в нашем роду мужчина, буду стоять на страже чести погибших, требовать буду уважать их могилы!

А. Шевченко,
Ковель

КОГДА СПОКОЙНЫ «ПРОРАБЫ ПЕРЕСТРОЙКИ»

М. С. Горбачев, встречаясь 6 января 1989 года в ЦК КПСС с деятелями науки и культуры, сказал: «Но, пожалуй, все-таки одной из серьезнейших причин того, что сегодня мы столкнулись со многими беспокоящими нас явлениями в межнациональных отношениях, является то, что на каком-то этапе мы уже начали почивать на лаврах, считали, что все вопросы решены».

Мне кажется, что формирование государственной идеологии — сложный процесс со множеством взаимопереплетающихся обратных связей. Например, с одной стороны, директивные установки

определяют общее направление работы органов массовой информации, с другой — пресса и телевидение, прямо влияя на общественное мнение, на общественное сознание, сами оказывают давление на государственный аппарат, на принятие тех или иных важных решений.

С началом процесса обновления в нашей стране сразу и очень громогласно заявила о себе весьма представительная группа известных и в прошлом людей, которые без тени сомнения утверждают, что только им ведомы «светлые идеалы перестройки», что только они знают, каким путем идти дальше. Они напялили на себя робу «прорабов» этой перестройки и пытаются вести за собой почему-то упирающийся неразумный народ. Действуют эти люди напористо, самоуверенно. Советы их неожиданны, смелы, иногда заманчивы. Однако общего восторга их «революционные» рекомендации не вызывают, верится в их свежие предания с трудом. Почему? Да потому, что даже в короткий исторический период перестройки эти «прорабы» показали свою полнейшую несостоятельность в решении злободневнейших политических вопросов, одним из которых стал национальный. Те ориентиры, к которым они призывали и призывают (!) следовать, оказались ложными, ведущими к тупику, к катастрофе.

Наш дежурный трибун Евг. Евтушенко в издательстве «Правда» в 1987 году выпустил трехсоттысячным тиражом прямо-таки программную книгу с примечательным названием «Завтрашний ветер». Наконец-то «гонимый» в прежние времена поэт смог включить в советское издание одно из самых любимых своих произведений — «Бабий Яр». Евтушенко со свойственной ему прямотой решает все национальные проблемы. Ему ведом сокровенный смысл межнационального братства всех народов. «Интернационал» пусть прогремит, когда навеки похоронен будет последний на земле антисемит», — восклицает поэт. Хотелось бы спросить: почему «прогремит», а не прозвучит, как подобает гимну? Может быть, ружейным залпом он должен громыхнуть, пуская в расход последнюю партию уцелевших на земле антисемитов? Но ведь что получается? Если подходить буквально, то антисемитами в первую очередь следует назвать тех, кто уничтожает сегодня арабов. Так при каком же условии тогда восторжествует «интернационал»?

Национальные вопросы всегда требуют особого такта, особой деликатности. Увы, «прорабы» перестройки нередко теряют представление о приличии там, где заходит разговор о национальном вопросе в России. Вопросы и скороспелые ответы даются часто в безапелляционной форме, решаются «в лоб». Так что, извиняюсь, если кому-то мои вопросы покажутся нетактичными. Они уже поставлены самой жизнью, всем ходом нашей советской истории, и отвечать на них все равно придется.

Пламенный борец с административно-бюрократической системой и многочисленными «врагами перестройки», журнал «Огонек» в № 23 за 1988 год помянул очень даже добрыми словами «Постановление Совнаркома от 25 июля 1918 года, объявлявшее «антисемитское движение гибелью для дела рабочей и крестьянской революции» и предписывавшее местным Советам решительно пресекать антисемитизм, а ведущих погромную агитацию ставить вне закона». Я так понял, что «Огоньку» очень хочется то давнее постановление, написанное с орфографическими ошибками, гальванизировать и протащить в будущее правовое государство.

Однако мне неясно следующее: если Октябрьская революция была рабоче-крестьянской, в чем мы никогда не сомневались, то почему для нее гибельно именно антисемитское движение? Ведь никто серьезно не станет доказывать, что евреи составляли основу нашего рабочего класса, тем более российского крестьянства. Почему же законодательно была запрещена только антиеврейская пропаганда, но не антиармянская, не антигрузинская, не антирусская, наконец? Произошел беспрецедентный в мировой истории случай, когда над законом была поставлена группа людей только по национальному признаку. Из десятков народов нашей огромной державы один выделялся в разряд неприкасаемых. И это случилось в первый же год становления нового государства, создания его административно-управленческой инфраструктуры.

Постановление, принятое 25 июля 1918 года, стало отправной точкой последующего абсолютизма административной системы, торжества бездушной бюрократии, катастрофы расказачивания, страшной эпохи ГУЛАГа и всего прочего, что сейчас объединено в понятие «сталинизм». На долгие годы государственно-административная система страны освобождалась от критики, от контроля. Не секрет, особенно сейчас, когда открыты архивы, что подавляющее, абсолютное большинство руководящих постов сразу после революции заняли евреи. Ну и как, скажите, их, бюрократов, было критиковать? Рта не успеешь закрыть, как выведут под ручки и шлепнут за углом под «гром «Интернационала». Попробуй докажи, что ты критикуешь Кагановича-администратора, а не Кагановича-еврея. Кстати, среди прочих абсурдных обвинений, на основании которых был расстрелян в 20-м году комкор Думенко, было и обвинение в этом самом антисемитизме.

Сталин во многом отошел от первоначальных замыслов Октября, извратил их. Он отбросил многие законы, в том числе и тот, который запрещал трогать евреев. Их стали арестовывать наряду с другими и даже расстреливать. Однако так называемая борьба с космополитизмом только подтвердила приоритетность еврейского вопроса перед всеми остальными.

Это была очень шумная, но далеко не самая кровавая кампания в те сталинские годы. И тем не менее в «Известиях» от 19 января 1989 года еще один «прораб» — Борис Васильев, без тени смущения заявляет: «Даже во времена самого черного террора Сталин и его приспешники — по крайней мере внешне! — не посягали на интернациональный дух советского народа. Это был нетронутый блок фундамента, и вот его-то решили взорвать». Оказывается, к пятидесятым годам у нас уже сложился прочный «блок фундамента» интернационализма к всеобщей радости межнационального общения, но сталинисты, арестовав группу «виднейших евреев-медиков по обвинению в умышленных убийствах», ни больше ни меньше как «раскололи весь советский народ»! По Васильеву выходит, что репрессии по отношению к целым народам — немцам, калмыкам, крымским татарам, чеченцам и другим — были всего лишь прелюдией, «артподготовкой» к одиннадцатому «сталинскому удару», потрясшему якобы самые основы общества. Б. Васильев по сути открыто первым поставил страдания нескольких врачей-евреев выше трагедий целых народов.

После смерти Сталина «борьба с космополитизмом» быстро прекратилась, а советское еврейство обрело ореол главных жертв и мучеников периода культа личности. Постепенно сложнейший ком-

плекс межнациональных отношений был сведен к оценке отношения в данном регионе к евреям. Нет явных признаков так называемого антисемитизма — все в полном порядке. Если же есть хоть намек на попытку критического анализа роли еврейства в истории СССР — сразу надо бить тревогу. Однако десятилетиями такого анализа не делалось вообще, о евреях, от греха подальше, старались не писать, создавать благодушное ощущение межнационального покоя по всему Союзу.

Но вот пришло время обновления. Народ сразу принял саму идею перестройки, откликнулся на призыв решать государственные вопросы сообща, всем миром. Отмечается невиданная активизация общественной жизни, везде обсуждаются варианты путей, какими предстоит дальше развиваться нашему обществу. Открытость суждений пришла на страницы газет и журналов, на экраны телевизоров.

Перестройка и гласность вполне естественно способствовали пробуждению интереса к истории, интереса к тому, как же крупнейшая империалистическая держава начала века — Россия — дошла к концу века до критического состояния. Кто вверг страну в пучину произвола и беззакония? Кто подорвал продуктивное сельское хозяйство? Кто уничтожал нашу культуру, кто отсекал богатейшее историческое наследие народа? Как избежать подобного в будущем?

И тут же раздались дружные крики о том, что перестройке грозит смертельная опасность, что силы реакции консолидируются и не сегодня завтра перейдут в решительное наступление.

В этих заклинаниях послышались до удивления знакомые нотки. Оказывается, смертельную опасность позитивным преобразованиям в стране несут не кто иные, как те же антисемиты и великодержавные русские шовинисты, и тут как тут услужливый Евтушенко немедленно начал вещать о неминуемом кровавом мятеже, если перестройка не защитится от «свиней», национальность которых легко прочитывается:

Идет реакция «свиньей»,
как шла тевтонская угроза,
и у реакции родной
есть дух вандейского навоза.

За экологию природы
встает, витийствуя, она,
но экология свободы
ей непонятна и страшна.

Вот в чем для Родины опасность —
когда заправский костолом
заходит со спины на гласность
со шкворнем или с кистенем.

И быть пужливым «прогрессистом»
позорно в час, когда войной
с прихрюкиваньем и с присвистом
идет реакция «свиньей»...

«Юность», № 6, 1988

К этим виршам ни добавить, ни прибавить ничего нельзя — в них вся идеология «прорабства».

Я просмотрел все номера «Нашего современника», «Москвы» и «Молодой гвардии» за последние пять лет — то есть номера тех журналов, которые скопом занесены «прорабством» в антиперестроечные и шовинистические. И ни в одной публицистической статье за все эти годы не нашел не только негативного употребления слова «жид», но и вообще словосочетания «жидомасон», крика «бей жидов!». И в то же время эти перлы изящной словесности «украшают» страницы «Огонька», «Дружбы народов» (!), «Знамени», «Искусства кино», «Юности», «Советской культуры», я уж не говорю о ставших просто бульварными «Московских новостях».

Не хочется думать, но создается впечатление, что кем-то сознательно нагнеталась истерия близящегося погрома. За год до Сумгаита перечисленные издания вдруг разом запестрили статьями-предупреждениями. На свет божий было вытащено московское неформальное общество «Память», о котором до 1987 года и в столице-то мало кто слышал, и началось... Размахивая «Памятью», как черным чумным флагом, самые массовые издания подняли крик о «врагах перестройки», о недопустимости нападок на интернациональное единство советского народа со стороны «черносотенцев», которые, дескать, терпеть не могут инородцев. В ход шли откровенные провокации вроде анонимных писем или угроз со стороны «боевиков «Памяти». И вполне закономерно, что в очередном номере «Огонька» (№ 9, 1989 г.) провокатор Норинский в «Интервью с антигероем» предстает едва ли не героем настоящим, в деле которого суд якобы не вполне разобрался. А «Огонек» разобрался. И за его сочувствием к провокатору сквозят прозрачные намеки на то, против кого и как надо вести борьбу, чтобы впредь норинские могли вершить свои подлые делишки юридически безнаказанно. Это ли не националистическое разжигание страстей?

Гром грянул не среди России, а в Сумгаите, отозвавшись грозным эхом по всей стране. Почему же резня в Азербайджане, Карабахе, антирусские и антисоветские выступления в Прибалтике оказались неожиданными? Почему пресса не предупредила о зреющих катаклизмах? Да только потому, что там не наблюдалось антисемитизма! Поэтому «прорабы» оставались спокойны.

В Сумгаите людей убивали по национальному признаку, хотя и не евреев. И что же наши блюстители чистоты интернациональной нравственности? А они твердили и твердят о русских шовинистах, о недопустимости антисемитизма, о близящейся «вандее», словно нигде у нас еще комендантский час не вводился, словно танки на мирных улицах не стоят.

Антирусские настроения в отдельных изданиях вовсе не идут на спад, они приобретают более изощренный характер. Уже после Сумгаита «Огонек» вспомнил постановление от 25 июля 1918 года. Кинодеятели, собравшиеся на свои смотрины в Одессе 15 сентября 1988 года в скандально известном Обращении отметили, что в разных регионах страны наблюдаются «открытые проявления экстремизма», и тут же призвали покончить с «национал-шовинистическим обществом «Память» как одним из самых опасных реально действующих орудий реакции». Оказывается, реакция действует с ору-

жием в руках не в Армении и Азербайджане, а в Москве через «Память».

Некий Г. Померанц в 10-м номере журнала «Искусство кино» за 1988 год поместил откровенно националистический опус, пронизанный брезгливым высокомерием к истории России, к ее лучшим сынам. Этот очередной «прораб» заклеймил Валентина Распутина как кликушу, а Василия Белова назвал «национально ограниченным». И это не все! Померанц договорился до того, что связал «опыт Сумгаита» (всего лишь опыт!) с Васисуалием Лоханкиным как обобщенным символом писателя-интеллигента, плетущимся «за толпой погромщиков, а то и в голове погрома, высоко вздымая хоругвь сермяжной правды». Я и не знал, что мусульманские фанатики пошли на резню под православными хоругвями... Но всех переплюнул Д. Гай в «Вечерней Москве» 24 декабря 1988 года, заявивший, что в трагических последствиях декабрьского землетрясения в Армении и то виноват русский мужик со своим несносным характером. Прикрываясь цитатой из «Курса русской истории» Ключевского, он пытается доказать недоказуемое: то, что «великорусский авось» сыграл роковую роль в выборе места строительства Армянской АЭС, в отсутствии у нас «современной электронной аппаратуры», способной предсказывать землетрясения, в нарушении технологии строительства в Спитаке и Ленинакане, даже в плохой организации спасательных работ и то «великорусский авось» виноват, который, перешагнув национальные границы, грозит бедой уже всей планете.

Поистине этот абсурд превосходит даже абсурд борьбы с космополитизмом.

Можно соглашаться или не соглашаться с тем, что я написал, но критерием истины является практика. Практика строительства социализма в СССР, практика решения национального вопроса однозначно говорит о том, что приоритет интересов одной этнической группы перед всеми другими народами страны всегда вел в тупик. И больше всего тревогу за судьбу перестройки, за то, что ее идеалы действительно останутся чистыми, вселяют не абстрактные враги, а вполне конкретная и слишком одиозная галерея ее рьяных защитников, ее «прорабов»...

В. Трейман,
Москва

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ЛЕГКОВЕРНЫМИ!

Последние годы, полтора-два, заставили поволноваться всех сторонников здравомыслия: поражал и возмущал наглый цинизм, беспардонная клевета, с какой обрушивались на «Наш современник», «Молодую гвардию», «Москву», на С. Викулова и Ю. Бондарева, М. Алексеева и С. Куняева и других честных писателей некоторые столичные издания вкупе с зарубежными «голосами», к которым теперь подключилось еще и круглосуточное «Радио Свобода» (не случайно к этому пропагандистскому лабазу мгновенно потянулись «застрельщики» перестройки — от Н. Шмелева до Н. Эйдельмана)...

Понимаю, как трудно в условиях «гласности с односторонним движением» защищать свои убеждения, как трудно что-либо доказать «плюралистам», которые слышат только самих себя и при малейшем несогласии с их точкой зрения тут же голосят на весь мир о подавлении их взглядов и об антисемитизме!..

Поэтому материалы недавних пленумов российских писателей воспринял с воодушевлением: кажется, намечается оздоровление атмосферы. Да, похоже, что и читательская масса начинает постепенно прозревать. Пора бы разглядеть, что скрывается за крикливыми, развязными статейками Сарнова, Рассадина, Ильиной, обеих Ивановых и прочих... Отлично завершила год «Москва» — статьей А. Байгушева, давшей выразительный портрет выдающегося руководителя и организатора, «прораба перестройки» В. Коротича. Думаю, неужели «застрельщики» перестройки не понимают, что на лжи далеко не уедешь, что уныло-однообразные клише, по которым они стряпают свои фальшивки, в конце концов просто набьют оскомину?.. На что они рассчитывают, подменяя истину бесконечными подтасовками, лицемерием, кликушеством?..

Роль «Молодой гвардии» и «Нашего современника», а последнее время и «Москвы» (я читаю эти журналы уже более двадцати лет) поистине неоценима: в отстаивании нравственно-патриотической позиции, в восстановлении исторической правды, в воспитании гражданина Отечества. Все это находится в непосредственной связи с тем, что побудило меня обратиться в редакцию «Молодой гвардии».

В 11-й книжке журнала напечатана статья об орденах Славы и Победы. Эта тема мне хорошо знакома и близка, но с особенным волнением я прочитал следующий абзац: «Среди полных кавалеров ордена Славы только четыре человека были отмечены и высоким званием Героя Советского Союза. Это командир орудия гвардии старший сержант А. В. Алешин, летчик-штурмовик И. Г. Драченко, командир стрелкового взвода старшина морской пехоты П. Х. Дубинда и командир орудийного расчета старший сержант Н. И. Кузнецов».

Дело в том, что некоторое время назад я снял документальный фильм об этих замечательных героях, и их имена стали для меня родными. Да, их было всего четверо, столь уникально — не побоимся этого слова! — награжденных. (Впрочем, работая над фильмом, я обнаружил еще одно необычное награждение: в ходе Висло-Одерской операции орденом Славы был награжден целый батальон!..)

К нашему прискорбию, Андрей Васильевич Алешин уже ушел из жизни, и рассказ о нем был построен по фотографиям, документам, кадрам фронтовой кинохроники и по материалам о его родной деревне недалеко от Оптиной пустыни...

Не очень-то бодрым выглядел Павел Христофорович Дубинда — мы снимали его в селе под Херсоном, — и только старые фотографии передавали облик бравого красивого парня, о котором ходили легенды...

Жаловался на самочувствие и Николай Иванович Кузнецов, к которому мы приехали в далекий поселок Пестово, что в Новгородской области. Этот скромный, застенчивый, тихий человек участвовал в штурме Сапун-горы, одним из первых ворвался в Севастополь и водрузил на крыше железнодорожного вокзала красное знамя... А потом был штурм Кенигсберга — об этом рассказывает в фильме генерал армии Белобородов, лично награждавший отважного сержанта...

Пожалуй, лишь Иван Григорьевич Драченко сохранил моложавость. Лихо вел он свою «Волгу», показывая Киев, с увлечением вспоминал воздушные бои — а ведь у него не было глаза, и он это умело скрывал!.. Его рассказ в фильме как бы подытоживает главную тему — подвиг народа, его размышления о патриотизме наполнены внутренней мощью, несокрушимой убежденностью, и когда в тебя входят эти слова, словно рожденные самой землей, — вот тогда ты понимаешь каждой клеточкой, что такое любовь к Родине и что такое русские богатыри.

И какими жалкими теперь выглядят потуги некоторых литературных временщиков принизить и нивелировать глубинный героизм нашего народа!..

Фильм снимался в «доплюральные» времена, но для меня он не был «застойным», в нем нет ни нотки фальши. Он очень дорог мне — и не только потому, что я отдал ему много сил, стараясь вложить в него любовь и благодарность к солдатам Великой Отечественной. Фильм — он называется «Слава солдатская» — дорог мне тем, что я соприкоснулся с людьми необычайной судьбы, с их ежедневным, ежечасным неизмеримым подвигом. Я был счастлив, что частица моей души вложена в общий труд нашей Памяти. У меня были и другие памятные работы: фильм о М. В. Фрунзе, о маршале И. Х. Баграмяне, — но эта картина оставила особую зарубку.

К сожалению, фильмы нашей студии почти не имеют широкой аудитории (как, впрочем, и весь документальный кинематограф, кроме специально рекламируемых лент типа «Легко ли быть молодым»...) — и здесь, конечно, я печалюсь не о себе, не об ущемленном честолюбии. Ведь подобные картины делаются не для «самовыражения», не для зарубежных фестивалей. Это фильмы народные, о народных героях и для них. В «Славе солдатской» есть эпизод, смонтированный из военной кинохроники: по распутице, по бездорожью, через болото, увязая в грязи, наши солдаты тащат пушки, волокут на себе, проваливаясь в трясины, из последних сил одолевая и одолевая эти тяжкие километры... Вот об этом фильм. А ветераны, увы, уходят. И мы не торопимся продлить им жизнь лаской, участием, заботой.

Вместо этого появляются на экранах взамен подлинных творцов истории те, кому так уютно и сыто жилось, для кого вся жизненная цель была лишь в занятии теплого и безопасного местечка, те, кто кроил и перекраивал страницы войны, а теперь, отъевшись на кафедрах, выползли из щелей и заверещали: и воевали-то мы неправильно, и Сталин-то вовсе не полководец, и победа-то наша не победа, а почти наоборот... Недалек и тот час, когда по экранам зашагает некий посторонний «солдат Иван Чонкин», порожденный воспаленной фантазией лжепатриота Войновича... И ведь не Василия Теркина, не какого-нибудь даже русского Швейка спешит перевести на язык кино Рязанов, а именно этого «героя» скабрезного романа-анекдота... Да можно ли народную трагедию превращать в водевиль? И почему бы из собственного бегства на Запад не сотворить Войновичу оперетту? А Любимов ее за милую душу поставил бы!.. Так нет же, бегство в Европу — это драма, а отъезд — вынужденный шаг. Не поднимается рука на самих себя.

Ну а если поднимается рука на нас на всех, на прожитые десятилетия, на наши радостные и горькие дни — то кто же они все, как их назвать? Ведь живя и здесь, рядом с нами, они всецело ориентировались на Запад. И свой «вынужденный» шаг предпринимают лишь тогда, когда выясняется, что больше никаких выгод им пребывание в СССР не сулит и дальнейшая оппозиция чревата народным гневом и наказанием по закону.

Какую же картину видит теперь простой честный труженик, который верой и правдой служил своей стране? Тунеядцы, диссиденты, антисоветчики именуются ныне «Огоньком» и некоторыми другими органами печати «предтечами перестройки»; вчера выехавшие за рубеж писатели, художники, музыканты, режиссеры превратились в «мучеников»... Художник Михаил Шемякин, процветающий в Америке, — мученик, а кто же тогда Константин Васильев, чей талант и жизнь были задавлены непризнанием и нищетой?.. Самодовольный нобелевский лауреат Бродский — и погибший так рано Николай Рубцов?.. Главный редактор «Континента» Максимов — и сгоревший в неравной борьбе Шукшин?..

Что-то не очень похож на мученика и Аксенов, самодовольным баритончиком нахваливающий американские блага в отведенные ему радиоминуты... Когда-то один из героев его «Коллег» яростно уверял читателей, что не пожалеет для Родины ни ноги, ни руки. Сам Аксенов теперь не пожертвует для нее и ломаного цента...

На знамени всех этих лжепатриотов отчетливо проступают кощунственные слова, издевательски брошенные некогда стихоплетом Джеком Алтаузеном в адрес настоящих российских патриотов Минина и Пожарского.

...Прямой наводкой расстреливал фашистские танки под Москвой русский солдат Андрей Васильевич Алешин. Это кратчайшее расстояние, дуло в дуло, почти верная смерть. Он спасал и спас Россию. Он ушел воевать, чтобы дойти до Берлина и вернуться на родную калужскую землю.

Вжимаясь в сухие склоны Сапун-горы, под сплошным шквальным огнем, бросаясь вперед и снова распластываясь под кипящим свинцом, Николай Иванович Кузнецов думал о том времени, когда он приедет в Севастополь отдыхать и любоваться безмятежным морем...

Павел Дубинда с горсткой бойцов форсировал реку, перебил фашистов и удерживал плацдарм до наступления батальона...

Да, они спасали Россию. И еще тысячи и миллионы погибших, они тоже спасали и спасли Россию — да и не только Россию. Они шли в атаку навстречу смерти, крушили врага и гибли сами. И вот теперь находятся академики и доктора наук, которые подвергают все своей переоценке, в который уже раз что-то все перечитывают, определяя какими-то своими мерками размеры бедствий и количество жертв, которыми, мол, можно было бы обойтись...

А мы, видите ли, не уложились в «научно» выведенное ими количество жертв. Можно ли представить себе что-то более кощунственное?

Вот какие чувства и мысли вызвала статья об ордене Славы... Раскрыл журнал, увидел рисунки, тут же вспомнил, как снимали мы фильм о героях войны, потом принялся читать, дошел до знакомых фамилий, и — кадр за кадром — пошла перед глазами картина, и я снова увидел и услышал дорогих мне людей...

Е. Ованесян

ДОЗИРУЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ!

Некоторые современные авторы позволяют бездоказательные восхваления в адрес одних исторических личностей, памфлетные суждения в адрес других и откровенный наговор в адрес третьих — все в зависимости от личных симпатий или антипатий, нисколько не считаясь с исторической достоверностью. Так поступил и Р. Медведев, опубликовавший в «Московских новостях» (№ 52 за 1988 год) статью-отповедь тем, кто посмел, видите ли, критиковать таких деятелей, как Я. А. Яковлев (Эпштейн).

Еще в дореволюционные годы, в юношеском возрасте, Я. А. Яковлев (Эпштейн) становится профессиональным революционером. В 22 года — председатель ревкома в Харькове, затем — председатель губкомов в Киеве и Екатеринославе. В 23 года он уже член ЦК РКП(б). В 33 года, в 1929 году, не имея сельскохозяйственного образования, Яковлев (Эпштейн) занимает пост наркома земледелия СССР. В этой должности Эпштейн проявил себя как разрушитель старого, того, что казалось ему чуждым и опасным.

Чего стоит выполнение им любой ценой партийного решения о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Кстати, в подготовке проекта такого решения он принимал непосредственное участие. Репрессии на селе Яковлев (Эпштейн) начал проводить с помощью пресловутого Ежова, бывшего в 1929—1930 годах его заместителем. Продолжил начатое с другими помощниками. И так преуспел в уничтожении и грабеже неввистных ему крестьян, что даже жестокий Сталин вынужден был, приняв вину на партию, одернуть зарвавшегося наркома и его многочисленных «сподвижников» в известной статье «Головокружение от успехов». Это, однако, не помешало оценить «заслуги» Эпштейна. В 1934 году его на пять лет передвигают на место заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б).

Под непосредственным руководством Яковлева (Эпштейна) были репрессированы миллионы сельских жителей, главным образом в России, на Украине и в Белоруссии. Из них большая часть погибла в боях при подавлении восстаний, расстреляна по приговорам судов и трибуналов, умерла от болезней, голода, нечеловеческих условий в местах ссылок.

О своих «революционных» похождениях и «заслугах» Яковлев (Эпштейн) рассказал в нескольких книгах и статьях по истории революции и советского строительства. С немалой беззастенчивостью и цинизмом раскрывает он свою личную приверженность к жестокости. Одна из его работ называется «Наша деревня» (Госиздат, Москва, 1925 год, 3-е издание). В книжке представлен результат социального и статистического исследования ряда деревень, выполненного в порядке реализации критических замечаний В. И. Ленина к тезисам «О работе в деревне» для XI съезда РКП(б), в которых В. И. Ленин обращал внимание на углубленное изучение и понимание деревни. Но Яковлев (Эпштейн) в «Нашей деревне» (стр. 6) так «углубляет» Ленина: «...мы должны научиться вскрывать под наилучшей социалистической внешностью старое помещичье или кулацко-капиталистическое содержание». И вскрывал, и губил — не только кулацко-капиталистическое, но и трудовое крестьянство.

И после этого нас призывают замалчивать злодеяния Яковлева (Эпштейна)! Не сметь, мол, даже упомянуть его среди палачей народа!

Чем, интересно, объясняется такая позиция «Московских новостей» и ее автора Р. Медведева?

Е. Олейник
Москва

НЕТ — «ПРЕССИНГОВОЙ ДЕМОКРАТИИ»!

Да, настали времена!.. Эпоха гласности, подобно вихрю, вторгается в жизнь каждого, и общественное властно потесняет личное. В частные биографии вплетаются события, казалось бы, величественного звучания. «Казалось бы» — потому что нередко приходится сталкиваться с фарсом, в который, как известно, превращается трагедия при попытке повториться.

Взять, например, историю с выборами кандидатом в депутаты главного редактора «Огонька», имя которого, признаться, стало фантасмагорически популярно. Это, к сожалению, признак не очень-то высокого нравственного уровня современного общества. Но — все по порядку...

Довелось мне побывать на собрании по выдвижению кандидатов в народные депутаты по 21-му избирательному округу города Москвы. Первое, что произвело впечатление, — массовый отток людей от здания, где должно было проходить собрание. Туда... не пускали: зал заполнился до отказа задолго до начала мероприятия. С трудом мне удалось проникнуть в «святая святых», хотя как жительница округа я имела на то полное право.

Сюрпризом для избирателей стало отсутствие на этом собрании Коротича, который в это время находился в США, — его представляли Евтушенко, Цветов, Федоров, Адамович, Корякин, — люди, которых мы имеем счастье лицезреть на экранах телевидения едва ли не в любое время дня и ночи. С программой кандидата присутствующих не ознакомили, зато Адамович почему-то счел нужным сообщить, что «умер «сталинист» Шеховцов», с которым, надо сказать, я виделась через несколько дней и даже не в реанимационном отделении. Это было вторым сюрпризом. Неужели, подумалось мне, от Шеховцова зависит судьба Коротича?

Третий сюрприз «разразился» после моего вопроса: «Почему на страницах «Огонька» ведется клеветническая кампания против таких русских писателей, как Распутин, Белов, Астафьев, Бондарев?..» Договорить мне не дали. Зал взорвался: «Фашистка!.. Черносотенка!.. Хулиганка!..» Кто-то жаждал вызвать милицию. Потом зал, словно по команде, стал дружно скандировать: «Долой «Па-мять»! До-лой «Память»!» Потом обозвали меня «шушерой». Политически определенно окрашенное настроение зала было очевидным. Однако давно известно: имитация антисемитских настроений нужна только тем, кто заинтересован в разных формах нестабильности. Тем, кто хотел бы разодрать общество по всем параметрам — поколения, социальные группы — и на этом, как говорится, погреть руки. Печально, но эта психология гражданской войны разными способами уже давненько находит отклик у раздраженных, неопытных, нетерпеливых людей, не способных или не желающих

направить свою энергию на решение проблем, жизненно важных для общества.

Но я отвлекаюсь. Перейду ко второму и завершающему акту этой трагикомедии коллективного автора.

Изрядное количество бумаги в «антракте» между этими актами было изведено на производство агитационных листков в поддержку Коротича. Их находили в почтовых ящиках, всучивали прохожим прямо на улице. О ходе предвыборной кампании В. Коротича неоднократно сообщал «Огонек». И понятно — своя рука владыка... Но использовать свое, строго говоря, служебное положение для саморекламы дело опасное — в стране с традиционно иной моралью она превращается в антирекламу.

21 февраля в ДК «Правды» проводилось окружное собрание избирателей. На него, как сообщила «Советская культура», не был допущен даже... сам Е. Евтушенко. Но это вопреки мнению газеты означало не зажим демократии, а, напротив, абсолютную законность. Делегаты от трудовых коллективов Дзержинского и Свердловского районов, а также от «простых смертных» жителей этих районов представляли 250 тысяч избирателей. Зал на 700 мест заполнялся строго по пропускам. Представители прессы, заранее аккредитованные, а также представители исполкомов, райкомов партии имели возможность находиться только на балконе. Четкая подготовка исключала инциденты. Митинговали только на улице. Стратегию «группы Коротича» люди постигали на дальних подступах к ДК: голосовать за всех, списком. После того как Б. Ельцин снял свою кандидатуру, кандидатов осталось семеро.

Их программы и биографии были разложены на столиках в ДК и доступны всем уполномоченным. Буфет, отличная работа всей радиоаппаратуры — все говорило о хорошей организации мероприятия. Собравшиеся решили, что каждый кандидат в течение десяти минут изложит свою программу. Три минуты давалось доверенным лицам. Потом шли ответы на вопросы.

Первые записки пришли до собрания. Всего записавшихся набралось сорок пять человек. Левая часть партера в течение всего собрания до промежуточной развязки, о которой ниже, чуть ли не скандировала: «Голосуем списком — и разойдемся». Но делегаты отнеслись к своей миссии ответственно, резонно решив все-таки выслушать каждого. Да и кандидаты отнеслись к этому с пониманием, кроме двоих — Ю. Никулина и В. Коротича. Ответы последнего отличались от выступлений первых не в лучшую сторону. Он уходил от прямых вопросов, все время порываясь произнести некий абстрактно-демагогический спич «в духе времени». Особенно чутко реагировали на эти уловки представители тех предприятий, которые по милости коротичевского «Огонька» попали в разряд «детей Шарикова». Ведь именно рабочих делегатов корреспонденты «Огонька» представили как членов общества «Память» и окрестили «детьми Шарикова».

Затем решено было перейти к прениям и в полном соответствии с законом и проведенным голосованием выслушать всех записавшихся числом, как я уже говорила, сорок пять. Не стану останавливаться на явной неэтичности, которую проявили, гневаясь на абсолютно законное решение собрания, члены редколлегии «Огонька» Ю. Никулин и С. Федоров. Как и сам В. Коротич, они выразили вдруг недоверие и рабочей и избирательной комиссиям. А выразив, попросту развернулись и покинули зал. Тогда делегатов

перерегистрировали — оказалось, из 637 осталось 527, к моменту голосования ушло, таким образом, 110 человек. Хотя, надо сказать, некоторые только сделали вид, что ушли, появившись в других концах зала.

Проверили список записавшихся для участия в прениях. Оказалось, что две трети — отсутствуют. Таким образом, «инициативная группа» Коротича разгневанно вышла, не желая говорить с нами, «детьми Шарикова», к коим, по-моему, они таким образом причислили большинство из 250 тысяч избирателей.

В прениях наметилось несколько тенденций. Критиковали интеллигенцию: «крикуны, демагоги, везде засилье якобы интеллектуалов...» По-моему, в пылу полемики слегка переборщили. Все-таки и честные писатели, такие, как Белов, Распутин, Астафьев, — тоже интеллигенция. Да и директора предприятий, избранные трудовыми коллективами, — тоже. Так что и здесь нам не надо бы излишне разогревать себя и заниматься искусственным разделением.

Явная полемическая незрелость и вопиющая неэтичность, которые проявились в демонстративном уходе двух кандидатов, тоже не ушли от внимания выступавших в прениях.

Интересно заметить, что представители «экстремистской» прессы, как нашей, так и западной (впрочем, сейчас порой трудно отличить одну от другой), ушли вслед за Коротичем, и уже вне стен ДК «Правда» засияли их «юпитеры» и закрутились магнитофонные пленки, записывая, вероятно, слезные жалобы и гневные тирады «обиженных».

В зале же напоследок всем присутствующим «врезал» товарищ Цветов: мафия вы, мол, бюрократы и т. п.

...А результаты голосования известны из газет, Коротич, получив 137 голосов, оказался в числе кандидатов, не избранных окружным собранием избирателей.

У меня почему-то мало надежды, что В. Коротич правильно поймет причины своего провала в этой избирательной кампании.

Мне кажется, избирателям в первую очередь не по душе «экстремизм» «Огонька». Ведь люди теперь не только говорят, но и думают. И многим кажутся весьма странными усилия лично В. Коротича и руководимого им журнала, направленные на разжигание национальной розни, на искусственную стимуляцию борьбы с так называемыми «шовинистами» и «черносотенцами» — то есть с людьми, которые позволяют себе открыто говорить о России, о русском народе, о многих наболевших проблемах, от которых зависят судьбы страны, Отечества.

Да, подумать В. Коротичу есть о чем. Ведь все эти «зловредные», на его взгляд, упрямцы, несмотря на оглушающие историческую память нитраты, тяжелые роки, несмотря на «авторитетное» печатное слово «средств быстрого реагирования», несмотря на многотрудные усилия, направленные на поиски «врагов перестройки» и взращивание потребительской психологии, на отлучение от творческого труда, на дискредитацию семьи и массированную американизацию, — несмотря на все это, безымянные, сливающиеся в сознании самозваных властителей дум в безликую массу с однозначно рабским прошлым, люди не принимают «прессинговой демократии», хотя уж и дубинка заменена на более тонкие инструменты.

И. Викторова,
Москва

ПРИШЛА ПОРА

15 и 23 января 1989 года во Дворце спорта «Крылья Советов» состоялись встречи актива журналов «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия» и «Роман-газеты» с читателями. На них выступили Ю. Бондарев, В. Распутин, В. Белов, М. Алексеев, С. Викулов, П. Проскурин, В. Солоухин, С. Шуртаков, Е. Исаев, В. Ганичев, Вяч. Горбачев, В. Кожинов, В. Бондаренко, А. Байгушев, В. Боков, Ф. Чуев, Е. Юшин, В. Клыков, В. Шипунов, М. Любомудров, А. Кузьмин, М. Антонов, Б. Куликов и другие.

Я увидел и на сцене, и в зале людей, обеспокоенных судьбой русского народа, судьбой его культуры. Основания для такой обеспокоенности есть: состояние экономики страны, а стало быть, и России, положение советского крестьянина, в том числе, вполне понятно, и русского, уровень материальной жизни народа, состояние и охрана природы, которой мы все и всем обязаны, состояние духовной жизни людей, а значит, и культуры — эти и многие другие вопросы звучали в выступлениях писателей, поэтов, критиков, художников, скульпторов, публицистов. Они содержались в громадном количестве записок, поступивших из зала. Конечно, наверное, не со всеми предложениями можно согласиться, вероятно, с чем-то можно и поспорить, что-то могло быть и не сказано, не аргументировано (в 15-минутном выступлении это сделать трудно), но одно несомненно и важно, что оправдывает проведение этих вечеров-встреч: искренность выступавших, принципиальная историко-политическая и нравственная оправданность их исходных позиций. Выступления, конечно, были разные по качеству, по содержательности, по форме, по впечатлению, ими производимому. Идущая от сердца забота об улучшении дел в стране, может быть, имевшая иногда драматический оттенок, для которого, к сожалению, основания все-таки есть, взволнованность выступавших передавалась слушателям. Согласимся: трудно говорить спокойно о наболевшем годами, о явлениях несправедливых или оскорбительных, затрагивающих честь, достоинство целого народа, нации. Выступавшие говорили о роли русского народа в строительстве социализма, но и о клевете на него, о проявлениях русофобии в средствах массовой информации.

У меня, внимательно слушавшего и записывавшего выступления, ни одно из них, при всем сказанном выше, не вызвало возражений. И если действительно то или иное выступление могло быть признано не совсем удачным, я понимал, почему выступавший так говорил. Нужно сказать, что немало выступлений просто поражали публику, даже, вероятно, самую искушенную в идеологических вопросах, и своим содержанием, и сопровождавшим их эмоциональным накалом, что в совокупности вызывало в зале часто гром аплодисментов, одобрительные возгласы, а нередко и овации нескольких тысяч людей. Но если выйти из эмоционального плена и спокойно поразмыслить, то эти выступления при всей кажущейся их сенсационности имели здравый смысл. Вот, например, один выступающий говорит, что Россия поднимается с колен и вынимает изо рта кляп. Можно, конечно, сразу такое заявление оценить чуть ли не как провокационное, политически ошибочное, вредное. Ну а чем оно отличается от заявлений иных разоблачителей и закрывателей «белых пятен», когда они громогласно вещают, что никакого социализма у нас якобы не было, что была только

казарма, бесправие, беззаконие, массовые репрессии и т. п.? Если с этим согласиться применительно к стране в целом, то почему нельзя это сказать по отношению к части, к русскому народу? Все логично. «Русский народ просыпается», — отмечали многие выступавшие.

Думаю, что противники таких выступлений — а они есть несомненно — боятся двух вещей:

1. Пробуждения национального самосознания русского народа, которое действительно долго дремало.

2. Изучение причин долгой «спячки» русского народа приведет к отысканию тех, кто его «усыплял», к виновникам долгого стояния его на коленях, к тем, кто вставлял кляп. А этот вывод, понятно, малоприятен для некоторых: за все это надо отвечать. Таков закон жизни.

На вечерах прямо и открыто назывались те силы, которые, по мнению выступавших, мешают нормальной жизни русского народа и процветанию его культуры. Проще всего окрестить всех выступавших и присутствовавших в зале (15 января, воскресенье — более 6 тысяч, 23 января, понедельник — около 4 тысяч человек) шовинистами и антисемитами. Однако пришла пора, надо объяснять такие явления. Думаю, что они поддаются пониманию.

Не секрет, что в сфере духовной жизни, культуры, искусства, а в прошлые времена и в политической жизни нашего общества было неоправданно большое — по сравнению со всей многонациональной численностью советских народов — представительство евреев. Это вызывало известный перекос в культуре, потому что каждая национальная культура создается преимущественно представителями данной нации, что, разумеется, не исключает участия в ней отдельных представителей и других наций. Но не в этом только дело. Ущербность такой ситуации для развития национальных, и в частности русской, культур состоит в социальном положении евреев в нашей стране — у этого народа, как известно, нет своего рабочего класса и трудового крестьянства. А это дает сионистским кругам пищу для раздувания мифа об особой исключительности еврейского народа, о некой его богоизбранности. Кроме того, у советских людей сильно развито чувство социальной справедливости. А когда советские евреи выезжают, например, в Израиль, провозгласивший своей официальной идеологией сионизм, определенный мировым сообществом как форма расизма, то люди, хотя они и понимают, что каждый человек имеет право на воссоединение родственных уз, дают отнюдь не лицеприятную моральную оценку тем, кто уезжает в расистскую страну, солдаты которой уже много лет истребляют беззащитных арабов, палестинцев.

Поэтому, когда подавались записки из зала о «еврейском вопросе», его легко и доказуемо переводили в «русский вопрос»: легко ли быть в нашей стране русским? Почему нет российской коммунистической партии? Молдавская коммунистическая партия есть, а российской нет. Почему в названии Российского государства нет слова «Россия»? Есть прилагательное: «российская...» В США, народы которых не имеют своих собственных местных корней, высоко чтятся слова «Америка», «американец». Почему в России нет Российской Академии наук, которая была до революции (Казахская, Украинская и другие есть, а Российской нет!), нет печатных изданий, освещающих жизнь именно русского народа (московские

журналы и газеты, кроме одной, — всесоюзные), нет российского канала телевидения (ЦТ «отдано дьяволу», образно сказал на вечере весьма уважаемый писатель, в этом можно убедиться, посмотрев те политические и нравственные непотребства, которыми чуть ли не каждый день ЦТ пичкает миллионы зрителей...)

Подвергался критике понимаемый кое-кем почти буквально лозунг «Мы родом из Октября». Этот лозунг, может, и применим частично, да и то к некоторым гражданам. Например, к Троцкому. Но русский народ, как остроумно заметил один оратор, вырос не на гидропонике. Он был до Октября. Он имеет тысячелетнюю историю, о чем напомнили недавние торжества, связанные с празднованием 1000-летия письменности и принятия христианства на Руси. Отсюда мысли у многих выступавших о национальной символике, о государственном гербе, отражающем долгую историю русского народа.

Многие ораторы с тревогой говорили о том, что сегодня предпринимаются попытки реабилитации Троцкого, тех или иных положений троцкизма, враждебных и советскому строю, и народам СССР, и партии. Особенно активны в этом отношении драматург М. Шатров и «историк» Ю. Афанасьев. К сожалению, с этими утверждениями спорить трудно.

Большинство выступавших выражали уверенность в силе русского народа, чувстве гордости за свой народ. Во имя возрождения духовных богатств и нравственных сил народа предпринимается ряд практических мер (организация Товарищества русских художников, создание народных домов, выпуск Русской энциклопедии). Недавно мы с удовлетворением узнали о создании Всероссийской академии художеств.

И последнее, может быть, самое интересное. На этих вечерах выступили крупные, известные советские писатели, лауреаты, депутаты. Присутствовали тысячи людей. Вечера прошли успешно, без всяких инцидентов. Но телевидение обо всем этом промолчало. И ни одна газета — ни слова! Только «Советская Россия», как говорится, по долгу службы, дала несколько строк. В то же время все газеты дали пространные материалы с фотографиями о результатах... конкурса красоты, на котором первые места завоевали турчанка и израильтянка. Для подробных описаний прелестей победительниц конкурса красоты нашлось и желание, и место в газетах и журналах, а для освещения вечеров, где обсуждались судьбы русского народа и его культуры, ни желания, ни места нет? Как это понять? Как объяснить народу?

Впрочем, спустя некоторое время один отклик — в «Московских новостях» — появился. Но в этом отклике был вылит ушат грязи на тех, кто еще помнит о России, думает о ней. Автор этого отклика — Е. Евтушенко.

Г. В. Матвеец

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Вот уже продолжительное время на страницах журнала «Огонек» и некоторых других изданий идет дискредитация известных современных русских писателей П. Проскурина, Ю. Бондарева, М. Алексеева, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина и др.

От некоторых из них требовали покаяния за так называемое

«письмо одиннадцати», а раскаиваться писателям не в чем. Разве не имели они, как и всякий другой, права выразить свое отношение к критику А. Дементьеву и другим авторам «Нового мира»?

Так в чем же все-таки причина атак на вышеперечисленных писателей? Зависть к чужому таланту? Да, и это не в последнюю очередь, если судить по недавнему так называемому «открытому письму» Ю. Бондареву, где М. Колосов попытался буквально облить грязью выдающегося мастера слова. (Только в запальчивости сочинитель письма, видимо, и не заметил, как облил-то самого себя, раскрыв свои претензии на должности, награды и премии (См. «Огонек», № 1, 1989 г.).

Но, думаю, самой главной причиной клеветы и брани в адрес писателей служит идейное неприятие их произведений. Критиканы не хотят, чтобы люди читали правдивые книги о нашей истории. Вот поэтому-то им и мешают произведения П. Проскурина, Ю. Бондарева и других писателей.

Б. Игошев,
Свердловская область

С большим удовлетворением прочитал статью Вячеслава Горбачева «Арендаторы гласности?». Согласен с ней.

В 1988 году я был подписчиком «Огонька» и честно скажу, что после прочтения каждого номера появлялось неприятное чувство, хотелось тщательно помыть руки.

Для журнала будто нет ничего светлого в нашей истории — истории первого в мире социалистического государства, здесь смакуются самые уродливые явления нашей действительности. Зачем некоторые его авторы пытаются уродовать социалистическую нравственность советского человека и особенно молодежи?

В. Щенникоа,
г. Ярославль

Коротич в своем журнале хвастается, что журнал популярен, расходится большим тиражом. Этот факт он записывает себе в актив.

Я старый коммунист, выписываю «Огонек» вот уже 40 лет. Многие годы выписывал из-за уважения и любви к этому журналу, а с приходом Коротича к редактированию этого журнала тоже подписываюсь, но уже с другими намерениями.

Беру в руки журнал и думаю: ну, что там пишут воинствующие антиперестройщики о нашей жизни? Знаю, что большинство подписчиков «Огонька» берут его в руки именно с такими мыслями — ведь своего противника надо знать.

В. Токарев,
г. Новороссийск

Радостью была для меня встреча во Дворце спорта «Крылья Советов» 23 января 1989 года с любимыми авторами журналов «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-газеты».

Духом чудовищного извращения праздника, накапливания национальной вражды пронизана статья об этом вечере в «Московских новостях» от 31 января сего года. Многотысячная аудитория представлена здесь как сборище националистов, черносотенцев, фашистов, дураков, лентяев, злобных и бесталанных людей с «осоловело стадными глазами».

Почему автор этой статьи, Е. Евтушенко, так отчаянно добивается открытой национальной вражды и жаждет погромов? Или так он восстанавливает свой пошатнувшийся поэтический авторитет?

О. Ипатова,
Москва

Что я хочу сказать после встречи с редколлегиями журналов «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-газеты»? Мне почти 60 лет. У меня трое взрослых детей. И представьте себе, я не помню, чтобы я хоть раз сказала своим детям во время многочисленных «воспитательных» бесед, что мы русские, что у нас своя русская культура, свои духовные ценности, которым мы должны следовать. Какая слепота, какой стыд! Нас самих так воспитывали, кому-то было очень нужно, чтобы мы и наши дети не знали своего роду-племени.

Но теперь другое время. Наконец-то пробуждается народное самосознание.

Е. Батурина,
Москва

В номере шестом газеты «Московские новости» за 1989 год мы с возмущением прочли заметку, написанную Е. Евтушенко. Утверждаем, что никакого антисемитизма на вечере не было. В зале, что вполне естественно, присутствовали и граждане еврейской национальности. Речь в выступлениях шла о проблемах русской культуры, находящейся, в результате многолетних гонений, в крайне стесненном положении.

Выступающие ни слова не сказали против лиц еврейского происхождения, кроме тех, по чьей вине были уничтожены тысячи казаков и их семей в первые годы революции. Прежде всего против Троцкого. Мы приветствуем это выступление, более того, просим вас рассказать на страницах «Молодой гвардии» всю правду о жутких днях «расказачивания». Ведь «Огонек» или «Московские новости» о Троцком никогда не скажут правды, отвлекая весь огонь на Сталина.

Котельников, Межуева,
Пугачева и еще 7 подписей

Мы учились в школе в сороковые-пятидесятые годы. Тогда на всех уроках пения ребята разучивали песни о Родине. На уроках литературы — стихи и прозу о Родине. Школьные вечера не обходились без патриотических песен и стихов. А теперь что? Спросите наших детей, учившихся в семидесятых и восьмидесятых годах,

много ли они слыхали и читали во время учебы патриотических произведений? Так кто же и для чего так «подкорректировал» школьную программу?..

О том, что патриотическое воспитание молодежи сейчас не на высоте, говорят и многочисленные факты отъезда наших сограждан за рубеж. Убегая за границу, главным образом в Израиль, многие из них оседают на Западе, начинают работать там в антисоветских спецслужбах, сионистских организациях. Так что очень правы писатель И. Шевцов и командующий Всесоюзной военизированно-спортивной игрой «Зарница» Герой Советского Союза, маршал авиации И. Пстыго, опубликовавшие в «Молодой гвардии» (№ 7 за 1988 год) беседу «Воспитать патриота». Наш современник должен стать высоконравственным, идейно закаленным гражданином. А для этого на первое место, бесспорно, должно быть вновь поставлено воспитание патриотизма.

Н. Спиридонова,
Е. Глухова,
Ленинград

Только что смогла ознакомиться с публикацией И. Тетерина «Реалисты против экстремистов: полемические размышления о межнациональных отношениях, написанные в Эстонии по следам горячих событий» («Молодая гвардия», 1988 г., № 11). Проблемы, затронутые в статье, не могут не волновать, и мне хочется продолжить начатый автором разговор.

Писатель В. Дудинцев на страницах «Литературной газеты» много говорит о том, что у нас нет национальной интеллигенции... Необходимо возрождать ее в том классическом виде, в каком она была до Октября 1917 года. Но откуда ей быть? После революции одним из главных «методов» борьбы против ленинской концепции национальной культуры стало ее грубейшее извращение (В. Кожинов. «Уроки истории: о ленинской концепции национальной культуры» — «Москва», 1986 г., № 11). Все это привело к тому, что великий русский народ оказался обобран, и не только по части интеллигенции. Недавно прочитала материалы «С отчетно-выборного партийного собрания в Московской организации СП РСФСР («Литературная Россия» от 25 ноября 1988 г.), там говорится об отставании больших народов, о том, что РСФСР не имеет своих республиканских печатных органов, кроме «Литературной России» и «Московской правды» (см. каталог газет и журналов), своей Академии наук... Выходит, не случайно к 1979 году по обеспеченности занятого населения специалистами высшей квалификации с наиболее низкими показателями оказались русские и белорусы — те, которые до Октября имели наиболее высокие показатели по грамотности.

Русский человек, конечно же, имеет возможность слушать русские народные мелодии, романсы, знакомиться с народными ансамблями. Однако это случается очень редко. Все подавляет сейчас убийственная массовая культура и, в частности, рок.

У нас отняты национальные традиции, культура, обычаи; русская деревня, носитель народного духа, вымирает... Несмотря на это, любого русского писателя, с болью говорящего о нашей

беде, обвиняют в национализме и шовинизме. Но ведь те, кто так поступает, и есть самые настоящие националисты.

Журнал «Молодая гвардия», мне кажется, тут на правильных позициях. Подтверждение тому — честные, проникнутые подлинным интернационализмом высказывания эстонского обществоведа Клары Холлик в материале И. Тетерина. Хочется верить, что подобная публицистика — активная, открытая и мобилизующая — поможет нам добиться результатов, в том числе и в сфере национальной политики.

Г. Бессонова,
ст. библиотекарь,
г. Няндома

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 15.03.89. Подп. в печ. 24.04.89. А00880.
Формат 84×108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 20,5.
Тираж 655 000 экз. Заказ 76. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.